

CENTRAL ASIAN ECONOMIC REVIEW

NARXOZ
UNIVERSITY

ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

**CENTRAL ASIAN
ECONOMIC REVIEW
VOLUME 6 (159)**

2024

Central Asian Economic Review

Журнал Қазақстан Республикасының
Ақпарат және коммуникация
министрлігінде тіркелген

Күәлік № 16353-Ж
23.02.2017 ж.

NARXOZ
UNIVERSITY

№6 (159) 2024
1996 жылдан бастап
шыға бастады

Негізін қалаушы
«Нархоз Университеті» КеАҚ
ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

«Нархоз Университеті» КеАҚ
Central Asian Economic Review ғылыми-редакциялық кеңесі

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Бас редактор

Святов С.А. — экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті

Бас редактордың орынбасары

Арыстанбаева С.С. — экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті

РЕДАКЦИЯ АЛҚА

Адамбекова А. А.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті
Байтенова Л. М.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Ғұмарбек Дәукеев атындағы Алматы энергетика және байланыс университеті
Доскеева Г. Ж.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Каптарбаева Ш. М.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Сейтказиева А. М.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан-Британ техникалық университеті (ҚБТУ)
Симанавичене Ж.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Munksgaard Romeris Университеті
Смагулова Ш. А.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Халықаралық Бизнес Университеті
Умирзаков С. Ы.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Абенова Е. А.	— педагогикалық ғылымдар кандидаты, қауымдастырылған профессор, Университет Нархоз
Акимов А.	— Ph.D., профессор, Griffith Business School
Алиханова Р. К.	— Ph.D., ассистент-профессор, Университет Нархоз
Аргынбаева Ж. Ж.	— Ph.D., Ғылыми зерттеу жұмысы бөлімінің бастығы, Нархоз Университеті
Баймағамбетова Л. К.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз университеті
Браувайлер К.	— Ph.D., профессор, West Saxon University of Zwickau
Дюсембекова Ж. М.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті
Елшибаев Р.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті
Ералиева Я. А.	— Ph.D., профессор, Нархоз Университеті
Исабаев М. М.	— Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Ким Д.	— Ph.D., профессор, Университет Нархоз
Кожаммет С.	— Ph.D., профессор, Oxford Brookes Business School
Reazul Islam	— Ph.D., Albukhary International University (AIU), Kedah, Malaysia
Нургалиева А. М.	— Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Оскенбаев Е.	— қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Райымжанова А. Ж.	— Ph.D., ассоциированный профессор Университет Нархоз
Рузиева Э.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Алматинский технологический университет
Сулеев Р. Н.	— Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Сарсенбаева А. Ж.	— «Издательство «Фортуна Полиграф» ЖШС бас директоры, журналдың жауапты редакторы
Каскарауова А.Д.	— Ғылыми зерттеу жұмысы бөлімінің аға координаторы, Нархоз Университеті, журналдың техникалық редакторы

Central Asian Economic Review

Журнал зарегистрирован в
Министерстве информации и
коммуникаций Республики Казахстан
Свидетельство № 16353-Ж
23.02.2017 г.

№6 (159) 2024

Издаётся с 1996 года

Учредитель
НАО «Университет Нархоз»
ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

Редакционный совет
Central Asian Economic Review
НАО «Университет Нархоз»

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Святов С. А. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Заместитель главного редактора
Арыстанбаева С. С. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адамбекова А. А. – доктор экономических наук, профессор, Казахстанский национальный университет им. Аль Фараби

Байтенова Л. М. – доктор экономических наук, профессор Алматинский энергетический университет

Доскеева Г. Ж. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Кантарбаева Ш. М. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Сейтказиева А. М. – доктор экономических наук, профессор, Казахстанско-Британский технический университет (КБТУ)

Симанавичене Ж. – доктор экономических наук, профессор, Университет Mykolas Romeris

Смагулова Ш. А. – доктор экономических наук, профессор Университет международного бизнеса им. К.А.Сагадиева

Умирзаков С. Ы. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Абенова Е. А. – кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Акимов А. – Ph.D., профессор, Griffith Business School

Алимханова Р. К. – Ph.D., ассистент-профессор, Университет Нархоз

Арғынбаева Ж. Ж. – PhD, начальник Отдела НИИР, Университет Нархоз

Баймагамбетова Л. К. – кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Браувайлер К. – Ph.D., профессор, West Saxon University of Zwickau

Дюсембекова Ж. М. – кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Елшибаев Р. – кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Ералиева Я. А. – Ph.D., профессор, Университет Нархоз

Исабаев М. М. – Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Ким Д. – PhD, профессор-исследователь, Университет Нархоз

Кожакмет С. – Ph.D., профессор, Oxford Brookes Business School

Reazul Islam – PhD, Albukhary International University (AIU), Kedah, Malaysia

Нургалиева А. М. – Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Оскенбаев Е. – ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Райымжанова А. Ж. – PhD, ассоциированный профессор Университет Нархоз

Рузиева Э. – кандидат экономических наук, профессор, Алматинский технологический университет

Сулеев Р. Н. – PhD, ассоциированный профессор Университет Нархоз

Сарсенбаева А. Ж. – генеральный директор ТОО «Издательство «Фортуна Полиграф», ответственный редактор журнала;

Каскарауова А.Д. – старший координатор Отдела НИИР, Университет Нархоз, технический редактор журнала

Central Asian Economic Review

This Journal is Registered in the Ministry
of Information and Communication of
The Republic of
Kazakhstan

Document №16353-Ж
23.02.2017 year

Volume 6 No. (159) 2024

*The journal has been published
since 1996*

The Founder
NP JSC «Narxoz University
ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401»

Editorial Board Central Asian Economic Review NP JSC «Narxoz University»

EDITORIAL BOARD

Chief Editor Svyatov S.A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Deputy Chief Editor Arystanbayeva S. S.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>

EDITORIAL BOARD

Adambekova A. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Al-Farabi Kazakh National University</i>
Baytenova L. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Almaty University of Power Engineering and Telecommunications</i>
Doskeyeva G. Zh.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Kantarbayeva Sh. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Seytkaziyeva A. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Kazakh-British Technical University (KBTU)</i>
Simanavicienė Ž.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Mykolas Romeris University</i>
Smagulova Sh. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Kenzhegali Sagadiyev International University of Business</i>
Umirzakov S. Y.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Abenova E. A.	–	<i>Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
Akimov A.	–	<i>Ph.D., Professor, Griffith Business School</i>
Alimkhanova R. K.	–	<i>Ph.D., Assistant Professor, Narxoz University</i>
Baimagambetova L. K.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Brauweiler C.	–	<i>Ph.D., Professor, West Saxon University of Zwickau</i>
Dyussebekova Zh. M.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Yelshibaev R.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Yeraliyeva Y. A.	–	<i>Ph.D., Professor, Narxoz University</i>
Issabayev M. M.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Kim D.	–	<i>PhD, Research Professor, Narxoz University</i>
Kozhakhmet S.	–	<i>Ph.D., Professor, Oxford Brookes Business School</i>
Reazul Islam	–	<i>PhD, Albukhary International University (AIU), Kedah, Malaysia</i>
Nurgaliyeva A. M.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Oskembayev Y.	–	<i>Associate Professor, Narxoz University</i>
Raiymzhanova A. Zh.	–	<i>PhD, Associate Professor, Narxoz University</i>
Ruzieva E.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Almaty Technological University</i>
Suleyev R. N. –	–	<i>PhD, Associate Professor, Narxoz University</i>
Argynbayeva Zh. Zh.	–	<i>PhD, Head of the Research Department, Narxoz University</i>
Sarsenbayeva A. Zh.	–	<i>General Director of LLP "Fortuna Polygraph Publishing House," Editor of the journal;</i>
Kaskarauova A.D.	–	<i>Senior Coordinator of the Research Department, Narxoz University, Technical Editor of the journal</i>

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ

ЖАҒАНДАНУ ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ОБ ОЦЕНКЕ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

З. М. Султанова 8

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ БИЗНЕС: БАСҚАРУ ТЕОРИЯСЫ МЕН ПРАКТИКАСЫ
ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ

WAGE SYSTEM GRADING AS A PRIORITY DIRECTION FOR THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL WITHIN METALLURGICAL INDUSTRY

A. K. Atabayeva, S. V. Polevoy, Z. S. Gelmanova 24

ТҰРАҚСЫЗДЫҚ ЖАҒДАЙЫНДА ҚАЗАҚСТАНДА ШАҒЫН ЖӘНЕ ОРТА БИЗНЕСТІ ДАМУ

Г. К. Уашов, А. Б. Зурбаева, А. Т. Абубакирова 39

КӘСІПОРЫНДАҒЫ ЕҢБЕК ӘЛЕУЕТІН ПАЙДАЛАНУ ТИІМДІЛІГІНЕ БАҒА БЕРУ ӘДІСТЕМЕСІ

А. Е. Жанабай, Р. К. Елшибаев, Г. Е. Жунисбекова 53

KAZAKHSTAN'S PUBLIC PROCUREMENT LANDSCAPE: AN IN-DEPTH REVIEW OVER TWO YEARS

A. O. Tursyn 68

ҰЛТТЫҚ ЭКОНОМИКА: ДАМУ БАҒЫТТАРЫ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОДХОД КАК БАЗОВАЯ ОСНОВА
РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА

А. Т. Тлеубердинова, Ж. Туленбаева, Ж. М. Дюсембекова 83

ПРОБЛЕМА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА РЫНКЕ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ КАЗАХСТАНА:
АНАЛИЗ СИТУАЦИИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

С. Э. Епанчинцева, Г. Б. Саханова, А. Н. Байгелова 97

СОЗДАНИЕ АГРОТУРИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА КАК НОВЫЙ ТРЕНД
В РАЗВИТИИ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ

К. К. Нурашева, А. Т. Агелеуова, Е. А. Абенова 110

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА БЮДЖЕТНУЮ
ПОЛИТИКУ КАЗАХСТАНА

Б. Тагабай, А. О. Жагипарова 126

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В КАЗАХСТАНЕ: АНАЛИЗ И ОЦЕНКА

А. Н. Жанбырбаева, Р. А. Кузембекова, Б. Т. Череева 141

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРЕХОДА К «ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКЕ НА ОСНОВЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
БРЕНДИНГА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

М. А. Амирова, Л. М. Давиденко, С. К. Кунязова 152

CULTIVATING SUSTAINABLE SMART CITY FUTURES: THE POWER OF CREATIVE
ENTREPRENEURSHIP IN KAZAKHSTAN

A. G. Astafyeva, A. S. Kenebayeva, A. I. Nurmagambetova 165

**ИНВЕСТИЦИЯЛАР, ҚАРЖЫ ЖӘНЕ ЕСЕП
ИНВЕСТИЦИИ, ФИНАНСЫ И УЧЕТ**

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ФИНАНСОВОМУ СТИМУЛИРОВАНИЮ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В КАЗАХСТАНЕ Е. П. Шин, Т. Т. Мусабаев, М. Т. Жоламанова	187
REGIONAL FINANCING: BUDGETARY AND ALTERNATIVE OPPORTUNITIES N. Satanbekov, Zh. A. Adambekov, A. A. Adambekova.....	205
ANALYZIN THE WORTH OF STOCKS THROUGH FUNDAMENTAL ANALYSIS: INSIGHTS FROM THE KAZAKHSTAN STOCK EXCHANGE (KASE) Zh. Akinova, A. Faizulayev, Y. Kabildinova	217
ИНТЕГРАЦИЯ БУХГАЛТЕРСКИХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ: ПРЕИМУЩЕСТВА И ВЫЗОВЫ А. К. Низамдинова, А. А. Юферова	230
ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА КАЗАХСТАНСКИЙ ФОНДОВЫЙ РЫНОК А. О. Мауленов, Е. Оразбек.....	241
АНАЛИЗ МЕТОДИК ОЦЕНКИ НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ) Д. К. Байгазинова, Л. А. Омарбакиев, Е. М. Туриспаев.....	253

CONTENT

GLOBALIZATION AND CENTRAL ASIA

ABOUT THE ASSESSMENT OF INTEGRATION PROCESSES DEVELOPMENT IN THE
EURASIAN ECONOMIC UNION

Z. M. Sultanova 8

STATE AND BUSINESS: THEORY AND PRACTICE OF MANAGEMENT

WAGE SYSTEM GRADING AS A PRIORITY DIRECTION FOR THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL WITHIN METALLURGICAL INDUSTRY

A. K. Atabayeva, S. V. Polevoy, Z. S. Gelmanova 24

DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN KAZAKHSTAN
IN CONDITIONS OF INSTABILITY

G. K. Uashov, A. B. Zurbayeva, A. T. Abubakirova..... 39

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE EFFICIENCY OF USING LABOR POTENTIAL
IN THE ENTERPRISE

A. E. Zhanabay, R. K. Yelshibayev, G. E. Zhunisbekova 53

KAZAKHSTAN'S PUBLIC PROCUREMENT LANDSCAPE: AN IN-DEPTH REVIEW OVER TWO YEARS

A. O. Tursyn..... 68

NATIONAL ECONOMY: DEVELOPMENT VECTORS

STRATEGIC MARKETING THINKING AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT
OF REGIONAL TOURISM

A. T. Tleuberdinova, Zh. Tulenbayeva, Zh. M. Dyussebekova..... 83

THE PROBLEM OF IMPORT SUBSTITUTION IN THE DAIRY MARKET OF KAZAKHSTAN:
ANALYSIS OF THE SITUATION AND SOLUTIONS

S. E. Yepanchintseva, G. B. Sakhanova, A. N. Baygelova 97

CREATION OF AGRO-TOURISM CLUSTER IN KAZAKHSTAN
AS A NEW TREND IN DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM

K. K. Nurasheva, A. T. Ageleuova, E. A. Abenova 110

IMPACT OF GLOBAL ECONOMIC CHANGES ON KAZAKHSTAN'S FISCAL POLICY

B. Tagabay, A. Zhagyparova 126

ECONOMIC INEQUALITY IN KAZAKHSTAN: ANALYSIS AND EVALUATION

A. N. Zhanbyrbaeva, R. A. Kuzembekova, B. T. Chereyeva..... 141

CONCEPT OF SHIFTING TOWARDS «GREEN» ECONOMY ON THE BASIS OF ECOLOGICAL
BRENDING: DOMESTIC AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

M. A. Amirova, L. M. Davidenko, C. K. Kunyazova 152

CULTIVATING SUSTAINABLE SMART CITY FUTURES: THE POWER
OF CREATIVE ENTREPRENEURSHIP IN KAZAKHSTAN

A. G. Astafyeva, A. S. Kenebayeva, A. I. Nurmagambetova 165

INVESTMENT, FINANCE AND ACCOUNTING

INNOVATIVE APPROACHES TO FINANCIAL STIMULATION OF INVESTMENTS
IN REGIONAL PROJECTS IN KAZAKHSTAN

Y. Shin, T. Mussabayev, M. Zholamanova..... 187

REGIONAL FINANCING: BUDGETARY AND ALTERNATIVE OPPORTUNITIES

N. Satanbekov, Zh. A. Adambekov, A. A. Adambekova 205

ANALYZING THE WORTH OF STOCKS THROUGH FUNDAMENTAL ANALYSIS:
INSIGHTS FROM THE KAZAKHSTAN STOCK EXCHANGE (KASE)

Zh. Akinova, A. Faizulayev, Y. Kabildinova 217

INTEGRATION OF ACCOUNTING AND MANAGEMENT INFORMATION SYSTEMS:
ADVANTAGES AND CHALLENGES

A. K. Nizamdinova, A. A. Yuferova 230

ASSESSMENT OF THE INFLUENCE OF INTERNAL AND EXTERNAL
FACTORS ON THE KAZAKHSTAN STOCK MARKET

A. O. Maulenov, E. Orazbek 241

ANALYSIS OF METHODS FOR ASSESSING THE TAX POTENTIAL OF A REGION
(USING THE EXAMPLE OF THE EAST KAZAKHSTAN REGION)

D. K. Baigazinova, L. A. Omarbakiev, E. M. Turispayev..... 253

МРНТИ: 06.51.57

JEL Classification: F15, F16, F21, R11

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-8-23>

ОБ ОЦЕНКЕ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

З. М. Султанова¹

¹Евразийская экономическая комиссия, г. Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Измерение результатов евразийской экономической интеграции и исследование причин, сдерживающих достижение ее целей в контексте участия Казахстана в Евразийском экономическом союзе.

Методология исследования. Теоретико-методологической основой исследования являются общенаучные методы познания, экономико-статистические методы анализа данных и компаративный анализ методических подходов к оценке развития евразийской интеграции.

Оригинальность (ценность) исследования. Состоит в обосновании и применении подхода к оценке достижения целей евразийской интеграции путем измерения «частоты наблюдения порога связанности». Анализируется динамика развития общего рынка товаров, услуг, труда и капитала в Евразийском экономическом союзе за период после его создания. Обобщены опыт и проблемы формирования экономической стратегии Евразийского экономического союза.

Результаты исследования. Проведена оценка достижения целей, заявленных в Договоре о Евразийском экономическом союзе. Измерена степень интеграции в целом по союзу и для каждого государства-члена. Рассмотрены преимущества предлагаемого подхода на основе «частоты наблюдения порога связанности» по сравнению с другими подходами. Показано, что на экономику Казахстана интеграционные процессы оказывают относительно слабое влияние, а геополитическая неопределенность в регионе разнонаправленно воздействует на экономику государств-членов и их национальные стратегии участия в союзе. Обобщены опыт и проблемные вопросы стратегического планирования в ЕАЭС, как инструмента развития интеграции.

Ключевые слова: экономическая интеграция, международная торговля, иностранные инвестиции, рынок труда, стратегическое планирование.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации грантового исследования, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № АР19676692 «Структурные изменения в экономике ЕАЭС и их влияние на устойчивое развитие экономики Казахстана»).

ВВЕДЕНИЕ

Евразийский экономический Союз завершает первый десятилетний этап своего развития. Документация и отчеты о деятельности Евразийского экономического союза представлены по направлениям деятельности и не содержит обобщенную количественную оценку развития интеграционных процессов. Анализ стратегических планов союза показывает, что создание общих рынков сдерживается различными обстоятельствами и нередко переносится на более поздние сроки, устранение одних барьеров приводит к появлению новых. В этих условиях успехи евразийской интеграции не столь очевидны. Это делает актуальным исследование достигнутых результатов и разработку подходов к количественной оценке развития интеграционных процессов.

Обзор литературы. Региональная экономическая интеграция в глобальной экономике, как объект научного анализа, исследуется с середины прошлого столетия. По эгидой Организации объединенных наций (ООН) развивается модель «интеграция в целях развития», которая ориентирована на преодоление отсталости и диверсификацию экономик стран-участниц. Всемирная торговая организация (ВТО) выступает за развитие рыночной модели интеграции в различных формах от зоны свободной торговли до региональных объединений с единой валютой, как в Европейском союзе. Модель ООН подходит для развивающихся стран, модель ВТО – для развитых. Интеграционные объединения развивающихся стран более уязвимы, половина из них по оценкам исследователей оказывается неуспешными [1]. В связи с этим международные организации стимулируют исследования по вопросам региональной интеграции развивающихся стран [2, 3] в которых, в частности обосновывается вывод о том, что «системообразующей может считаться территория, способная преодолеть интеграционный порог, который составляет не менее 25% общего объема экспорта между партнерами». В исследованиях евразийской интеграции [4-9] рассматриваются региональные особенности и проблемы развития. Так, в исследованиях Зевина Л.З. [5] содержится комплексный подход к изучению евразийской интеграции с применением интеграционного порога. По мнению автора для евразийской интеграции больше применима смешанная модель, включающая элементы моделей ООН и ВТО. Предлагается пять критериев успешности проекта региональной интеграции. Третий из предложенных критериев состоит в способности повышать экономическую связанность интеграционного пространства. Для измерения связанности предлагается использовать порог в 25% для взаимного экспорта товаров и прямых инвестиций. Поскольку до 2013 года уровень связанности в СНГ составлял 18%, а после событий в Украине существенно снизился, автор осторожно оценивал перспективы евразийской интеграции накануне создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз). Поэтому другие предложенные им критерии оценки успешности интеграционного объединения были связаны с устойчивостью во времени, способностью преодолевать экономические кризисы и повышать свою долю в мировой экономике. Другие исследователи евразийской интеграции [4, 7] считают, что недостаточно фокусироваться на привлекательности и оценке евразийской интеграции. Важно учитывать внутригосударственные трансформации государств-членов. От них зависит интеграционный выбор, который не может считаться окончательным, продолжение интеграции может потребовать новых стимулов и форм сотрудничества.

Представленные выше научные источники были использованы в качестве методологической основы для анализа развития интеграционных процессов в ЕАЭС с обоснованием и применением подхода на основе оценки достижения целей интеграционного объединения с измерениями по индикатору «частота наблюдения порога связанности».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Анализ развития интеграционных процессов логично начинать с исследования целей интеграционного объединения, поскольку они, как было отмечено выше, могут принципиально различаться. Цели евразийского Союза определены в Договоре о ЕАЭС [10] и направлены на: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов; модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Исходя из заявленных целей, в ЕАЭС принята смешанная модель с элементами моделей интеграционных объединений, развиваемых ООН и ВТО. Результативность развития евразийской интеграции через анализ достижения заявленных целей, может быть рассмотрена на основе следующих статистических данных: прирост ВВП и реальных доходов населения, взаимная торговля товарами и услугами, взаимные инвестиции, трансграничные переводы физических лиц.

Анализ показателей валового внутреннего продукта по государствам-членам показывает, что вступление в Союз не оказало заметного влияния на ускорение темпов экономического роста. Это позволяет предположить слабое влияние интеграционного фактора на достижение заявленных целей увеличения

ВВП и доходов населения. Согласно исследованиям Евразийского банка развития участие Беларуси и Казахстана в ЕАЭС должно было обеспечить за 2015-2030 годы дополнительный прирост ВВП на 15% и 4% соответственно [5]. Фактически за 2015- 2023 годы в целом по ЕАЭС общий прирост физического объема ВВП составил 12% или в среднем менее 2% в год, что ниже среднемировых темпов экономического роста. На рисунке 1 показано, что в последние годы на ВВП участников ЕАЭС оказывается более заметное и разнонаправленное влияние по сравнению с предшествующим периодом. Этот период совпадает с усилением геополитической неопределенности, которая влияет на экономику стран-участниц заметно сильнее, чем интеграционный фактор.

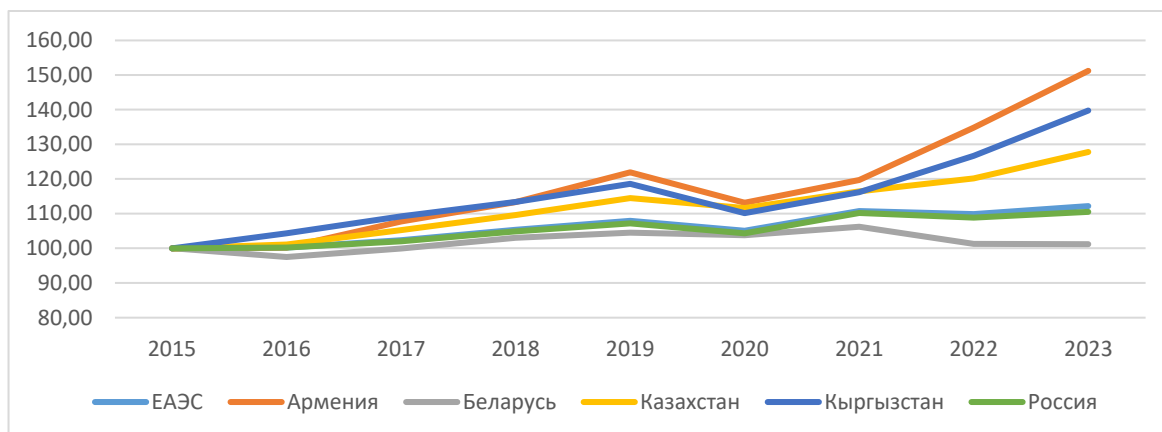

Рисунок 1– Индексы физического объема ВВП в процентах к 2015 году

Примечание – рассчитано автором на основе источника [11]

Сопоставление прироста реальных доходов населения с приростом ВВП, как показано на рисунке 2, свидетельствует о разнонаправленной динамике: в России прирост ВВП заметно опережал прирост доходов населения, в Беларуси наблюдалась обратная ситуация, в Казахстане темпы совпадали. Такая разнонаправленная динамика рассмотренных показателей может свидетельствовать о низкой конвергенции и, следовательно, слабости интеграционной политики в сфере повышения жизненного уровня населения.

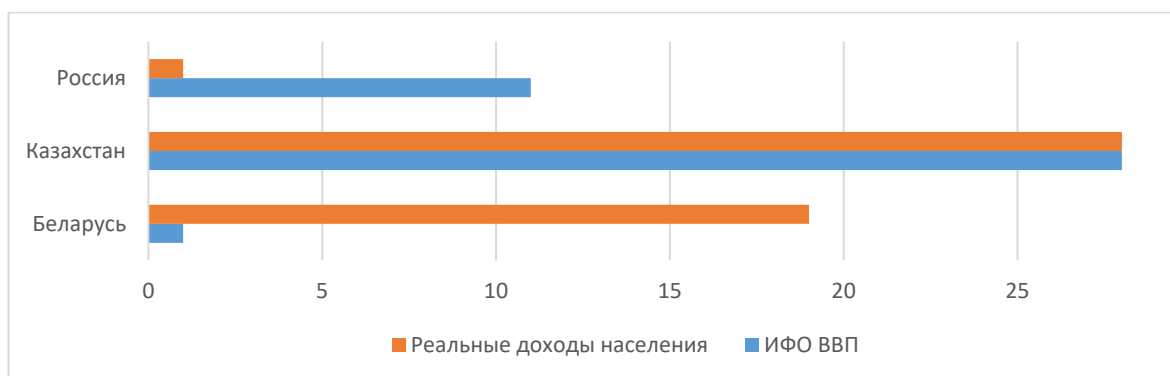

Рисунок 2 – Сопоставление приростов доходов населения и ВВП за период с 2015 года, в процентах

Примечание – рассчитано автором на основе источника [2]

Вывод о слабом регулировании рынка труда подтверждается казахстанскими исследователями, которые показывают, что ситуация на рынке труда Казахстана в период после 2015 года ухудшилась.

Накопленные дисбалансы продолжали усиливать социальные проблемы. Доля «работающих бедных» повысилась от 28% наемных работников в 2002 году до 33% в 2017 году, доля доходов от трудовой деятельности в структуре доходов домохозяйств сократилась с 80,1% в 2015 году до 74,2% в 2018 году и т.д. [12].

Реализацию политики в сферах свободы перемещения товаров, услуг, труда и капитала характеризуют показатели взаимных транзакций. По мнению экспертов [1, 5] устойчивая интеграция характеризуется уровнем взаимных транзакций, при котором их доля составляет не менее 25% от их общего объема. Это так называемый порог связанности, при котором возникает взаимная заинтересованность в поддержании и развитии стабильных отношений между государствами-членами.

В целом по ЕАЭС, как показано в таблице 1, значения индикаторов, характеризующих степень интеграции, наблюдаются ниже порога связанности (25%). За рассматриваемый период взаимная торговля товарами и услугами была ниже порога связанности в 2 раза, взаимные инвестиции – в 8 раз. Имеется экспертное мнение на основе альтернативных источников данных, что взаимные инвестиции в ЕАЭС значительно выше показателей официальной статистики [9]. Это мнение обосновывается в частности тем, что часть инвестиций из офшор можно рассматривать как взаимные инвестиции. Однако, по нашей оценке, офшорные инвестиции ближе к национальным инвестициям, поэтому даже с учетом таких допущений, доля взаимных инвестиций в ЕАЭС вероятно не превышает порог связанности. Таким образом, если оценивать уровень интеграции в целом по ЕАЭС по порогу связанности, то можно прийти к выводу, что интеграция не состоялась.

Таблица 1 – Динамика порога связанности в целом по ЕАЭС, процентов

Рынки ЕАЭС	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Товары	12	14	14	12	13	15	14	12	14
Услуги	11	13	13	10	11	12	11	12	13
Капитал	3	3	3	2	2	2	2	3	3
Труд	25	24	22	25	25	21	21	22	35
Примечание – рассчитано автором на основе источника [11]									

При более детальном изучении интеграционные потоки выглядят не так однозначно. Измерение свободы перемещения трудовых ресурсов затруднено из-за отсутствия надежной статистики миграции и по этой причине остается наименее исследованным. Но свободу перемещения трудовых ресурсов в значительной степени характеризуют показатели денежных переводов между физическими лицами. Эти показатели являются более доступными и релевантными по сравнению с показателями трудовой миграции, поскольку формируются по данным платежных систем и банков. Они отражают трансграничные переводы относительно небольших сумм, как правило, осуществляемых мигрантами на периодической основе в пользу других физических лиц. Статистика таких денежных переводов позволяет рассчитывать индикаторы связанности на рынке труда в ЕАЭС. В таблице 1 показано, что в 2022 году доля взаимных денежных переводов в ЕАЭС составляла 35%, что свидетельствует о достаточном уровне интеграции на рынке труда. В отличие от других рассматриваемых индикаторов интеграции взаимные переводы более оперативно реагируют на изменения в экономике. Так, в условиях геополитической неопределенности в последние годы доля взаимных переводов в Казахстане выросла в 3 раза.

Другим обстоятельством, которое необходимо учитывать при анализе и оценке интеграционных потоков в ЕАЭС является высокая дифференциация государств-членов по размеру экономик. Одна доминантная экономика в силу своих размеров по существу определяет средние по Союзу индикаторы. При этом показатели доминантной экономики, как правило, заметно отличаются от показателей по другим государствам-членам. Если по России доля взаимных денежных переводов составляет 11%, то по другим государствам-членам от 25% в Казахстане до 95% в Кыргызстане. Таким образом, для оценки развития интеграционных процессов в ЕАЭС важно не ограничиваться анализом индикаторов

связанности в целом по Союзу, а исследовать данные по каждому государству-члену.

Рассматривая интеграционные процессы в динамике легко заметить неравномерность их развития. Выделяются временные периоды снижения экономической активности в условиях геополитической неопределенности и пандемии 2020 года. Соответственно оценки уровня интеграции за отдельный годовой период могут оказаться нерелевантными. В этих условиях предлагается измерять порог связанности за весь интеграционный период. Полученная таким образом итоговая оценка будет характеризовать частоту наблюдения порога связанности.

По государствам-членам за рассматриваемый период, как показано на рисунке 3, индикаторы связанности наблюдались с различной частотой за 9 лет с 2014 по 2022 годы. По этому критерию Казахстан является наименее интегрированным государством-членом ЕАЭС с показателями частоты наблюдения порога связанности по услугам 5 раз за 9 лет (или 5/9) и по денежным переводам – 6/9. При этом по денежным переводам у Казахстана самая низкая в Союзе частота наблюдения 6/9. Наиболее интегрированным государством-членом ЕАЭС является Беларусь, где порог связанности наблюдался с высокой частотой по всем анализируемым показателям. Россия ни по одному из рассмотренных индикаторов не имела значений выше порога связанности за весь период наблюдений. В следствие этого в целом по ЕАЭС порог связанности наблюдался только по индикатору доли взаимных денежных переводов с частотой наблюдения 4/9.

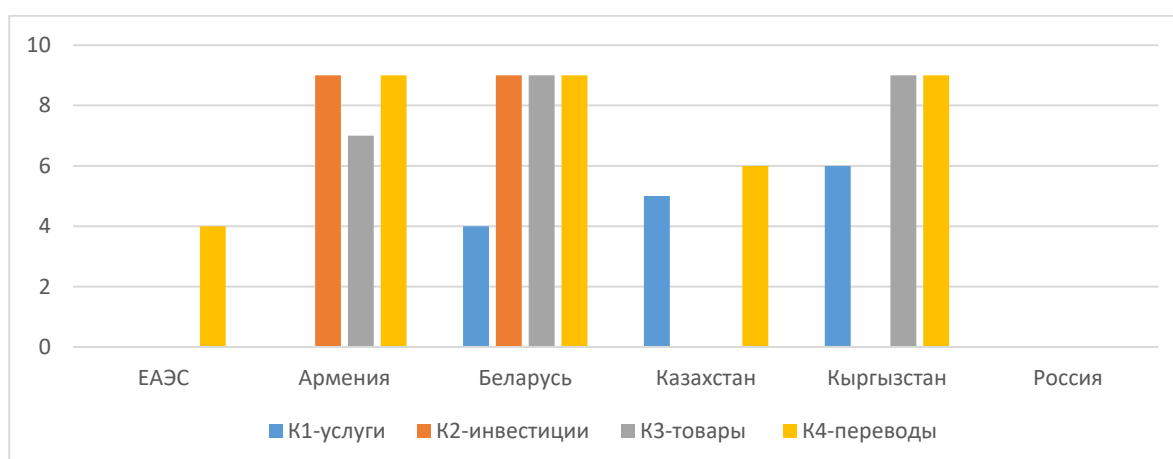

Рисунок 3 – Число случаев наблюдения порога за 2014-2022 годы

Примечание – рассчитано автором на основе источника [11]

Интеграционные эффекты ниже заявленных целей наблюдаются не только в ЕАЭС. Стандартные модели роста почти для 100 развивающихся стран за 1970-2004 годы [4] не позволили выявить устойчивые эффекты роста региональной интеграции на агрегированном уровне анализа даже после использования альтернативных показателей региональной интеграции. При этом, диагностика экономического роста по конкретным странам позволяет предположить, что региональная интеграция может быть сдерживающим фактором для роста. Однако, поскольку торговля и прямые иностранные инвестиции (ПИИ) способствуют росту, а также поскольку региональная интеграция имеет тенденцию увеличивать торговлю и ПИИ, сложился консенсус, что региональная интеграция оказывает положительное влияние на экономический рост в странах-членах (Рисунок 4).

Важным направлением развития евразийской интеграции является расширение регионального рынка. В его основе лежит понимание того, что совместными усилиями можно снизить влияние внешних шоков и упрочить свои позиции на внешних рынках. Исходя из этого принципа, интеграционное объединение целенаправленно проводит политику привлечения других государств и расширения внешней торговли. Основным инструментом этой политики является преференциальный торговый режим. Воз-

возможные индикаторы для анализа достижения целей политики расширения регионального рынка: доля стран, имеющих преференциальный торговый режим, в торговле и инвестициях ЕАЭС, оценка влияния торговли с этими странами на общий объем внешней торговли и др.

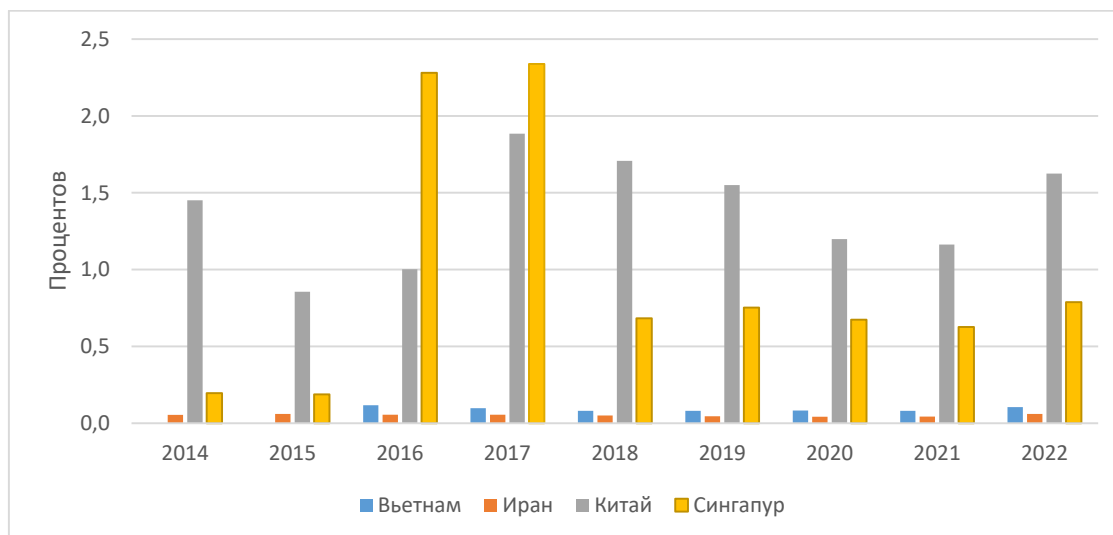

Рисунок 4 – Доля инвестиций из стран в преференциальным режимом в запасах инвестиций ЕАЭС

Примечание – рассчитано автором на основе источника [2]

Преференциальный режим с Китаем установлен в 2015 году, с Вьетнамом – с 2016 года, с Ираном и Сингапуром – с 2019 года. В динамике прямых инвестиций с этими странами по данным статистики ЕАЭС за период с 2015 года наблюдался рост инвестиций из Китая с 4,4 до 10,4 млрд долларов США в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Из Вьетнама в 2016 году наблюдался рост инвестиций с 0 до 777 млн долларов США, без дальнейшего роста. Запасы инвестиций из Сингапура и Ирана за рассматриваемый период не росли, при этом запасы инвестиций из ЕАЭС в год заключения соглашения заметно выросли (с 4 до 12 млрд долларов США в Сингапур и с 3 до 11 млрд долларов США в Иран). Наблюдаемая динамика показывает, что льготный торговый режим активизирует инвестиционную деятельность, но не симметрично, т.е. либо потоки в страну, либо из страны. Наибольший эффект наблюдается в первые годы после соглашения, а в последующий период, как правило, запасы инвестиций не растут или даже снижаются. В следствие этого суммарная доля запасов прямых иностранных инвестиций из государств, получивших преференциальный торговый режим с ЕАЭС, повысилась с 2% до 5% в инвестициях Союза. В динамике запасов инвестиций пик приходится на 2017 год, хотя в этот период было принято всего 2 соглашения о преференциальном режиме, остальные соглашения приходятся на более поздний период. На этом основании можно предположить, что преференциальный режим оказывает стимулирующее, но не устойчивое влияние на инвестиционную деятельность. Влияние льготного торгового режима на экономический потенциал интеграционного объединения ограничено.

В этих условиях особый интерес представляет Методика оценки влияния интеграционных процессов в ЕАЭС на экономику государств-членов Евразийского экономического союза (далее – Методика) [13]. Методика подготовлена Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и утверждена в 2023 году. Методологической основой Методики являются макроэкономические таблицы «затраты - выпуск» (далее – ТЗВ), которые формируются официальной статистикой в государствах-членах в рамках Системы национального счетоводства. ТЗВ содержат производственные мультипликаторы, позволяющие учитывать не только прямой эффект от использования товаров в конкретной отрасли экономики, но и косвенные эффекты в смежных отраслях, которые выпускают ресурсы для промежуточного потребления в исследуемой отрасли.

Методика содержит алгоритмы расчета вклада интеграционного фактора в ВВП государств-членов, а также суммарный интеграционный эффект от взаимной торговли товарами и услугами; от торговли товарами со странами, имеющими преференциальный режим в ЕАЭС, от взаимных инвестиций; от трудовой миграции. Для оценки интеграционного эффекта от трудовой миграции используются показатели личных переводов по данным платежного баланса.

В Методике выделяются две группы показателей в зависимости от их воздействия на ВВП. К показателям, вносящим положительный вклад в ВВП государства-члена ЕАЭС, отнесены экспорт товаров во взаимной торговле; экспорт товаров со странами, имеющими в ЕАЭС преференциальный торговый режим; дополняющий импорт товаров; экспорт услуг; инвестиции в страну; импорт рабочей силы; денежные переводы в страну из государств-членов ЕАЭС. К показателям с отрицательным вкладом в ВВП отнесены замещающий импорт товаров взаимной торговли, импорт товаров из стран, имеющих преференциальный торговый режим; импорт услуг; денежные переводы трудовых мигрантов в государства-члены ЕАЭС.

Каждый из факторов (торговля товарами, торговля услугами, инвестиции и трудовая миграция) анализируется и измеряется по компонентам. В частности, суммарный вклад торговли товарами состоит из вклада от взаимной торговли и от вклада торговли со странами, имеющими преференциальный торговый режим. В свою очередь вклад взаимной торговли товарами определяется как вклад экспорта, дополняющего и замещающего импорта товаров во взаимной торговле, рассчитанные с учетом их прямого и косвенного вклада в ВВП. Аналогично вклад от трудовой миграции состоит из двух составляющих: вклада от труда мигрантов и вклада от их денежных переводов.

Оценки по каждому фактору сравниваются в год до принятия меры, направленной на развитие интеграции, с показателями года введения данной меры в действие. Определенный таким образом прирост считается интеграционным вкладом данной меры в ВВП. Для очистки интеграционного вклада от динамики общемировых процессов проводится корректировка с учетом темпов роста торговли в других государствах-членах СНГ.

Таким образом, в Методике представлен научно-обоснованный подход к измерению влияния интеграционных мер на прирост ВВП. По расчетам на основе Методики в 2022 году интеграционный эффект в виде прироста ВВП составил: в Армении – 1,26 млрд. долларов США или 6,47%; в Беларуси – 8,16 млрд. долларов США или 11,17%; Казахстане – 6,01 млрд. долларов США или 2,69%; Кыргызстане – 1,2 млрд. долларов США или 11,3%; России – 30,3 млрд. долларов США или 1,3%. При этом, основными факторами прироста в Казахстане и Беларуси была взаимная торговля товарами, в Армении и Кыргызстане – трудовая миграция, в России – внешняя торговля и трудовая миграция. На основе расчетов за 2016 и 2022 годы интеграционный эффект растет. Наибольший вклад интеграции в прирост ВВП – в Беларуси, значительные показатели – у Кыргызстана и Армении. В Казахстане и России эффекты в виде долей прироста ВВП ниже, но в абсолютном выражении они больше, чем в других государствах-членах. В среднем по ЕАЭС вклад интеграции в 2022 году оценивался в 1,43% ВВП.

Сравнивая два рассмотренных подхода к оценке развития евразийской интеграции, не сложно заметить их сопоставимость. Оба подхода показывают, что в ЕАЭС без учета доминантной экономики наименьший интеграционный эффект наблюдается для Казахстана, наибольший – для Беларуси. Безусловным преимуществом Методики являются оценки влияния интеграционных мер на ВВП государств-членов в абсолютном и относительном выражении. К слабым сторонам Методики относятся значительные трудозатраты и стоимость формирования и ведения базы данных по макроэкономическим таблицам ТЗВ по пяти государствам-членам. Отчетный период составляет один год, оценки формируются через 2 и более лет после отчетного периода и содержат некоторые допущения, которые могут снижать их достоверность. В частности, для оценки интеграции на рынке труда показатели денежных переводов физических лиц предпочтительнее, чем показатели личных переводов из платежного баланса.

Предлагаемый подход на основе измерения частоты наблюдения порога связанности отличается от Методики по всем перечисленным характеристикам и может рассматриваться как альтернативный. Его преимуществами являются оперативность и простота формирования индикаторов, возможность охвата

любого временного периода развития ЕАЭС и легкость интерпретации полученных оценок.

В целом, оба рассмотренных подхода показывают, что ожидания от евразийской интеграции пока ниже заявленных целей. В связи с этим, предлагается рассмотреть проблемные вопросы управления интеграционными процессами в ЕАЭС.

В ЕАЭС созданы организационно-правовые условия, позволяющие реализовывать поставленные задачи. Решения в Союзе принимаются на основе всестороннего диалога и на паритетной основе. Основными профессиональными принципами деятельности ЕЭК определены неполитизация, баланс интересов, эффективность и прозрачность. Практика показывает, что наличие перечисленных организационно-правовых механизмов не является достаточным условием для эффективного развития интеграционных процессов. Барьеры могут возникать из-за различий между государствами – членами ЕАЭС по размеру и типу экономики, степени реализации рыночных реформ, стимулам участия в интеграционном объединении и другим причинам. В результате предпринимаемые интеграционные меры дают результаты ниже ожидаемых.

Этот вывод, в частности, подтверждается результатами мониторинга макроэкономической устойчивости экономик государств-членов. По согласованию с государствами-членами и по опыту Европейского союза основными индикаторами макроэкономической устойчивости в ЕАЭС определены ограничения по величине дефицита бюджета (менее 3% от ВВП), государственного долга (менее 50% от ВВП) и уровня инфляции (отклонение менее 5 процентных пункта от наименьшего значения в ЕАЭС). Подсчитав количество фактов превышения государствами-членами установленных ограничений по показателям устойчивости, получаем динамику этого процесса, представленную на рисунке 5.

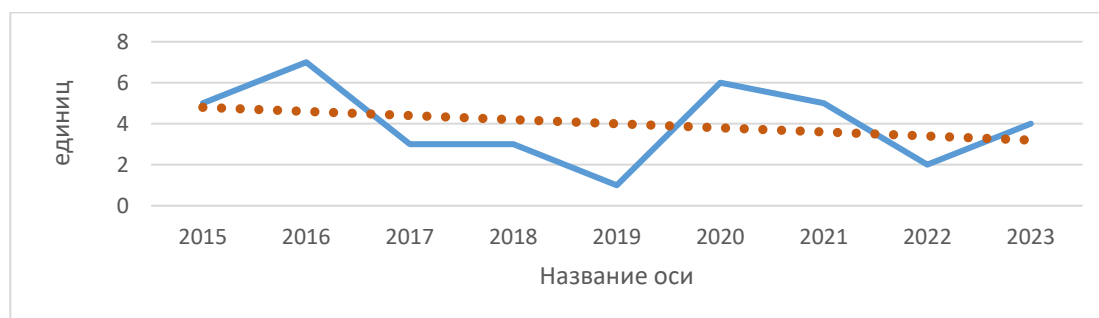

Рисунок 5 – Количество фактов превышения государствами-членами предельных значений показателей устойчивости

Примечание – рассчитано автором на основе источника [14]

По обобщенным данным на рисунке 5 видно, что тренд на соблюдение установленных показателей устойчивости просматривается, что означает повышение макроэкономической стабильности экономик государств-членов с момента вступления в Союз. Однако, процесс не выглядит устойчивым, количество фактов превышения предельных значений показателей устойчивости снижается крайне неравномерно и слабо. Есть мнение [8] что причина такого положения в отсутствии четко определенного механизма, который можно было бы использовать для обеспечения соблюдения установленных критериев. В качестве обоснования этого предположения приводится аналогичная ситуация в Еврозоне, где были определены и нарушены критерии устойчивого внешнего долга и бюджетного дефицита. В результате из-за отсутствия жесткой бюджетной политики и неконтролируемого роста государственных расходов рост долга принял опасные масштабы.

В целом, соглашаясь с данным выводом, необходимо отметить, что в ЕАЭС задача выработки согласованной макроэкономической политики никогда не ставилась в полном объеме, как в ЕС. К тому же евразийская интеграция заметно отличается от европейской, которая характеризуется более высоким уровнем конвергенции, поскольку имеет собственное законодательство и единую валюту.

С целью повышения эффективности управления развитием евразийской интеграции в ЕЭК предпринимаются попытки внедрения стратегического планирования на основе комплексного подхода. Предполагается, что эффект может быть достигнут за счет усиления координации деятельности по всем приоритетным направлениям интеграции в рамках Союза. Первая стратегия ЕАЭС была утверждена 11 декабря 2020 года [15] в целях реализации Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза от 6 декабря 2018 года [16]. План мероприятий по реализации первой стратегии был утвержден в начале 2021 года. Таким образом, разработка первой союзной стратегии заняла не менее двух лет. Подходы и принципы разработки союзной стратегии заимствованы из сложившейся национальной практики стратегического планирования в государствах-членах ЕАЭС. При этом комплексный подход в стратегии в основном был представлен тем, что для реализации мероприятий определялись основной исполнитель и соисполнители. Таким образом, предполагалось обеспечить командную работу специалистов по различным направлениям экономической интеграции. Однако данный прием затруднял мониторинг реализации стратегии и его применение отклонили при разработке следующей стратегии.

В настоящее время принята очередная Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» [17]. Комиссия совместно с государствами-членами разрабатывает план действий по реализации Декларации на период до 2030 года. Обобщая этот опыт, алгоритм стратегического планирования в Союзе представлен на рисунке 6:

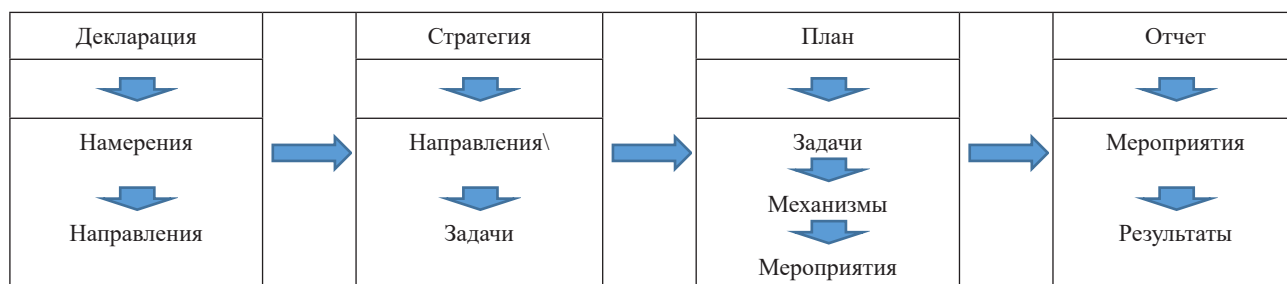

Рисунок 6 – Алгоритм стратегического планирования в ЕАЭС

Примечание – составлено автором на основе источников [15-17]

Первая Декларация ЕАЭС на период до 2025 года была ориентирована на расширение интеграционной деятельности. В ней были представлены все направления интеграционного развития, предусмотренные Договором о ЕАЭС, а также заявлены новые направления (образование, здравоохранение, туризм и др.). Вторая Декларация ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года формировалась в иных геополитических условиях и отличается большей практической направленностью. В ней акценты сделаны на наиболее актуальные для государств-членов направления интеграции. Такие как торговля товарами и развитие совместных производственных и научно-технологических предприятий в основном с целью импортозамещения, а также развитие транспортных коридоров и повышение доли расчетов в национальных валютах. Другие направления интеграционного развития отражены в Декларации в более общем виде. Например, финансовые рынки оказались сферой, где государства-члены в наименьшей степени готовы делегировать свои полномочия на союзный уровень. По этому направлению в Декларации определено минимальное количество задач – три. Для сравнения по рынку товаров, который на протяжении всего периода развития ЕАЭС остается в центре интеграционных процессов, определено свыше 20 задач.

Разработка стратегических программ и планов Союза должна быть увязана со стратегическим планированием в государствах-членах. Это критически важное обстоятельство, которое оказывает непосредственное влияние на развитие интеграционных процессов. Необходимые предпосылки для этого

имеются. Концептуально все государства-члены нацелены на экономический рост в интересах повышения жизненного уровня их населения и повышение конкурентоспособности национальных экономик на глобальном рынке. Однако макроэкономическая ситуация и факторы роста в государствах-членах существенно различаются. Крупные экономики России и Казахстана зависят от экспорта природных ресурсов. Небольшие экономики Армении и Кыргызстана зависят от экспорта трудовых ресурсов. Экономические потоки внутри Союза, включая торговлю товарами, услугами, взаимные инвестиции и денежные переводы, как правило, связаны с Россией. Экономические отношения между другими государствами-членами развиты на порядок меньше или практически отсутствуют. В следствие этого стратегическое планирование в государствах-членах больше ориентировано на национальные интересы, а интеграционный фактор рассматривается как дополнительный.

При таком подходе к стратегическому планированию наблюдается недостаточная согласованность между стратегическими документами на союзном и национальном уровнях. Эта проблема обнаружилась практически сразу после образования ЕАЭС. В 2015 году группой исследователей был проведен сравнительный анализ целевых ориентиров и структурных мер, представленных в стратегических документах Союза и государств-членов [6]. Всего были проанализированы десятки стратегических документов, в том числе 35 по Республике Казахстан. Исследование показало, что цели экономического развития Союза и государств-членов в принципе совпадают. На этой основе среди множества принятых стратегических направлений были выделены наиболее актуальные направления развития интеграции, которые должны способствовать обеспечению сбалансированного и устойчивого экономического развития государств-членов. По выделенным в ходе анализа направлениям интеграции были определены цели, задачи, целевые индикаторы и оценки их достижения. При этом обнаружилось, что достижение многих из заявленных в стратегических документах целей маловероятно. Задачи и целевые индикаторы имели низкую сопоставимость. Например, для оценки диверсификации экспорта в Беларуси применялась доля услуг, в Казахстане – доля несырьевых товаров, в России – доля нефтегазового экспорта в общем объеме экспорта. На сопоставимость стратегических документов также повлияли различия по таким основным характеристикам, как базовые периоды и целевые горизонты планирования, степень детализации и структура описания мероприятий.

Обобщая рассмотрение особенностей стратегического планирования в ЕАЭС, можно выделить три этапа развития стратегического планирования, как инструмента выработки единой экономической политики: до 2020 года, 2021-2025 годы и на период до 2045 года. За эти периоды стратегическое планирование постоянно совершенствовалось. Несмотря на это, в ЕАЭС сохраняется недостаточная согласованность между стратегическими документами на союзном и национальном уровнях, а также за различные временные периоды. В выступлениях глав государств-членов на заседаниях Высшего Евразийского Совета нередко отмечаются проблемы, которые годами не решаются, что свидетельствует о недостаточной эффективности стратегического планирования и реализации экономической политики Союза.

Другие аспекты реализации экономической стратегии ЕАЭС обусловлены изменениями в балансе внешних возможностей государств-членов. В частности, есть исследования [7], по результатам которых обосновывается вывод о том, что внешняя политика Казахстана в отношении евразийской интеграции эволюционировала. Это обусловлено изменением баланса внешних возможностей страны – с неблагоприятного в начале интеграционного процесса на благоприятный по мере роста геополитической неопределенности в регионе. Обоснование данного вывода строится на модели восходящей державы в рамках международного института, предложенной Скоттом Л. Кастнером. Модель выделяет три основных типа стратегии участия в международных институтах: пассивного участия, активного инвестирования и вымогательства или удержания политических и экономических уступок. По мнению авторов исследования после 2014 года Казахстан можно оценить, как восходящую державу, а Россию как устоявшуюся державу в рамках международного института ЕАЭС. Согласно предложенной модели восходящая держава понимается как «страна, которая в прошлом играла незначительную роль в содействии второстепенному сотрудничеству по конкретному вопросу, но которая становится все более

значимым актором в этой проблемной области». Соответственно изменяется тип участия «восходящей державы» в сотрудничестве: стратегия инвестирования в развитие евразийской интеграции сменяется на стратегию удержания политических и экономических уступок. Данный научный вывод подтверждается практикой. В статье «Средние державы способны спасти мультилатерализм» отмечается изменение роли Казахстана на международной арене в связи с тем, что страна впервые попала в список «средних держав» (по версии немецкого центра «Фонд науки и политики» (SWP). Этот новый статус позволяет стране строить отношения с другими государствами на основе мультилатерализма, позволяющего каждому пользоваться привилегиями в отношениях с партнерами [18].

РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

В целом, подводя итог оценке развития интеграционных процессов в ЕАЭС, можно сделать следующие выводы.

Ограниченное влияние интеграционного фактора на национальные экономики отвечает мировым тенденциям. В мире прошла эйфория от глобализации, которая наблюдалась на рубеже веков и выражалась, в частности, в росте количества интеграционных объединений. После пандемии и в новых условиях геополитической неопределенности повышается актуальность оценки интеграционных процессов, государства-члены пересматривают свою экономическую политику в пользу реализации внутреннего потенциала, в том числе используя интеграционный потенциал.

Оценка развития интеграционных процессов может быть получена через анализ достижения целей, заявленных интеграционным объединением.

Участие в ЕАЭС, как показывает анализ статистических данных, пока слабо влияет на темпы роста валового внутреннего продукта и доходов населения государств-членов. Однако, если принять во внимание геополитическую неопределенность в евразийском регионе, то ее влияние на экономику стран-участниц намного заметнее, чем влияние интеграционных мер.

Развитие интеграционных процессов в сфере обеспечения свободы передвижения товаров, услуг, труда и капитала в ЕАЭС предлагается оценивать по индикаторам частоты наблюдения порога связанности за период с начала образования Союза или за любой другой период, в зависимости от целей анализа. Расчеты, представленные в настоящей статье, отражают результаты апробации данного методического подхода.

Подход к оценке развития интеграционных процессов по частоте наблюдения порога связанности представляет собой дальнейшее развитие методологических положений по анализу интеграционных объединений, разработанных под эгидой ООН и ВТО, не требует дополнительных финансовых затрат для применения и отличается простотой интерпретации полученных результатов.

Ранжирование государств-членов по степени интегрированности в ЕАЭС по показателю частоты наблюдения порога связанности совпадает с результатами по Методике ЕЭК, основанной на макроэкономических таблицах ТЗВ.

В целом по ЕАЭС достаточный уровень интеграции наблюдается только на рынке труда по индикаторам частоты наблюдения порога связанности по доле взаимных денежных переводов между физическими лицами.

Расчеты показывают, что для объективной оценки интеграционных процессов в ЕАЭС, в силу неоднородности состава объединения, необходимы оценки по каждому государству-члену и по каждому индикатору связанности.

По государствам-членам ЕАЭС степень их интеграции в объединение существенно различается. Наиболее часто превышение порога связанности наблюдается по Беларуси, не наблюдается – по России. В Казахстане за период с 2014 года порог связанности наблюдался заметно реже, чем по другим не доминантным экономикам ЕАЭС, что свидетельствует о его относительно слабой интегрированности в Союз.

Реализация задачи по повышению макроэкономической устойчивости государств-членов отражает сложность этого процесса. Тренд на соблюдение государствами-членами индикаторов макроэкономической устойчивости не является стабильным. За период с 2015 года количество фактов превышения

государствами-членами предельных значений показателей устойчивости снизилось всего на единицу на фоне трех периодов с обратной динамикой, когда количество фактов возрастало.

Наличие барьеров на пути достижения целей развития интеграции стимулирует поиски методов проведения эффективной и согласованной экономической политики. Союз прошел путь от согласования единой макроэкономической политики в период своего становления до формирования системы комплексного стратегического планирования, охватывающего все направления интеграции.

Несмотря на накопленный опыт необходимо дальнейшее совершенствование стратегического планирования, как инструмента развития интеграционных процессов в ЕАЭС. Основными нерешенными вопросами остаются завышенные целевые ориентиры, отсутствие гармонизации методических подходов на национальном и союзном уровнях, включая недостаточную преемственность и сопоставимость программ и планов во времени.

Успешность развития интеграционных процессов определяется многими внешними и внутренними обстоятельствами. К внешним относятся снижение международной роли глобализации и изменение геополитической ситуации. К внутренним – организационно-правовые условия стратегического планирования, различия в размерах и специализации национальных экономик, а также изменение национальных стратегий участия в Союзе от пассивного участия и активного инвестирования до удержания экономических и политических уступок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dirk Willem te Velde. Regional Integration, Growth and Convergence [Электронный ресурс] // Journal of Economic Integration [Web-сайт]. – 2011. – Т. 26, №1. – С. 1–28. – DOI: 10.11130/jei.2011.26.1.1 – URL: <https://www.e-jei.org/journal/view.php?number=311> (дата обращения: 11.10.2024).
2. Micbaely M. Trade Preferential Agreements in Latin America: An-Ante Assessment // Policy Research Working Paper. – 1996. – № 1538. – World Bank.
3. Martin J.K., Tsangarides C. Trade Reform in the CEMAK: Developments and Opportunities [Электронный ресурс] // IMF Working Paper [Web-сайт]. – 2007. – № 137. – DOI: 10.5089/9781451867484.001 – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Trade-Reform-in-the-CEMAC-Developments-and-Opportunities-21011> (дата обращения: 11.10.2024).
4. Скриба С. Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9, №3. – С. 96–109.
5. Зевин Л.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. – М.: Институт экономики Российской Академии Наук, 2015 [Электронный ресурс] // inecon.org [Web-сайт]. – 2015. – URL: https://www.inecon.org/docs/Zevin_paper_20151105.pdf (дата обращения: 11.10.2024).
6. Пантелеев А., Почтарев Н., Чалая Ю. Национальные стратегии экономического развития государств-членов ТС и ЕЭП: сравнительный анализ и возможности для реализации интеграционного потенциала // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10, №1. – С. 159–182.
7. Roman A. Yuneman. Kazakhstan and the Eurasian Economic Union: From Integration to Political Hold-Up Strategy [Электронный ресурс] // Russia in Global Affairs [Web-сайт]. – 2020. – Т. 18, №4. – DOI: 10.15211/rga.2020.18.4.037 – URL: https://eng.globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2020/12/037-055_.pdf (дата обращения: 18.10.2024).
8. Evgeny Vinokurov. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results [Электронный ресурс] // Journal of Economics [Web-сайт]. – 2017. – Т. 3, №1. – С. 54–70. – DOI: 10.32609/rujec.2017.1.27982 – URL: <https://rujec.org/article/27982/> (дата обращения: 11.10.2024).
9. Малахов А., Серик Е., Забоев А. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития [Web-сайт]. – 2023. – Алматы, 2023. – №5. – URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports> (дата обращения: 11.10.2024).
10. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. Правовой портал [Web-сайт]. – 2014. – URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia05062014> (дата обращения: 11.10.2024).

11. Статистика ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия [Web-сайт]. – 2024. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/ (дата обращения: 11.10.2024).
12. Строева Г. Казахстан в «ловушке» облегченной экономики [Электронный ресурс] // Ekonomist.kz [Web-сайт]. – 2020. – URL: <https://ekonomist.kz/stroyeva/kazakhstan-v-lovushke-syryevoy-ekonomiki> (дата обращения: 11.10.2024).
13. Решение Коллегии ЕЭК от 30 ноября 2023 г. № 168 «О Методике оценки влияния интеграционных процессов в ЕАЭС на экономику государств-членов Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. Правовой портал [Web-сайт]. – 2023. – URL: <http://www.eaeunion.org/#info> (дата обращения: 11.10.2024).
14. Мониторинг экономических показателей государств-членов ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия [Web-сайт]. – 2024. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_makroekonpol_/monitoring (дата обращения: 11.10.2024).
15. Решение Высшего евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия [Web-сайт]. – 2020. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/razvitie-integratsii/npa.php (дата обращения: 11.10.2024).
16. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза от 6 декабря 2018 года [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия [Web-сайт]. – 2018. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/razvitie-integratsii/npa.php (дата обращения: 11.10.2024).
17. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия [Web-сайт]. – 2023. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/razvitie-integratsii/npa.ph (дата обращения: 11.10.2024).
18. Токаев К.К. Средние державы способны спасти мультилатерализм [Электронный ресурс] // Euronews [Web-сайт]. – 28 мая 2024 г. – URL: <https://www.euronews.com/2024/05/28/middle-powers-have-the-power-to-save-multilateralism> (дата обращения: 10.06.2024).

REFERENCES

1. Dirk Willem te Velde. (2011). Regional integration, growth and convergence. *Journal of Economic Integration*, 26(1), 1–28. <https://doi.org/10.11130/jei.2011.26.1.1> Retrieved October 11, 2024, from <https://www.e-jei.org/journal/view.php?number=311>
2. Micbaely, M. (1996). Trade preferential agreements in Latin America: An-ante assessment. Policy Research Working Paper, 1538. World Bank.
3. Martin, J. K., & Tsangarides, C. (2007). Trade reform in the CEMAK: Developments and opportunities. IMF Working Paper, 137. <https://doi.org/10.5089/9781451867484.001> Retrieved October 11, 2024, from <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Trade-Reform-in-the-CEMAC-Developments-and-Opportunities-21011>
4. Skriba, S. (2014). Vyzovy i perspektivy evraziiskoi integratsii posle ukrainskogo krizisa. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 9(3), 96–109. (in Russian)
5. Zevin, L. Z. (2015). O nekotorykh problemakh ekonomicheskogo prostranstva Evrazii XXI veka. Moskva: Institut ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk. Retrieved October 11, 2024, from https://www.inecon.org/docs/Zevin_paper_20151105.pdf (in Russian)
6. Panteleev, A., Pochtarev, N., & Chalaya, Y. (2015). Natsionalnye strategii ekonomicheskogo razvitiya gosudarstv-chlenov TS i EEP: sravnitelnyi analiz i vozmozhnosti dlya realizatsii integratsionnogo potentsiala. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 10(1), 159–182. (in Russian)

7. Yuneman, R. A. (2020). Kazakhstan and the Eurasian Economic Union: From integration to political hold-up strategy. *Russia in Global Affairs*, 18(4). <https://doi.org/10.15211/rga.2020.18.4.037> Retrieved October 18, 2024, from https://eng.globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2020/12/037-055_.pdf
8. Vinokurov, E. (2017). Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results. *Journal of Economics*, 3(1), 54–70. <https://doi.org/10.32609/rujec.2017.1.27982> Retrieved October 11, 2024, from <https://rujec.org/article/27982/>
9. Malakhov, A., Serik, E., & Zaboev, A. (2023). Monitoring vzaimnykh investitsii EABR. *Yevraziiskii bank razvitiya*. Retrieved October 11, 2024, from <https://eabr.org/analytics/special-reports> (in Russian)
10. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskome soyuze ot 29 maya 2014 goda. Retrieved October 11, 2024, from <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia05062014> (in Russian)
11. Statistika EAES. Yevraziiskaya ekonomicheskaya komissiya. Retrieved October 11, 2024, from https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/ (in Russian)
12. Stroeveva, G. (n.d.). Kazakhstan v "lovushke" syr'evoi ekonomiki. *Ekonomist.kz*. Retrieved October 11, 2024, from <https://ekonomist.kz/stroyeva/kazakhstan-v-lovushke-syryevoy-ekonomiki> (in Russian)
13. Reshenie Kollegii EEK ot 30 noyabrya 2023 g. № 168 "O Metodike otsenki vliyaniya integratsionnykh protsessov v EAES na ekonomiku gosudarstv-chlenov Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza." Yevraziiskii ekonomicheskii soyuz. Retrieved October 11, 2024, from <http://www.eaeunion.org/#info> (in Russian)
14. Monitoring ekonomicheskikh pokazatelei gosudarstv-chlenov EAES. Yevraziiskaya ekonomicheskaya komissiya. Retrieved October 11, 2024, from https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_makroekonpol/_monitoring (in Russian)
15. Reshenie Vysshogo evraziiskogo ekonomicheskogo soveta ot 11 dekabrya 2020 g. "Strategicheskie napravleniya razvitiya evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii do 2025 goda." Yevraziiskaya ekonomicheskaya komissiya. Retrieved October 11, 2024, from https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/razvitie-integratsii/npa.php (in Russian)
16. Deklaratsiya o dal'neishem razvitii integratsionnykh protsessov v ramkakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza ot 6 dekabrya 2018 goda. Yevraziiskaya ekonomicheskaya komissiya. Retrieved October 11, 2024, from https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/razvitie-integratsii/npa.php (in Russian)
17. Deklaratsiya o dal'neishem razvitii ekonomicheskikh protsessov v ramkakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza do 2030 goda i na period do 2045 goda "Evraziiskii ekonomicheskii put'." Yevraziiskaya ekonomicheskaya komissiya. Retrieved October 11, 2024, from https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/razvitie-integratsii/npa.php (in Russian)
18. Tokayev, K. K. (2024, May 28). Srednie derzhavy sposobny spasti multilateralizm. *Euronews*. Retrieved June 10, 2024, from <https://www.euronews.com/2024/05/28/middle-powers-have-the-power-to-save-multilateralism> (in Russian)

ABOUT THE ASSESSMENT OF INTEGRATION PROCESSES DEVELOPMENT IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Z. M. Sultanova¹

¹Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

ABSTRACT

The purpose of the study – measuring the results of Eurasian economic integration and studying the reasons that hinder the achievement of its goals in the context of Kazakhstan's participation in the Eurasian Economic Union.

Research methodology – the theoretical and methodological basis of the study are general scientific methods of cognition, economic and statistical methods of data analysis, comparative analysis of methodological approaches to measuring integration processes.

Originality (value) of the study – consists in the substantiation and application of the approach to assessing the achievement of the goals of Eurasian integration by measuring the "frequency of observation of the connectivity threshold". The dynamics of the development of the common market for goods, services, labor and capital in the Eurasian Economic Union for the period after its creation are analyzed. The experience and problems of forming the economic strategy of the Eurasian Economic Union are summarized.

Results of the study – the achievement of the goals stated in the Treaty on the Eurasian Economic Union is assessed. The degree of integration for the union as a whole and for each member state is measured. The advantages of the proposed approach based on the "frequency of observation of the connectivity threshold" are considered in comparison with other approaches. It is shown that integration processes have a relatively weak impact on the economy of Kazakhstan, and geopolitical uncertainty in the region has a multidirectional effect on the economy of member states and their national strategies for participation in the union. The experience and problematic issues of strategic planning in the EAEU as a tool for the development of integration are summarized.

Keywords: economic integration, international trade, foreign investment, labor market, strategic planning.

Acknowledgement. The article was prepared as part of a grant research funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (grant No. AR19676692 "Structural changes in the economy of the EAEU and their impact on the sustainable development of the economy of Kazakhstan."

ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ПРОЦЕСТЕРДІҢ ДАМУЫН БАҒАЛАУ ТУРАЛЫ ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОДАҚТА

З. М. Сұлтанова¹

¹Еуразиялық экономикалық комиссия, Мәскеу, Ресей

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – Еуразиялық экономикалық интеграцияның нәтижелерін өлшеу және Қазақстанның Еуразиялық экономикалық одаққа қатысуы контекстінде оның мақсаттарына қол жеткізуге кедергі келтіретін себептерді зерттеу.

Зерттеу әдіснамасы – зерттеудің теориялық және әдіснамалық негізін танымның жалпы ғылыми әдістері, деректерді талдаудың экономикалық және статистикалық әдістері және интеграциялық әсерлерді өлшеудің әдістемелік тәсілдерін салыстырмалы талдау құрайды.

Зерттеудің өзіндік ерекшелігі/құндылығы – «байланыс шегін байқау жиілігін» өлшеу арқылы еуразиялық интеграция мақсаттарына қол жеткізуді бағалау тәсілін негіздеу мен қолданудан тұрады. Еуразиялық экономикалық одақтағы тауарлардың, қызметтердің, жұмыс күшінің және капиталдың ортақ нарығының ол құрылғаннан кейінгі кезеңдегі даму динамикасы талданады. Еуразиялық экономикалық одақтың экономикалық стратегиясын қалыптастыру тәжірибесі мен мәселелері жинақталған.

Зерттеу нәтижелері – Еуразиялық экономикалық одақ туралы шартта көрсетілген мақсаттарға қол жеткізуге баға берілді. Біріктіру дәрежесі жалпы одақ үшін және әрбір мүше мемлекет үшін өлшенді. Басқа тәсілдермен салыстырғанда «қосылу шегін бақылау жиілігіне» негізделген ұсынылған тәсілдің артықшылықтары қарастырылады. Интеграциялық үдерістер Қазақстан экономикасына салыстырмалы түрде әлсіз әсер ететіні, ал аймақтағы геосаяси белгісіздік мүше мемлекеттердің экономикасына және

олардың одаққа қатысу ұлттық стратегияларына көп бағытты әсер ететіні көрсетілген. ЕАЭО-да интеграцияны дамыту құралы ретінде стратегиялық жоспарлау тәжірибесі мен проблемалық мәселелері жинақталған.

Түйін сөздер: экономикалық интеграция, халықаралық сауда, шетелдік инвестициялар, еңбек нарығы, стратегиялық жоспарлау.

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті (грант № AR19676692 «ЕАЭО экономикасындағы құрылымдық өзгерістер және олардың тұрақты дамуға әсері») қаржыландыратын гранттық зерттеу аясында дайындалды. Қазақстан экономикасының дамуы».

ОБ АВТОРЕ

Султанова Зульфия Медетовна — доктор экономических наук, начальник отдела финансовой статистики Департамента статистики Евразийской экономической комиссии, г. Москва, Россия, zsultanova@bk.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0455-0862>

МРПТИ: 06.77.77

JEL classification: E24, J24

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-24-39>

WAGE SYSTEM GRADING AS A PRIORITY DIRECTION FOR THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL WITHIN METALLURGICAL INDUSTRY

A. K. Atabayeva¹, S. V. Polevoy^{1*}, Z. S. Gelmanova²

¹Karaganda University named after academician E.A. Buketov, Karaganda, Republic of Kazakhstan

²Karaganda industrial university, Temirtau, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of this research consists in need to consider the application of the wage grading model project for the Karaganda Metallurgical Plant in Temirtau town (Karaganda region) for "Qarmet" JSC, with a description of its positive and negative socio-economic aspects.

The methodology of wages calculation (considered and used in this article) is based on the application of KPI indicators in distribution of incentive income of employees. In addition, the article contains a statistical comparison method for visualizing the economic phenomena under consideration around the subject of the presented work.

The scientific novelty (originality / value) of work lies in the possibility of consideration of progressive (graded) payroll system type for a ferrous metallurgy enterprise, which was previously not typical for this industry. Such consideration is important for the future practical implementation of this method of calculation in the aspect of labor relations improving in production realities for human capital development within the industry.

The research findings are presented in the following provisions: The problems of the metallurgical industry in the aspect of remuneration are considered; a model of encouragement for increasing qualitative and quantitative indicators of labor activity is proposed; positive and negative aspects for functioning of such kind of model in practice are reflected; solutions are proposed to overcome negative factors for its practical implementation.

Keywords: grading methodology, wage, human capital, industrial employment, metallurgical industry, efficiency indicators.

INTRODUCTION

Human capital is the basis of well-being for society and the possibility of its productive functioning within the modern economic system of developed countries, as well as for developing countries, that have demonstrated steady economic growth in recent decades. Today's world scientific thought is dominated by a goal-setting approach in need for methods consideration to improve human capital's quality and its development for various industries (production, services, etc.), which is defined as a key basis in the modern knowledge economy and it's anthropocentricity for the development of these management systems.

The biggest part of scientists, who consider the theory of human capital in the specifics of employment of people in enterprises (production, trade or services), identify three significant components of this concept within the framework of employment: education, health, professional mobility (third one is not possible without the best level of development of the first two), as well as the provision of social guarantees to employees (which may include a whole the list of such guarantees: from the preservation of the workplace for a long time to visiting expensive private medical facilities at the expense of the employer's health insurance) [1]. These measures are referred by various authors (in their interpretations) sometimes, as investments into human capital [2, 3].

However, until now, the level of income in the form of wages still stays in role of the most important elements for the citizen's well-being in countries where the traditions of social state institutions and corporate

social guarantees from enterprises are not developed. After all, money can ensure the development of an individual's human capital much faster, better and more expedient at its discretion than waiting for any planned and strictly regulated assistance from the mentioned-above institutions. Therefore, it would be true point to say that obtaining higher and, importantly, fair calculated incomes would be very important for employees of priority areas of domestic industry. It is both important in the aspect of retaining qualified personnel at enterprises, and in the framework of attracting new employees with high work motivation and/or with qualifications that will help ensure the high-quality and innovative potential of their work.

When we consider the situation with the incomes of people in Kazakhstan's realities, using the example of the Karaganda region, which is one of the richest in terms of income, with the second indicator of the human development index in Kazakhstan (after Almaty), which lacks any structural (in terms of management) economic problems for traditional types of poverty and whose population is urbanized by more than 85%, we may think that the population of such a region does not and cannot have any reasons for deprivation and the potential to fall into the category of poor. However, this is far from the case [4].

When region is more economically developed than others, it will be more complicated for ordinary person's life in every aspect. For example: in the demands, required on the quality of its workforce, it will be the higher competition on its labor market, the higher and more expensive standards of living on its territory, population will have more additional economic and social needs.

If we consider that a significant proportion of the able-bodied population of the region works in the mining and metallurgical complex, mining and metallurgical enterprises of which are sometimes the only enterprises for potential qualified employment, then the risks of job loss and subsequent deprivation will be a significant problem for the well-being of residents of this region.

The specifics of this work type associated with activities in the mining industry and in its clear production segment (metallurgical enterprises), what also undermines another component of the human capital of its employees – health.

Traditional curtailment of social guarantees in production facilities does not motivate population to continue working in this industry for the entire metallurgical industry. This situation was observed in all countries of the world during the intensification of fundamentalist market management approaches from the mid-80s to the present day (especially in the countries of the former USSR, Eastern Europe and East Asia) [5].

When we describe the mining and metallurgical complex of Kazakhstan in Karaganda region realities, we can see that this region has a very high index of multidimensional poverty for its optimal economic situation, dictated by the above-described indicators of income and human development. This means that the existing income level of the population of this region is not enough. This factor is very significant, despite the fact that salary of a metallurgist is always higher than the average monthly salary from year to year, as it illustrated by the diagram shown in Figure 1:

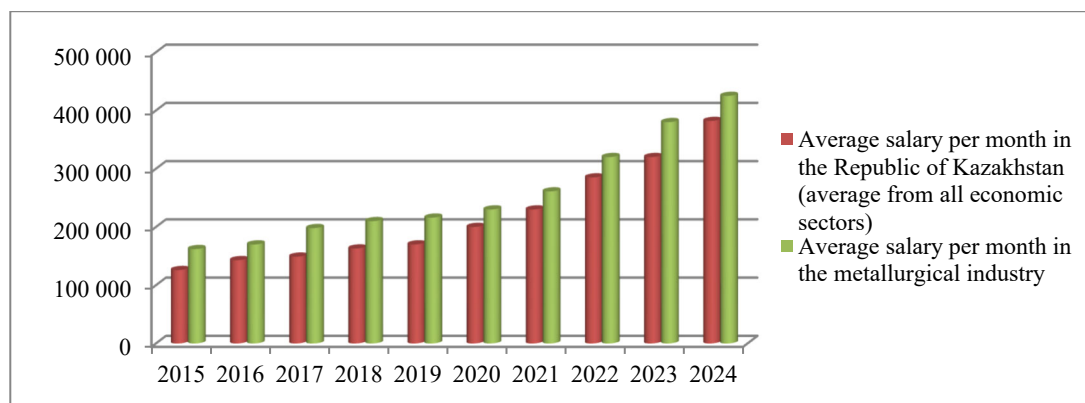

Figure 1 – Average monthly salary in the Republic of Kazakhstan in comparison with the metallurgical industry (dynamic indicators for the last 10 years period)

Note – compiled by the authors based on the source [6]

We can see that Figure 1 illustrates us, that average salary of a metallurgist is always higher than the general level of this average indicator in the Republic. However, this is a complex specificity of employment, which carries significant risks, even for an increased income level (risks of structural unemployment, subsequent forced retraining, serious health and financial problems, which will be caused by the corresponding damage, caused by a monetary solution to these problems at the expense of the employee himself).

Only a monetary approach using in determining of the poverty level is far from point to be always correct, because this method does not take into account the potential estimated costs of intentional and unintended expenses, structural risks, risks related to healthcare, social and other risks, which may negatively affect the formation of human capital in the country, according to a complex employment system in the industrial economy.

The average level of multidimensional poverty in the republic (calculated by the Alkire-Foster method), which one is characteristic for the Karaganda region and its first place in terms of the number of individuals, who usually spend a significant share of wages on debts to banks and microcredit organizations (more than 10% of personal income on average), clearly shows the insufficiency of the existing income level. This factor is reflected in the first pilot project for calculation of the multidimensional poverty index for Kazakhstan, published by the Bureau of National Statistics of the Republic at the end of 2022, at the meeting of Experts on Measuring Poverty and Inequality in Geneva, Switzerland, which took place on December 7-9, 2022 [7].

According to the report of Kazakhstani experts, based on the results of this project, the level of the Karaganda region in terms of multidimensional poverty for 2022 is shown in the diagram from Figure 2 in the following form:

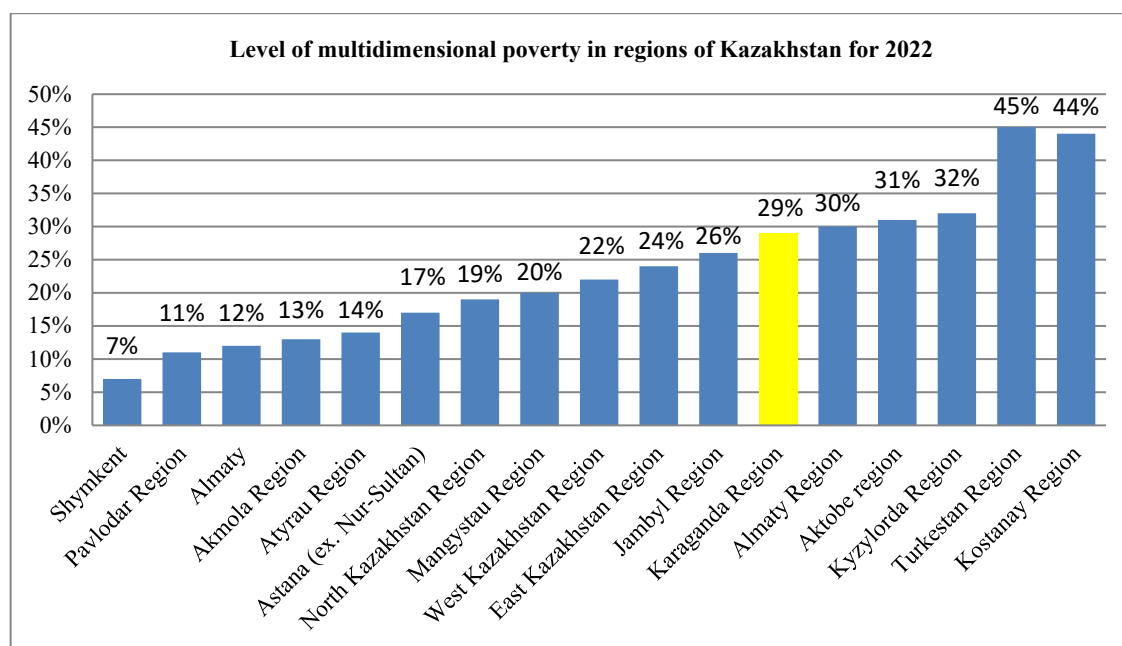

Figure 2 – Karaganda region’s position in terms of the “multidimensional poor” proportion of Kazakhstan’s citizens (in case of structural division of regions)

Note – compiled by the authors based on the source [7]

It is possible to see by the diagram in Figure 2, that Karaganda region occupies the 6th place in the anti-ranking of the multidimensional poor regions of Kazakhstan, and therefore it cannot be named as a region with a high level of well-being and human development in the republican context of consideration.

Therefore, for workers in the industrial sector, what is industrialized in terms of the economic structure of the region, with all the above-mentioned specifics, as the basis of their sense of well-being, as well as the basis for the development of human capital, it is more characteristic to get a long-term place for their job, which one

would give them high salary. This salary should be also fairly corresponding in its magnitude to labor contribution of such workers, in need to optimize money-prize distribution within production process, according to harmful working conditions and the specifics of working activity, which one requires specialized and high qualifications.

The wages calculation at industrial enterprises in post-Soviet countries has a weak focus on the effectiveness of results, which can be achieved during the production process. This situation was created, due to the classical rationing of wages within the established categories and the tariff grid, which one mostly depends on the years service length of approved and long working staff (typical for the industry of planned economies).

Such salary rationing in the realities of a market economy carries a negative context for the activities of industrial enterprises in the CIS countries. Because of it, these industries remain not promising for attracting qualified new personnel in terms of human capital preserving and developing for these enterprises.

In order to motivate working staff and attract new potential employees for an enterprise, the specifics of which involves high health risks, requires a high level of professional education and strongly depends on changes in individual technological processes, management of metallurgical companies should offer their employees a remuneration system, which one will take into account: primarily, the actual results of the employee's activities; secondly, numerous related labor factors; thirdly, environmental factors and fourthly, such a system, what will motivate staff to improve their production performance qualitatively and quantitatively.

Summing up the introductory part, we briefly summarize main problem of the research. A significant part of working population in Karaganda region is as urbanized as possible and it is also employed in the industrial sphere of the mining and metallurgical complex. Since the level of urban life and human development of the region requires very high monetary costs from residents in its maintaining, which increase annually due to inflation in monetary terms, the traditional wage indexation of industrial enterprises does not have time to meet numerous aspects of human capital development: in a personal and in professional aspect for the worker. As a result, we get hidden non-monetary working poverty, which is revealed in various deprivations for working individuals. Meanwhile, this industry is the main source of income for the region. The well-being of workers in this industry is the basis of their human capital in private and a guarantee of the preservation of the industry in a functioning form as a whole for this reason.

In the mixed economy conditions and volatility characteristic of the global metal trading industry, it would be strange to require an employer to develop the social function of an enterprise. It will be against his commercial interests. To resolve the conflict of interests between employee and employer in this industry, it is necessary to use such a method of wage calculation, which will be applicable for the interests of both parties.

The implementation of KPI wage grading system in the metallurgical industry could fix this problem and play the role of such method.

Literature review. Considering the literature about income growth, we agree with J. Behrman and B. Wolfe, that higher education brings a much higher level of income than the initial one, that professional knowledge is the basis for the growth of industrial competence [8]. We also agree with T. Ho, that wage minimization will cause a drop in demand for employer vacancies from highly qualified specialists in special industries [9]. We approve the need to stimulate wages in the aspect of special living conditions for each region (characteristic standard of living, environmental and economic situation), described by A. Jayady, P. Subekti, A.V. Smyshlyaev in their work, where they used the example of considering approaches to calculating wages in Japan [10]. However, we do not approve Japanese approach, based on grading, mainly on seniority, which these authors described. Our purpose is to attract young people to the industry, and therefore such conservative approaches will not improve the situation in the metallurgical industry. We also agree with the conclusions of L.V. Gusarova, that usage of KPI remuneration with limited financial resources is a justified measure that has effectively proven itself in Western Europe at the end of the last century [11].

We support the conclusions of E.V. Trunova, that the implementation of the principle of fair remuneration (according to KPI) will be realized only if the permanent part of the salary corresponds to the value of a particular position for the company, and the variable part depends on the results of the work of a particular specialist and is redistributed in its favor from employees, who have shown low efficiency in terms of KPI factors [12, 13].

This conclusion was reflected many times in works of different sociologists and economists, who specialize in researches of work motivation. We can remind here about Frederick Herzberg with his "two-factor theory of motivation" [14], as well as about concepts of K. Alfeder, A. Maslow, D. McClelland and other scientists, who ever described motivational problems during labor relations [15].

THE MAIN PART OF THE RESEARCH

Methodology of the research. Wage grading is not the most equitable wage system only for the employees of enterprises with the nature of their activities, depending on a number of related and specific factors and indicators for the labor process. This system also works in the interests of employers, since the amount of salaries paid directly depends on the performance of employees in the interests of the company.

Grading is a system consisting of hierarchical levels, named as "grades". The size of the grade directly depends on the amount of remuneration: the higher the grade, the higher the remuneration and vice versa. Grades, in turn, are formed and further classified from a number of performance indicators (KPIs), which this position implies, each grade level has different quantitative characteristics of performance indicators, although for the position itself they should be the same everywhere.

The advantage of the grading system is that the job description (compared to the usual job instruction), what is directly linked to the performance of KPI indicators, and this system does not take into account the main production indicators only, it also takes into account other additional factors in which the employee is involved.

The main difference between a job description and a job instruction is that instead of describing functional characteristics (what an employee should and should not do), it describes mainly the main results that an employee should achieve in his labor position.

KPIs (Key Performance Indicators) are key performance indicators that measure the success and quality of strategic and tactical goals achieving for companies. These indicators can be financial and non-financial both, but moreover, they necessarily depend on the specifics of the business and the strategic priorities of the company.

The advantages of a remuneration system using KPIs are presented in the following aspects:

1. Employee motivation. The KPI system allows us to compare and link remuneration to actual work results, which encourages employees to achieve the best results in both kinds of skills: for soft skills and hard skills;
2. Transparency. Qualitatively and correctly defined KPIs help employees to understand what is expected of them by the employer and how they can increase their salary in this area (this concept covers the job description);
3. Goal setting. KPIs help to build the right goals and work strategy, which contributes to the overall efficiency of the company.

The development of a remuneration system using KPIs consists of five main stages:

1. Determining the goals and KPIs relevant to the industry in question:
 - At first, there is a need to define company's strategic purposes and the prepare applicable KPIs for them;
 - KPIs should be satisfying to the SMART principles: specific, measurable, achievable, relevant and time-limited.
2. Setting of standards and targets:
 - It is necessary to establish norms and target values that will serve as a guideline for evaluating the results for each KPI;
 - The target values should be realistic, but at the same time ambitious enough to encourage employees to achieve better results.
3. Development of a system for calculation of the variable payment part:
 - It is necessary to decide: which part of the salary will be a variable part and how it will depend on the achieved KPIs (it is simply not legal to redistribute the entire salary using the CRI method, since there are minimum wage standards in Kazakhstan, but at the same time the distributed percentage must be high enough to make a difference);

– To define a formula for calculation of variable payments that will be fair and transparent. For example, you can set a percentage of the salary base, depending on the level of achievement of the KPI, or divide it proportionally by the contribution of distinguished employees, based on the total salary fund set for redistribution.

4. Communication and training:

– It is important to inform employees about the new wage system. It is necessary to conduct training seminars and explain how KPIs work and how they affect wages (and will affect the activities of their particular enterprise);

– To provide regular feedback and the opportunity to ask questions about the KPI and the remuneration system to the Human resources department and accounting department.

5. Monitoring and adjustment:

– It is necessary to make regular monitoring about how does this system work in practice and collect feedback from employees at the initial, medium-term and final stages of implementation during the 1st year of operation;

– To be ready for making adjustments to the system, already, at the stage of its implementation, if necessary to improve its efficiency and fairness.

In our opinion, the methodology of using KPI fully complies with ethical standards in the organization of personnel management, since it does not deprive employees of legitimate payments due to them. It is suitable enough according to the norms of labor law in the Republic of Kazakhstan. 75% of the salary, which contains all the basic payments due to the employee, are fixed in this (main) part of the salary according to this methodology. An ethical problem can arise only in the correctness for implementation of an employee's production indicators, when organization redistributes 25% of the motivating part of wages between employees who have distinguished themselves from employees who have not reached the necessary level of production indicators. However, this is a honesty problem of personnel services in this management area. That's why there are no problems about ethics in KPI method using, since the application of this approach has successfully proven itself in enterprises of many developed and developing countries.

Results of the research (model creation). Let's consider the project of grading wages (salaries for wages), which is going to be implemented by the ferrous metallurgy enterprise Karaganda Metallurgical Plant of "Qarmet" JSC in Temirtau, using the example of the KPI calculation model below.

The planned model is based on the relevant conditions:

1. The basic wage fund is 75% (all monetary allowances for harmfulness are included in it in advance, in order to be suitable according to the fundamental norms of social compliance with Kazakhstani laws in the field of labor protection and specifics of human capital in the metallurgical sector);

2. The variable wage fund is 25% (this fund is the basis for the redistribution of income in favor of employees who have shown the most effective work results from employees who have not fulfilled the established indicators);

3. KPI indicators consist of 10 factors (7 main, 3 additional). The factors for managers should include indicators for subordinate employees.

Additional factors, as well as the main ones, affect on the distribution of bonuses among distinguished employees. This is an extremely important aspect for attracting young people to industry, who are weak employees in terms of hard skills, because they can significantly benefit in terms of remuneration due to demonstrating maximum loyalty to the employer, which in turn is an important indicator of the quality of corporate culture improvement. These indicators may be different, depending on the tasks assigned to employees, in direct relationships with their functionality, presented in the job description.

All these indicators were considered in the grading design model and now they are presented in Table 1 below:

As we can see from the descriptions, presented in Table 1, this grading model takes into account both: the main and indirect factors of labor activity, presented factors are very differentiated and take into account many aspects of labor participation from simple employees to the heads of structural divisions of the enterprise.

Table 1 – Factors for the salary grading project model, which were developed for “Qarmet” JSC as part of the wages transformation process in short term

KPI					
Factor		Indicators	Categories of achievements (for factors) for one month of work		
			A	B	C
Main factors	1	Labor discipline	More than 7 factors	7 factors	Less than 7 factors
	2	Safety precautions			
	3	Hard skills (included into job description)			
	4	Soft skills (included into job description)			
	5	Labor productivity			
	6	Loyalty			
	7	Trainability			
Additional factors	8	Team work (participation within)			
	9	Innovativeness/Input for innovations			
	10	Engagement (into main and additional labor process)			

Note – compiled by the authors

However, considering the performance categories (their achievements in the monthly period), presented on the right side of the table (A, B, C), we need to specify them. To do this, we need to consider them separately in the table 2, below:

Table 2– Efficiency categories for the KPI-based grading model for the project in question

KPI categories (planned)		
> 25%	25 %	< 25%
A	B	C

Note – compiled by the authors

We can observe three categories of efficiency in table 2, where employees can fall into, according to presented additional KPIs: category "A" - the category of employees, who successfully achieve or exceed all their personal working plans for these indicators; category "B" - the category of employees, who fulfill the declared KPIs completely or almost completely, as well as category "C" - the risk category of employees, who do not fulfill KPIs. They are potential candidates to be fired by employment contract, due to non-fulfillment of its terms.

We will consider the calculation of the maximum possible planned amounts of incentives within the context of the estimated salaries, which presented in Table 3. The maximum amount of encouragement can be achieved by an employee upon completion of the maximum KPI, amounting to 25% of the surcharge for the fulfillment of basic and additional indicators.

Table 3 – Demonstration of the presented planned KPIs for various types of salaries at the ferrous metallurgy enterprise – “Qarmet” JSC (salary volumes are as close as possible to the original values)

Personal data part		Current month			
Employee's name	Salary (tenge)	KPI (plan)			
		%KPI (meaning)	%KPI	Factor of KPI	Sum of KPI
1	199 904,77	0,25	25%	7,00	49976,19
2	141 716,66	0,25	25%	7,00	35429,17
3	137 942,86	0,25	25%	7,00	34485,72
4	236 500,00	0,25	25%	7,00	59125,00
5	296 897,61	0,25	25%	7,00	74224,40
6	236 500,00	0,25	25%	7,00	59125,00
7	159 923,80	0,25	25%	7,00	39980,95
8	316 550,00	0,25	25%	7,00	79137,50
9	263 150,00	0,25	25%	7,00	65787,50
10	202 714,29	0,25	25%	7,00	50678,57
11	316 550,00	0,25	25%	7,00	79137,50
12	277 676,16	0,25	25%	7,00	69419,04
13	263 150,00	0,25	25%	7,00	65787,50
14	200 495,25	0,25	25%	7,00	50123,81
15	119 942,86	0,25	25%	7,00	29985,72
16	328 150,00	0,25	25%	7,00	82037,50
17	316 550,00	0,25	25%	7,00	79137,50
In total	4 014 314,26				1003578,57

Note – compiled by the authors on the basis of salary, which one amounts close to the real value of salaries of employees from "Qarmet" JSC

In table 3, what is located above, we can clearly observe the maximum possible amounts of salary increases, however, which can be achieved in practice. However, such situation is not possible in view of the differentiation of production processes and the human factor, as may be evidenced by the possible situation with the actual KPIs presented in table 4:

Table 4 – Demonstration of free funds formation (based on the results of actual labor achievements, expressed in the values of achieved/unachieved indicators), based on the presence of actual KPIs for various types of salaries at the “Qarmet” JSC enterprise

Personal data part		Current month					
Employee's name	Salary (tenge)	KPI (plan)	KPI (fact)				Undistributed KPI
		Sum of KPI	%KPI (meaning)	%KPI	Factor of KPI	Sum of KPI	Sum of KPI
1	199 904,77	49976,19	0,18	17,86%	5,00	35697,28	14278,91
2	141 716,66	35429,17	0,21	21,43%	6,00	30367,86	5061,31
3	137 942,86	34485,72	0,25	25,00%	7,00	34485,72	0,00
4	236 500,00	59125,00	0,18	17,86%	5,00	42232,14	16892,86

5	296 897,61	74224,40	0,21	21,43%	6,00	63620,92	10603,49
6	236 500,00	59125,00	0,25	25,00%	7,00	59125,00	0,00
7	159 923,80	39980,95	0,18	17,86%	5,00	28557,82	11423,13
8	316 550,00	79137,50	0,21	21,43%	6,00	67832,14	11305,36
9	263 150,00	65787,50	0,25	25,00%	7,00	65787,50	0,00
10	202 714,29	50678,57	0,18	17,86%	5,00	36198,98	14479,59
11	316 550,00	79137,50	0,21	21,43%	6,00	67832,14	11305,36
12	277 676,16	69419,04	0,25	25,00%	7,00	69419,04	0,00
13	263 150,00	65787,50	0,25	25,00%	7,00	65787,50	0,00
14	200 495,25	50123,81	0,18	17,86%	5,00	35802,72	14321,09
15	119 942,86	29985,72	0,21	21,43%	6,00	25702,04	4283,67
16	328 150,00	82037,50	0,25	25,00%	7,00	82037,50	0,00
17	316 550,00	79137,50	0,25	25,00%	7,00	79137,50	0,00
In total	4 014 314,26	1003578,57				889623,80	113954,76

Note – compiled by the authors on the basis of salary, which one amounts close to the real value of salaries of employees from "Qarmet" JSC

As it can be observed from information, based on the situation in table 4, the failure of individual employees to achieve KPIs amounts would be useful to create some free funds for their potential redistribution among the employees who have distinguished themselves by performing production tasks and factors in accordance with most of the factors above (for that kind of workers, who did their job perfectly). It would be quite honest among them, that free salary fund should be distributed for their fair motivation, to increase production indicators and as a reward for their achieved indicators of the period.

According to category "C", the following rule can be established: if an employee falls into this category several times a calendar year (more than 4 times) and/or reaches it systematically from month to month, then in this context, it is necessary to consider the termination of the employment contract with this employee, due to the inconsistency of the position – but only on the basis of taking into account the preservation of normal conditions at work and after the expiration of the probation period for this employee.

Employees, who have fulfilled their KPIs within the normal value, or above it, should receive their legitimate payments with plus to the main part of the salary, based on a comparison of internal indicators and job description standards among the category of distinguished employees. An example of such a situation is presented in table 5:

Table 5 – An example of the free funds distribution, which one is based on the presence of actual KPIs for various types of salaries at the ferrous metallurgy enterprise of “Qarmet” JSC (as an incentive for employees who have reached the maximum from possible KPIs)

Personal data part		Current month	Current month		
Employee's name	Salary (tenge)	Undistributed KPI	KPI (redistribution by 3 additional factors)		
		Sum of KPI	% KPI	Factor of KPI	Sum of KPI
1	199 904,77	14278,91	0,00%	-	-
2	141 716,66	5061,31	0,00%	-	-
3	137 942,86	0,00	23,08%	3,00	26297,25
4	236 500,00	16892,86	0,00%	-	-
5	296 897,61	10603,49	0,00%	-	-
6	236 500,00	0,00	23,08%	3,00	26297,25
7	159 923,80	11423,13	0,00%	-	-

8	316 550,00	11305,36	0,00%	-	-
9	263 150,00	0,00	15,38%	2,00	17531,5
10	202 714,29	14479,59	0,00%	-	-
11	316 550,00	11305,36	0,00%	-	-
12	277 676,16	0,00	15,38%	2,00	17531,50
13	263 150,00	0,00	7,69%	1,00	8765,75
14	200 495,25	14321,09	0,00%	-	-
15	119 942,86	4283,67	0,00%	-	-
16	328 150,00	0,00	7,69%	1,00	8 765,75
17	316 550,00	0,00	7,69%	1,00	8 765,75
In total	4 014 314,26	113954,76	99,99%		113 954,75
Note – compiled by the authors on the basis of salary, which one amounts close to the real value of salaries of employees from "Qarmet" JSC					

The data (presented in table 5) are linked in the distribution of income, which comes from the total amount of the unallocated incentive portion of wages, therefore, percentages of this amount are distributed in appropriate proportions for 1 KPI unit, which can be calculated on the basis of the total amount.

Of course, the wage grading model has a number of limitations. First of all, it is limited by the established salary amounts, since the bonus fund of 25% is considered to be from determined salaries, which are often set for one reporting period (a financial year) in industrial enterprises. Secondly, the salaries themselves depend directly on the efficiency and profitability of production and its output, which are too volatile in the global steel markets.

However, for the most part, the problems that arise with the KPI method in wages are related to the profitability of the enterprise and management estimates of workers' labor, rather than with any mathematical component.

The only solution to the methodological problems with the KPI method (in order to match the production realities) would be quarterly wages indexation and determination of the wages premium part in differentiated percentages, what will be corresponding enough to the specifics of payroll for individual structural units.

Discussion. Why is grading so well suited for the wage system in the metallurgical industry? Let us consider the explanation of this thesis on the example of the Karaganda Metallurgical Plant, an enterprise of "Qarmet" JSC in Temirtau, engaged in the production of ferrous metallurgy products (mainly of rolled steel).

Foremost, the use of this of labor stimulation method favors this industry due to the format of companies engaged in the production of metallurgical products.

Companies growth and expansion, approved by an increasing number of employees, the opening of branches and structural divisions within them, make companies less manageable. In such conditions, there are many risks of unproductive employment, both types of them for individual employees and for entire departments consisting of them. These risks, in turn, lead to dangers of over-planned costs, which ferrous metallurgy ventures, basically, cannot manage due to the high level of competition within the worldwide steel markets (particularly metallurgical companies in Kazakhstan, encompassed by Chinese, Russian and Indian competitors, where the industry can bear a much bigger number of representatives and innovative forms can be making strides with higher elements).

At the same time, the problem of the scale of metallurgical production cannot be solved by a simple method of production optimizing - by cutting structural components and breaking down production and technological relationships, built over the years.

The metallurgical enterprise of the Karaganda Metallurgical Plant is a vertically integrated production complex, which has its own coal, iron ore and energy base. If at least one of the structural elements of this complex was stopped, all other parts and the production complex itself would also become unprofitable. This situation threatens significant part of the region's population to lose their work. Welfare of the region will lose

its lion's share of export revenues, since most of the main and auxiliary processes of the region's activities are concentrated in single-industry towns, where business life directly and critically depends on the functioning of each of the structural elements of this complex.

There is no need to talk about the quality of human capital in possible situation of such a social disaster. The situation for the social sphere of regions and towns with the presence of such enterprises in a market economy is essentially stalemate, but this was the format of Soviet urban policy, when cities developed neither as points of trade environment, but as an accompanying infrastructure to support the life of industrial enterprises. Therefore, the only way to avoid a social explosion that can cause the destruction of industrial complexes in such regions and cities in post-Soviet countries is their gradual optimization and transformation into durable, competitive and population-friendly economic institutions.

Such optimization should be achieved in planned, gradual context. But, at the same time, it should develop everywhere, primarily affecting the human factor, because workers are the main tools for the development of any industry during the predominance of industrial development concept within the framework of the "knowledge economy". Inspiration of employees is the key to such a positive and compelling change of the endeavor human capital to extend generation comes about, which is assumed to be accomplished as a result of the reviewing application methods.

At the second point, the strategy of compensational calculation through the reviewing framework invigorates human labor in metallurgical industry not as it were done with rewards for hurtfulness, but moreover with actual incentives for qualitative labor performance improvement.

It is rare thing to find an enterprise or company with such a progressive wage system in metallurgical single-industry towns of Kazakhstan, such as Balkhash (non-ferrous metallurgy) and Temirtau (ferrous metallurgy).

Allowances for harmfulness to metallurgist's wages can increase their actual salaries. However, they actually scare potential employees for this job and make them staying away from involvement in the labor process. Each potential worker gets it, that all extra installments, benefits within the shape of wellbeing centers, the issuance of extraordinary clothing at the cost of the venture, sanatoriums, nourishment items, etc. can be given to him not for his effectiveness at all, but rather as a cheaper payment for the deterioration of the main indicator for human capital in enterprise – the health of the employee.

According to this statement, more mobile groups of population in the form of youth from 20 to 30 years old would try to find work in single-industry towns, which will not be related to the main town-forming enterprise. On the other hand, they can try to change their place of residence, which in the nearest future will lead to an outflow of residents from these single-industry settlements and to their desolation respectively. Consequently, it will lead to the declining of the country's metallurgical industry in the medium term. It will be destroyed as an independent branch of national economy.

Grading will help to smooth out the negative context of this phenomenon, since progressive wage calculation is a really high-quality incentive for a younger and healthier population to work proactively, especially at a time when other single-industry enterprises (with rare exceptions) do not have a similar labor simulation system.

The implementation of such a wage measure at the main town-forming enterprise will stimulate its promotion in companies, which carry out work under the guidance or orders of this metallurgical enterprise. Temirtau is "home-place" to several dozen businesses that collaborate with the Karaganda Metallurgical Plant; their combined size already makes up over 30% of total business activity in the area. The development of qualitative wage indicators has the potential for a serious multiplier effect in quality improvement for production indicators in many business areas of same towns and the region at all.

According to the information above, it can be clear, that there are currently no better alternatives for the development of a wage system in single-industry towns, related to metallurgy (which would satisfy the interests of both in this sphere: the employee and the employer).

Of course, the grading system also has a number of negative aspects for its implementation:

– for the first of all, since the allocation of roles and promotions frequently depends on annual performance,

a grading system delays the acquisition of an industrial career position (career promotion), even though this is the best time to review people services positions. If an employee wants to quit before the end of the year, this system does not motivate him to be effective;

- grading system “cements” the mobility of structural changes in unstable economic situation, it will not be able to contribute to the rapid restructuring of the functional responsibilities of employees of the enterprise;

- grading system can become a tool to get rid of "superfluous" and "undesirable" employees at the discretion of the company's management (according their personal relationships with employees);

- with significant macroeconomic changes, related to wage increases in the industry, the company will also have to respond on them by raising the average salary level of its employees. However, this situation will create a contradiction, because the results of the employees may not have changed, and the salary has increased. Then what is the usefulness of such a technique, if it still depends on the context, which one is out of internal structure of our metallurgical enterprise?

These problematic factors can be resolved and leveled by a competent management policy of the enterprise, the format of which we offer and consider:

Firstly, when we solve personnel/career issues, an enterprise can prescribe exceptions for revision and career promotion/demotion, as part of the employee's achievement of the required total value of KPI indicators during one financial year, without waiting for the start of another, and prescribe such a value for each position;

Secondly, the mobility of structural changes does not depend on the enterprise budget and its remuneration alone, this aspect is influenced by too many factors and the aspect of accounting for motivation in wages plays far from the first role here. After all, on the other hand, a decent additional payment to distinguished employees in such conditions does not contradict the grading system in the context of staff motivation. It only accelerates its impact in the rapid implementation and updating of production technology.

Thirdly, the problem of honesty and impartiality in the dismissal of employees is not determined by the desire of the Head management and HR, but should be strictly regulated by professional standards in the established job description on aspects of performance of labor indicators, since only their observance can correctly implement the correct observance of grading methods in the enterprise.

The only one unsolvable aspect in this situation, in our opinion, is the fourth – the macroeconomic one, related to the overall wage growth on a national scale. However, when we know the fact, that wages in metallurgy as a whole industry are always higher, than the average salary in Kazakhstan, the fourth problematic factor does not threaten the industry due to the specifics of usual profitability for its employees.

CONCLUSIONS

To summarize the above, the following conclusions can be drawn from this research:

- The human capital of the metallurgical industry is dependent on the monetary factor, since the level of provided social guarantees does not solve the entire complex of problems associated with it;

- The wage incentive mechanism with KPIs using in the ferrous metallurgy industry is innovative for it and will have practical significance for both of its staff indeed: for management and for employees;

- The negative aspects of salary grading system introducing, which will be based on KPIs at the initial stage, can be neutralized by the terms of the employment contract and allowances for employees, who did not have time to integrate into the new order quickly at the beginning of the implementation of the model (in the first year of its application).

The grading system has a lot of advantages and disadvantages in terms of practical implementation for the development of human capital of an enterprise, however, its undoubted and inherent advantage is that employees receive rewards based on their performance in the short term. This is exactly that point, which one metallurgical worker and any other employed staff of all manufacturing industries in Kazakhstan would really like to see.

REFERENCES

1. Пьянова М.В., Лавник Р.В. Структурные элементы человеческого капитала и факторы, определяющие их развитие // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016. – № 5. – С. 182–186.
2. Вандышева О.П. Источники формирования инвестиций в человеческий капитал// Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. - 2015. – №8 (4). – С. 27–35.
3. Устинова К.А. Человеческий капитал как фактор инновационного развития региона: теоретические аспекты // Проблемы современной экономики. – 2012. - №3 (43). – С. 252–257.
4. Hunter A. Map of the Kazakhstan regions by Human Development Index in 2018. List of regions of Kazakhstan by Human Development Index [Electronic resource] // Wikipedia. The Free Encyclopedia [web-portal]. – 2018. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_regions_of_Kazakhstan_by_Human_Development_Index (accessed: 28.09.2024).
5. Буданов И.А., Устинов В.С. Социальные приоритеты металлургии // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2021. – С. 192–215. – DOI: 10.47711/2076-318-2021-192-215.
6. Structure and distribution of wages of employees in the Republic of Kazakhstan (by the end of 2024) [Electronic resource] // Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan [web-portal]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/en/industries/labor-and-income/stat-wags/publications/184222/> (accessed 09.10.2024).
7. Белоносова Н. Результаты пилотного расчета национального индекса многомерной бедности в Республике Казахстан [Electronic resource] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [web-portal]. – 2022. – URL: https://unece.org/sites/default/files/202212/B04_PRES_ABS_MPI_KAZ_Belonosova_RU.pdf (accessed 12.10.2024).
8. Behrman J., Wolfe B. Labor force participation and earnings determinants for women in the special conditions of developing countries // Journal of Development Economics. – 1984. - №15(1-3). – P. 259–288. – DOI: 10.1016/0304-3878(84)90019-1.
9. Ho T. The Growing Scope and Impact of the Progressive Wage Model // Singapore Labour Journal. – 2023. – №2 (01). – P. 56–67. – DOI: 10.1142/S2811031523000153.
10. Jayady A., Subekti P., Smyshlyaev A.V., Protasova O.N., Artha R. Salary scale and the diversity of wage systems // Linguistics and Culture Review. – 2021. – №5(S1). –P. 293–302. – DOI:10.37028/lingcure.v5nS1.1375.
11. Гусарова Л.В. Система КРІ в оценке эффективности деятельности сотрудников федерального казначейства // Управленческий учет. – 2021. – № 9 (2). – С. 530–536. – DOI: 10.25806/uu9-22021530-536.
12. Трунова Е.В. Мотивация по КРІ на промышленном предприятии: принципиальный подход и требования к показателям // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. – 2017. – № 2 (2). – С. 242–247. – DOI: 10.12737/24191.
13. Трунова Е.В. Ключевые факторы мотивации персонала по КРІ на предприятии промышленности строительных материалов // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. – 2016. – № 10. – С. 214–219. – DOI: 10.12737/22068
14. Херцберг Ф., Моснер Б., Блох Б. Мотивация к работе. - М.: Вершина, 2007. – 240с.
15. Маслоу А. Х. Мотивация и личность. – СПб.: ИД «Питер», 2011. – 352 с.

REFERENCES

1. P'janova, M.V. and Lavnik, R.V. (2016), “Strukturnye jelementy chelovecheskogo kapitala i faktory, opredel'jajushhie ih razvitie”, *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal “Simvol nauki”*, Vol. 5, pp.182–186.

2. Vandyшева, O.P. (2015), “Istochniki formirovaniya investitsij v chelovecheskij capital”, *Sovremennye problemy gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk*, Vol. 8 No. 4, pp. 27–35 (In Russian).
3. Ustinova, K.A. (2012), “Chelovecheskij capital kak factor innovacionnogo razvitiya regiona: teoreticheskie aspekty”, *Problemy sovremennoj ekonomiki*, Vol. 3 No. 43, pp. 252–257 (In Russian).
4. Hunter, A. (2018) “Map of the Kazakhstan regions by Human Development Index in 2018. List of regions of Kazakhstan by Human Development Index”. Retrieved September 28, 2024 from https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_regions_of_Kazakhstan_by_Human_Development_Index.
5. Budanov, I.A. and Ustinov, V.S. (2021), “Social'nye priority metallurgii”, *Nauchnye trudy. Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovaniya RAN*, pp.192–215. DOI: 10.47711/2076-318-2021-192-215.
6. “Structure and distribution of wages of employees in the Republic of Kazakhstan (by the end of 2024)” (2024), Bureau of National statistics of the Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan. Retrieved October 9, 2024 from <https://stat.gov.kz/en/industries/labor-and-income/stat-wages/publications/184222/>.
7. Belonosova, N. (2022) “Rezultaty pilotnogo rascheta nacional'nogo indeksa mnogomernoj bednosti v Respublike Kazahstan”. Retrieved October 12, 2024 from https://unece.org/sites/default/files/202212/B04_PRES_ABS_MPI_KAZ_Belonosova_RU.pdf.
8. Behrman, J. and Wolfe, B. (1984), “Labor force participation and earnings determinants for women in the special conditions of developing countries”, *Journal of Development Economics*, Vol.15 No. 1-3, pp. 259–288. DOI: 10.1016/0304-3878(84)90019-1.
9. Ho, T. (2023), “The Growing Scope and Impact of the Progressive Wage Model”, *Singapore Labour Journal*, Vol. 2 No. 01, pp. 56–67. DOI: 10.1142/S2811031523000153.
10. Jayady, A., Subekti, P., Smyshlyaev, A.V., Protasova, O.N., & Artha, R. (2021), “Salary scale and the diversity of wage systems”, *Linguistics and Culture Review*, Vol. 5 No. S1, pp. 293–302. DOI: 10.37028/lingcure.v5nS1.1375.
11. Gusarova, L.V. (2021), “Sistema KPI v ocenke jeffektivnosti dejatel'nosti sotrudnikov federal'nogo kaznachejstva”, *Upravlencheskij uchet*, Vol. 9 No.2, pp. 530 –536. DOI: 10.25806/uu9-22021530-536 (In Russian).
12. Trunova, E.V. (2017), “Motivacija po KPI na promyshlennom predpriyatii: principial'nyj podhod i trebovanija k pokazateljam”, *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuhova*, Vol.2 No. 2, pp. 242–247. DOI: 10.12737/24191 (In Russian).
13. Trunova, E.V. (2016), “Kljuchevye faktory motivacii personala po KPI na predpriyatii promyshlennosti stroitel'nyh materialov”, *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuhova*, Vol. 10, pp. 214–219. DOI: 10.12737/22068 (In Russian).
14. Hercberg, F., Mosner, B., Bloh, B. (2007), *Motivacija k rabote*, Vershina, Moscow, 240 p. (In Russian).
15. Maslou, A.H. (2011). *Motivacija i lichnost'*, Piter, Saint-Petersburg, 352 p. (In Russian).

ЕҢБЕКАҚЫ ТӨЛЕУ ЖҮЙЕСІН ГРЕЙДЕРЛЕУ – МЕТАЛЛУРГИЯ САЛАСЫНДА АДАМИ КАПИТАЛДЫ ДАМЫТУДЫҢ БАСЫМ БАҒЫТЫ

А. К. Атабаева¹, С. В. Полевой^{1*}, З. С. Гельманова²

¹Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан Республикасы

²Қарағанды индустриялық университеті, Теміртау, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Бұл зерттеунің мақсаты – Теміртау қаласындағы, Қарағанды облысындағы Қарағанды металлургия комбинаты, "Qarmet" АҚ компаниясы үшін жалақыны грейдерлеудің жобалық моделін оның оң және теріс әлеуметтік – экономикалық жақтарын сипаттай отырып қолдануды қарастыру болыпта былады.

Зерттеу әдіснамасы – осы бапта қаралатын және пайдаланылатын жалақыны есептеу әдістемесі қызметкерлердің табысының ынталандырушы үлесін бөлуде КРІ көрсеткіштерін қолдануға негізделген. Сонымен қатар, мақалада ұсынылған жұмыс тақырыбы төңірегінде қарастырылып отырған экономикалық құбылыстарды визуализациялау үшін статистикалық салыстыру әдісі бар.

Жұмыстың ғылыми жаңалығы (бірегейлігі / құндылығы) – бұрын өнеркәсіптің осы саласына тән емес қара металлургия кәсіпорны үшін прогрессивті (гранттық) жалақы жүйесінің түрін қарастыру мүмкіндігі болып табылады. Мұндай қарастыру индустрияның адами капиталын дамыту үшін өндірістік шындықтағы еңбек қатынастарын жетілдіру аспектісінде есептеудің осы әдісін болашақта практикалық іске асыру үшін маңызды.

Зерттеу нәтижелері – мынадай ережелерде ұсынылған: металлургия саласының еңбекақы төлеу аспектісіндегі проблематикасы қарастырылған; еңбек қызметінің сапалық және сандық көрсеткіштерін ұлғайту үшін көтермелеу моделі ұсынылған; мұндай модельдің практикада жұмыс істеуінің оң және теріс аспектілері көрсетілген; оны практикалық іске асыру үшін жағымсыз факторларды еңсеру үшін шешімдер ұсынылған.

Түйін сөздер: грейдинг әдістемесі, еңбекақы, адами капитал, өнеркәсіптік жұмыспен қамту, металлургия индустриясы, тиімділік көрсеткіштері.

ГРЕЙДИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА – ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

А. К. Атабаева¹, С. В. Полевой^{1*}, З. С. Гельманова²

¹Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан

²Карагандинский индустриальный университет, Темиртау, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Целью данной работы является рассмотрение применения проектной модели грейдирования заработной платы для Карагандинского металлургического комбината в городе Темиртау, Карагандинской области, компании АО «Qarmet», с описанием её положительных и отрицательных социально - экономических сторон.

Методология исчисления заработной платы, рассматриваемая и используемая в данной статье, основана на применении показателей КРІ в распределении стимулирующей доли дохода работников. Помимо неё, в статье присутствует метод статистического сопоставления для визуализации рассматриваемых экономических явлений вокруг тематики представленной работы.

Научная новизна (оригинальность / ценность) работы заключается в возможности рассмотрения вида прогрессивной (грейдированной) системы начисления заработной платы для предприятия черной металлургии, которая ранее была не характерна для данной отрасли промышленности. Подобное рассмотрение важно для будущей практической имплементации данного метода исчисления в аспекте совершенствования трудовых отношений в производственных реалиях для развития человеческого капитала индустрии.

Результаты исследования представлены в следующих положениях: рассмотрена проблематика металлургической отрасли в аспекте оплаты труда; предложена модель поощрения за увеличение качественных и количественных показателей трудовой деятельности; отражены позитивные и негативные аспекты функционирования такой модели на практике; предложены решения для преодоления негативных факторов для её практической реализации.

Ключевые слова: методика грейдирования, оплата труда, человеческий капитал, промышленная занятость, металлургическая индустрия, показатели эффективности.

ABOUT THE AUTHORS

Atabayeva Assiya Kairoshovna – PhD (doctor of philosophy in economics), associate professor, head of the Accounting and Audit department, Karaganda University named after academician E.A. Buketov, Karaganda, Republic of Kazakhstan, e-mail: atabaeva@list.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4644-1843>.

Polevoy Sergey Vladimirovich – PhD student, department of Economy and International Business, Karaganda University named after academician E.A. Buketov, Karaganda, Republic of Kazakhstan, e-mail: polevoy_sergey@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-9577>.*

Gelmanova Zoya Salihovna – candidate of Economic Sciences, professor of “Economy and business” department, Karaganda industrial university, Temirtau, Republic of Kazakhstan, e-mail: zoyakgiu@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9052-9490>.

MPHTI: 06.56.25

JEL Classification: O12

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-39-53>

ТҰРАҚСЫЗДЫҚ ЖАҒДАЙЫНДА ҚАЗАҚСТАНДА ШАҒЫН ЖӘНЕ ОРТА БИЗНЕСТІ ДАМУ

Г. К. Уашов¹, А. Б. Зурбаева¹, А.Т. Абубакирова²

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан

²Халықаралық қазақ-түрік университеті, Тараз, Қазақстан

АНДАТПА

Мақаланы жазудағы басты мақсат – елімізде орын алған негізгі өзгерістердің шағын және орта бизнестің дамуына әсерін талдау болып келеді.

Зерттеу әдіснамасы. Мақаланы жазу барысында алғашқы статистикалық ақпаратты жинау, Excel-болжамдарымен деректерді талдау, экономикалық талдау, салыстырмалы әдістер сияқты әдістер жиі қолданылды.

Бұл жұмыстың *ғылыми құндылығы* шағын және орта бизнес субъектілеріне толық көлемде әсер еткен жаһандық дағдарыс пен пандемиядан туындаған ҚР экономикасындағы проблемалардың өсуіне байланысты, соның салдарынан түрлі қаржы институттары кәсіпкерліктің осы бағытын қолдау шараларын қабылдады.

Зерттеу нәтижелері. Бұл мақалада еліміздің шағын және орта бизнесінің дамуына жан-жақты талдама жүргізілді, оның негізінде салық және қаржы-несие жүйелері бөлігіндегі негізгі проблемалар анықталды, сондай-ақ кәсіпкерлікті мемлекеттік қолдауды дамыту саласындағы алғышарттар айқындалды. Авторлар мемлекеттің әлеуметтік-экономикалық дамуындағы шағын және орта кәсіпкерліктің рөлі мен орнын атап өтті, елдің өңірлері мен бизнестің осы нысандары дамыған салалар анықталды. Кәсіпкерлік қызметті іске асыруда экономика ШОБ субъектілерінің мүдделері сәйкестендірілді, сондай-ақ осы сектордың тиімді жұмыс істеуіне кедергі келтіретін проблемалар сипатталды.

Түйін сөздер: даму үрдістері, мемлекеттік қолдау, шағын бизнес, ШОБ, Дүниежүзілік Банк рейтингі.

КІРІСПЕ

Кәсіпкерлік еркіндігі, әрине, кез-келген елдің экономикасының көлемі мен орналасқан жеріне қарамастан сәтті дамуы мен өркендеуінің негізі болып табылады. Қазіргі жағдайда шағын және орта

бизнес кәсіпорындары экономиканың барлық салаларында маңызды орын алады және олардың даму тенденцияларын анықтайды.

Шағын және орта бизнес біріншіден, салыстырмалы түрде жоғары кірістіліктің шағын мөлшерінің оңтайлы арақатынасына байланысты жоғары тиімділікке ие. Екіншіден, икемділік пен ұтқырлық оларға нарықтың өзгертін жағдайларына тез бейімделуге мүмкіндік береді. Үшіншіден, шағын және орта бизнес кәсіпорындарының көп саны бәсекелестік ортаны жақсартады және табиғи сұрыпталуға әкеп соғады. Төртіншіден, көптеген шағын және орта бизнес кәсіпорындары құрған жоғары бәсекелестік орта тауарлар мен қызметтердің сапасын жақсартады. Шағын және орта кәсіпкерліктің пайдасына тағы бір фактор-озық технологияларды және өз тиімділігін дәлелдемеген инновациялардың басқа түрлерін пайдалану[1].

Шағын және орта кәсіпкерлікті дамыту мәселесін зерттеу М. Мескон, Д. Дж. Речмен, В. Баумол, Х. Варнеке, А. Маршалл, Ф. Хайек, Ф. Найт, Р. Рюттингер, А. Хоскинг сияқты атақты ғалымдардың еңбектерінде көрініс тапты. Қазақстандық ғалымдар арасында бұл мәселені Б.Мұхамеджанов, А. Есілов, К. Илиясов, Г. Сүлейменова, Э. Садықова, М. Тянь белсенді зерттеді [2,3].

Р.К. Елшібаевтың жұмысында Қазақстан Республикасының шағын және орта бизнесінің қазіргі жағдайына талдау жүргізілді. Автор бизнестің экономикалық мәнін мемлекеттік басқару призмасы арқылы ашып, оның Қазақстан экономикасындағы рөлін анықтады. Зерттеу нәтижесінде Қазақстан Республикасының Шағын және орта бизнесінің ерекшеліктері зерттеліп, жұмыс істеуіндегі жүйелік проблемалар анықталды. М.А. Құсайыновпен жүргізген зерттеуде, ол экономиканы жаңғырту жағдайында шағын және орта кәсіпкерлікті мемлекеттік қолдау жүйесін қалыптастыру қағидаттары мен тетіктерін анықтады [4,5].

Қазіргі кезеңде Қазақстанда кәсіпкерлік белсенділік орта таптың өркендеуіне бағытталған мемлекеттік қолдау негізінде қосымша серпін алды.

Шағын және орта кәсіпорындар ұтқырлықпен ерекшеленеді, сондықтан сұраныс пен ұсыныс тұтынушылардың өзгертін ассортименти мен талғамына байланысты тауарлар мен қызметтерді өндіруде өзін сенімді сезінеді. Шағын кәсіпорындар және тұтастай алғанда шағын бизнес экономикалық қызметте өңірлік және жергілікті қажеттіліктерге барынша бағдарланған өз тауашасын иеленді [6,7].

ШОБ басты ерекшелігі мен артықшылығы – оның нарық сын-қатерлеріне жедел жауап беріп, үлкен икемділікті көрсетуінде болып табылады. Салауатты бәсекелестікті қалыптастыруда шағын және орта бизнестің алатын орны - оның ҒЗТК және ҒТП заманауи векторлары бойынша қарқынды серпілістер жасауға айтарлықтай үлес қосуында, сонымен қатар шағын кәсіпорындардың экологиялық жағдайға да әсер ететінін ұмытпау керек.

Қазақстан экономикасының ағымдағы өсуі, Украинадағы әскери дағдарыс төңірегіндегі геосаяси шиеленіс, сондай-ақ мемлекет тарапынан елеулі ынталандыру шаралары аясында Қазақстанның шағын және орта бизнесі оң серпінді көрсетіп отыр. ШОБ субъектілерінің саны 2022 жылдың сегіз айында 14.7% - ға өсті, бұл Ресейден компаниялардың күрт ағыны салдарынан орын алды. 2022 жылы кәсіпкерлікті дамыту жөніндегі ұлттық жобаны іске асыру шеңберінде бизнесті қолдауға қаржыландыруды 1.4 трлн. теңге дейін кеңейту көзделуде. ШОБ несиелеу көлемі 2020 жылдан бастап айтарлықтай кеңейіп келеді, ал қарыз беру динамикасы 2022 жылдың жеті айында 29% екі таңбалы өсу қарқынын көрсетті [8].

Жалпы елдегі қаржылық өзгерістер бола тұра, яғни инфляция, несие құнының шарықтауы, ШОБ компаниялары қалай да болса несие сұраныстарын күшейтуде. ШОБ кәсіпорындарына үкімет тарапынан орын алатын қолдау, екінші деңгейлі банктар ұсынатын несиелерге сұраныс өсіп, нәтижесінде ШОБ-тің дамуына ықпал ететін болады.

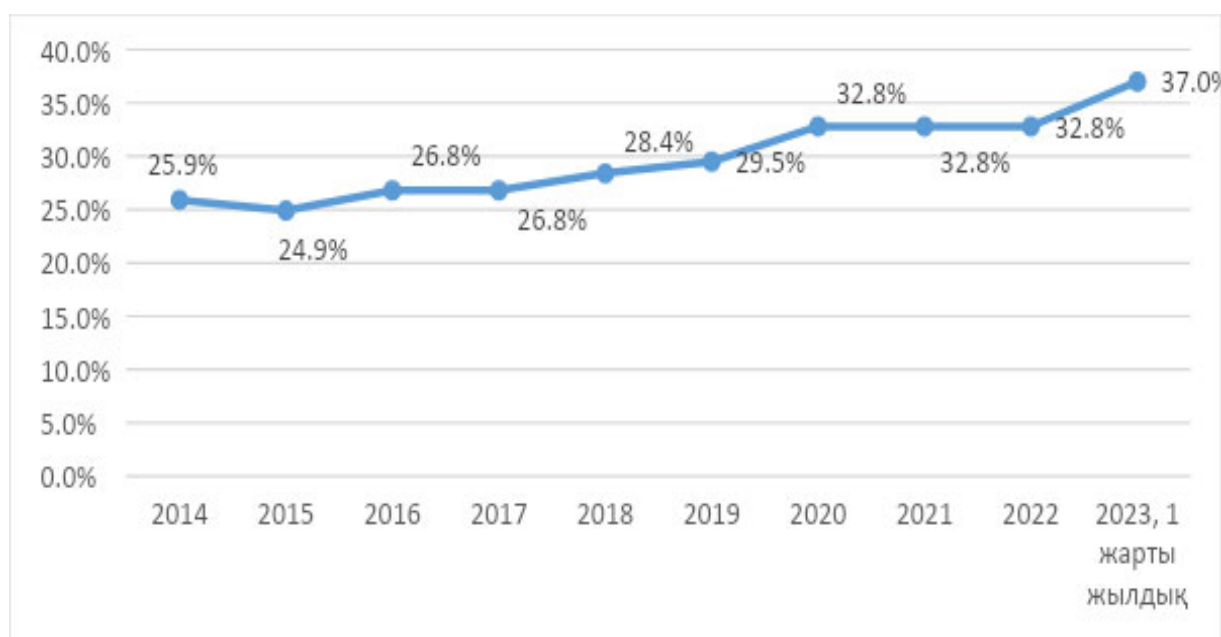
Бүгінгі таңда ұлттық экономиканың және жекелеген субъектілердің әлемдік нарықтарға үлкен тәуелділігі әлемдік дағдарыстың теріс салдары болып табылады. Бұл жерде салдары өнеркәсіптік өндірістің құлдырауына, жұмыссыздықтың өсуіне, инфляцияның күшеюіне және тұтынудың төмендеуіне алып келген мұнайдың әлемдік бағасының ұзақ уақыт құлдырауы Қазақстан экономикасына төнген ең үлкен қауіп болды. 2020 жылы коронавирус пандемиясы және ішінара карантиндік шаралар

Қазақстан экономикасына қысымды жалғастырды. Бұл шағын және орта бизнес субъектілеріне айтарлықтай әсер етті.

ЗЕРТТЕУДІҢ НЕГІЗГІ БӨЛІМІ

Бүгінгі таңда Қазақстанда шағын және орта кәсіпкерлік секторын дамыту бойынша жүйелі шаралар қабылдануда. Жетекші экономистердің бағалауы бойынша экономиканың бұл секторы 2022 жылдан бастап көлемі 4,2%-ға өсіп, 37% - ға тең болған жалпыұлттық өнімді құруға айтарлықтай үлес қосады, бұл 3,5 миллион адамға жұмыс орындарын ұсынуға мүмкіндік береді [8].

Суретте 1 көрініп тұрғандай, 2015 жылдан 2023 жылға дейін ШОБ 2 есеге жуық өсіп, 29,7 трлн. теңге номиналды түрде өнім шығарудың оң нәтижелерін көрсетіп отыр. Бүгінгі таңда Қазақстанда 1 974 696 шағын және орта кәсіпкерлік субъектісі бар [9,10].

Сурет 1 – ҚР жалпы ЖІӨ-дегі ШОБ деңгейінің өзгеру серпіні

Ескерту – [9,10] дереккөзі негізінде автормен құрастырылған

Қазақстанда мемлекеттік және мемлекеттік емес ұйымдардың тармақталған жүйесін қамтитын институционалдық база құрылды. Алайда, экономиканың өсу қарқынының төмендеуі және сыртқы ортадағы күрделі экономикалық конъюнктура жағдайында бизнесті қолдау мен дамыту жүйесін трансформациялау қажеттілігі туындайтынын атап өткен жөн. Сонымен бірге, мемлекеттік стратегияны жаңа жағдайларға бейімдеу кәсіпкерлік белсенділік іске асырылатын ортаны егжей-тегжейлі және жүйелі зерделеуді талап етеді. Осыған байланысты кәсіпкерлік ортаны немесе іскерлік климатты зерттеудің өзектілігі артады. Бизнес-ортаның сандық және сапалық параметрлерін көрсететін іскерлік ахуал кәсіпкерлік белсенділіктің айқындаушы факторы болып табылады.

Қазақстан «Doing Business» Дүниежүзілік банкінің рейтингісінде көптеген алпауыт мемлекеттермен қатар тұр, олар: Қытай (34), Ресей (35), Словения (37) және Беларусь (38). Біздің мемлекет Egov сайты арқылы көптеген ыңғайлы және қолжетімді жоспарлар жүзеге асырылуда, оның ішінде: кадастрлық жоспар енгізіліп, корпоративтік басқару бойынша заңнамаларға өзгерістер жасалынды, транспаренттілікті ынталандыратын заңнаманы енгізді, сонымен қатар кедендік рәсімдеудегі шығындарды азайтып, сол салада ашықтықты қамтамасыз етті [11].

Жоғарыда келтірілген рейтинг негізінде жүргізілген зерттеулер бойынша ШОБ-тың дамуына Excel-болжамдарымен деректерді талдаудың екі әдісімен болжау жасалды.

"Doing Business" Дүниежүзілік банкінің рейтингісі көрсеткіштерін негізінде 2022 және 2025 жылдар мәндерін болжау үшін Excel болжау функциясын қолданылды (Сурет 2).

Көрсеткіштер	Рейтинг	Рейтинг	Рейтинг	Рейтинг	Рейтинг	Рейтинг	Болжам	Болжам	2024	2025
	2017	2018	2019	2020	2021	2021	2024	2025		
Кәсіпорындарды ашу	45	36	36	22	22	22	2,2	-3,8		
Құрылысқа рұқсат алу	22	41	35	37	37	37	48,2	51,0		
Электр желілеріне қосылу	75	70	76	67	100	78,4	78,5	78,5		
Меншікті тіркеу	18	17	18	24	24	20,3	20,3	20,3		
Кредит алу	75	77	60	25	25	51,8	51,6	51,6		
Салық салу	60	50	56	64	64	58,9	58,9	58,9		
Халықаралық сауда	119	123	102	105	105	110,7	110,7	110,7		
Келісімшарттардың орындалуын қамтамасыз ету	9	9	4	4	4	6,0	6,0	6,0		
Төлем қабілетсіздігін шешу	37	39	37	42	42	39,4	39,4	39,4		

Сурет 2 – "Doing Business" Дүниежүзілік банкінің рейтинг көрсеткіштері бойынша 2024-2025 ж.ж. жүргізілген болжамдар
Ескерту – дереккөздері негізінде автормен құрастырылған [6]

2025 жылдың болжамды рейтингі "Кәсіпорындарды ашу" көрсеткіші бойынша (-3,8) тең болады. Теріс мән рейтингтің күрт төмендеуін көрсетеді. Болжамның қалған көрсеткіштері өзгермейді және 2022-2025 жылдар аралығында уақыт аралығында айтарлықтай өзгермейді.

Екінші әдіспен болжам парағы бағдарламасында деректерді талдау жүргізілді.

Барлық көрсеткіштер бойынша болжамның Excel-парағы бағдарламасында деректерді талдауды қолданды (Сурет 3).

Сурет 3 – Excel-болжам парағы бағдарламасында 2025 жылға рейтингтік көрсеткіштер бойынша болжамдар

Ескерту – дереккөздері негізінде автормен құрастырылған [6]

Барлық диаграммаларда болжамды мәннен басқа, рейтингтік оқиғалардың нәтижесінің оң және пессимистік нұсқаларын баяндайтын "төмен және жоғары ықтималдықты байланыстыру" сияқты қисықтар бар. 2017-2021 жылдардағы қолда бар сандық көрсеткіштерге сүйене отырып, бағдарлама жақын арада болжамды есептеді.

ШОБ субъектілерінің жұмыспен қамтудың негізгі көздерінің бірі ретінде табысты жұмыс істеуі және инвестициялар тарту үшін үш бағытта даму ұсынылады.

1. Бизнес-ортаны қолайлы дамытуды қалыптастыру саласындағы мемлекеттік басқарудың тиімділігін арттыру

2. Қаржыландыру әдістерін және басқа қолдау шараларын жақсарту.

3. Салааралық кедергілер мен қатерлерді жою

Осындай әрекеттердің барлығы тиісті заң жобасын рәсімделіп, қазіргі таңда мемлекеттік реттеуді жетілдіру векторы бойынша елімізде қарқынды шаралар жүргізілуде, ол өз кезегінде бизнес ахуалды жақсартуға әсерін тигізеді[12].

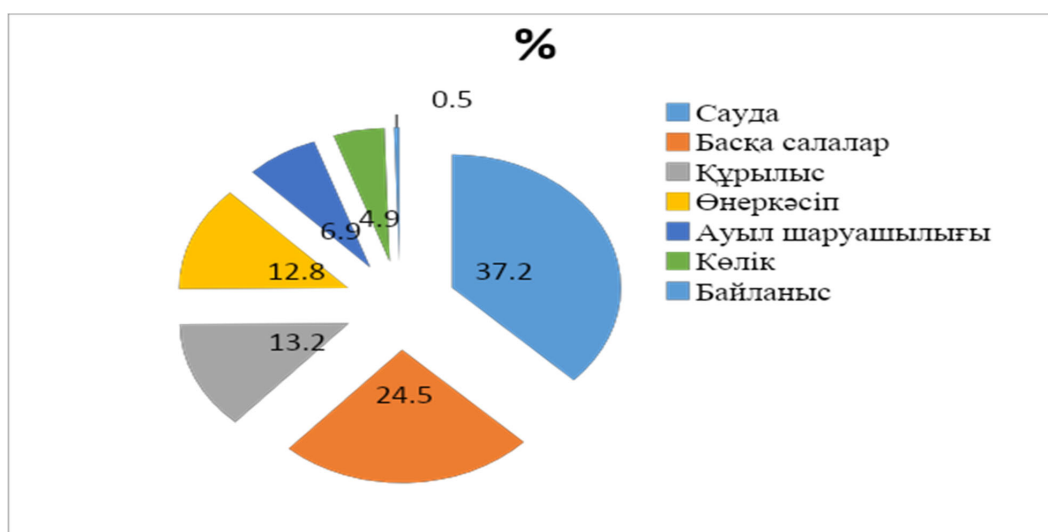
Жаңа заңнамалық актілерді қабылдау қадағалау іс-шараларын азайтуға, шығындарды төмендетуге және бәсекелестік ортаны жақсартып, Қазақстанның Дүниежүзілік Банктің "Doing Business" рейтингіндегі позициясын арттыруға мүмкіндік береді [11].

Субъектілер бойынша бөлудегі ШОБ құрылымының қазіргі жай-күйін зерттеу көрсеткендей, 2021 жылы жалпы өнім өндірісінің 70%-ға жуығы шағын кәсіпорындарға, одан кейін 18% үлесі бар орта кәсіпорындарға тиесілі. Шаруа және фермер қожалықтары 8% қамтамасыз етеді, ал жеке кәсіпкерлер жалпы өнімнің тек 5% құрайды. Егер соңғы жылдары салалық бөлімде ШОБ құрылымының өзгеруін қарастыратын болсақ, төмендегі диаграммада келтірілген кейбір өзгерістерді көруге болады.

2023 жылы ШОБ құрылымы 2021 жылмен салыстырғанда өзгерген, мұны өнеркәсіп үлесінің 2 есеге артуынан және сауда үлесінің 11,1%-ға төмендеуінен көруге болады. Басқа бағыттағы ауытқулар айтарлықтай емес, оны төмендегі 4 және 5-суреттегі салыстырмалы диаграммалардан көруге болады [8].

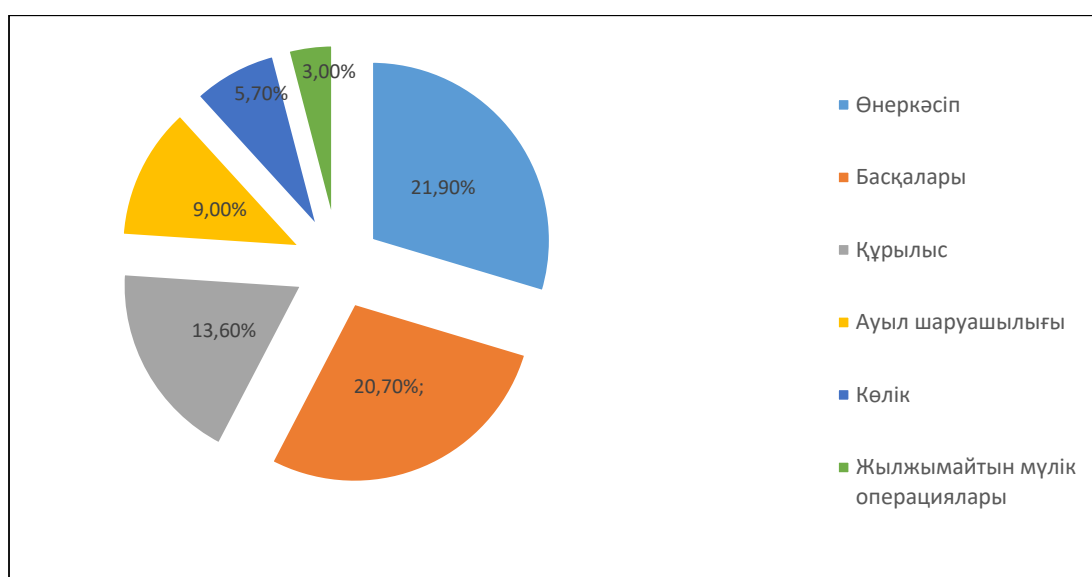
2022 жылы шағын және орта бизнесті дамытудың оң факторы олардың кірістілігінің өсуі болып табылады, оның мәні 4,8 триллионды құрайды, бұл өткен жылмен салыстырғанда осы көрсеткіштен 12,1% - ға артық. ШОБ кәсіпорындарының сауда айналымы көрсеткішін 6,2% - ға ұлғайту олардың

кірістілігін 1,5 триллионнан 1,9 триллион теңгеге дейін арттыруға мүмкіндік берді. Көмірсутектер нарығындағы барреліне 100 доллардан асатын баға өсуінің жалпы әлемдік тренді мұнай өнімдерінің көтерме саудасын жүзеге асыратын ШОБ субъектісіне кірістілікті 64% - ға ұлғайтуға мүмкіндік берді. Жоғарыда аталған жылы ШОБ-қа қатысты өнеркәсіп және қаржы секторының кәсіпорындары өздерінің қаржылық көрсеткіштерін жақсартты. Осындай жетістіктерге қол жеткізуге, оның ішінде ШОБ кәсіпорындарын қаржыландыру есебінен қолдауға бағытталған, сондай-ақ қаржылық емес іс-шараларды жүзеге асыратын ұлттық жобаны іске асыру мүмкіндік берді. Мемлекеттік қолдаумен қамтамасыз етілетін кредиттік портфель көлемі көрсеткішінің қарқыны 2020 жылдан бастап 2022 жылға дейін жыл сайын 29% - дан астам өсті және орташа есеппен 5.7 триллион теңгені құрады.

Сурет 4 – Экономика салалары бойынша ШОБ кәсіпорындарының сатылатын өнімдері мен қызметтерінің үлесі, 2021ж.

Ескерту – дереккөздері негізінде автормен құрастырылған [8, 13]

Сурет 5 – 2023 жылы ҚР экономикасының түрлі секторларында ШОБ кәсіпорындарына тиесілі шама

Ескерту – дереккөздері негізінде автормен құрастырылған [8, 13]

Ұлттық Банк ұсынған ақпаратқа сәйкес, 2022 жылы орта кәсіпорындар тарапынан берілген кредиттік өтінімдер төрт есе, ал шағын кәсіпорындардан 19% - ға ғана ұлғайды. Бұл өсім кредиттік ресурстар құнының өсуіне және банктер тарапынан Кредиттеу шарттарының қатандауына қарамастан орын алды, бұл мемлекеттік бағдарламалардың субсидиялардың 57% -. құраған ШОБ кәсіпорындарының белсенділігіне әсерімен түсіндіріледі [8].

Қазақстанның Екінші деңгейдегі ірі банктері шағын және орта кәсіпкерлікті қолдауды жалғастыруда жеңілдетілген кредит беру бағдарламасы шеңберінде Үкімет 601 миллиард теңгеге дейін бөлді [14].

Бұл бағдарлама бойынша кредит мерзімі – 12 айға дейін, мөлшерлеме – 8%-ға дейін, жылдық тиімді сыйақы мөлшерлемесі – 8,3%-ға дейін құрады. ШОБ үшін қарыз сомасы – 3 млрд. теңгеге дейін, ЖК үшін – 50 млн. теңгеге дейін болды. Бұл мақсатқа мемлекет 600 миллиард теңге бөлді [12]. Кестеде кредит портфелі бойынша екінші деңгейдегі он банктің ШОБ-қа кредит беру көрсеткіштері берілген (Кесте 1).

Алайда, бағдарламаға қолдауды қажет ететін барлық компаниялар кірмейді. Шағын және орта бизнесті өз қаражатынан несиелендіруге келетін болсақ, Халық банкінің (14,2% және 14,8% бастап) және ForteBank (15,5% бастап) өнімдері ставкасы бойынша үздіктер қатарында. Шектеусіз қарыз сомасын ЦентрКредит Банкі ғана көрсетті.

Кесте 1 – Кредит портфелі бойынша екінші деңгейлі банктердің үздік 10 ШОБ-қа несие беру

	min	max	орташа	танымал
Тиімді мөлшерлеме %	13, 2	34,0	20,6	-
Ең аз мерзім (ай)	1	6	4	3
Ең көп мерзім (ай)	12	120	66	60
Ең аз сома (мың теңге)	30	3000000	237459	-
Ең көп сома (мың теңге)	1050	5000000	376494	3000000
Ескерту – дереккөздері негізінде автормен құрастырылған [12]				

Алайда, бағдарламаға қолдауды қажет ететін барлық компаниялар кірмейді. Шағын және орта бизнесті өз қаражатынан несиелендіруге келетін болсақ, Халық банкінің (14,2% және 14,8% бастап) және ForteBank (15,5% бастап) өнімдері ставкасы бойынша үздіктер қатарында. Шектеусіз қарыз сомасын ЦентрКредит Банкі ғана көрсетті. Қарыздың ең көп мөлшерін Халық Банкі - 5 млрд теңгеге дейін көрсетті. Сегменттегі қарыздың ең ұзақ 120 айға дейінгі мерзімді —ЦентрКредит Банкі көрсетті, 84 айға дейінгі мерзімді Еуразиялық Банк, ForteBank, Халық Банкі және Jysan Bank ұсынды.

Айта кетейік, еліміздегі шағын бизнесті несиелендіру көлемі бірінші жылы қысқарып отырған жоқ. Мәселен, наурыз айына қарай сектордағы қарыздар көлемі небәрі 2,04 трлн теңгені құрады — бір ай бұрынғыға қарағанда 0,4% - ға аз және бір жыл бұрынғыға қарағанда 5,6% - ға бірден кеміген. Бұл ретте экономиканы несиелеудің жалпы көлемі бір жылда 10,6% -ға, 13,81 трлн теңгеге дейін ұлғайды. Осылайша, шағын бизнеске қарыздардың жалпы несие портфеліндегі үлесі бір жыл ішінде 17,3% - дан 14,8% - ға дейін қысқарды [14].

Естеріңізге сала кетейік, Қаржы нарығын реттеу және дамыту жөніндегі агенттігі банктер, микро-қаржы ұйымдары және кредиттер мен микрокредиттер және өзге де қаржы институттары бойынша шешім қабылдады, оған сәйкес:

– негізгі борыш пен сыйақы бойынша төлемдерді кешіктіру бойынша айыппұлдар мен өсімпұлдарды есептемеу; төтенше жағдай енгізу нәтижесінде жағдайы нашарлаған ШОБ субъектілеріне және қаржы ұйымдарына төлемдер бойынша күнтізбелік 90 күнге дейін мерзімін ұзарту. Бүгінгі таңда Банк 872 клиентке кейінге қалдыруды ұсынылды, бұл түскен өтініштердің жалпы көлемінің 98% -ын құрайды.

ҚР Үкіметі пандемия кезеңінде іске қосылған дағдарысқа қарсы бағдарламаны іске асыруды табысты жалғастыруда:

- экономиканың зардап шеккен секторларын қаржыландыру;
- үш жыл ішінде ШОБ кәсіпорындарына тексеру жүргізуге мораторий;
- залал шеккен ШОБ кәсіпорындарының кредиттерін төлеу бойынша кейінге қалдыру [14].

Жеңілдікпен кредиттеуді Almaty Finance және Almaty МҚҰ кепілмен несиелеу үшін 2% және 6%, кепілсіз несиелеу үшін 12% мөлшерлемелері бойынша 7 жылға дейінгі мерзіммен, қарыздың ең жоғары сомасы 500 млн теңге мөлшеріндегі шарттармен жүзеге асырады. Барлық кезеңде жалпы сомасы 16,7 млрд теңгеге 228 жоба қаржыландырылды. Бұл ретте бөлінген бюджет сомасы 12,1 млрд теңгені құрады. Бұл шаралар 1 074 жаңа жұмыс орнын құруға мүмкіндік беріп, бюджетке 6,2 млрд теңге салық түсімдерін қамтамасыз етті. 2023 жылы жергілікті бюджеттен 6,3 млрд теңге көлемінде қосымша бөлінген ақша қаражаты шеңберінде 160-тан астам жаңа қарыз мақұлданып, 1300-ден астам жұмыс орны құрылады деп болжануда.

Almaty Business-2025 кәсіпкерлікті дамытудың өңірлік бағдарламасына өзгерістер енгізу жоспарлануда. Зардап шеккен кәсіпкерлер үшін "Алматы" "ӨКК" АҚ ішінара кепілдігін пайдалану мүмкіндігімен жылдық 2%-бен 10 млн теңгеге дейінгі мөлшерлемен айналым қаражатын толықтыруға жаңа кредиттік өнімді енгізу ұсынылады.

Бұл шара зардап шеккен кәсіпкерлерге олардың қасалық алшақтықтарын өтеуге мүмкіндік береді, сондай-ақ өтеу тетігі бойынша барлық қажетті құжаттарды ұсына алмайтындарға көмектеседі. Осы өнім аясында зардап шеккен кәсіпкерлердің 60 жобасын жалпы сомасы 600 млн теңгеге қаржыландыру жоспарлануда. Бұл 120-дан астам жұмыс орнын сақтап қалуға және Алматы бюджетіне салықтық түсімдерді қосымша 40 млн теңгеден кем емес сомаға ұлғайтуға мүмкіндік береді [16].

Жаңадан құрылған кәсіпорындарға сервистік қолдау көрсету және бизнесмендерді бастапқы даярлау үшін «Qolday» кәсіпкерлік орталығы құрылып, табысты жұмыс істеуде. Орталықтың қызметіне кәсіпкерлердің рұқсат құжаттарын алуға және қаржыландыру кезінде өтеусіз кеңес беру қызметтері кіреді [15].

Жұмыссыздарды әлеуметтік қорғауды іске асыру және жұмысқа орналастыру кезінде делдалдық өзара байланысты жүзеге асыру Алматының жұмыспен қамту орталығының негізгі мақсаты болып табылады [14].

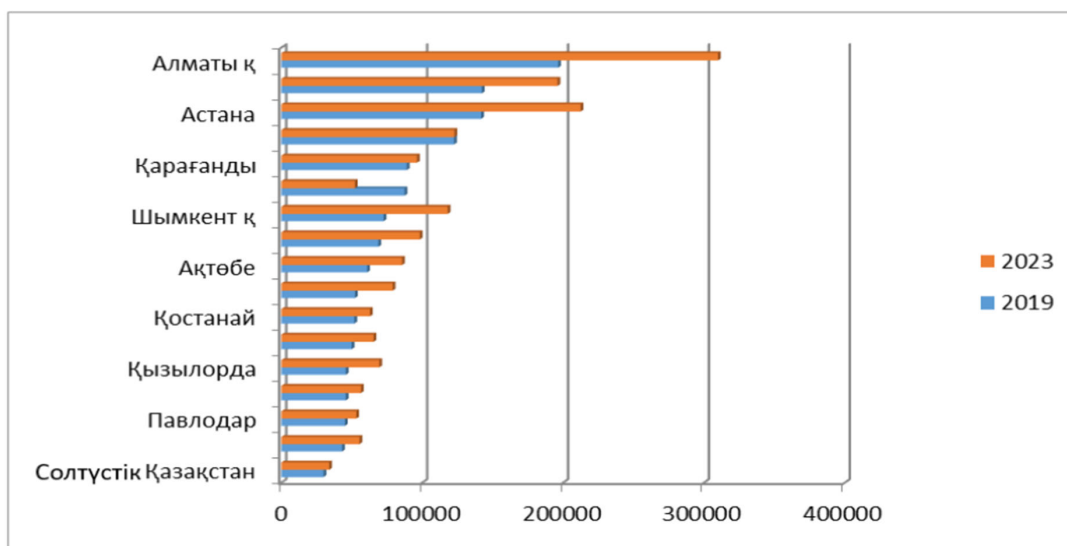
Қазіргі кезде Қазақстан Республикасы халқының 37% осы шағын және орта бизнес саласында жұмыс жасауда және де жалпы қосылған құндағы үлесі 25% дейін жетеді. Дамыған елдерде бұл көрсеткіш әлдеқайда жоғары - 60-70% дейін жетеді. Егер ҚР-ын кәсіпкерлік белсенділік бойынша басқа елдермен салыстырсақ, әлдеқайда төмен екенін көреміз – ол әлемдік орташа деңгейден екі есе төмен, яғни ЖІӨ үлесі 63%, ал жұмыспен қамтылған халықтың саны бойынша 47% болып тұр. Ал аймақ бойынша ШОБ жалпы өңірлік өнімді құрауын талдасақ: Астана қаласы бойынша - 46%, Батыс Қазақстан облысы бойынша - 40%, Алматы қаласы бойынша - 29% құрап отыр [17,18].

Ұсынылған 6-суретте Қазақстанның өңірлері бойынша тіркелген ШОБ кәсіпорындарының саны 2019 жылды 2023 жылмен салыстырғанда динамикада, онда абсолютті көшбасшы Алматы қаласы болып табылады, онда 309 мыңнан астам ШОБ субъектілері жұмыс істейді, оларда жарты миллионға жуық адам қызмет атқарады. Екінші және үшінші орынды Қазақстанның тағы екі мегаполисі - Астана мен Шымкент иеленеді, сәйкесінше 224 мың және 117 мың шағын және орта бизнес кәсіпорындары бар. Қазақстанның басқа өңірлері бойынша ШОБ кәсіпорындарының саны 100 мыңға жетпейді. ШОБ – ты дамытуда жергілікті билік органдарының қолдауы маңызды мәнге ие, атап айтқанда, дағдарысқа қарсы шаралар шеңберінде қабылданған Almaty Business-2025 бағдарламасын іске асыру айқын мысал болып табылады [11].

Елімізде кәсіпкерлік белсенділікті арттырудың жұмыс жасап жатқан бағарламаларының негізгілерінің қатарында "Жұмыспен қамтудың жол картасы" атап өтуге болады. Ол тек белсенділікті арттырып, қоймай сонымен қатар жұмыспен қамту мәселесін де оңтайлы шешуде - 250 000 адам жұмыспен қамтылған. Бұл бағдарламаның жүзеге асырылуына 300 млрд теңге қаражат жұмсалды және алдағы уақытта аймақтар бойынша кәсіпкерлікті қолдау бойынша ұсыныстарға 1 трлн. теңгеге дейін қаражат резерві бар. Тағы бір көмекші ашар ретінде салықтан босату, яғни «демалыс» берілу қарастырылған.

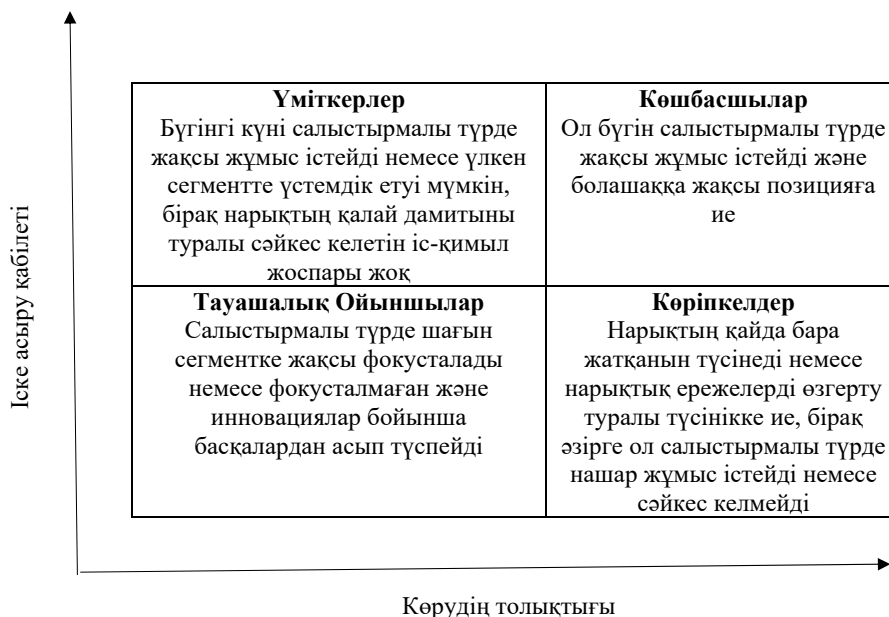
Сонымен, салық саясатын жеңілдету туралы ҚР Қаржы министрлігі жазды және түсіндірді [13].

Gartner зерттеу және кеңес беру компаниясы ақпараттық технологиялар нарығын жыл сайын бағалайды және нарықтың кез-келген сегментін талдай отырып, "сиқырлы квадрант" есебін жасайды.

Сурет 6 – Қазақстан өңірлері бойынша 2019 жылы ШОБ субъектілері санының 2023 жылға қарай өзгеру серпіні
Ескерту: [15] дереккөз негізінде автормен құрастырылған

"Сиқырлы квадрант" - бұл нарықтағы жағдайдың графикалық көрінісі, бұл өнімдер мен өндірушілердің мүмкіндіктерін бағалауға мүмкіндік береді. Оны Gartner талдау агенттігі қолданады (Сурет 7).

Сурет 7 – ШОБ арналған "Сиқырлы квадрант"
Ескерту: [19] дереккөздер негізінде авторлармен құрастырылған

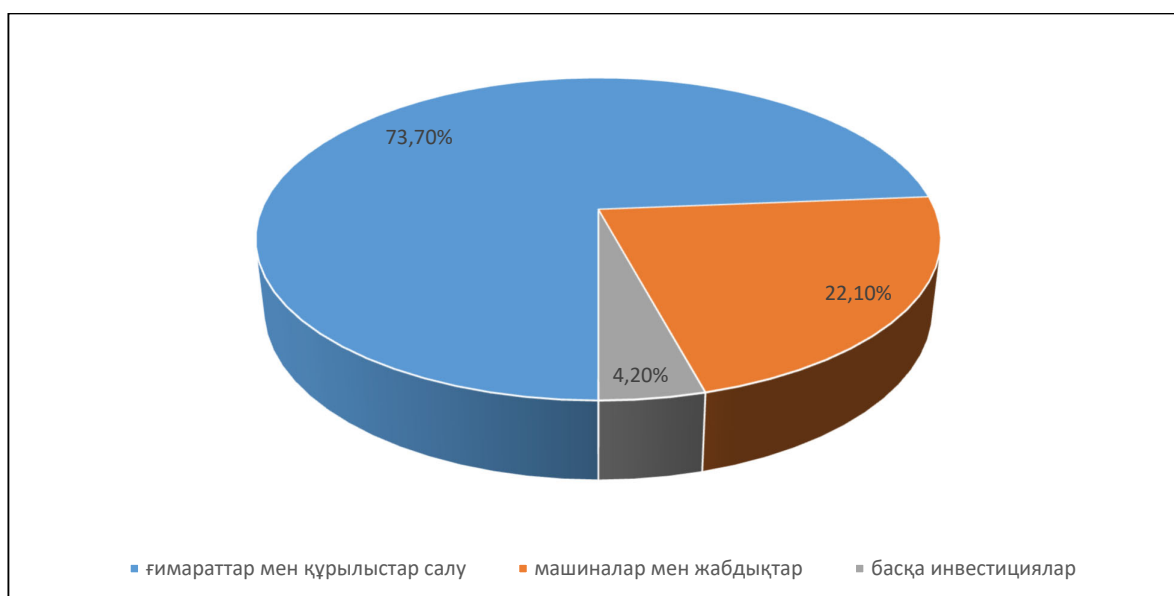
Осы аталмыш квадрантты біздің зерттеуімізде ШОБ ұйымдарын бағалауға және даму ұмтылысын арттыру үшін ұсыныс ретінде пайдалануға болады. Зерттелетін нарық сегменті үшін қарастыру шеңберіне енген әрбір компания ережелер бойынша екі критерий бойынша бағаланады, яғни "көрудің толықтығы" абсцисса осіне, "іске асыру қабілеті" ординат осіне қойылады. Әрбір компания осылайша жазықтықтың төрт квадрантының бірінде болады:

"көшбасшылар" (leaders) — "көзқарастың толықтығы" бойынша да, "іске асыру қабілеті" бойынша да оң бағалары бар компаниялар,
"үміткерлер" (challengers) — тек "іске асыру қабілеті" бойынша оң бағалары бар компаниялар,
"көріпкелдер" (visionaries) — тек "көзқарастың толықтығы" бойынша оң бағалары бар компаниялар,
"тауашалық ойыншылар" (niche players) — екі критерий бойынша да теріс бағалары бар компаниялар [19].

"Сиқырлы квадрант" өрістері бойынша ШОБ компанияларды бағалап, олардың даму деңгейін анықтап, жалпы сол сегмент қауашағының тығыздығы мен дамуын анықтауға болады.

Қаңтар оқиғалары бизнес үшін материалдық шығындарға әкеп соқтырғанымен, тұтастай алғанда, олар оның экономикалық қызметіне айтарлықтай кедергі келтірмеді. Мемлекеттік органдардың мәліметінше, Алматы қаласындағы қаңтар оқиғалары кезіндегі погромдардың нәтижесінде бизнес субъектілеріне келтірілген залал 92 млрд. теңгені құрады. Атап айтқанда, 1 630 ШОБ субъектісі зардап шекті, олардың залал сомасы шамамен 38,6 млрд.теңгені құрады. Алайда, 2022 жылғы 1 тоқсандағы деректер бойынша Қазақстан бойынша ШОК-тың жалпы қосылған құнының номиналды мәнде өсуі 31,5% – Алматы құрады, тәртіпсіздіктерден ең көп зардап шеккен Алматы қаласында ЖҚК өсімі 31,7% құрады. Астана қаласында 19,6%-ға, ал Шымкент қаласында бірден 48,7%-ға қалыпты өсім байқалды, бұл ретте Атырау облысында сектордың өсуі жылдық мәнде 70%-дан асты [8].

Қазақстандағы шағын және орта бизнес кәсіпорындарының санының артуы тек 2022 жылы екі фактор есебінен туындады: біріншіден, Ресей Федерациясы елінен 4 мыңнан астам және 202 компания Беларусь Республикасынан келген шетелдік экспансия, кәсіпкерлердің көші-қонының бұл процесі жетекші экономикалық елдердің санкциялар салуымен іскерлік ахуалдың күрт нашарлауымен байланысты. Екінші фактор шағын кәсіпорындардың негізгі капиталына инвестициялық белсенділіктің өсуі болып табылады, яғни 2022 жылдың қаңтарынан тамызға дейін бұл көрсеткіш 7,5% ұлғайды, бұл 4,2 триллион теңгені құрады, бұл ретте орта бизнес субъектілерінде алғашқы сегіз айда өсу қарқынында бұл көрсеткіш біршама құлдырауға ие және жалпы көлемнің 5% құрайды. Шағын және орта бизнеске инвестициялардың ұлғаюы елдің осы экономикалық көрсеткішінде біршама теңгерімсіздік тудырды, атап айтқанда оның ірі кәсіпорындар үшін 17% - ға төмендеуі. Осылайша, 2023 жылғы кәсіпорындардың негізгі капиталына салынған негізгі бағыттарды төмендегі диаграммадан көруге болады (Сурет 8) [8,13].

Сурет 8 – 2023 жылы ШОБ активтеріне инвестициялар бағыттары

Ескерту: [8,13] дереккөздер негізінде авторлармен құрастырылған

Жоғарыда келтірілген диаграммадан шағын және орта бизнес кәсіпорындарының инвестициялық стратегиясындағы ауытқуды көруге болады, Мұнда негізгі инвестициялар ғимараттар мен құрылыстарды салуға бағытталған 73,7%, сондай-ақ машиналар мен жабдықтарды сатып алу 22,2%, ал қалған бағыттарға тек 4,2% бөлінеді, бұл даму арқылы қол жеткізілетін қазіргі жағдайлар үшін апатты түрде аз, ол негізгі экономикалық тиімділікке әсер етуші ғылымды қажет ететін бағыттар, оның ішінде кәсіпкерлік бағыты. Шағын және орта бизнес кәсіпорындарының инвестициялық бағытындағы мұндай теңгерімсіздікті жоюға бір тараптан мемлекеттің де, екінші жағынан кәсіпкерлік ортаның да бірлескен күш-жігері есебінен қол жеткізуге болады, әйтпесе бұл қазіргі жағдайда артта қалуға қауіп төндіреді.

ЗЕРТТЕУДІҢ НӘТИЖЕЛЕРІ

Шағын және орта бизнесі саласындағы Қазақстан Республикасында орын алатын өзгерістерді талдау жалпы экономиканың дамуына әсер етуші негізгі серпіндердің бірі болғандықтан өте маңызды. Кәсіпкерлік бұл әрқашанда экономикаға икемділік тудырып, оның алға жылжуына мұрындық болады.

Зерттеулер жалпыұлттық өнімнің үштен бірінен астамын иеленетін және елдің әлеуметтік аспектінде маңызды рөл атқаратын ШОБ субъектілерінің ҚР экономикасында маңызды рөлін көрсетті. Бұл көрсеткіштерге қол жеткізу қызметі елімізде оң іскерлік ахуал құратын мемлекеттік және мемлекеттік емес ұйымдар арқылы ШОБ-ты қолдауға бағытталған институттарды құруға және дамытуға мүмкіндік береді, бұл Қазақстанға әлемнің жетекші экономикалық дамыған елдерінің арасында орын алуға мүмкіндік берді.

ШОК субъектілері санының артуы тек Қазақстан Үкіметі қабылдаған шаралар есебінен ғана емес, сонымен қатар көрші мемлекеттердегі дағдарысқа, атап айтқанда Батыстың Ресей Федерациясына қарсы санкцияларына байланысты факторларға негізделген. ШОБ кәсіпорындарына бөлінген экономика секторын дамыту сыртқы факторларға тәуелді болмауы тиіс, осыған байланысты ҚР төрт ірі банкі ғана емес, сонымен қатар шетелдік қаржы институттары есебінен кредиттердің қолжетімділігін арттыру қажет. Қазақстандағы ШОБ қызметі экономиканың дәстүрлі секторларын қамтиды, бірақ бұл ретте венчурлік кәсіпорындар сияқты нысан дамымаған және стартап жобаларға да қолдау көрсетілмейді.

Қазақстан экономикасының табысты өсуі үшін дамыған елдердің тәжірибесіне және бірінші кезекте шағын және орта бизнес субъектілерін қолдауға бағдарлану қажет.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Развитие МСБ в Казахстане [Электронды ресурс] // Международное информационное агентство «Казинформ» [web-сайт]. – 2016. – URL: https://www.inform.kz/ru/razvitie-msb-v-kazahstane_a2945848 (қарау уақыты: 14.10.2024)
2. Буров В.Ю. Основы предпринимательства: учебное пособие. – Чита, 2011. – 441 с.
3. Кондраков, Н.П. Основы малого и среднего предпринимательства: Практическое пособие. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 446 с.
4. МСБ решает проблемы занятости в РК: на малых и средних предприятиях трудоустроены почти 40% всех работников по стране [Электронды ресурс] // Ranking.kz информационный портал [web-сайт]. – 2023. – URL: <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/msb-reshaet-problemy-zanyatosti-v-rk-na-malyh-i-srednih-predpriyatiyah-trudoustroeny-pochti-40-vseh-rabotnikov-po-strane> (қарау уақыты: 17.10.2024)
5. Uashov G.K. Trends of small and medium-sized business development in Kazakhstan/ Reports of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.- 2018. -Volume 4.- № 320. – P.33 – 38.
6. Казахстан в рейтинге Doing Business [Электронды ресурс] // Проект группы Всемирного Банка [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/rankings/kazakhstan> (қарау уақыты: 20.10.2024)
7. Значимость малого и среднего бизнеса в стране постепенно растёт: доля МСБ в ВВП страны достигла 29,5%. [Электронды ресурс] // Дайджест Ranking.kz [web-сайт]. – 2022. – URL: <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/znachimost-malogo-i-srednego-biznesa-v-strane-postepenno-rastyot-dolya-msb-v-vvp-strany-dostigla-295>. (қарау уақыты: 24.10.2024)

8. Зарегистрированные малые и средние компании в городах Алматы и Нур-Султан [Электронды ресурс] // Дайджест Ranking.kz [web-сайт]. – 2020. – URL: <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/predpriyatiya-msb-v-dvuh-krupnejshih-gorodah-almaty-i-nur-sultane-s-20-aprelya-postepenno-vernutsya-k-rabote-na-eti-megapolisy-prihoditsya-45-vseh-zaregistrirovannyh-malyh-i-srednih-kompanij-strany> (қарау уақыты: 24.02.2024)
9. Спасательный круг для МСБ: налоговые каникулы и прочие меры поддержки. Как Казахстан и соседи по ЕАЭС помогают бизнесу? [Электронды ресурс] // Дайджест Ranking.kz [web-сайт]. – 2021. – URL: <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/spasatelnyj-krug-dlya-msb-nalogovye-kanikuly-i-prochie-mery-podderzhki-kak-kazakhstan-i-sosedi-po-eaes-pomogayut-biznesu> (қарау уақыты: 24.10.2024)
10. Кредитование МСБ. Обзор предложений крупнейших банков-кредиторов РК [Электронды ресурс] // Дайджест Ranking.kz [web-сайт] – 2021. – URL: <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/msb-pod-ugrozoj-v-pervyj-karantinnyj-mesyac-kolichestvo-vremenn-neaktivnyh-malyh-i-srednih-kompanij-podskochilo-srazu-pochti-na-30-banki-i-gosudarstvo-g> (қарау уақыты: 10.10.2024)
11. Предприятия МСБ в двух крупнейших городах — Алматы и Нур-Султане — с 20 апреля постепенно вернутся к работе. На эти мегаполисы приходится 45% всех зарегистрированных малых и средних компаний страны [Электронды ресурс] // Дайджест Ranking.kz [web-сайт]. – 2021. – URL: <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/predpriyatiya-msb-v-dvuh-krupnejshih-gorodah-almaty-i-nur-sultane-s-20-aprelya-postepenno-vernutsya-k-rabote-na-eti-megapolisy-prihoditsya-45-vseh-zaregistrirovannyh-malyh-i-srednih-kompanij-strany> (қарау уақыты: 03.11.2024)
12. Малое и среднее предпринимательство в РК [Электронды ресурс] // Дайджест Ranking.kz [web-сайт]. – 2020. – URL: <http://ranking.kz/ru/a/reviews/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-v-rk-2020> (қарау уақыты: 15.11.2024)
13. Всемирный банк в Казахстане [Электронды ресурс] // Группа Всемирного Банка [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/kazakhstan> (қарау уақыты: 4.11.2024)
14. Материалы Секретариата Комитета развития малого и среднего бизнеса НПП РК «Атамекен» [Электронды ресурс] // Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» // [web-сайт]. – 2024. – URL: atameken.kz/ru/ (дата обращения: 13.01.2024)
15. Уашов Г.К. Қазақстандағы ұйым персоналын бейбағдарыстық басқару // Доклады Национальной Академии Наук Республики Казахстан. - 2017. – Том 2. – № 312. – Б.124 – 128
16. Уашов Г.К. Проблемы развития института банкротства в Казахстане // ҚР ҰҒА хабаршысы. Вестник НАН РК. – 2016. – №6. – С.180-186.
17. «Отчет о развитии малого и среднего предпринимательства в странах ЕАЭС. II квартал. НПП РК «Атамекен»». – Астана, 2018. – 102 с.
18. Статистика внутренней торговли [Электронды ресурс] // Министерство национальной экономики РК. Комитет по статистике «Экономика и статистика» [web-сайт]. – 2019. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/> (қарау уақыты: 22.01.2024)
19. Gartner [Электронды ресурс] // wikipedia.org [web-сайт]. - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Gartner> (қарау уақыты: 22.05.2024)

REFERENCES

1. Razvitie MSB v Kazakhstane. (2016). Mezhdunarodnoe informacionnoe agentstvo «Kazinform». Retrieved October 14, 2024, from https://www.inform.kz/ru/razvitie-msb-v-kazakhstane_a2945848 (In Russian).
2. Burov, V. Yu. (2011). Osnovy predprinimatel'stva: uchebnoe posobie. Chita. 441 p. (In Russian).
3. Kondrakov, N. P. (2013). Osnovy malogo i srednego predprinimatel'stva: Prakticheskoe posobie. Moscow: NIC INFRA-M. 446 p. (In Russian).
4. MSB reshaet problemy zanyatosti v RK: na malyh i srednih predpriyatiyah trudoustroeny pochti 40% vseh rabotnikov po strane. (2023). Ranking.kz. Retrieved October 17, 2024, from <http://ranking.kz/ru/a/>

infopovody/msb-reshaet-problemy-zanyatosti-v-rk-na-malyh-i-srednih-predpriyatiyah-trudoustroeny-pochti-40-vseh-rabotnikov-po-strane (In Russian).

5. Uashov, G. K. (2018). Trends of small and medium-sized business development in Kazakhstan. Reports of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 4(320), 33–38.

6. Kazakhstan v reitinge Doing Business. (2024). Proekt gruppy Vsemirnogo Banka. Retrieved October 20, 2024, from <https://archive.doingbusiness.org/ru/rankings/kazakhstan> (In Russian).

7. Znachimost' malogo i srednego biznesa v strane postepenno rastët: dolya MSB v VVP strany dostigla 29.5%. (2022). Digest Ranking.kz. Retrieved October 24, 2024, from <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/znachimost-malogo-i-srednego-biznesa-v-strane-postepenno-rastyot-dolya-msb-v-vvp-strany-dostigla-295> (In Russian).

8. Zaregistrovannyye malye i srednie kompanii v gorodah Almaty i Nur-Sultan. (2020). Digest Ranking.kz. Retrieved February 24, 2024, from <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/predpriyatiya-msb-v-dvuh-krupnejshih-gorodah-almaty-i-nur-sultane-s-20-aprelya-postepenno-vernutsya-k-rabote-na-eti-megapolisy-prihoditsya-45-vseh-zaregistrovannyh-malyh-i-srednih-kompanij-strany> (In Russian).

9. Spasatel'nyj krug dlya MSB: nalogovye kanikuly i prochie mery podderzhki. Kak Kazakhstan i sosedi po EAES pomogayut biznesu? (2021). Digest Ranking.kz. Retrieved October 24, 2024, from <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/spasatelnyj-krug-dlya-msb-nalogovye-kanikuly-i-prochie-mery-podderzhki-kak-kazahstan-i-sosedi-po-eaes-pomogayut-biznesu> (In Russian).

10. Kreditovanie MSB. Obzor predlozhenij krupnejshih bankov-kreditorov RK. (2021). Digest Ranking.kz. Retrieved October 10, 2024, from <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/msb-pod-ugrozoy-v-pervyj-karantinnyj-mesyac-kolichestvo-vremenno-neaktivnyh-malyh-i-srednih-kompanij-podskochilo-srazu-pochti-na-30-banki-i-gosudarstvo-g> (In Russian).

11. Predpriyatiya MSB v dvuh krupnejshih gorodah — Almaty i Nur-Sultane — s 20 aprelya postepenno vernutsya k rabote. (2021). Digest Ranking.kz. Retrieved November 3, 2024, from <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/predpriyatiya-msb-v-dvuh-krupnejshih-gorodah-almaty-i-nur-sultane-s-20-aprelya-postepenno-vernutsya-k-rabote-na-eti-megapolisy-prihoditsya-45-vseh-zaregistrovannyh-malyh-i-srednih-kompanij-strany> (In Russian).

12. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v RK. (2020). Digest Ranking.kz. Retrieved November 15, 2024, from <http://ranking.kz/ru/a/reviews/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-v-rk-2020> (In Russian).

13. Vsemirnyj bank v Kazakhstane. (2024). Gruppa Vsemirnogo Banka. Retrieved November 4, 2024, from <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/kazakhstan> (In Russian).

14. Materialy Sekretariata Komiteta razvitiya malogo i srednego biznesa NPP RK «Atameken». (2024). Nacional'naya palata predprinimatelej Respubliki Kazakhstan «Atameken». Retrieved January 13, 2024, from atameken.kz/ru/ (In Russian).

15. Uashov, G. K. (2017). Kazakhstanдағы ууым personalyn beidagdarystyq basqaru. Doklady Nacional'noj Akademii Nauk Respubliki Kazakhstan, 2(312), 124–128 (In Kazakh).

16. Uashov, G. K. (2016). Problemy razvitiya instituta bankrotstva v Kazakhstane. Vestnik NAN RK, 6, 180–186 (In Russian).

17. Otchet o razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v stranah EAES. II kvartal. NPP RK «Atameken». (2018). Astana. 102 s. (In Russian).

18. Statistika vnutrennej trgovli. (2019). Ministerstvo nacional'noj ekonomiki RK. Komitet po statistike «Ekonomika i statistika». Retrieved January 22, 2024, from <https://stat.gov.kz/ru/> (In Russian).

19. Gartner. Retrieved May 22, 2024, from <https://ru.wikipedia.org/wiki/Gartner> (In Russian).

**DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN KAZAKHSTAN IN
CONDITIONS OF INSTABILITY**

G. K. Uashov¹, A. B. Zurbayeva^{1*}, A.T. Abubakirova²

¹ Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

² Kazakh-Turkish International University, Taraz, Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of writing this article is to analyze the impact of the changes taking place in the country on the development of small and medium-sized businesses.

Research methodology. In the process of writing the article, such methods as the collection of primary statistical information, Excel-data analysis with forecasts, economic analysis, and comparative methods were used.

The scientific value of this work is due to the growing problems in the economy of the Republic of Kazakhstan caused by the global crisis and the pandemic, which fully affected small and medium-sized businesses, as a result of which measures were taken to support this area of entrepreneurship by various financial institutions.

The results of the study. This article analyzes the development of small and medium-sized businesses in Kazakhstan, on its basis, the main problems in terms of tax and financial and credit systems are identified, and prospects for the development of state support for entrepreneurship are identified.

The authors noted the role and place of small and medium-sized enterprises in the socio-economic development of the state, identified the regions of the country and the industries in which these forms of business have developed. The interests of SMEs of the economy in the implementation of entrepreneurial activities are identified, as well as the problems hindering the effective functioning of this sector are described.

Key words: development trends, state support, small business, SMEs, World Bank rating.

**РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В КАЗАХСТАНЕ
В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

Г. К. Уашов¹, А. Б. Зурбаева^{1*}, А. Т. Абубакирова²

¹ Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

² Международный казахско-турецкий университет, Тараз, Казахстан

АННОТАЦИЯ

Целью, поставленной при написании данной статьи, является анализ влияния происходящих в стране изменений на развитие малого и среднего бизнеса.

Методология исследования. В процессе написания статьи были применены такие методы как сбор первичной статистической информации, анализ данных с Excel-прогнозами, экономический анализ, сравнительные методы.

Научная ценность данной работы обусловлена ростом проблем в экономике РК вызванных глобальным кризисом и пандемией, в полной мере, отразившейся на субъектах малого и среднего бизнеса, вследствие чего были предприняты меры поддержки данного направления предпринимательства различными финансовыми институтами.

Результаты исследования. В данной статье проведен анализ развития малого и среднего бизнеса в Казахстане, на его основе выявлены основные проблемы в части налоговой и финансово-кредитной

систем, а также определены перспективы в области развития государственной поддержки предпринимательства.

Авторами отмечена роль и место малого и среднего предпринимательства в социально-экономическом развитии государства, определены регионы страны, и отрасли в которых получили развитие данные формы бизнеса. Идентифицированы интересы субъектов МСБ экономики в реализации предпринимательской деятельности, а также описаны проблемы, препятствующие эффективному функционированию данного сектора.

Ключевые слова: тенденции развития, государственная поддержка, малый бизнес, МСБ, рейтинг Всемирного банка.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ

Уашов Гилад Камбарович – э.ғ.к., қауымдастырылған профессор Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, email: gilash.uashov@narhoz.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1760-2441>

Зурбаева Алия Битуғановна – доктор PhD «Менеджмент» мамандығы бойынша, ассистент профессор Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, email: aliya.zurbaeva@narhoz.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5319-8861>

Абубакирова Актолкин Турсуматовна - PhD, қауымдастырылған профессор Қожа Ахмет Ясауи атындағы халықаралық қазақ-түрік университеті, email: aktolkin.abubakirova@ayu.edu.kz

MPHTI: 06.77.67

JEL Classification: M54

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-53-68>

КӘСІПОРЫНДАҒЫ ЕҢБЕК ӘЛЕУЕТІН ПАЙДАЛАНУ ТИІМДІЛІГІНЕ БАҒА БЕРУ ӘДІСТЕМЕСІ

А. Е. Жанабай^{1*}, Р. Қ. Елшібаев¹, Г. Е. Жунисбекова¹

¹Университет Нархоз, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – еңбек әлеуетін бағалау теориясы мен әдістемесін негізге ала отырып ғылыми негізделген нақты есептеу жолын әзірлеу болып табылады.

Әдіснамасы – жүйелік әрі салыстырмалы талдау, құрылымдық-логикалық әдіс пен сауалнама. Айта кетсек, зерттеу объектісі нақты мысалында еңбек әлеуетін пайдалану тиімділігінің мәнін ашатын жекелеген көрсеткіштерді бақылау және бағалау арқылы экономикалық-математикалық модельдеу және бірінші ретті ақпаратты алуға жәрдемдесетін сауалнама әдістері жүйелі шешімдер жасауға негіз болды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – еңбек әлеуетін бағалау мен қалыптастырудың әдістемелік тәсілдердің мүмкіндігімен байланысты. Бұл барлық меншік нысандарындағы кәсіпорындар персоналын бақылау және оңтайландыру бағдарламаларын іске асыру кезінде, сондай-ақ кәсіпорын қызметкерлерінің еңбек әлеуетін пайдалану тиімділігіне баға бере алу мүмкіндігімен түсіндіріледі.

Зерттеу нәтижелері – мақаланы әзірлеу барысында авторлар еңбек әлеуеті терминдік түсінігін қалыптастырып қана қоймай, кәсіпорынның еңбек әлеуеті интегралды көрсеткішін есептеу әдістемесін

әзірледі. Сондықтан аталмыш мәселені ашу жолында сандық-сапалық әдістерді әлеует құраушыларымен және экономикалық тиімділікпен ұштастыру арқылы жүйелі жолдар орынды нәтижеге қол жеткізді.

Түйін сөздер: еңбек әлеуеті, тиімділікті арттыру, кәсіпорын тиімділігі, жиынтық көрсеткіш, сандық бағалау, еңбек әлеуетін есептеу.

КІРІСПЕ

Кәсіпорын стратегиясын іске асырудың негізгі аспектісі персоналды дамыту, сәйкесінше оның еңбек әлеуетін арттыру болып табылады. Кәсіпорын қызметкерлерінің еңбек әлеуетін қалыптастыру және дамыту туралы шешім қабылдаудан бұрын нақты өндіріс тұрғысынан жұмысшылардың әртүрлі санаттарының еңбек әлеуетінің маңызды сипаттамаларын бағалау кезеңі болуы керек. Сондықтан жеке жұмысшылар мен олардың экономикалық қызмет нәтижесіне негізделген, тұтастай алғанда кәсіпорынның еңбек әлеуетін бағалау және қалыптастыру мәселелеріне арналған осы зерттеуді жүргізу өзекті болып көрінеді. Өз кезегінде Қазақстан Республикасы Президентінің 2023 жылдың 1 қыркүйіндегі «Әділетті Қазақстанның экономикалық бағдары» жолдауымен түсіндіріледі [1].

Ерекше құбылыс саналатын еңбек әлеуетін қарастыру барысында өнімді нәтиже беретін құрама бөлшектерді орынды жұмылдыруға айтарлықтай септік тигізетінін есепке алу маңызы жоғары. Бұл ретте күнделікті қызмет барысында қолданысқа ие және ресурстық қамтамасыз етудің салдарынан көрініс таппаған мүмкіндіктерді назар аясында ұстау қажет. Осы тақырып аясындағы негізгі тенденцияларды талдап қана қоймай, сыни көзқараспен баға беруді естен шығармаған жөн. Өз кезегінде еңбек әлеуетінің экономикалық санат тұрғысынан жүйелеу және зерделеу де абзал.

Жекелеген қызметкер жағдайында еңбек әлеуетін физикалық және ақыл-ой, білім деңгейі мен кәсіби біліктілігі, бизнес процессті іске асыру барысында көрініс табатын өң бойындағы туа біткен және жүре пайда болған қасиеттер мен дағдылар есебінде Кибанов А.Я. сипаттайды [2]. Мәселен, Одегов Ю.Г. пен Руденко Г.Г. [3] кез келген іс-әрекет қызметін қанағаттанарлық деңгейде орындауға қажетті мығым шыдамдылық сындық қасиеттер есебімен көрініс табатын биологиялық факторды ерекшеген. Ал Радько С.Г. [4] және Асалиев М.А. [5] болса еңбек әлеуетіне анықтама берерде оқып-тоққан білім деңгейі рөліне бас назар ұстанудың маңызын айқындады. Яғни қажетті күзиреттіліктер есебімен өмірлік цикл барысында оны білім нәрімен сусындырып, қосымша тәжірибе жинақтау арқылы тиімділікті арттыруға септігін тигізетінін айқындады. Генкин Б.М. [6] бойынша әлеует мүмкіндіктері кәсіби біліктілік деңгейімен ерекшеленеді. Оның қатарында әлеуетті қызметкердің тікелей жұмыс бабында тапсырмалар мен күзиреттіліктерді асырудағы дайындық деңгейі мен жемісті нәтижесі көрініс табады. Біліктілік жайлы сөз қозғалса, демек бұл тұста қажетті шеберлік деңгейі қатар жүреді. Салыстырмалы түрде жақын шақта экономика мен басқару саласында жаңашылдық әлеуеті жарқ ете бастады [7]. Жаңашылдық ұғымын ұйымдағы құрылымдық, игерілу, қолданыста жүргізу мен нәтижелерді талдау қызметін толыққанды бизнес процестерді жүйелеу деп түсіндіріледі [8]. Қалыпты түрде бұл әлеует қаратарын кәсіпорынның игілігіне жаңа әдістер мен құрал-жабдықтарды тарту саналады. Әлеуметтік құрауыш бойынша П. Бурдые [9], ал кейіннен басқа да авторлар да динамикалық сипаттағы сыртқы-ішкі ортада пайда болатын қарым-қатынас пен әрекет жиынтығы. Орынды әрі толыққанды қамтылған саясат есебімен қолайлы орта жағдайлары, тұрақты ұжым мен әділ бағаланған қаржылық әрі қанағаттанарлық нәтиже тиімділік кілтін қалыптастырады. Жеке бас мәселелеріне тиімсіздік пен көңіл толмаушылық, тұрақсыздық кепілдемесі орнамаған жағдай жеке тұлға бөгде орта мүшесі болудан алысырап әлеуметтік әлеует рөлі артады.

Алдымен еңбек әлеуетінің нарықтық экономикадағы мәні анықталып, жоғарыда қарастырылған мағынасы жағынан жақын, бірақ атаулы айырмашылық жасайтын ұғымдармен ара-жігі ажыратылды. Демек, кәсіпорындағы еңбек әлеуеті – мақсатты нәтижеге жету үшін кадрлық, білім беру, кәсіби, жаңашылық, әлеуметтік және экономикалық әлеует құрылымдарын жалпылаушы көрсеткіш. Кәсіпорынның еңбек әлеуеті көрсеткішінің жүйеленген құрылымына сандық сипатта талдау жүргізу мақсатында эксперттік әдіс қолданысқа енгізілді.

Аталмыш зерттеудегі басты назар біздің негізгі мақсатымызға, яғни кәсіпорындағы еңбек әлеуеті тиімділігін бағалауға аударылады.

Кесте 1 – Кәсіпорындағы еңбек әлеуетін бағалау әдістері

№	Еңбек әлеуетін бағалау әдісі	Әдіс авторлары
1.	Құрама бөлшектерді балдық тұрғыдан зерттеу барысында әрбір сәйкес көрсеткіш шектелген сандық сипаттамада алынады. Бұл тұста тезистер арнайы әзерленеді, ал жауап беруші тұлғалар толық қанағаттану мен толық қанағаттанбау әсерін ноль мен бес аралығындағы Лайкес шкаласын негізге алады.	Панов А.М мен Леонидова Г.М., сондай-ақ Егоршин А.П.
2.	Кластерлік әдіс сипаттамасында әрбір бөлік нақты деңгейлермен сипатталады. Ол деңгейлердің жекелеген балдық құрылымын жоғары, орташа және деңгейден төмен мәндер шоғырламасы рангтарға ұлғасады. Мұндағы мәселе физикалық саулық, шеберлік пен белсенді әрекет, сондай-ақ ұйымдасу деңгейімен ашыла алады.	Никонова Т.В. пен Одегов Ю.Г.
3.	Сандық тұрғыдан бағалауда, кең мағынада жұмыс уақытының қоры негізге алынады. Нәтижесінде қолданылмаған қорды орнықтыруға, ал бар нәтиженің тиімділігін арттыруға мүмкіндік туады. Яғни басты мән кәсіпорынның әлеуетті жұмыс уақытының қоры нәтижесі жалпы күнтізбелік уақыт қоры мен қандай да бір себеппен жұмыстан босатылған мерзімі айырымымен айқындалады.	Сорокина М.Е., Адамчук В.В., және Ромашов О.В.
4.	Индекс арқылы баға беру кезінде мерзімді уақытта әлеуеттің сипатын зерделей отырып, мәнін ашатын ең төменгі, оңтайлы және актуалды деректерді ноль мен бірдің аралығындағы индекстерге сәйкестендіріледі. Мысал ретінде еңбекпен қамтылу, оқу деңгейі мен кәсібилілік, еңбек ұсынысы мөлшері, жабдықтану мөлшері мен үлесін алу ұсынылады.	Терентьева М.А. мен Попова Л.А.
5.	Еңбек әлеуетін интегралды тұста айқындау кезінде еңбекке жарамдылық, біліктілік, ішкі тәртіп реті, сыртқы ортамен қарым-қатынас, өзін-өзі көрсету және жауатылық деңгейі ұсынылады. Бұл ретте де деңгейленген төрт ретті баға теңгестіріледі. Нәтижесінде жалпыланған өлшем бірлік жекеленген көрсеткіштер сипаты мен мөлшерлемесіне сәйкес бір ортақ мәнге ұласады.	Генкин Б.М. мен Трункина Л.В.
Ескерту – [10-14] дереккөзі негізінде авторлармен құрастырылған.		

Жүйелік тұрпатта ұйымның еңбек әлеуеті ондағы қызметкерлердің әлеуетінен құралатыны айдан анық. Еңбек әлеуеті көрсеткішін құрайтын бөлшектердің сандық-сапалық әртүрлілігіне байланысты тиімділікті бағалау жұмысы оңай шарттардың бірі емес. Сондықтан қолданыстағы әдістердің салыстырмалы сипаттамасы 1-кестеге сәйкес келеді. Жоғарыдағы кестеден тәжірибе жүзінде кең қолданыстағы әдіс ретінде балдық бағалау саналады деген ойтолғау шығаруға болады. Әрбір әдістің өзіндік құрылымы, артықшылығы мен кемшілігі бар екені тағы бар. Айта кететін жайт – бұл ретте тар мағынада қызметкердің, кең мағынада ұйымның сапалықпен қатар сандық қызмет аясы есепке алына алады. Сол арқылы кейініректе толыққанды әрі практикалық маңызы бар нәтижеге қол жеткізу мүмкіндігі туады.

ЗЕРТТЕУДІҢ НЕГІЗГІ БӨЛІМІ

Қызметкердің еңбек әлеуетін зерттеуді жүргізу үшін «Stark Логистика» ЖСШ-ның бөлім басшыларынан құралған тәжірибелі эксперттердің көмегіне жүгіндік. HR бөлімі, аудит және қаржы, операциялық, бизнес-процестерді дамыту және қолдау, сауда, көлік, тұтынушы қатынастары, сондай-ақ заң бөлімдерінің басшылары еңбек әлеуетінің компоненттерін нақтылауға және жалпы сипатта кәсіпорын үшін әлеуеті компоненттерінің салмақтық коэффициенттерін егжей-тегжейлі сараптауға қатысты. Бұдан бөлек жоғарыдағы кәсіпқой мамандардың және әдеби еңбектердің көмегімен әрбір компонентті сипаттайтын жеке көрсеткіштерді анықтадық. Бұл тұлғаларды эксперт ретінде таңдап алудың астарында бірінші кезекте ұйым тиімділігін арттырудағы жеке мотивтердің бар боуымен, яғни ұйымның тиімділігі өзгеріске ұшырайтын болса, олардың жалақы мөлшерлері де индексацияланатынын естен шығармаған жөн. Яғни, олардың қаржылық қызығушылықтың тура пропорционалдылығымен сипатталады. Екінші ретте дәл осы басқарушы-мамандар кәсіпорындағы ішкі жағдайдың толыққанды көрінісімен, корпоративтік мәдениетімен, ұйымның артықшылықтары, кемшіліктері, мүмкіндіктері мен қауіп-қатерлері жайлы ақпаратқа ие болуы және бизнес-процесстер бойынша нақты тәжірибеге негізделген кәсіби негізделген әрі сарапталған шешімдерді қабылдауы жатыр.

Кәсіпорынның еңбек әлеуетін талдау үшін келесі сипатқа ие интегралды формула ұсынылады.

$$KE\Theta = a \times K_d + b \times B_m + c \times K_b + d \times J_k + e \times \Theta_t + f \times \Theta_k \quad (1)$$

Мұндағы a, b, c, d, e, f – құрамдас бөліктердің маңызыдылық коэффициенттері; сондай-ақ, $K_d, B_m, K_b, J_k, \Theta_t, \Theta_k$ – сәйкесінше кәсіпорынның еңбек әлеуетін айқындайтын кадрлық, білім беру, кәсіби, жаңашылық, әлеуметтік және экономикалық компоненттерінің сандық мәні.

Осы ретте ұйымның басқарушылық аппараты мен біздің тікелей қатысуымызбен бірігіп шығарылған құрама бөлшектер мен олардың нақты сандық сипаттағы тиімділікті айқындауының жүйелік үлес-салмағы ұсынылады.

Кесте 2 – Кәсіпорындағы жалпыланған еңбек әлеуетінің құрамы

Құрылымдық әлеует сипаты	Кадрлық	Білім беру	Кәсіби	Жаңашылдық	Әлеуметтік	Экономикалық
Салмақ үлесі	0,14	0,17	0,21	0,17	0,13	0,18
Ескерту – авторлармен басты сарапшылар, яғни ұйымның басқарушы өкіл мамандары көмегімен құрастырылған.						

2-кесте бойынша біршама сөз қозғайтын болсақ, әдеби шолудың маңызы бұл ретте жоғары болды. Басты рөл – кәсіби әлеует еңшілігінде болса, келесі орында – экономикалық құрылым. Шын мәнінде жұмыс беруші нақты мысал жағдайында білікті маманды өз маңайында көруді тиімді санаса, ақша-қаржы мәселесі екі жақты маңызды әрі туындайтын мәселелердің кілті сонда жатады. Оқытушылық пен жаңашылдық әлеуеттердің сандық сипаттамасы ортақ мәнге ие. Бұл «өмір бойы білім нәрімен сусында-лу» есебімен жаңа жүйелі шешімдерді анықтаумен түсіндіріледі. Өз кезегінде кадрлық құрамның рөлі бөлек болуы бизнес-процесстерді іске асырушы тұлғалардың тікелей қатысымымен байланыстырылады. Және соңғысы бола тұра, толыққанды эмоционалдық күйдің байланыстырушы ретінде әлеуметтік әлеует ұсынылады.

Кәсіпорындағы еңбек әлеуетін құраушы жеке көрсеткіштерді айқындау барысында сандық-сапалық есептеме жасауда қолданылатын ішкі құжатнамалар мен әдеби нұсқаулықтар негізге алынды. Қажетті саналатын сандық мәндер ұйымның жылдық есептемелірі мен ішкі стратегиялық есебі арқылы негізделді. Кейіннен Вражнова. М., Николаева. Г. және Фурсова П. [15] өздерінің 2022 жылы жарық көрен еңбегі негізінде нақты немесе ағымдық және өткен жылдық мәндердің пайыздық сипаттамасының ара-қатынасы есептелінеді.

$$X_{\text{көрсеткіш}} = \frac{P_{\text{нақты мән}}}{P_{\text{базистік мән}}} \times 100 \% \quad (2)$$

Мұндағы, $X_{\text{көрсеткіш}}$ – еңбек әлеуетінің жекелеген көрсеткіштерінің өзгерісі не болмаса өсу қарқыны. Негізінен жоғарыдағы формулаға сәйкес кезең аралық нақты және базистік мәндер есебімен анықталады. Нәтижесінде жекелеген көрсеткіштердің қаншалықты дәрежеде өз мақсаттарына жеткенін ен болмаса алшақтағанын аңғара аламыз.

Келесі қадамымыз тиімділікті арттыру үшін еңбек әлеуетінің ынталандыру функциясын сараптаумен сипатталады:

$$Y_{\text{көрсеткіш}} = f(X_{\text{көрсеткіш}}), \% \quad (3)$$

Мұндағы, $Y_{\text{көрсеткіш}}$ пысықталған көрсеткіштің мәні болса, $f(X_{\text{көрсеткіш}})$ құрама бөлшектерді ынталандырудың функционалдық сипаттамасы. Алдыңғы жылмен салыстырмалы талдау жасау барысында пысықталған көрсеткіш жүз пайызды көрсетсе бір жөн. Ауытқу сипаттамасының алынатын мәні нақты мысал жағдайындағы кәсіпорынмен тығыз байланысты келеді. Өз кезегінде кең қолданыстағыларына тоқталып өтсек:

а) өсіпкі түзусызықтық функциямен ынталандыру көрінісі: $Y=X$. Яғни түпкі нәтиженің жоғарылауына қосымша марапат шарасы қолданса, ал жетіспеушілік жағдайында бар мәнді қабылдаймыз. Мәселен, пайда не болмасы өнімділік санаттары үшін орынды болары сөзсіз;

ә) төмендеуде ұмтылатын түзусызықтық функцияға ынталандыру $Y=200-X$ мейілінше аз мөлшерде қажетті шығыстар асырылса қабылданады. Сол сияқты керісінше біршама артық мөлшерде ресурстар қолданылса, функцияға сәйкес орындауды асырып, аз мәнді есепке аламыз;

б) кері ынталандыру функциясы $Y=-X$ кезінде айппұл мәселесі актуалдылығы қалыптасады. Кең мағынада бизнес-процеске тек теріс нәтиже алып келетін көрсеткіштер үшін соңғы шектеу саналады.

Ендігі кезекте әрбір жапылаушы көрсеткіштер үшін салмақ күшін айқындап, есептеу жолдарын қарастырған орынды. Тағы бір мәрте төмендегі көрсеткіштер мен олардың жекелеген мөлшерлемесі топ-менеджмент өкілдерімен талданғанын айта кету маңызды. Сандық сипатта сарапшы ретінде кәсіпорын тарапынан 1 ұйым жетекшісі, 10 бөлімнің басшылығы және 15 жетекші мамандар қарастыры құралды. Ұсынылған кестелерде негізге алынған алты компоненттің сандық сипаттамасын ашуға септігін тигізетін көрсеткіштер негізге алынды. Әдебиет көздерінде қарастырылған және кәсіпорын жағдайында есептеуге келетін ақпарат жүйеленіп, зерттеу әдіснамасын қалыптастыру шарасы асырылды.

Содан соң толыққанды кәсіпорынның әлеуетін ашушы жекелеген құрамалардың баллдық мәні пысықталған пайыздық нәтиже мен үлес салмақтың әрекеттесуінен туындап, формуламыз келесідей көрініске ие болады:

$$\Pi_{\text{көрсеткіш}} = Y_{\text{көрсеткіш}} \times B_{\text{көрсеткіш}} \quad (4)$$

Әрбір құрама бөлшек пен оның көрсеткіштері үшін осы жолды қайталап, кешенді тұрпатта тиімділікке баға беруге көшеміз. Құрылымдық объектінің баллдық нәтижесі жеке көрсеткіштер жеке көрсеткіштер жиынтығының салмақ коэффициенттері жүйесіне қатынасы есебінде анықталады:

$$KE\Theta = \sum \Pi_{\text{көрсеткіш}} / \sum B_{\text{көрсеткіш}} \quad (5)$$

Егоршин А.П. бойынша [11], түп нәтижесінде шыққан баллдық көрсеткіш ұйымның нақты жағдайын айқындайды. Бұл ретте $KE\Theta$ көрсеткіші 100 ұпайға жетер-жетпес жағдайында болса – кәсіпорын әлеуеті мәселесінде біраз ақаулықтар бар. Ал егер жүзге тарта мән шығатын болса жандай қалыпты әрі қанағаттанарлық сипатқа ие болса, жүзден біраз бірлік іргелі шапқан мән ұйымның әлеуетті қажымас әрі мықты жағдайы жайлы хабар береді.

Зерттеу жұмысын іске асыру бағытында ұйым еңшілгіндегі ішкі есептемелер мен құжатнамалар негізге алынды. Бұдан басқа сапалық мәнді сандық негізбен ұштастыру үшін қызметкерлерге сауалнама ұсынылып, қажетті ақпаратқа қол жеткіздік. Бұл ретте бөлім басшылары, мамандар мен жұмысшылар санатын мейілінше толыққанды қамту үшін аралас сипатта персоналдың 33,07% респондент деп танылды.

Төмендегі 3-ші кестеге сәйкес кадрлық әлеует мәселесіне тоқталып өтсек. 2023 жылды 2022 жылмен салыстырғанда персоналдың орташа тізімі 14 адамға кемігенін байқауға болады. Жыныстық ерекшелік бойынша атаулы жылда 54 әйел және 206 ер адам болса, базистік жылы 56 мен 218 адамдарды құрады. Негізінен аталмыш арақатынас 102% тең, бұл құрылым атаулы жұмыстың сипатымен түсіндірілетінін айта кеткен жөн. Орташа жас көрсеткіші салыстырмалы түрде 32,7-ні құрап, Республикамыздағы соңғы ресми деректен біршама ауытқуғанын байқауға болады [16], экономикалық белсенді халық 39,2 жасқа тең болды, бұл салыстырмалы түрде ұйымның көрсеткішінен 6,5 жасқа айырмашылық жасайды. Бір қызметкерге шаққандағы жылдық сырқаттану мөлшері 2022 жылы – 8,87, ал 2023 – жылы 9,07.

Бұл ретте қарастырылатын әлеуметтік пакетті атап өткен жөн, яғни кәсіпорында ауру парағы күндерінің алғашқы 3 күні толыққанды төленеді, ал сыртқы орта факторлары баршамызға оңайшылықпен берілмейтіні тағы бар. Қалыпты норма көрсеткішін орындаушылар көрсеткіші кең сипатта қойма жұмысшыларымен түсіндіріледі. Жұмыс уақыты қалыпты қоры еліміздің заңнамасына сәйкес базистік

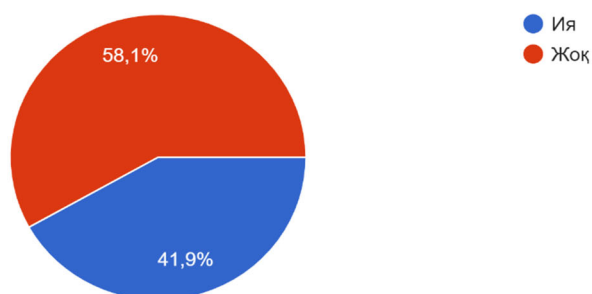
уақытта 245 және атаулы жылда 238 күнді құрады. Кадрлар ағымы атаулы мәселе саналады: 2022 жылы өз бетімен жұмыс орнын ауыстырған жар 38 адамды құрап, көрсеткіш 13,8% болса, келесі жылда олардың саны 24-ке қысқарып, нәтижелі мән 9,4% құрады. Бұл мәселе әрбір жұмыс беруші мен қызметкерлерге түсінікті жайт. Жұмыс құрылымы мен оған төленетін ақы, екінші ретте көрсетілетін нәтиже мен алғашқы сенімдер біріні бірі ақтамауы мүмкін.

Кесте 3 – «Stark Логистика» ЖШС кадрлық әлеуетін талдау нәтижелері

Көрсеткіштердің атаулары	2022	2023	Өсу қарқыны, %	Ынталандыру көрінісі	Пысықталған нәтиже	Үлесі	Жекелеген мән
•Персоналдың орташа тізімдік саны, адам	274	260	95	$y=200-x$	105	0,024	2,502
•Қызметкерлер гендерлік құрылымы, %	3,81	3,89	102	$y=x$	102	0,014	1,429
•Ұжымның жастық құрылымы, жас	32,64	32,89	101	$y=200-x$	99	0,024	2,362
•Бір жылдық сырқаттану мөлшері, адам күн	8,87	9,07	102	$y=200-x$	98	0,015	1,505
•Қалыпты норма көрсеткішін орындағандар саны, адам	218	206	94	$y=x$	94	0,028	2,646
•Жұмыс уақыты қоры, күн	245	238	97	$y=x$	97	0,018	1,768
•Жылдық кадр ағымы, %	13,8	9,4	68	$y=200-x$	132	0,017	2,216
Жиынтық						0,14	14,427
Ескерту – [17] дереккөзі негізінде авторлармен құрастырылған.							

Респонденттер «Stark Логистика» ЖШС жұмысын жалғастырғысы келеді ме деген сұрақ қойылды. Яғни 58,1% жұмыс орнын өзгертуге ниет танытпайтынын, дегенмен 41,9% ауыстырғысы келетінін байқауға болады. Бұл ішкі мәселелерге, қызметкерлердің жұмыспен қанағаттану деңгейіне зер назар салу маңызын түсіндіреді.

Қазіргі жұмыс орныңызды ауыстырғыңыз келеді ме?
86 ответов

Сурет 1 – «Stark Логистика» ЖШС кадрларының жұмысын ауыстыруға ниеті

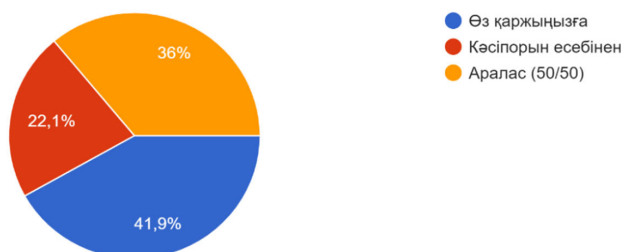
Ескерту – сауалнама авторлармен құрастырылған.

Кесте 4 – «Stark Логистика» ЖШС білім деңгейі әлеуетін талдау нәтижелері

Көрсеткіштердің атаулары	2022	2023	Өсу қарқыны, %	Ынталандыру көрінісі	Пысықталған нәтиже	Үлесі	Жекелеген мән
•Персоналдың орташа білім алу уақыты	14,4	14,8	103	$y=x$	103	0,024	2,446
•Жоғары білімі барлардың үлесі	55,1	57,1	104	$y=x$	104	0,031	3,171
•Арнайы орта кәсіптік біліміге иелер, %	15,1	16,1	107	$y=x$	107	0,029	3,081
•Жалпы орта білімі барлардың үлесі	14,7	11,7	80	$y=200-x$	120	0,020	2,456
•Жоғары оқу орнынан кейінгі кәсіби мамандар үлесі	15,1	15,1	100	$y=x$	100	0,015	1,53
•Біліктілікті арттыру күндері саны	5	4	80	$y=x$	80	0,026	2,04
•Қызметкерлер білім сапасы көрсеткіші, ұпай	2,197	2,197	100	$y=x$	100	0,026	2,55
Жиынтық						0,17	17,274
Ескерту – [17] дереккөзі негізінде авторлармен құрастырылған.							

Білім беру әлеуеті бойынша әлеуетті сипаттамалар жеті көрсеткішпен сипатталды. Алдымен персоналдың арнайы білім ордаларында орташа білім алу ұзақтығы атаулы мерзімде 14,8 жылды құрады. Соның ішінде 2023 жылда 148 маман ЖОО тәмамдаса, арнаулы орта кәсіптік біліміге иелері – 42, ал жоғары оқу орнынан кейінгі кәсіби мамандар саны 39 адамды құрады. Өз кезегінде тек жалпы орта білімі барлардың сандық сипаттамасы өткен жылмен салыстырғанда 41-ден 31-ге дейін төмендегенін айта кетсек болады. Орташа есеппен біліктілікті арттыру шаралары 4-5 күнді қамтитыны анықталды.

Біліктілікті арттыру мен оқыту кімнің есебінен қаржыландырылады?
86 ответов

Сурет 2 – «Stark Логистика» ЖШС персоналы білімін қаржыландыру көзі

Ескерту – сауалнама авторлармен құрастырылған.

Жоғарыдағы суретте «Біліктілікті арттыру мен қайта оқыту кімнің тарапынан қаржыландырылады?» атты сұрақ мән-жайды аша алады. Демек, қызметкерлер мен жұмысшылардың басым бөлігі, яғни персоналдың 41,9% өз қаржысымен, ал 22,1% кәсіпорын ақысына және 36% аралас есеп тұрғысынан білімдерін жетілдіретініне көз жеткіздік. Осы ретте ұйым тарапынан біршама белсенділіктің артық болмайтыны естен шықпағаны жөн.

Қазіргі уақытта сізде бар білім деңгейі сапасын қалай бағалайсыз?
86 ответов

Сурет 3 – «Stark Логистика» ЖШС персоналының білім сапасы дәрежесі

Ескерту – сауалнама авторлармен құрастырылған

Бұған қоса сауалнамада «Қазіргі уақытта иемденген білім сапасын қалай бағалайсыз?» деген сұрақ бар (Сурет 3). Мұндағы ұпайлық шама күзінеттілігі келесідей сипатқа ие: 1 – төмен сапалы, 2 – орташа, 3 – жоғары сапалы. Нәтижесінде 2023 жылы орташа есеппен білім деңгейінің сандық сипаттамасы не болмаса шама көрсеткіші 2,197-ге тең болды. Негізінен, бұл ретте қызметкерлердің өзін-өзі әділ бағалағаны жайлы ой түйідей аламыз. Жалпы көрсеткіш мәні жаман емес, дегенмен орынды жұмыстар артық болмас.

Кәсіби әлеует көрсеткіштерінің маңызы ең жоғары саналатынын алдыңғы кезекте айта кеткен жөн. Осы ретте басты көрсеткіш ретінде, әрине, еңбек өтілін есепке алдық. Алдымен ұйым қызметкерлерінің жалпы өтілі 2022 жылмен сараптасақ, 2023 жылы 11-ге тең және ауытқу мөлшері 0,4 жылға артты. Нарықтық экономика жағдайында жеке тұлғалардың қолда бар мамандықты растаушы құжаттан ауытқып, басқа салада, не болмаса жақын келетін көршілес лауазымда қызмет атаруы қалыпты жайт. Сол себепті бөлек көрсеткіш ретінде мамандандырылған жұмыс өтілін де есепке алуды жөн көрдік. Бұл ретте нақты сипаттағы мамандандырылған өтіл ауқымы орташа есеппен 6,2 жылдан 6,7 жылға артты.

Сондай-ақ, қосымша мамандықты игергендердің шамасы 14,5-ден (36 адам) 15,3-ға (40 адам) бір-шама артқанын аңғара аламыз. Бұл да бәсекеге қабілеттілікті арттыру мақсатындағы іс-шара саналады. Бүгінгі уақытта, цифрландыру заманында кеңсе қызметкерлері мен басқарушы тап өкілдеріне компьютер құрылғыларын қанағаттанарлық дәрежеде қолдана білу шарт саналады. Ұйымда бұл көрсеткіш 34,6% яғни 94 адам, сондай-ақ 2023 жылда 36,7% сәйкесінше 96 қызметкерге сәйкес келеді. Алға қойған тапсырмаларды қалыпты жабу көрсеткішінің де артқанын, соңғы ретте 95%-дан жоғары мәнге ие болуынан аңғарамыз. Сыртқы орта тұрақсыздығы есебінен 2023 жылы 7 күнді ұйым жоғалтып алғанын тағы бір мәрте естен шығармаған жөн.

Кесте 5 – «Stark Логистика» ЖШС кәсіби әлеуетін талдау нәтижелері

Көрсеткіштердің атаулары	2022	2023	Осу қарқыны, %	Ынталандыру көрінісі	Пысықталған нәтиже	Үлесі	Жекелеген мән
•Жалпы еңбек өтілі мөлшері, жыл	10,6	11	104	$y=x$	104	0,027	2,833
•Мамандандырылған жұмыс өтілі, жыл	6,2	6,7	108	$y=x$	108	0,036	3,845
•Қызметкерлер біліктілігі деңгейі, ұпай	2,197	2,197	100	$y=x$	100	0,034	3,360
•Қосымша мамандық меңгерген қызметкерлер, %	14,5	15,3	106	$y=x$	106	0,025	2,660
•Персоналдың дербес компьютер құрылғыларын игеру деңгейі, %	34,6	36,7	106	$y=x$	106	0,032	3,341
•Еңбек нәтижелігі мөлшері, %	95	98	103	$y=x$	103	0,042	4,333
•Орта факторлары әсерінен жұмыс уақытын жоғалту, күн	0	7	-7	$y=x$	-7	0,015	-0,103
Жиынтық						0,21	20,282

Ескерту – [17] дереккөзі негізінде авторлармен құрастырылған.

Қазіргі уақытта сізде бар кәсіби дайындық пен дағдылардың сапасын қалай бағалайсыз?
86 ответов

Сурет 4 – «Stark Логистика» ЖШС персоналының біліктілік дәрежесі сипаттамасы

Ескерту – сауалнама авторлармен құрастырылған.

Өз кезегінде авторлармен жүргізілген сауалнамада қызметкерлерден «Өң бойыңыздағы кәсіби дайындық жиынтығына қандай баға бересіз?» атты мәселенің шешімі айқындалды. Көріп отырғаныңыздай, төмендегі суретте «Stark Логистика» ЖШС ұжымы сандық шамада өз дағдыларына жиынтық көріністе 2,197 ұпай берді. Қызық жайттың бірі – персонал өз білім дәрежесін де дәл осылай бағалауында жатыр. Негізінен, орташа көрсеткіш деңгейі әлі де қосымша шаралар мен мүмкіндіктерге жол ашу маңызын айқындайды деген ой түйіндей аламыз.

Жаңашылдық әлеует нарық қарқынын қозғаушы күш ролін атқарады деп тұжырымдасақ, қателеспейтініміз анық. Алайда Жаһандық инновациялық индекс есебі бойынша [18], Қазақстан 79 орыннан 83 орынға кері шегінгенін байқай аламыз. Сол себепті жаңашылдық әлеует деңгейін негізге алып, талдау нәтижелерін ұсынамыз. 2022 жылы инновациялық қызмет дәрежесі 12,4-тен 13,8 пайызға артты бұл көрсеткіш тікелей Warehouse Management System жүйесі арқасында көрініс тапты деген түйінге келе аламыз [19]. Бұл қосымша қызмет түрі салыстыралы түрде жақын аралықта іске қосылды, демек әлі де болса қосымшаларды қолдану арқылы аталмыш көрсеткішті арттыру маңызды.

Кесте 6 – «Stark Логистика» ЖШС жаңашылдық әлеуетін талдау нәтижелері

Көрсеткіштердің атаулары	2022	2023	Өсу қарқыны, %	Ынталандыру көрінісі	Пысықталған нәтиже	Үлесі	Жекелеген мән
•Жаңашылдық қызмет үлесі, %	12,4	13,8	111	$y=x$	111	0,032	3,594
•Бір қызметкерге шаққандағы жаңашылдық ұсыныстар	0,117	0,127	109	$y=x$	109	0,031	3,325
•Зерттеу және тәжірибелік жұмыстармен айналысатын қызметкерлер, %	0,131	0,150	114	$y=x$	114	0,022	2,523
•Жаңашылдық пен тәжірибелік жұмыстарға шығыс, %	3,39	3,39	100	$y=x$	100	0,027	2,72
•Негізгі өндірістік қордың тозуы, %	17	18	106	$y=200-x$	94	0,024	2,24
•Жаңашылдық әсері, мың теңге	47 708	54 936	115	$y=x$	115	0,034	3,91
Жиынтық						0,17	18,318

Ескерту – [17] дереккөзі негізінде авторлармен құрастырылған.

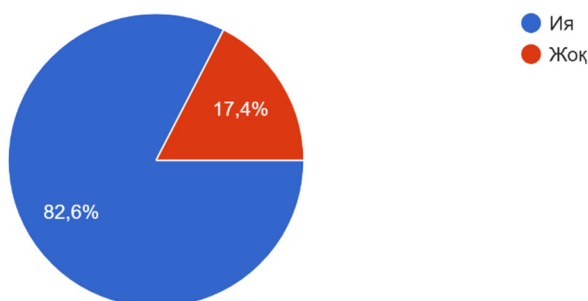
Орташа есеппен бір қызметкерге шаққандағы жалпы тиімділікті арттыру бойынша ұсыныстар 2022 жылғы нәтижемен 32 бірліктен (0,117 толыққанды ұйымға шаққанда) ағымдағы мезгілде 33-ке өсіп, кәсіпорынның жекелеген мәнін 0,127-ге дейін арттырды. Тиімділікті арттыру мақсатында тәжірибелік жұмыстармен айналысушылар реті де 36-дан 39-ға кеңейді. Кеңінен бұл қатарды бизнес-процестерді

дамыту және қолдау департаменті, R&D бөлім мамандары мен бөлім басшылары құрайды. Жаңашылдық қызметті іскес асыру мақсатында ұйым тарапынан жылда аталмыш әрекеттерді асыруға 3,39% ақша қаражаты бөлінеді. Бұл тұста тек іске тартылған қызметкерлердің ақысы 26 120 мың теңге есепке алынды, ол өзіндік құнда жатыр. Өз кезегінде инновациялық қызметті іске қосудың пайдалы әсері 47 708 мың теңгеден 54 936 мың теңгеге артқаны тағы бар.

Сауалнама есебімен қызметкерлердің ойын анықтау жүргізілді. Олардың пайымдауынша, 82,6 % әлі де болса автоматтандыру мен процесстерді оңтайландыру ісін жүргізу қажет. Сәйкесінше 17,4% қарсы ойды ұстанады. Бұл да түсінікті жайт – өзгерістерді асыру барысында жаңашылдыққа қарсы тұрушылар мен олардың әлеуетті ресурстар еңшілігіндегі қорқыныштары қоғамда қалыпты жайт.

Сіздің компанияңызға инновациялық технологиялар қажет пе?

86 ответов

Сурет 5 – «Stark Логистика» ЖШС персоналының инновациялық технологияларға қажеттілігі

Ескерту – сауалнама авторлармен құрастырылған.

Кесте 7 – «Stark Логистика» ЖШС әлеуметтік әлеуетін талдау нәтижелері

Көрсеткіштердің атаулары	2022	2023	Өсу қарқыны, %	Ынталандыру көрінісі	Пысықталған нәтиже	Үлесі	Жекелеген мән
•Ішкі ережелерді сақтау деңгейі, бір адамға шаққ.	0,0377	0,0373	99	$y=200-x$	101	0,017	1,707
•Ұжымының тұрақтылығы, %	81,8	87,7	107	$y=x$	107	0,029	3,06
•Әлеуметтік орта тұрақтылығы, ұпай	3,77	3,73	99	$y=x$	99	0,025	2,443
•ҚР Еңбек кодексін сақтау дәрежесі, бірлік	0,9623	0,9627	100	$y=x$	100	0,025	2,471
•Еңбек шарты кепілдіктер деңгейі, %	96,23	96,27	100	$y=x$	100	0,020	1,950
•Кәсіби деңгейін дәлелдеу үлесі, %	10,0	6,6	66	$y=-x$ $x \geq 70$	70	0,016	1,092
Жиынтық						0,13	12,731

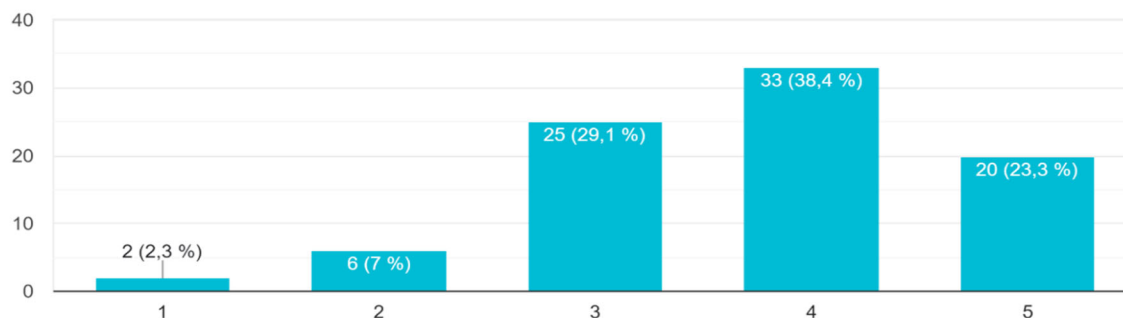
Ескерту – [17] дереккөзі негізінде авторлармен құрастырылған.

Әлеуметтік әлеует мәселесіне тоқталатын болсақ, ішкі ережелер мен тәртіп, сондай-ақ қақтығыстардың орын алуы қалыпты жайт екенін ұмытпағана абзал [20]. Бұл ретте кішігірім түсініспеушілік орын алады, салыстырмалы сипатта мұндай жағдайлардың толыққанды ұжымға шаққандағы саны 9,8-10,2 бірлік шеңберін қамтиды. Заңдық негіздемелер мен әлеуметтік қамтамасыз етілу деңгейі 96,23 пайыздан 96,27-ге дейін атқан. Бұл өз кезегінде кәсіпорынның қалыпты саясатымен түсіндіріледі. Негізінен атаулы мәселе ретінде ұжымның тұрақтылық деңгейіне біршама сұрақтар бар. Үш жылдан жоғары

қызмет жасаушылар үлесі аса жоғары дәрежеде емес, дегенмен базистік жылмен сараптағанда 50,0-ден 53,8 пайызға арқтан көрсеткіш қуантарлық жағдайды меңзейді. Демек, HR-қызметін қайта қарастыру жоғарғы мәнге ие.

Жұмыс орныңыздағы әлеуметтік-психологиялық климаттың тұрақтылығын қалай бағалайсыз (1-өте нашар, 5-өте жақсы)?

86 ответов

Сурет 6 – «Stark Логистика» ЖШС ұжымының ішкі қатынастарға бағасы

Ескерту – сауалнама авторлармен құрастырылған.

Ендігі кезекте персоналдың орташа әлеуметтік-психологиялық климатқа баға беруі қызық жайттардың бірі болмақ. Жоғарыда ұсынылған суреттегі нәтижеге сәйкес 3,737 орташа бағаның әділетті әрі орынды екеніне көз жеткіздік. Өйткені, сауалнама барысында жоғарғы нәтижелер 3-5 ұпай аралығын қамтыды, сәйкесінше жалпы 3 ұпайға 29,1%, ал 4-ті таңдағандар 38,4% және 5-ке бағалағандар 23,3%.

Ал енді экономикалық әлеует толыққанды экономикалық қаржылық құжаттарға негізделгенін және бұл көрсеткіштерді айқындауда нақты сандық мағлұматтардың бары кәсіпорынға орында баға беруде зор үлесін тигізді. Жалпы сипатта маманданған қызметтен түсім мөлшері 3 664 000 мың теңгеден 3 799 100 мың теңгеге артып, өсу қарқыны 104% құрағанын айта кеткен жөн. Ал кәсіпорынның таза пайдасы 2022 мен 2023 жылдары 376 900 мың теңгеден 544 600 мың теңге көтерілді. Сәйкесінше, бір адамға шаққандағы еңбек өнімділігі 13 372 мың теңге-адам мен 14 612 мың теңге-адам шамасында орнықты, яғни тоғыз пайызға өсті. Бір қызметкерге шаққандағы жалпы кіріс мөлшерлемесі 1 711 және 1 967 мың теңгеге тең. Бұл ретте еңбекақы қорының үлесі бес пайызға ратып, көрінісі келесі сипатқа ие: 2022-де 12,79%, ал 2023 жылы 13,46%. Сәйкесінше орташа айлық жалақы көрсеткіші он бес пайызға артып, 142 559 теңгеден 163 942 теңгеге өзгерді. Сонда да бұл бағаны нарықтағы оптималды көрсеткіш ретінде бағалау ерте саналады. Өйткені ұлттық статистика комитеті қорытынды есебі бойынша [16], 2022 жылы атаулы еңбек ақы 248 791 теңге, ал 2023 жылы 338 715 теңгені құрады. Шың мәнінде бұл бірінші ретте ресми ақпарат, екінші ретте жалақы мәселесі әрдайым қызу мәселелердің бірі болмақ. Сондықтан ақы төлеу мәселесін қайта қарастыру өзекті көрінеді.

Кесте 8 – «Stark Логистика» ЖШС экономикалық әлеуетін талдау нәтижелері

Көрсеткіштердің атаулары	2022	2023	Өсу қарқыны, %	Ынталандыру көрінісі	Пысықталған нәтиже	Үлесі	Жекелеген мән
•Көрсетілген қызметтен түсім, мың теңге	3664000	3799100	104	y=x	104	0,032	3,359
•Кәсіпорынның таза пайдасы, мың теңге	376900	544600	144	y=x	144	0,038	5,461
•Бір адамға шаққандағы өнімділік есебі, мың теңге-адам	13 372	14 612	109	y=x	109	0,031	3,343

•Бір қызметкерге шаққандағы жалпы кіріс мөлшерлемесі, мың теңге	1 711	1 967	115	$y=x$	115	0,031	3,519
•Түсім бойынша еңбекақы қор үлесі, %	12,79	13,46	105	$y=x$	105	0,022	2,273
•Орташа айлық жалақы көрсеткіші, теңге	142559	163942	115	$y=x$	115	0,027	3,105
Жиынтық						0,18	21,062
Ескерту – [17] дереккөзі негізінде авторлармен құрастырылған.							

Ұсынылған экономикалық талдау нәтижелері «Stark Логистика» ЖШС еңбек әлеуетін айқындады. Орта есеппен кәсіпорынның еңбек әлеуеті құрылымдық көрсеткіші 103,094 ұпайды құрады.

Кесте 9 – «Stark Логистика» ЖШС еңбек әлеуеті тиімділігін бағалау нәтижесі

№	Әлеует санаты	Үлес салмағы	Жиынтық мән
1.	Кадрлық	0,14	14,427
2.	Білім деңгейі	0,17	17,274
3.	Кәсіби	0,21	20,282
4.	Жаңашылдық	0,17	18,318
5.	Әлеуметтік	0,13	12,731
6.	Экономикалық	0,18	21,062
Кәсіпорынның толыққанды еңбек әлеуеті		1,00	103,094
Ескерту – авторлармен құрастырылды.			

Еске салатын болсақ, 100 бен 105 аралығы қанағаттанарлық жақсы дегенді білдіреді. Алайда әлеует тиімділігін арттыру мақсатынды кішігірім осалдық берген тұстармен жұмыс жасау қажет деген ойды ұстанамыз. Бұл ретте де ұсыныстарды сауалнама көмегімен айқындадық. Егоршин ұсынған балдық әдіс есебінде талдау жүргізілді. Қажетті көрсеткіштер қатарын авторлар тақырыпты айқындау мақсатында іріктеді. Сарапшылардың әлеуетті айқындаудағы әрбір құраушының салмақ үлестері негізінде маңызыдылық деңгейі қабылданды. Базистік және атаулы 2023 жылдардың есебінде жүз ұпайға сәйкестендірілген сандық бағалау қатары қалыптастырылды. Жетіспеген ақпаратты сауалнама негізінде толықтырдық. Негізінен персоналды 33,07% және әртүрлі санаттары респондент деп танылды. Кейіннен сапалық-сандық мәндерді ұштастыру арқылы кәсіпорынның 103,094 ұпайды құрайтын еңбек әлеуеті жемісті нәтижесін берді.

ЗЕРТТЕУ НӘТИЖЕЛЕРІ (ҚОРЫТЫНДЫ)

Талдау жұмысын әзірлеу барысында авторлардың аталмыш терминдік түсінігі қалыптасты. Яғни, кәсіпорынның еңбек әлеуеті – қызметкерлердің кадрлық, білім беру, кәсіптік, жаңашылдық, әлеуметтік және экономикалық әлеуеттердің құрылымдық жиынтығының нәтижесі. Ұйымның еңбек әлеуеті менеджерлермен, мамандармен, жұмысшылармен және кәсіпорынның еңбек нарығындағы қызметкерлермен ынтымақтастықта жүзеге асырылатын білімді, дағдыларды, қабілеттер мен құзыреттерді біріктіру арқылы барлық қызметкерлердің әлеуетті мүмкіндіктерімен сипатталатынын естен шығармаған жөн.

Зерттеу жұмысын ашу мақсатында бірінші ретті ақпартақа қол жеткізу үшін кәсіпорындағы қызметкерлердің түрлі санатын қамтитын сауалнама жүргізілі. Өз кезегінде ұжымның 33% респондент танылды. Зерттеу нәтижелері кәсіпорынның еңбек әлеуетін бағалауда жарық көрді. Еңбек әлеуетінің көрсеткіштерін есептеу отыз шақты жеке көрсеткіш бойынша мақалада баяндалған әрі авторлармен толықтырылған әдістеме бойынша сандық мәндерін қосу және оларды салмақ коэффициенттерінің қосындысына бөлу арқылы жүргізілді. Есептеулер нәтижелері «Stark Логистика» ЖШС нақты мысалы жағдайында 100 баллдан жоғары мәнді құрады, нақты сипаттамасы 103,097 ұпайды берді.

Кәсіпорының еңбек әлеуетін бағалаудың әдістемелік тәсілдерін талдау өз кезегінде еңбек экономикасында сапалық жағынан да, сандық бағалау әдістері тұрғысынан да жеткілікті зерттелмегені аңғарылды. Мақалада кәсіпорынның еңбек әлеуеті интегралды көрсеткішін есептеу әдістемесі әзірленді және іске асырылды, бұл еңбек қызметінің нақты көрсеткіштерінің олардың базистік мәндеріне қатынасы түріндегі қызметкерлер әлеуетінің жеке көрсеткіштерінің жиынтығы ретінде сараптамалық әдіспен алынған салмақ коэффициенттерінің көмегімен өлшенді. Ұйымның еңбек әлеуетінің интегралдық көрсеткіші 100 балдық өлшеу шкаласына негізделді. Еңбек әлеуеті кешенді көрсеткіші ұйымның әлеуметтік экономикалық дамуының сандық өлшемін айқындаушы танылды.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан халқына Жолдауы. 2023 жылғы 1 қыркүйек [Электронды ресурс] // Қазақстан Республикасы Президентінің ресми сайты [web-портал]. – 2023. – URL: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevty-n-adilet-ti-kazakstannyn-ekonomikalyk-bagdary-atty-kazakstan-halkyna-zholdauy-18333> (қарау уақыты: 01.05.2024)
2. Кибанов А. Я. Основы управления персоналом: Трудовой потенциал и интеллектуальный капитал персонала как объект каровой политики государства и организации. 3-е изд. перераб. и доп // М.: ИНФРА, 2022. – 447 С.
3. Одегов. Ю. Г., Руденко. Г. Г. Управление персоналом. 2-е изд., перераб. и доп // М.: Юрайт, 2022. – 457 С.
4. Радько С. Г. Понятийно-терминологические особенности понимания категории «трудовой потенциал». // Human progress. – 2020. – Т. 6. – №. 1. – С. 7.
5. Асалиев А. М. Развитие и обучение персонала как основа повышения производительности труда. // Тенденции и перспективы развития. – 2023. – №. 15-1. – С. 223-226.
6. Генкин, Б. М. Экономика труда. – М.: ИНФРА, 2022. — 352 С.
7. Drucker P. F. Innovation and entrepreneurship: Practice and principles. – Routledge, 2014. – P. 368
8. Freeman C. History, co-evolution and economic growth. // Industrial and Corporate Change. – 2019. – Т. 28. – №. 1. – PP. 1-44.
9. Bourdieu P. Distinction // Social Theory Re-Wired. – Routledge, 2023. – P. 524.
10. Леонидова Г., Панов. М., Советов. П., Чекмарева. Е. Трудовой потенциал сельских территорий: методологические аспекты оценки. – Litres, 2022. – 78 С.
11. Егоршин А. П. Основы управления персоналом. 4-е изд., перераб. и доп // М.: ИНФРА, 2024, - 352 С.
12. Одегов Ю. Г., Никонова Т. В. Аудит и контроллинг персонала. 2-е изд., перераб. и доп // М.: Альфа-Пресс, 2018. – 225 С.
13. Адамчук В. В., Ромашов О. В., Сорокина М. Е. Экономика и социология труда. – М.: Юнити – 2014. – 407 С.
14. Попова Л. А., Терентьева М. А. Трудовой потенциал евера // Арктика и Север. – 2019. – №. 14. – СС. 51-69.
15. Вражнова М.Н., Николаева Г.Н., Фурсова П.В. Социально-экономические основы трудовой деятельности персонала: учебно-методическое пособие. – М.: МАДИ, 2022. – 104 С.
16. Қазақстан Республикасының негізгі әлеуметтік-экономикалық көрсеткіштері [Электронды ресурс] // Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросы [web-портал]. – 2023. – URL: https://old.stat.gov.kz/for_users/dynamic (қарау уақыты: 16.05.2024)
17. ТОО «Stark Logistics» [Электронды ресурс] // Информация о крупной логистической компании Казахстана «STARK» [web-портал]. – 2024. – URL: <https://stark.kz/about> (қарау уақыты: 26.05.2024)
18. What is the future of innovation-driven growth? [Электронды ресурс] // Global Innovation Index [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (қарау уақыты: 15.06.2024)

19. Baruffaldi G., Accorsi R., Manzini R. Warehouse management system customization and information availability in 3pl companies: A decision-support tool // *Industrial management & data systems*. – 2019. – T. 119. – №. 2. – PP. 251-273.

20. Aguinis H., Jensen S. H., Kraus S. Policy implications of organizational behavior and human resource management research // *Academy of Management Perspectives*. – 2022. – T. 36. – №. 3. – PP. 857-878.

REFERENCES

1. Toqayev, Q. K. (2023, September 1). Memleket bassysy Qasym-Jomart Toqayevtyñ Qazaqstan halqyna Joldaу. 2023 jylǵy 1 qyrkúiek. Retrieved May 5, 2024, from <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshsy-kasym-zhomart-tokayevtyñ-adiletty-kazakstannyn-ekonomikalyk-bagdary-atty-kazakstan-halkyna-zholdauy-18333> (in Kazakh)

2. Kibanov, A. I. (2022). Trudovoi potentsial i intellektual'nyi kapital personala kak ob'ekt kadrovoy politiki gosudarstva i organizatsii. INFRA. (in Russian)

3. Odegov, I. G., & Rudenko, G. G. (2022). Upravlenie personalom. Iurait. (in Russian)

4. Rădco, S. G. (2020). Poniatiino-terminologicheskie osobennosti ponimaniia kategorii "trudovoi potentsial." *Human Progress*, 6(1), 7. (in Russian)

5. Asaliev, A. M. (2023). Razvitie i obuchenie personala kak osnova povysheniia proizvoditel'nosti truda. *Tendentsii i perspektivy razvitiia*, 15(1), 223–226. (in Russian)

6. Genkin, B. M. (2022). *Ekonomika truda*. INFRA. (in Russian)

7. Drucker, P. F. (2014). *Innovation and entrepreneurship: Practice and principles*. Routledge. (in English)

8. Freeman, C. (2019). History, co-evolution and economic growth. *Industrial and Corporate Change*, 28(1), 1–44. (in English)

9. Bourdieu, P. (2023). *Social theory*. Routledge. (in English)

10. Leonidova, G., Panov, M., Sovetov, P., & Chekmareva, E. (2022). Trudovoi potentsial sel'skikh territorii: metodologicheskie aspekty otsenki. Litres. (in Russian)

11. Egorshin, A. P. (2024). *Osnovy upravleniia personalom*. INFRA. (in Russian)

12. Odegov, I. G., & Nikonova, T. V. (2018). *Audit i kontrol' personala*. Alfa-Press. (in Russian)

13. Adamchuk, V. V., Romashov, O. V., & Sorokina, M. E. (2014). *Ekonomika i sotsiologiya truda*. Iuniti. (in Russian)

14. Popova, L. A., & Terenteva, M. A. (2019). Trudovoi potentsial Severa. *Arktika i Sever*, 14, 51–69. (in Russian)

15. Vrajnova, M. N., Nikolaeva, G. N., & Fursova, P. V. (2022). *Sotsial'no-ekonomicheskie osnovy trudovoi deiatel'nosti personala: uchebno-metodicheskoe posobie*. MADI. (in Russian)

16. Qazaqstan Respublikasynyñ negızgı äleumettik-ekonomikalyq körsetkişteri. (2023). Qazaqstan Respublikasy Strategialyq josparlau jáne reformalar agenttiǵınıñ Ұlttyq statistika bürosy. Retrieved May 16, 2024, from https://old.stat.gov.kz/for_users/dynamic (in Kazakh)

17. Stark Logistics. (2024). Informasiia o krupnoi logisticheskoi kompanii Kazakhstana "STARK". Retrieved May 26, 2024, from <https://stark.kz/about> (in Russian)

18. What is the future of innovation-driven growth? (2024). Global Innovation Index. Retrieved June 15, 2024, from <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (in English)

19. Baruffaldi, G., Accorsi, R., & Manzini, R. (2019). Warehouse management system customization and information availability in 3PL companies: A decision-support tool. *Industrial Management & Data Systems*, 119(2), 251–273. (in English)

20. Aguinis, H., Jensen, S. H., & Kraus, S. (2022). Policy implications of organizational behavior and human resource management research. *Academy of Management Perspectives*, 36(3), 857–878. (in English)

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ПРЕДПРИЯТИИ

А. Е. Жанабай^{1*}, Р. К. Елшибаев¹, Г. Е. Жунисбекова¹

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – разработать научно обоснованную точную методику расчета, основанную на теории и методике оценки трудового потенциала.

Методологическая основа: систематический и сравнительный анализ, структурно-логический метод и опрос. Следует отметить, что на конкретном примере объекта исследования применяется экономико-математическое моделирование путем мониторинга и оценки отдельных показателей, раскрывающих смысл эффективности использования трудового потенциала, и методы обследования, позволяющие получить результаты первого порядка. информация стала основой для принятия системных решений.

Оригинальность / ценность исследования связана с реальной возможностью методических методов оценки и формирования трудового потенциала. Это объясняется возможностью оценить эффективность использования трудового потенциала работников предприятия при реализации программ контроля персонала и оптимизации предприятий всех форм собственности.

Результаты исследования. В ходе разработки статьи авторы не только сформировали понятие термина «трудовой потенциал», но и разработали методику расчета интегрального показателя трудового потенциала предприятия. Таким образом, для решения упомянутой проблемы системные способы, сочетающие количественные и качественные методы с потенциальными компонентами и экономической эффективностью, позволили достичь разумных результатов.

Ключевые слова: трудовой потенциал, повышение эффективности, эффективность предприятия, совокупный показатель, количественная оценка, расчет трудового потенциала.

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE EFFICIENCY OF USING LABOR POTENTIAL IN THE ENTERPRISE

A. E. Zhanabay^{1*}, R. K. Yelshibayev¹, G. E. Zhunisbekova¹

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study is to develop a scientifically based accurate calculation method based on the theory and methodology of labor potential assessment.

Methodology basis. Systematic and comparative analysis, structural-logical method and survey. It should be noted that, in the specific example of the object of research, economic-mathematical modeling by monitoring and evaluating individual indicators that reveal the meaning of the efficiency of the use of labor potential, and survey methods that help to obtain first-order information became the basis for making systematic decisions.

Originality / value is connected with the possibility of methodical methods of assessment and formation of labor potential. This is explained by the ability to assess the effectiveness of the use of the labor potential of the enterprise's employees during the implementation of personnel control and optimization programs of enterprises in all forms of ownership.

Findings. During the development of the article, the authors not only formed the term concept of labor potential, but also developed a methodology for calculating the integral indicator of the enterprise's labor

potential. Therefore, in order to solve the mentioned problem, systematic ways by combining quantitative and qualitative methods with potential components and economic efficiency have achieved reasonable results.

Keywords: labor potential, increasing efficiency, enterprise efficiency, aggregate indicator, quantitative assessment, calculation of labor potential.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР

Жанабай Аминат Еркебекқызы – PhD докторант, экономика ғылымдарының магистрі, Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, email: zhanabay.aminat1@gmail.com*

Елшібаев Рақымжан Қамытбекұлы – экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, email: rakymzhan.elshibaev@narхоз.kz

Жунибекова Гульфайруз Еркубековна – экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, email: gulfairuz.zhunisbekova@narхоз.kz

МРНТИ: 06.56

JEL Classification: H57

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-68-82>

KAZAKHSTAN'S PUBLIC PROCUREMENT LANDSCAPE: AN IN-DEPTH REVIEW OVER TWO YEARS

A. O. Tursyn^{1,2}

¹Narхоз University, Almaty, Kazakhstan

²SDU University, Kaskelen, Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the study is to analyze the public procurement market in Kazakhstan, identifying key trends, factors influencing contract failure, and regional variations in procurement practices.

Methodology: We examined nearly 3.9 million procurement contracts, employing descriptive statistics to overview market characteristics and using Generalized Linear Model regression analysis to identify factors affecting contract failure. The study focused on variables such as local production share, contract sum, procurement method, and regional differences.

Originality/Value: This research contributes to the limited literature on public procurement in emerging economies, offering a comprehensive analysis of Kazakhstan's procurement landscape. It provides valuable insights for policymakers and practitioners, highlighting areas for potential improvement in the country's procurement system.

Results: The study identified several key findings: (1) a high proportion of contracts marked as "changed," likely due to software structure rather than actual modifications; (2) a 4% contract failure rate, with failure more common in larger contracts; (3) requests for proposals emerging as the dominant procurement method (52% of contracts), reflecting a shift towards competitive bidding; (4) minimal growth in single-source procurement, consistent with government transparency efforts; (5) a negative correlation between local production share and contract failure, supporting the hypothesis that domestic suppliers contribute to contract stability; (6) unexpectedly lower failure rates in single-source contracts, suggesting supplier familiarity and pre-negotiation reduce risks; and (7) significant regional disparities in contract failures, indicating local administrative and

market influences. These findings suggest the need for further research on competitive bidding, and investigation into factors contributing to the success of single-source contracts.

Keywords: Public procurement, local production, market concentration

INTRODUCTION

Public procurement, the process by which governments buy goods and services, is a key part of Kazakhstan's economy. It plays a major role in how the government operates and spends its budget. Public procurements plays crucial role in the national economy it takes part of 12-14% of GDP [1, 2] and it has been thoroughly researched on the data from US [3] and EU [2, 4, 5].

The objective of the awarding process is the conclusion of a contract with the “best” supplier who meets all the requirements and offers the performance at the lowest cost [6]. Digitalization of procurement works better in countries with well-developed institutes [4] and therefore it is important to have quality rules of game and good legal practice for specialists to become hosts of key ideas and aims of government policy in procurements. The level of digitalization in Kazakhstan shows great results recently as shown in the results of rankings on digitalization and level of e-government. That amount of data gets more accessible on the policy of open government. It is time to get valuable research similar to those from the EU and US. Using the documentation of goszakup.gov.kz for developers we obtained a token to get access to that data and configured inflow of data from that source.

In recent years, Kazakhstan has seen various changes, including an update of the public procurements law [7] in its public procurement practices. This paper aims to explore these changes and understand their implications. There are a lot of papers analyzing public procurements based on the open data from the US and EU mainly focused on trade barriers.

We focus on a two-year period, from 2021 to 2022, examining the types of procurement methods used, their success rates, and the financial outcomes of these methods. We divide them into two groups of methods by the competition level – whether it is competitive procurement or from a single source. By looking at a large amount of data from government contracts, this study seeks to identify general trends within 2 year span, assess the effectiveness of different procurement methods by the relationship between fail of the contract to other parameters provided in the database, and understand the financial impact of these methods on local production.

Research questions

1. What are the key characteristics of public procurements in Kazakhstan from 2021 to 2023, focusing on contract volume, types, and sectoral distribution?
2. What trends emerge in Kazakhstan's public procurement data from 2021 to 2023, particularly regarding contract size, duration, and regional distribution?
3. To what extent do factors such as contract size, procurement method, region, budget source and supplier characteristics influence the likelihood of contract cancellation or non-completion in Kazakhstan's public procurements from 2022 to 2023?

This analysis can be helpful as a data driven approach to help to see how well the government's procurement decisions align with its goals of efficiency and economic growth. The findings from this study are expected to provide valuable insights for policymakers, businesses, and scholars interested in the public procurement system of Kazakhstan as well as for other researchers interested in public procurement deep data analysis.

Reading latest papers with their findings in the public procurement area we search for similar data and do similar research on local data and where possible go deeper into the analysis.

Importance. Public procurement in Kazakhstan is seeing frequent updates in recent years [7] addressing the problems of competition, clear and fair rules of the game, quality assessment of purchased goods, services and works. In recent messages to the people the President of the Republic of Kazakhstan highlighted such problems of public procurement as long procedures, endless appeals, insufficient transparency [8]. The main priorities for the near future were defined as simplification, speeding up, priority of quality over price, protection from dumping and automatization of procurement process [8]. One of the tools of government to influence, for example, small enterprises via rapid increase of demand [9,10].

The key principles in the law are optimal spendings of the budget, equality of opportunity for suppliers, fair competition in procurement market, transparency of government procurement process, support of local producers, responsibility, preventing corruption, acquisition of innovative and high-tech goods, works and services, compliance with rights to intellectual property [7] Although in the law there are rules that add conditional price which reduces actual bid price based on several characteristics of a bidder [7].

Literature Review. Public procurement is a complex field with various theoretical frameworks applicable to its study. For our analysis of Kazakhstan's public procurement system, we primarily draw upon two key theories: Principal-Agent Theory and Game Theory [2, 1].

Principal-Agent Theory provides a valuable lens through which to examine the current state of public procurements in Kazakhstan. This theory, as described by Thai [11], explores the challenges and conflicts that arise when one party (the agent) acts on behalf of another (the principal), particularly when information asymmetry or differing interests exist. In the context of public procurement, this theory helps us understand the relationship between the government (principal) and suppliers (agents), which is crucial for addressing our first and second research questions.

Complementing this, Game Theory offers insights into the strategic decision-making processes of both government entities and suppliers in competitive procurement scenarios [6]. This theoretical framework is particularly relevant to our second and third research questions, as it can help explain interesting features in the data and reasons for contract failure.

Recent research has highlighted several key issues in public procurement that are pertinent to our study. Zhang [12] explored alternative bid assessment methods beyond simple price comparisons, which could provide insights into the features we might observe in Kazakhstan's procurement data.

Of particular relevance to our third research question is the work of Casady et al. [1], who examined the problem of procurement cancellations and associated transaction costs. Their finding that about 25% of procurements are canceled in Denmark provides a benchmark against which we can compare Kazakhstan's figures. Moreover, their identification of administrative capacity and lack of competition as main reasons for cancellation offers potential factors to consider in our analysis of contract failures.

The issue of supplier consolidation, as discussed by Carril and Duggan [13], and the impact of economic integration and trade agreements on procurement practices [2, 8, 14] may provide additional context for understanding any unique features we observe in Kazakhstan's procurement landscape.

Furthermore, recent research highlights the persistent issue of corruption in Kazakhstan's public procurement system. Khamitov et al. [15] argue that corruption is deeply entrenched in procurement practices, with both public officials and suppliers complicit in fraudulent activities. Their survey of goszakup.gov.kz users found that an overwhelming 98% of respondents admitted to paying bribes, illustrating the systemic nature of the problem. Despite government efforts to implement anti-corruption measures such as e-procurement and increased transparency, these initiatives have had limited success. The authors suggest that corruption in public procurement is not merely a technical issue but a structural one, rooted in the post-Soviet bureaucratic culture that perpetuates informal networks and clientelism. These findings reinforce the need to examine corruption as a critical factor affecting procurement outcomes, particularly in relation to contract failure and market competitiveness in Kazakhstan.

What affects local production?

Following our initial findings, we can formulate hypotheses on the relationship between local productions and fail rate. Contracts with local producers are less likely to be canceled as the risk of international logistics and customs procedures are inexistent [1]. Also, we saw in our previous section that overall successful contract held in non-competitive regime are higher in numbers than failed ones, so we formulate first hypothesis:

Hypothesis 1: There is an inverse relationship between the percentage of local production in public procurement contracts and the rate of contract failures, such that an increase in share of local production of contract is associated with a decrease in the failure rate of contracts.

This literature review sets the stage for our examination of public procurement in Kazakhstan. By applying these theoretical frameworks and insights from recent research, we aim to provide a comprehensive analysis of

the current state of public procurements in Kazakhstan, identify interesting features in the data, and explore the reasons for contract failure. This study will contribute new understanding to the field of public procurement, particularly in the context of an emerging market economy.

Methodology

This study conducted a detailed analysis of public procurement in Kazakhstan over two years (2021-2022). The research focused on three main areas, corresponding to our research questions: (1) the current state of public procurements, (2) distinctive features of the procurement system, and (3) factors contributing to contract failure.

Data Collection

We retrieved data from official government records (goszakup.gov.kz) after obtaining an official API access token. We collected approximately 5 million records using PHP-based programming tools. Each record contained information about procurement methods, contract success, costs, and other relevant details.

Variables

As we are processing contracts information based on their creation time we tried to scope further from the time of data retrieval (November of 2023) we cut on March 1. Due to the limit of computing capacity we can not choose a sufficiently large timeframe we chose a period of 2 years. We analyzed 3,890,718 contracts created between March 1, 2021, and March 1, 2023. The key variables included:

- **Failed:** A binary indicator of contract failure based on status keywords. Based on the possible statuses of contracts we distinguished three groups of contracts - In progress, Executed, Failed. After that we excluded In progress contracts and remaining 2 groups were transformed to a dummy variable indicating whether a contract failed or not.
- **Non-competitive:** Identifies procurement methods from a single source. Based on methods that we show in the findings section we grouped them to 2 distinct groups of competitive and single source contracts.
- **Contract_ms:** Percentage of local production content (0-100).
- **Contract_sum_wnds:** Total contract sum including VAT.
- **Created_date:** Date of contract creation.
- **Funding source variables:** A set of dummy variables indicating the financial source of the tender.

Analytical Approach

Current State Analysis:

- We used MySQL queries to aggregate data on contract numbers, values, and procurement methods.
- We calculated success rates for different procurement methods.
- We compared data between 2021 and 2022 to identify potential trends.

Distinctive Features Identification:

- We analyzed the distribution of contracts across different statuses and procurement methods.
- We compared our findings with international benchmarks where available.

Contract Failure Analysis:

- We employed a Generalized Linear Model (GLM) to identify factors contributing to contract failure.
- Independent variables included procurement method, local production share, contract sum, and funding source.

Statistical Tools

We used R statistical software for our regression analysis and to generate descriptive statistics. While the two-year period is relatively short for definitive trend analysis, the large dataset allows for robust statistical inference about the current state and characteristics of Kazakhstan's public procurement system.

This methodology allows us to address our research questions systematically, providing a comprehensive view of Kazakhstan's public procurement landscape, its unique features, and the factors influencing contract outcomes.

Results and findings

1. *Current State of Public Procurements in Kazakhstan (2021-2022)*

Our analysis of 3,890,718 contracts from March 2021 to March 2023 reveals that the number and types of contracts awarded by the government varied significantly. Some procurement methods became more popular, while others were used less. This indicates a shift in how the government approaches procurement, possibly due to changes in policy or market conditions.

In the figure 1 we can see the distribution of contracts by statuses, which was retrieved in the period of 2 years. We decided to focus on the number of contracts that have particular statuses and the average sum of the contract to analyze the relationship between contract size and its status. It worth noting that contracts with status “Transmitted.Valid” which means they are in progress have the highest average contract sum of 116 million KZT and small number of overall contracts of 5 859 contracts, after consulting with the experts in the area we found that those are large projects that are multi year projects. Analyzing the list of status names we can divide them into three groups –in progress, executed, and terminated contracts. Our main focus would be the second and third group identifying whether the contract was successful or not to conduct further analysis of factors that lead to failure of the contract similar to research on contract failures in the EU [1].

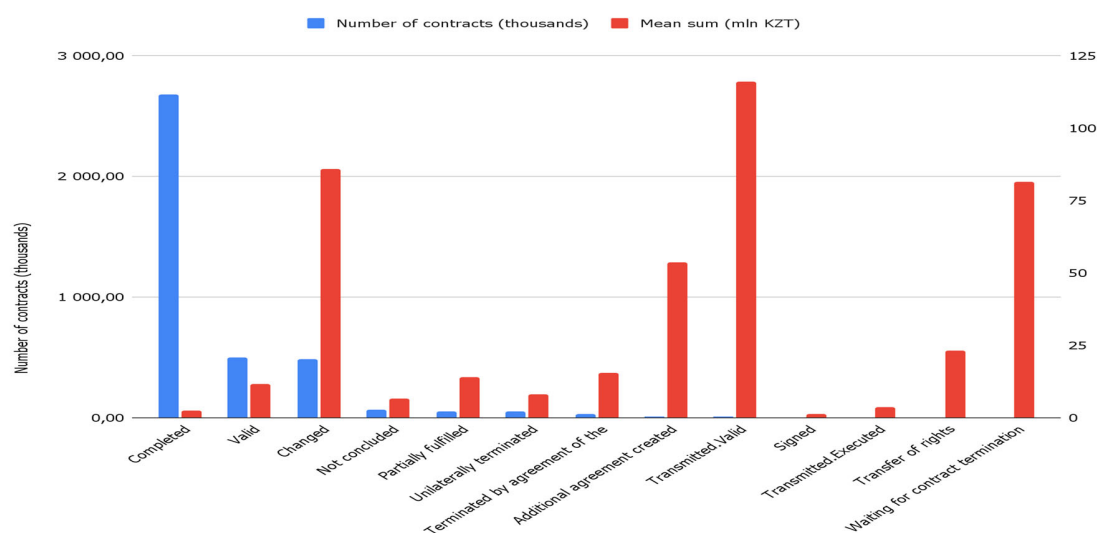

Figure 1 – Contracts by statuses and mean sums
Note – compiled by author based on data from goszakup.gov.kz

In the perspective of trend analysis we can divide the dataset by year and add sum of contract sums by current status so we can see the volume change as well.

Here in figure 2 we summarized contracts by current statuses and in order to analyze finalized contracts we chose contracts created between 1st of march of 2021 till 1st march of 2023 and divided them into two separate groups to compare the dynamics through the time. The data was collected in October of 2023 and the latest contracts were created 6 months prior. In order to be confident that the data is not affected by the time difference as latest contracts may still be in the middle of process and status check can be read incorrectly we compare with previous year and see that the number of contracts is higher in 2022 by 3.7% while the number of executed contracts is lower by 6.6% so we must take a note that about 10% of contracts are still in progress so the dynamics should be evaluated carefully. We grouped the statuses to exclude technical statuses that have very few contracts that were already shown in figure 1. Also, there is a growing number of failed contracts in absolute numbers.

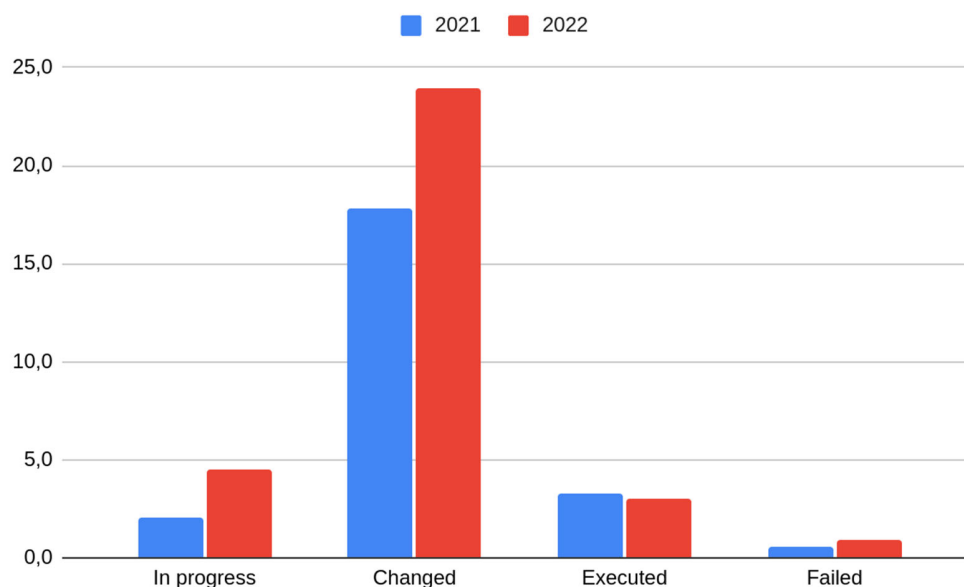

Figure 2 – Number of contracts (millions) by statuses for each year.

Note – compiled by author based on data from goszakup.gov.kz

The summary of contracts by methods (Figure 3):

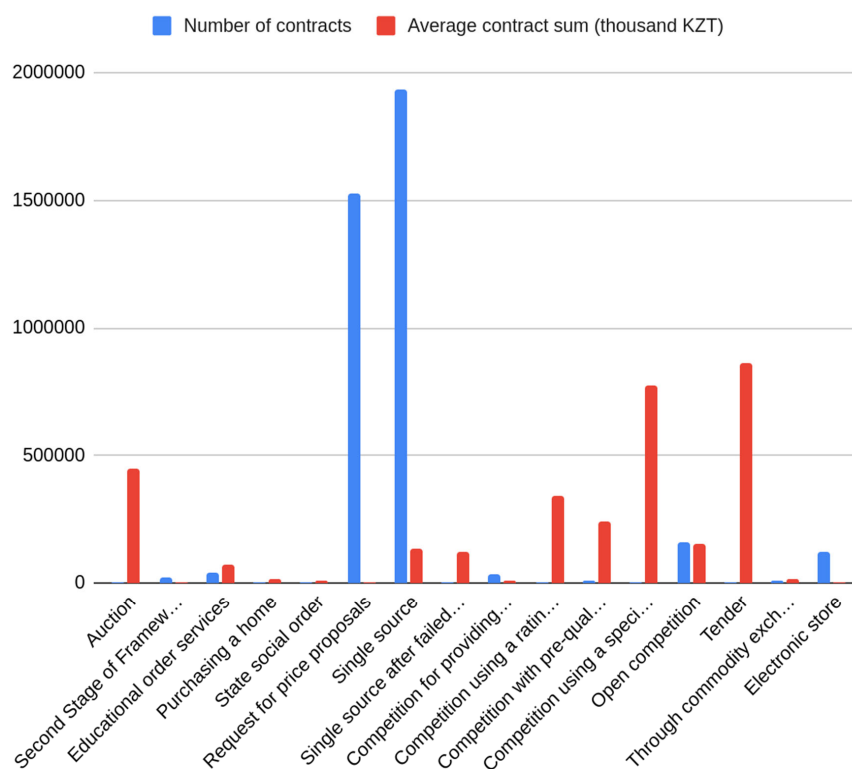

Figure 3 – Contracts distribution by method of procurement.

Note – compiled by author based on data from goszakup.gov.kz

Generally, the contracts are held in various methods of procurement, which we can see in figure 3. Interestingly the contract methods that were exercised the most have lower average contract sum which is expected, more expensive contracts are also more complex and are held in smaller numbers, while typical procurements are held en masse. In figure 3 we can see some technical methods that are not explained in the Law and might be considered as temporary methods that were used during certain versions of the Law on public procurements. The general policy is directed towards the increase of competitive contracts, lowering the number of non-competitive methods i.e from single source [8], so we can dive inside to see whether it is really held in practice.

For better view we excluded contracts with status “changed” and grouped them by method names so we got following figures 4 and 5:

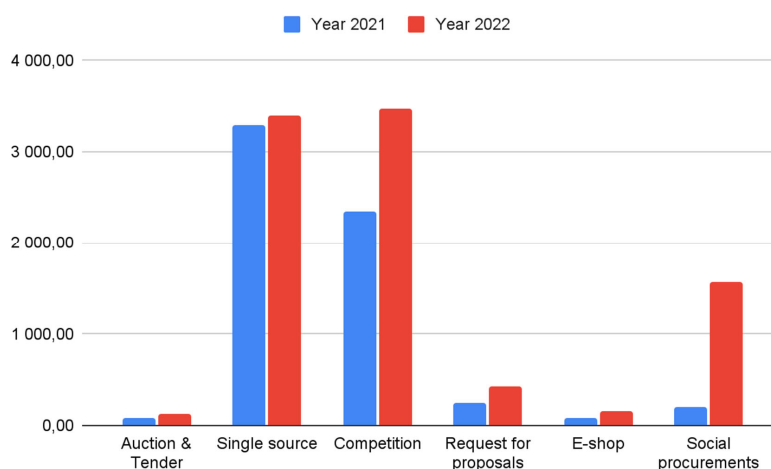

Figure 4 – Total sum of contracts grouped by methods of procurement (billion KZT).

Note – compiled by author based on data from goszakup.gov.kz

In figure 4 we can see the dynamics of policy in public procurement. Although the government periodically states that they need to decrease the number of non-competitive procurements, the total allocated budget is growing, but the growth is weaker than in other methods like competition, request for proposals and most significantly social spendings. So overall we can assume that the growth of budget on single source contracts is within the margin of inflation if not less. Regarding the numbers, requests for proposals grew from 32% of procurement contracts up to 49% while single source contracts fell from 63% down to 38%, but this is in sheer number of contracts, while the allocated budget for single source contracts grew a little.

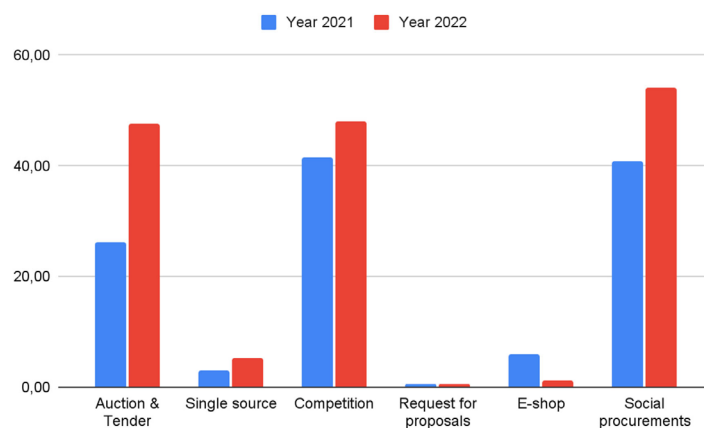

Figure 5 – Average sum of contracts grouped by methods of procurement (million KZT).

Note – compiled by author based on data from goszakup.gov.kz

Contract methods correlate with average contract sum as it is prescribed in the law to use certain methods for contracts up to certain sum, for example request for price proposal should be used to procurement up to 8 000 monthly calculation indicator [7] which is 3 450 KZT as of 2023. The average contract sum of request for proposals method is 460 thousand KZT which is well within the limits for such a method of procurement. Methods with the highest average contract sum are tender and competition using a special regime, the latter is the method that is used in emergency situations like a failed coup in January of 2022, so those contracts are likely to be created as a response to that situation. The tender and auction methods of procurement grew twice in a year. One of the methods that are used to improve and automate the procurement procedure is the electronic store method, where the customer chooses the product from the online store that simplifies the purchase process [7]. In figure 4 and 5 we can see that electronic shop and commodity exchange methods were blurred with a fall of average sum and growth in sheer number of procurements. This method is limited by a sum of up to 4 000 MCI and the data shows an average of 592 thousand KZT of 120 thousand contracts.

In figure 6 we can see how the contracts are distributed among regions. There is no visible distinction between big cities or more populated regions as 71 is Astana, 75 is Almaty and 79 is Shymkent. Overall, we assume that this distribution of regions is satisfactory to run a regression model and use it as a dependent variable.

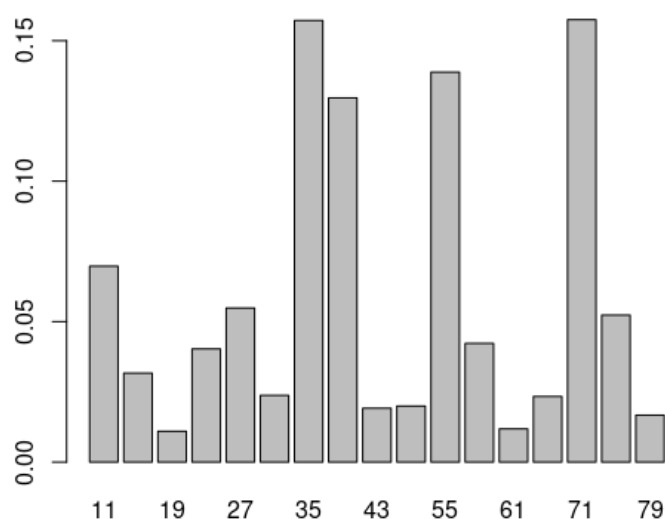

Figure 6 – Frequency distribution of contracts by region of customer

Note – compiled by author based on data from goszakup.gov.kz

2. *Distinctive Features of Kazakhstan's Public Procurement System*

We group the statuses according to law when it is unclear to which group to put so we get following summary table 1:

Table 1 – Grouped contract statuses

Group	Contracts (in thousands)	Share
Successful	2 682,97	68,96%
In progress	1 055,16	27,12%
Failed	152,59	3,92%
Total	3 890,72	100%

Note – compiled by author based on data from goszakup.gov.kz

A notable feature of Kazakhstan's procurement system is the relatively low failure rate of contracts. Only 3.92% of contracts failed, which is significantly lower than rates observed in some other countries, such as Denmark's 24.6% cancellation rate [1]. In our case we analyze only the contracts, which omits the overall procurement process from announcement and collection of bids, when about half get canceled due to various reasons that we show in a separate query on lots. Although there are 27.12% of contracts with status still in progress so some part of them can be canceled as well, for that we would need to retrieve older data where the share of contracts in progress will fall. For now, as we have collected contracts data for only 2 years we are limited in ability to analyze deeper, but we can retrieve statuses for contracts exclusively 1st year and get following results (Table 2):

Table 2 – Grouped contract statuses of 1st year

Group	Contracts (thousands)	Share
<i>Successful</i>	1 390,74	72,64%
<i>In progress</i>	446,02	23,30%
<i>Failed</i>	77,83	4,06%
Total	1 914,58	100%

Note - compiled by author based on data from goszakup.gov.kz

Here in table 2 we can see that the share of contracts that are in progress are distributed between failed and successful status according to their general ratio. So even this way it is not likely that the share of failed contracts will grow to 24% like in Denmark. It can be due to differences in procurement procedures and law, also we are summarizing only those procurements that passed the first stage of announcement and gathering of applications to participate in procurement, which significantly decreases the actual fail rate. In other words, we can be confident that our first results are similar to those of international research on procurement data.

One of the points of improvement in public procurement was the group of methods from a single source that was addressed by the president [8]. There are several methods that include the phrase single source or one source, if we group them we can consider those procurements as non-competitive procurements and analyze and compare the contracts from this perspective. So, we get the following numbers: after grouping we get 1.9 million contracts or 49,76% of all contracts in number and 19 trillion KZT in volume or 33,44% of total spending in public procurement recorded on goszakup.gov.kz portal.

To see the trend in competitive method implementation we should query the database on methods per year and on numbers and volume as well.

According to table 3 it is clear that the trend of decreasing the number of contracts from a single source is evident. It falls twice for successful contracts and more than three times for failed contracts. This drastic difference in shares of successful and failed contracts can be interpreted as contracts from a single source are less likely to be canceled as there should be prior agreement between customer and supplier before the conclusion of a contract. Overall, we can be confident in the validity of the data as it proves basic theory and our expectations. Further we can analyze the data identifying key variables and run regression to find deeper relationships to find how the public procurement influences local production and how we can trace consequences of such contracts to the procedures and effectiveness.

The decrease in single-source procurement methods aligns with recent government initiatives to enhance competition and transparency [8]. This trend indicates a positive shift towards more competitive bidding practices, which could lead to improved efficiency and value for money in public spending.

Table 3 – Grouped value of contracts and their volumes that were held by the methods that include “from one source” in its title

Contracts from single source	2021		2022	
	Number of contracts	Total sum (billions KZT)	Number of contracts	Total sum (billions KZT)
successful contracts	877 277,00	1 853,41	448 561,00	1 197,01
<i>percentage</i>	63%	56%	35%	39%
failed contracts	30271	199,83	6759	76,74
<i>percentage</i>	39%	37%	11%	11%

Note - compiled by author based on data from goszakup.gov.kz

3. Factors Contributing to Contract Failure

The regression model,

$$F = \beta_1 + \beta_2 LP + \beta_3 SS + \beta_4 \log(CS) + \beta_5 B + \beta_6 R \quad (1)$$

Where, F – a dummy variable that indicates whether the contract failed;

LP – share of local production between 0 and 100;

SS – dummy variable that indicates whether it was a single source contract;

CS – contract sum;

B – vector of budget sources;

R – vector of regions.

Our analysis of factors contributing to contract failure in Kazakhstan's public procurement system based on the Generalized Linear Model (GLM) presented in table 4. This model explains approximately 15.4% of the deviance in contract failures (McFadden's pseudo- $R^2 = 0.154$).

Regression outcome:

Table 4 – Regression outcome based on model 1

Coefficients	Estimate	Std. Error	Pr(> z)
(Intercept)	-6,82	0,196	***
Share of local production	-0,04	0,002	***
Log of Contract sum	0,31	0,012	***
Is single source	-1,04	0,067	***
Fin Source Budget	-0,35	0,056	***
Fin Source External Cofinance	-10,29	179,402	
Fin Source Gov Sales	-0,34	0,427	
Fin Source Sponsorship	0,17	0,625	
Fin Source Loans	-2,05	1,010	*
Fin Source Transfers to local budget	-11,47	492,141	
region Aktobe	-0,49	0,285	.
region Almaty	-0,94	0,466	*
region Atyrau	0,47	0,172	**
region West Kazakhstan	0,11	0,173	
region Zhambyl	0,76	0,207	***
region Karagandy	0,64	0,125	***

region Kostanay	0,30	0,132	*
region Kyzylorda	0,09	0,260	
region Mangystau	-0,52	0,313	.
region Pavlodar	0,19	0,134	
region North Kazakhstan	0,25	0,180	
region Turkistan	-0,26	0,400	
region East Kazakhstan	0,80	0,191	***
region Astana	0,57	0,124	***
region Almaty City	0,23	0,160	
region Shymkent	0,50	0,236	*
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1			

Note - compiled by author on R package

1. Local Production Share: We have a significant negative relationship between local production share and contract failure. For each percentage point increase in local production content, the probability of contract failure decreases. This suggests that contracts with higher local production involvement tend to be more successful, potentially due to reduced logistical issues or better alignment with local needs and capabilities.

2. Log of Contract sum: The model shows a significant positive relationship between the logarithm of contract sum and failure rate. Larger contracts, in terms of monetary value, appear to have a higher probability of failure. This could be attributed to the increased complexity and risk associated with higher-value procurements corresponding to the findings in literature [1].

3. Competitiveness: Interestingly, single-source contracts show a lower probability of failure compared to competitive contracts. This might be because single-bidder contracts are simpler to manage. It could also be that the government works better with companies it already knows well. As it was mentioned by Fazekas [16] single source bids indicate better connection between procurer and supplier.

4. Financial Sources: While most financial sources did not show statistically significant effects, certain sources (particularly Budget and Loans) were associated with lower failure rates. This suggests that the source of funding can play a role in contract outcomes, possibly due to varying levels of oversight or differing procurement practices associated with different funding streams.

5. Regional Effects: Different regions have different rates of contract failure. Zhambyl, Karaganda, East Kazakhstan, and Astana have more failures than average. Almaty has fewer failures. This might be because of differences in local economies, how well local offices work, or how each region handles contracts.

These findings provide a foundation for understanding the dynamics of contract failures in Kazakhstan's public procurement system. However, further research is needed to identify additional contributing factors and to explore potential non-linear relationships or interactions between variables that could enhance our understanding of procurement outcomes.

Our findings confirm key trends in Kazakhstan's procurement system and align with the research questions. The shift towards competitive procurement is evident as requests for proposals grew from 32% to 49%, while single-source contracts dropped from 63% to 38%. Despite policy efforts, regional disparities in contract failures remain, with higher failure rates in Astana, East Kazakhstan, and Zhambyl, while Almaty shows lower-than-average failure.

Regression results confirm that local production share is negatively correlated with contract failure (-0.04, $p < 0.001$), supporting our hypothesis that local suppliers face fewer risks related to logistics and compliance. Contrary to expectations, single-source contracts fail less frequently, possibly due to pre-negotiated terms and supplier familiarity. Larger contracts tend to fail more often, which is consistent with findings in other procurement studies.

These results suggest that while competitive procurement is increasing, government support for local suppliers remains crucial. The regional differences in failure rates highlight the need for targeted improvements in local procurement administration. Future research should explore long-term trends, reasons behind stable single-source contracts, and specific regional challenges affecting procurement efficiency.

Discussion and limitations

Our model offers valuable insights, but the low pseudo- R^2 value suggests that other factors affecting contract failures are not included in our analysis. The right-skewed distribution of deviance residuals indicates that our model may underpredict failures, especially for high-risk contracts.

We found several factors influencing contract failure, such as local production share, contract sum, and procurement method. The negative relationship between local production share and failure supports the government's focus on domestic suppliers. Unexpectedly, single-source contracts show a lower failure probability, which may be due to established supplier relationships or simpler processes.

Regional differences in failure rates suggest a need for targeted interventions. Understanding these variations could help create more effective local procurement policies.

Our study has several limitations:

The two-year timeframe restricts our ability to identify long-term trends.

The low pseudo- R^2 value indicates that some important factors are not captured in our model.

Our analysis focuses on contract-level data and may miss important aspects of the early procurement stages.

While we make international comparisons, differences in regulations and economic contexts may limit direct comparability.

Despite these limitations, this study contributes to the literature on public procurement in emerging economies and provides a basis for further research and policy development in Kazakhstan.

CONCLUSION

Our analysis of nearly 3.9 million contracts provides insights into Kazakhstan's public procurement market. Key findings include:

- A high proportion of "changed" status contracts, likely due to software structure requiring new entries for modifications.
- Significant number of unexecuted contracts from the initial period, possibly indicating complex projects or other factors requiring further investigation.
- Approximately 4% of contracts fail, though this may change as ongoing contracts conclude.
- Requests for proposals grew from 32% of procurement contracts up to 49% while single source contracts fell from 63% down to 38%, but this is in sheer number of contracts, while the allocated budget for single source contracts grew a little.
- Single-source procurement growth is minimal, aligning with government efforts to enhance competition and transparency.

Regression analysis revealed factors influencing contract failure, including local production share, contract sum, and procurement method. The negative correlation between local production share and failure supports the promotion of domestic suppliers, thereby supporting our hypothesis. Interestingly, single-source contracts showed lower failure rates, warranting further study.

Regional variations in failure rates highlight the need for targeted interventions. This study contributes to the literature on public procurement in emerging economies and suggests areas for improvement:

1. Maintain competitive bidding while investigating single-source contract success factors.
2. Provide targeted support for regions with higher failure rates.
3. Examine factors contributing to higher failure rates in larger contracts.

While Kazakhstan's procurement system shows promise, there's room for optimization. Ongoing data-driven analysis and policy refinement will be crucial for enhancing efficiency, fairness, and effectiveness in public procurement.

REFERENCES

1. Casady C., Petersen O., Brogaard L. Public procurement failure: The role of transaction costs and government capacity in procurement cancellations // Public Management Review. – 2023. – № 1. – С. 1–28.

2. Boykin E.A. Public procurement and European Union integration: a systematic review // *Journal of European Integration*. – 2023. – Т. 45. – № 4. – С. 613–632.
3. Flammer C. Competing for Government Procurement Contracts: The Role of Corporate Social Responsibility // *Strategic Management Journal*. – 2018. – Т. 39.
4. Kochanova A., Hasnain Z., Larson B. Does E-Government Improve Government Capacity? Evidence from Tax Compliance Costs, Tax Revenue, and Public Procurement Competitiveness // *The World Bank Economic Review*. – 2020. – Т. 34. – № 1. – С. 101–120.
5. Tas B. et al. Does the WTO Government Procurement Agreement Deliver What It Promises? // *World Trade Review*. – 2018. – Т. 18. – С. 1–26.
6. Schmidt M. Price Determination in Public Procurement: A Game Theory Approach // *European Financial and Accounting Journal*. – 2015. – Т. 2015.
7. Law on public procurement of the Republic of Kazakhstan 2023. Информационная система ПАРАГРАФ [Electronic source] // zakon.kz [website]. – 2023. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34050877 (accessed: 10.10.2024).
8. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» [Electronic source] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан Akorda.kz [website]. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskii-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588> (accessed: 25.10.2024).
9. Fadic M. Letting Luck Decide: Government Procurement and the Growth of Small Firms // *The Journal of Development Studies*. – 2019. – Т. 56. – С. 1–14.
10. Ravenda D. et al. Effects of the Award of Public Service Contracts on the Performance and Payroll of Winning Firms // *Industrial and Corporate Change*. – 2022. – Т. 31. – С. 186–214.
11. Thai K.V. Public procurement re-examined // *Journal of Public Procurement*. – 2001. – Т. 1. – № 1. – С. 9–50.
12. Zhang Y. Construction of Bid Evaluation Index System in Government Public Project Green Procurement in China Based on D-S Evidence Theory // *Sustainability*. – 2020. – Т. 12. – № 2. – С. 651.
13. Carril R., Duggan M. The impact of industry consolidation on government procurement: Evidence from Department of Defense contracting // *Journal of Public Economics*. – 2020. – Т. 184. – С. 104141.
14. Mulabdic A., Rotunno L. Trade barriers in government procurement // *European Economic Review*. – 2022. – Т. 148. – С. 104204.
15. Khamitov Z., Knox C., Junusbekova G. Corruption, public procurement and political instability in Kazakhstan // *Central Asian Survey*. – 2023. – № 1 (42). – С. 89–108.
16. Fazekas M., Tóth I., King L. An Objective Corruption Risk Index Using Public Procurement Data // *European Journal on Criminal Policy and Research*. – 2016. – Т. 22. – С. 369–397.

REFERENCES

1. Casady, C., Petersen, O., & Brogaard, L. (2023). Public procurement failure: The role of transaction costs and government capacity in procurement cancellations. *Public Management Review*, (1), 1–28.
2. Boykin, E. A. (2023). Public procurement and European Union integration: a systematic review. *Journal of European Integration*, 45(4), 613–632.
3. Flammer, C. (2018). Competing for government procurement contracts: The role of corporate social responsibility. *Strategic Management Journal*, 39.
4. Kochanova, A., Hasnain, Z., & Larson, B. (2020). Does e-government improve government capacity? Evidence from tax compliance costs, tax revenue, and public procurement competitiveness. *The World Bank Economic Review*, 34(1), 101–120.
5. Tas, B., et al. (2018). Does the WTO government procurement agreement deliver what it promises? *World Trade Review*, 18, 1–26.
6. Schmidt, M. (2015). Price determination in public procurement: A game theory approach. *European Financial and Accounting Journal*, 2015.
7. Law on public procurement of the Republic of Kazakhstan (2023). Paragraf Online. Retrieved October 10, 2024, from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34050877 (in Russian).

8. Tokayev, K.-J. (2023). Poslanie Glavy gosudarstva narodu Kazakhstan: "Ekonomicheskii kurs Spravedlivogo Kazakhstan." Akorda.kz. Retrieved October 25, 2024, from <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstan-ekonomicheskii-kurs-spravedlivogo-kazakhstan-18588> (in Russian).
9. Fadic, M. (2019). Letting luck decide: Government procurement and the growth of small firms. *The Journal of Development Studies*, 56, 1–14.
10. Ravenda, D., et al. (2022). Effects of the award of public service contracts on the performance and payroll of winning firms. *Industrial and Corporate Change*, 31, 186–214.
11. Thai, K. V. (2001). Public procurement re-examined. *Journal of Public Procurement*, 1(1), 9–50.
12. Zhang, Y. (2020). Construction of bid evaluation index system in government public project green procurement in China based on D-S evidence theory. *Sustainability*, 12(2), 651.
13. Carril, R., & Duggan, M. (2020). The impact of industry consolidation on government procurement: Evidence from Department of Defense contracting. *Journal of Public Economics*, 184, 104141.
14. Mulabdic, A., & Rotunno, L. (2022). Trade barriers in government procurement. *European Economic Review*, 148, 104204.
15. Khamitov, Z., Knox, C., & Junusbekova, G. (2023). Corruption, public procurement and political instability in Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 1(42), 89–108.
16. Fazekas, M., Tóth, I., & King, L. (2016). An objective corruption risk index using public procurement data. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 22, 369–397.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК САТЫП АЛУЛАР ЖАҒДАЙЫ: ЕКІ ЖЫЛДАҒЫ ТЕРЕҢ ШОЛУ

А. О. Тұрсын^{1, 2}

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан

²SDU University, Қаскелен, Қазақстан

АҢДАТПА

Зерттеу мақсаты. Қазақстандағы мемлекеттік сатып алу нарығын талдау, негізгі тенденцияларды, келісімшарттардың орындалмауына әсер ететін факторларды және сатып алу тәжірибесіндегі аймақтық айырмашылықтарды анықтау болып табылады.

Әдіснамасы. Біз нарық сипаттамаларын қарастыру үшін сипаттамалық статистиканы және келісімшарттың сәтсіздігіне әсер ететін факторларды анықтау үшін жалпылама сызықтық модельді регрессия талдауын қолданып, шамамен 3,9 миллион сатып алу келісімшартын зерттедік. Зерттеу жергілікті өндіріс үлесі, келісімшарт сомасы, сатып алу әдісі және аймақ сияқты айнымалыларға назар аударды.

Зерттеудің бірегейлігі/ құндылығы. Бұл зерттеу Қазақстандағы сатып алу ландшафтының жан-жақты талдауын ұсына отырып, дамушы елдердегі мемлекеттік сатып алулар бойынша шектеулі әдебиетке ықпал етеді. Ол саясаткерлер мен тәжірибешілер үшін құнды ақпарат береді, елдің сатып алу жүйесін әлеуетті жақсарту бағыттарын көрсетеді.

Зерттеу нәтижелері. Зерттеу бірнеше негізгі қорытындыларды анықтады: (1) «өзгертілді» деп белгіленген келісім-шарттардың жоғары үлесі, мүмкін нақты өзгертулерден гөрі бағдарламалық құрал құрылымына байланысты; (2) 4% келісім-шарттың орындалмауы, үлкенірек келісім-шарттарда сәтсіздік жиі кездеседі; (3) бәсекелес сауда-саттыққа ауысуды көрсететін сатып алудың басым әдісі ретінде пайда болатын ұсыныстарға сұраныстар (келісімшарттардың 52%); (4) бір көзден алу тәсілімен сатып алудың ең аз өсімі, үкіметтің ашықтығын қамтамасыз ету жөніндегі күш-жігерге сәйкес; (5) отандық өнім берушілер келісім-шарттың тұрақтылығына ықпал етеді деген гипотезаны қолдайтын

жергілікті өндіріс үлесі мен келісімшарттың орындалмауы арасындағы теріс корреляция; (6) бір көзден алынатын келісім-шарттардағы сәтсіздіктердің күтпеген төмендеуі, жеткізушілермен танысу және алдын ала келіссөздер тәуекелдерді азайтуды ұсынады; және (7) жергілікті әкімшілік және нарықтық әсерлерді көрсететін келісім-шарттардың орындалмауындағы елеулі аймақтық диспропорциялар. Бұл тұжырымдар бір көзден алынатын келісім-шарттардың сәтті болуына ықпал ететін факторларды зерделеу және бәсекеге қабілетті сауда-саттықты одан әрі зерттеу қажеттілігін көрсетеді.

Түйін сөздер: мемлекеттік сатып алу, жергілікті өндіріс, нарықтың шоғырлануы

СИТУАЦИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК КАЗАХСТАНА: УГЛУБЛЕННЫЙ ОБЗОР ЗА ДВА ГОДА

А. О. Тұрсын^{1,2}

¹Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

²SDU University, Қаскелен, Қазақстан

АННОТАЦИЯ

Целью исследования является анализ рынка государственных закупок в Казахстане, выявление основных тенденций, факторов, влияющих на невыполнение контрактов, и региональных различий в практике закупок.

Методология. Мы изучили около 3,9 млн контрактов на закупки, используя описательную статистику для обзора характеристик рынка и используя регрессионный анализ обобщенной линейной модели для выявления факторов, влияющих на провал контрактов. Исследование было сосредоточено на таких переменных, как доля местного производства, сумма контракта, метод закупок и регион.

Оригинальность. Это исследование вносит вклад в ограниченную литературу по государственным закупкам в развивающихся экономиках, предлагая всесторонний анализ ландшафта закупок в Казахстане. Оно дает ценную информацию для политиков и практиков, выделяя области для потенциального улучшения в системе закупок страны.

Результаты. Исследование выявило несколько ключевых выводов: (1) высокая доля контрактов, помеченных как «измененные», вероятно, из-за структуры программного обеспечения, а не из-за фактических модификаций; (2) процент неудачных контрактов составляет 4%, причем неудачи чаще встречаются в более крупных контрактах; (3) запросы предложений стали доминирующим методом закупок (52% контрактов), что отражает переход к конкурентным торгам; (4) минимальный рост закупок из одного источника, что соответствует усилиям правительства по обеспечению прозрачности; (5) отрицательная корреляция между долей местного производства и невыполнением контрактов, что подтверждает гипотезу о том, что отечественные поставщики способствуют стабильности контрактов; (6) неожиданно более низкий уровень отказов в контрактах с одним поставщиком, что позволяет предположить, что осведомленность поставщика и предварительные переговоры снижают риски; и (7) значительные региональные различия в количестве неудачных контрактов, что указывает на местное административное и рыночное влияние. Эти выводы указывают на необходимость дальнейшего исследования конкурентных торгов и изучения факторов, способствующих успеху контрактов из одного источника.

Ключевые слова: государственные закупки, местное производство, концентрация рынка

ABOUT THE AUTHORS

Tursyn Abylay – PhD candidate, Narxoz University, Almaty, Kazakhstan; SDU University, Qaskelen, Kazakhstan, email: abylay.tursyn@narxoz.kz, ORCID ID: 0009-0005-8762-5859

MPHTI: 06.71.57

JEL Classification: M31, L83, Z32

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-83-97>

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОДХОД КАК БАЗОВАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА

А. Т. Тлеубердинова¹, Ж. Туленбаева^{2*}, Ж. М. Дюсембекова³

¹ Институт экономики Комитета науки МНВО РК, Алматы, Республика Казахстан

² Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

³ НАО «Университет Нархоз», Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Развитие казахстанского туризма является весьма популярной темой в последнее десятилетие. При этом акцент чаще всего ставится на формирование условий эффективного развития туристской отрасли страны в целом, без учета проблем региональных туристских комплексов. Туристский потенциал регионов Казахстана, способный стать основой для диверсификации структур экономик, все еще не реализован в полной мере и требует применения методических подходов стратегического маркетинга, позволяющего эффективно использовать весь комплекс возможностей для развития регионального туризма. Изучение значимости данного вопроса определяют актуальность темы исследования, его цель и применяемую методологию.

Цель исследования – уточнение содержания стратегического маркетингового процесса в сфере туризма и разработка рекомендаций по его внедрению в процесс развития регионального туристского комплекса.

Результаты исследования – разработана Концептуальная модель стратегического маркетингового процесса в сфере регионального туристского комплекса; определены ключевые этапы и инструменты реализации маркетинговых стратегий, а также выявлены факторы, влияющие на успешность их внедрения. Проведена оценка эффективности предложенных мероприятий и разработаны рекомендации по адаптации стратегического маркетинга к специфике региональных туристских рынков.

Используемая методология включает в себя обзор зарубежной литературы по применению маркетинга в туризме и гостеприимстве, определены методологические основы этапов формирования стратегического маркетингового механизма, а также разработаны рекомендации по его интеграции в региональный туризм. Методология исследования включает абстрактно-логический подход, методы монографического, сравнительного и статистического анализа.

Ценность исследования заключается в возможности научного обоснования мер по ускоренному развитию регионального туризма в Казахстане. Реализация предложенного подхода к стратегическому маркетингу будет способствовать увеличению туристских прибытий, улучшению качества жизни и повышению удовлетворенности потребителей туристскими услугами. Полученные результаты исследования могут послужить научным обеспечением мер по ускоренному развитию регионального туризма в Казахстане, эффективному использованию туристского потенциала областей страны, могут быть применены при совершенствовании региональной политики развития туризма, в дальнейших исследованиях и учебном процессе. Реализация авторского подхода к стратегическому маркетинговому процессу в сфере регионального туристского комплекса будет способствовать росту туристских прибытий, улучшению качества жизни населения в регионах страны, повышению удовлетворенности спроса потребителей в туристских услугах.

Ключевые слова: стратегическое мышление, маркетинг туризма, маркетинговые стратегии, региональный туризм.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Туризм – сложная отрасль, поскольку представляет собой совокупность различных услуг, таких как проживание, транспорт, питание, развлечения, формирующих в конечном итоге туристский опыт. Как правило, весь комплекс услуг не предлагается одним поставщиком, в его формировании принимают участие разные продавцы, что обуславливает его значительную социально-экономическую роль в обеспечении занятости в смежных отраслях, повышении доходов региона и уровня жизни населения.

Туристский сектор весьма чувствителен к различного рода внешним факторам (природным, экономическим, политическим, социальным, технологическим), зависимость от которых существенно влияет на уровень спроса и состояние туристского бизнеса. Поэтому в усложнившихся современных условиях внешней среды не только удовлетворение предпочтений клиентов оказывает влияние на долгосрочную устойчивость и успешность туристских услуг, но и от умения стратегически реагировать на возникающие вызовы. Это подчеркивает важность применения стратегического маркетингового инструментария в сфере туризма в целях обеспечения оперативной реакции и адаптации к возникающим вызовам.

Обзор литературы. Туристская сфера в условиях обостряющейся конкуренции должна все больше интегрировать принципы маркетинга и быть более ориентированной на рынок. Маркетинг в туризме направлен на продвижение туристских достопримечательностей страны или региона [1]. Он признан процессом, ориентированным на взаимосвязанные и интегрированные деятельностные отношения [2]. Об искажении роли маркетинга и неправильном применении его инструментов в сфере туризма в начале 90-х прошлого столетия писали R.J. Calantone и J.A. Mazanec [3]. На возможные последствия неверного понимания природы маркетинга и его значения для индустрии туризма в результате отсутствия должного внимания к нему указывали Riege и Perr [4].

Еще большего достижения поставленных целей в условиях динамичной конкурентной среды обеспечивает процесс стратегического управления и, в частности, стратегического маркетинга, как более интегрированной деятельности [5, 6, 7]. О необходимости перехода от оперативного управления к стратегическому в целях обеспечения своевременности и адекватности реакции бизнеса на происходящие изменения писал О.С. Виханский [8, с. 29]. Стратегическое мышление позволяет использовать ресурсы и возможности для повышения производительности наилучшим образом. Теоретическая и практическая значимость стратегического маркетинга определяют повышение его роли для туристской отрасли. Достижению конкретных целей организации способствуют модели решений относительно выбора производимых товаров и услуг, обслуживаемых рынков, а также применяемые маркетинговые стратегии в отношении клиентов.

Значительный вклад в развитие стратегического маркетинга безусловно принадлежит Дэвиду В. Кревенсу, подчеркнувшему значимость комплексного и систематического метода анализа рыночных возможностей, формулирования маркетинговых стратегий и эффективного выполнения этих стратегий для достижения конкурентного преимущества и исключительной потребительской ценности [9]. Важность в обеспечении конкурентного преимущества на основе концепции стратегического маркетинга подчеркивал Р.А. Фатхутдинов [10]. Возможности достижения конкурентного преимущества за счет использования стратегического маркетинга при выходе на мировой туристский рынок были рассмотрены в трудах S.I. Papadopoulos [11], F.M. Go и K.M. Haywood [12], K.-S. Chon и M.D. Olsen [13], O.F. Aladag и др. [14].

На необходимость стратегической ориентации при удовлетворении потребностей путешественников настаивали K.M. Haywood [15] и E.M. Sanchez-Teba [16].

Однако, следует отметить и на замечания в научной литературе в адрес недостаточного внимания к вопросам стратегического маркетинга в туризме, отсутствие детальной работы в отношении стратегических вопросов в процессах маркетинга, требующих в свою очередь, более строгого анализа контекстуальных факторов. По мнению A. Williams, объяснением данной ситуации выступает смещение акцента внимания с потребителя на дестинацию и привязка маркетинговых стратегий к определенным

услугам при одновременном игнорировании дифференцированности потребностей [17]. При этом отмечается недостаток внимания, обращенного к неоднородности потребностей, предпочтений потребителей, их мотивации и покупательского поведения, а также к меняющимся глобальным экономическим и социальным изменениям. Тем не менее, современный потребитель более осведомлен и проницателен в своих суждениях, что определяет ожидания более высокой ценности от туристских услуг. Кроме того, свои коррективы в спрос и предложение на туристском рынке вносят технологические достижения [18, 19, 20]. Быстрое развитие информационных технологий и коммуникаций открыло новые возможности для маркетинга продуктов туризма и гостеприимства. Результатом понимания этих требований должно стать формирование эффективных маркетинговых стратегий для своевременного реагирования на происходящие изменения, способствующие повышению удовлетворенности клиентов, увеличению доли рынка даже в условиях обостряющейся конкуренции [21].

Маркетинговую стратегию можно определить, как интегрированную модель решений организации, ориентированную на выбор актуальных инструментов и их применения, ресурсного обеспечения. В свою очередь, R. Varadarajan определяет маркетинговую стратегию как совокупность конкретных идей и действий, предусматривающее наиболее эффективное управление деятельностью и комплексом маркетинга, гарантируя поддержку конкурентного преимущества [22]. По мнению J.R. Evans и B. Berman: «Маркетинговая стратегия обобщает способы, с помощью которых комплекс маркетинга способен привлекать и удовлетворять целевые рынки и одновременно реализовывать цели компании, которые сгруппированы в основные стратегии, базовые стратегии и стратегическую позицию [23]. Именно маркетинговая стратегия позволяет адаптироваться в изменчивых условиях рынка и обеспечивать наиболее эффективные решения.

Комплексным и сфокусированным на создании ценности для клиентов, как главном средстве достижения конкурентного преимущества и организационного успеха, является подход к маркетинговой стратегии Филипа Котлера. По его утверждению, маркетинговая стратегия должна включать понимание динамики рынка, поведения потребителей и конкурентной среды, а затем использование этого понимания для разработки эффективных маркетинговых планов, принятия маркетинговых концепций, соответствующих происходящим изменениям на рынке [24].

Цель маркетинговой стратегии в туризме заключается в повышении конкурентоспособности дестинации. Маркетинговая стратегия отражает инструменты и действия, которые разрабатываются руководством туристского направления для достижения выбранных целей туристского рынка. Как утверждали M. R. Evans, J. B. Fox и R. B. Johnson успех дестинации зависит от согласования ресурсов с возможностями, предоставляемыми внешней средой, а также от его будущей ориентации [25].

Если вопросам изучения тенденций развития различных аспектов маркетинга в стране посвящено достаточно много трудов казахстанских ученых [26, 27, 28, 29, 30] и др., то относительно маркетинга в сфере туризма следует отметить меньшую изученность [31, 32]. Формирование маркетинговых стратегий в различных сферах экономики явилось темой исследований ряда казахстанских ученых [33, 34, 35, 36]. Однако, проблема стратегического маркетингового подхода применительно к туристской отрасли остается недостаточно исследованной, что обуславливает необходимость восполнения данного пробела.

В Казахстане туризм определен приоритетной отраслью экономики в 2005 году. За 19-летний период был принят ряд государственных программных документов, направленных на активизацию развития туристской отрасли Республики Казахстан [37, 38, 39, 40, 41]. Однако, следует признать, что внимание, уделенное вопросам маркетинга в данных документах недостаточно. Недопонимание значимости маркетингового стратегического подхода при развитии отрасли на уровне страны определяет отсутствие должного понимания и со стороны региональных структур, курирующих развитие туризма. Все это указывает на необходимость внедрения и эффективного использования маркетинговых инструментов в успешном развитии отечественной туристской отрасли посредством разработки и реализации адаптируемых схем маркетингового стратегического управления.

В связи с вышеизложенным, целью данной статьи определено уточнение содержания стратегического маркетингового процесса в сфере туризма и разработка рекомендаций по его внедрению в

процесс развития регионального туристского комплекса.

Для реализации поставленной цели решались следующие задачи: обзор зарубежной литературы по проблеме применения маркетинга в сфере туризма и гостеприимства; определение методических основ последовательности этапов формирования маркетингового стратегического управления развитием регионального туризма.

Решению поставленных задач способствовало использование абстрактно-логического подхода и методов монографического, сравнительного, статистического анализ.

Информационную базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, законодательные и нормативные акты Республики Казахстан, а также официальные данные Бюро национальной статистики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель статьи - уточнение содержания стратегического маркетингового процесса в сфере туризма и разработка рекомендаций по его внедрению в процесс развития регионального туристского комплекса.

Методология исследования: абстрактно-логический подход, методы монографического, сравнительного, статистического анализ.

Одной из основных проблем низких темпов развития казахстанского туризма является недостаток внимания к стратегическому маркетинговому управлению. И если в целом по стране периодически отмечается прирост туристских прибытий внутреннего и въездного туризма, то в отношении региональных туристских комплексов все складывается не так однозначно (рисунок 1).

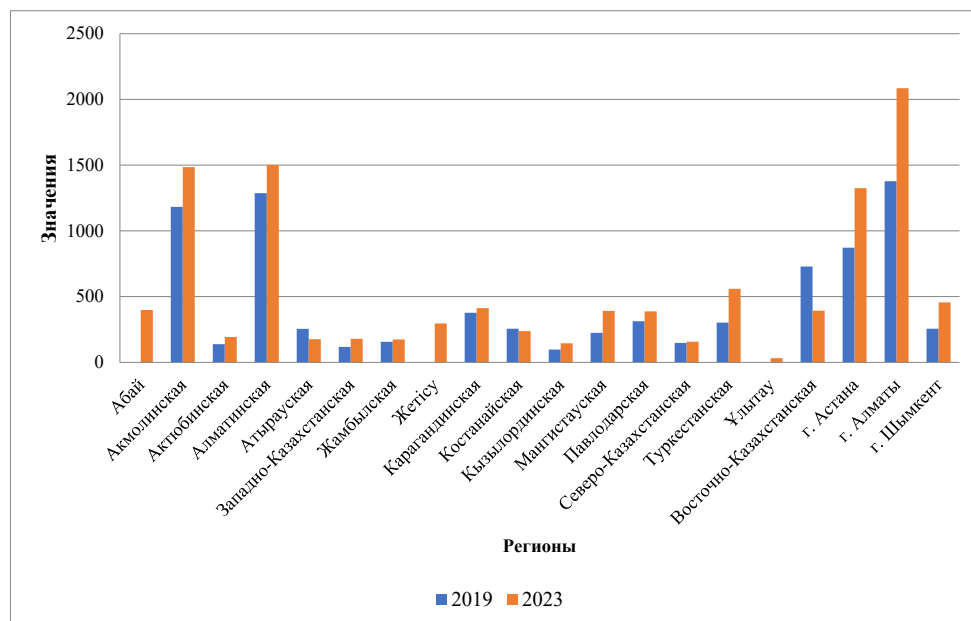

Рисунок 1 – Количество въездных и внутренних посетителей по областям Республики Казахстан, тыс. чел.

Примечание - составлен авторами на основе [42].

Безусловно, отмечается положительная динамика в целом по стране как за 5-летний период, так и за последний год. Однако, сегодня нельзя утверждать, что все регионы страны демонстрируют одинаковую интенсивность развития туризма, поскольку темпы роста туристских прибытий по внутреннему и въездному туризму заметно различаются. Наибольший рост за последние годы демонстрирует Западно-Казахстанская область в то время, как в Костанайской отмечено снижение темпов роста туристских

прибытий. Сокращение посещаемости наблюдается и во вновь созданной области Жетісу.

Как отмечалось ранее, игнорирование необходимости маркетингового подхода в развитии отечественного туризма, доминирование операционного маркетинга над стратегическим демонстрируют и принятые программные документы (Таблица 1). Если проанализировать основное содержание разделов, уделенных вопросам использования маркетинга, становится очевидным некоторый прогресс в использовании терминов и инструментов маркетинга: если в программе на 2007-2011 гг. из всех запланированных мероприятий к действительно маркетинговым можно отнести только “формирование привлекательного туристского имиджа страны” и “продвижение казахстанских турпродуктов на внутреннем и внешнем рынках туристских услуг посредством рекламно-информационных ресурсов”, то в последующих программных документах мероприятия приобретают более четкий маркетинговый характер. Тем не менее, следует отметить определенное недопонимание ключевых критериев стратегического маркетингового подхода к развитию отрасли и узконаправленный, ограниченный характер планируемых мероприятий.

Таблица 1 – Сравнительный анализ содержания маркетинговых мероприятий программ развития туризма Республики Казахстан, принятых в период 2007-2023 гг.

№	Наименование документа и раздела, посвященного маркетингу	Запланированные мероприятия
1	Государственная программа развития туризма в Республике Казахстан на 2007-2011 годы. 5.2. Маркетинг и продвижение казахстанского туристского продукта	- формирование привлекательного туристского имиджа страны; - расширение поддержки отрасли государством; - разработка и реализация “прорывных” туристских проектов международного значения; - развитие транспортной инфраструктуры и рынка туристских услуг; - участие в международных экономических организациях и союзах; - использование ценностей мультикультурного характера казахстанского общества; - разработка планов развития специализированных видов туризма; - формирование региональных тематических парков; - продвижение казахстанских турпродуктов на внутреннем и внешнем рынках туристских услуг посредством рекламно-информационных ресурсов.
2	Государственная программа развития туристской отрасли Республики Казахстан на 2019-2025 годы. <u>3.5. Система продвижения туристского потенциала страны на внутреннем и международном рынках</u>	- участие в международных выставках; - финансовая поддержка мер продвижения; - расширение использования информационно-коммуникационных технологий в маркетинге.
3	Проект Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2020 года. 2.7. Имиджевая стратегия	- разработка туристского бренда; - расширение интернет-маркетинга; - расширение используемых методов продвижения, включая формирование специализированной онлайн-платформы с функцией онлайн-бронирования; - открытие туристских представительств Казахстана в ключевых рынках; - организация инфотуров по дестинациям Казахстана.
4	Концепция развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2023 года.	Отсутствуют
5	Концепция развития туристской отрасли Республики Казахстан на 2023 – 2029 годы. 5.3. Продвижение туристского потенциала на региональном и международном уровнях, развитие MICE туризма на территории Республики Казахстан	- формирование странового туристского бренда Казахстан; - использование интегрированных маркетинговых коммуникаций; - расширение применения event-маркетинга; - привлечению MICE мероприятий в Казахстан.
Примечание - составлена авторами на основе [37, 38, 39, 40, 41]		

Кроме того, если значимость маркетинговых инструментов на страновом уровне выражается включением в программы развития туризма, то, как можно заметить, на региональном уровне в большинстве своем они игнорируются совсем. Опыт же зарубежных стран, успешно развивающих туристскую сферу, демонстрирует активную разработку и реализацию специальных маркетинговых стратегий развития национального и регионального туризма [43, 44].

Значительным прорывом в продвижении Казахстана в мировом масштабе как туристского направления стало создание АО «Национальная компания «Kazakh Tourism» в 2017 году, выступающего бренд-менеджером страны по туризму [45]. Однако, следует признать, что на региональном уровне структуры, курирующие развитие туризма на местах, маркетинговый подход практически игнорируется.

Отсутствие комплексного подхода в стратегическом маркетинговом управлении развития туристской отрасли регионов, четких приоритетов и критериев в достижении целей маркетинга и использовании маркетинговых технологий обусловило необходимость представления авторского видения стратегического маркетингового процесса регионального туристского комплекса (рисунок 2).

Процесс реализации стратегического маркетинга на региональном уровне предусматривает три ключевых этапа: планирование, выполнение и контроль, каждый из которых включает ряд мероприятий и действий, которые необходимо осуществить для достижения поставленных целей.

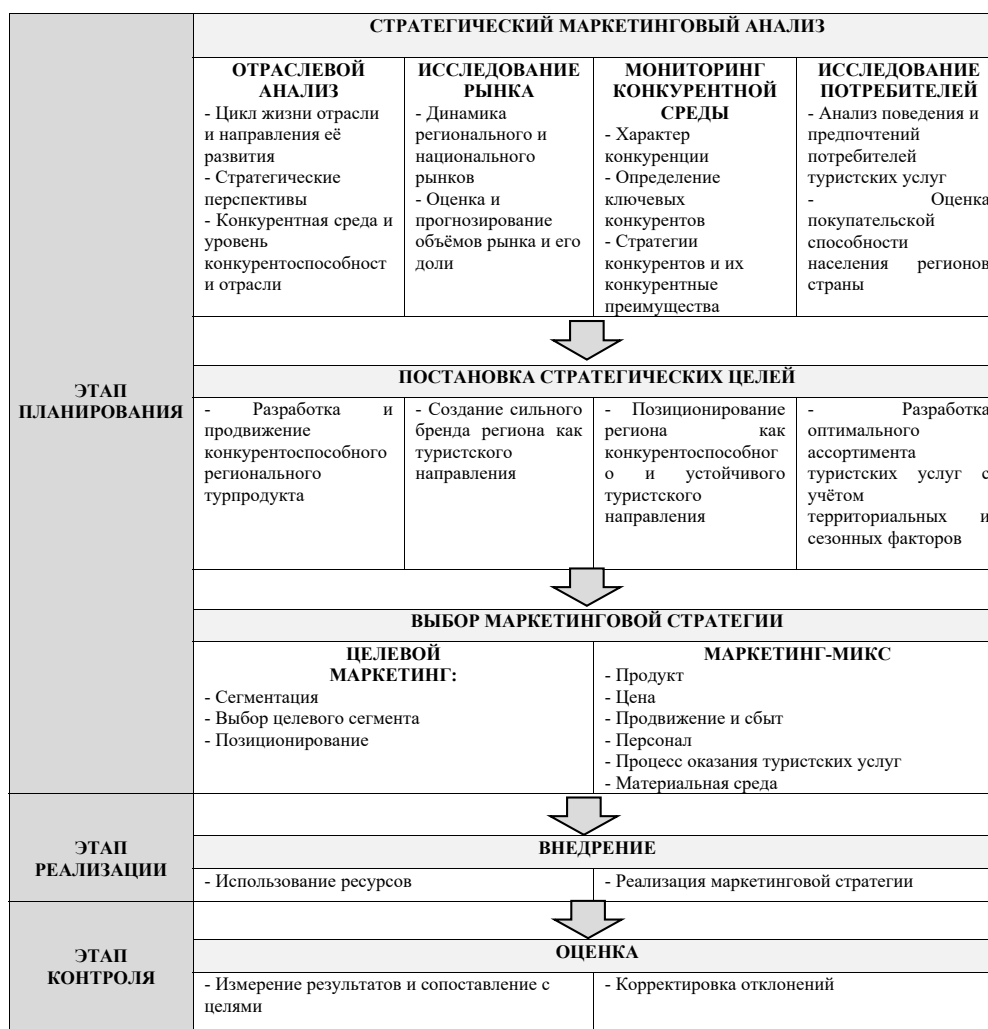

Рисунок 2 – Концептуальная модель стратегического маркетинга в контексте регионального туристского комплекса

Примечание - составлен авторами на основе [46, 47, 48]

На этапе планирования важно провести стратегический маркетинговый анализ, направленный на определение собственных возможностей и постановки реалистичных и достижимых целей. В задачи стратегического анализа входит изучение особенностей отрасли посредством оценки этапа развития, потенциала и конкурентных преимуществ туристского комплекса; всестороннее понимание туристского рынка через диагностирование его текущего состояния, выявление ключевых проблем и возможностей расширения емкости рынка; анализ действий конкурентов как стратегической практики управления в современной конкуренции, диагностирование и прогнозирование поведения потребителей в целях обеспечения им максимальной ценности.

Важное значение имеет этап постановки целей. Стратегические маркетинговые цели в широком смысле понимаются как ориентированные на достижение конкурентных преимуществ, формирование лояльности клиентов и создание рыночных реляционных активов, обеспечение конкретных результатов на рынке. Выбор того или иного варианта во многом определяется настоящей позицией, занимаемой на рынке, а также ресурсов и возможностей, гарантирующих их достижение.

Заключительным этапом планирования является определение маркетинговой стратегии, направленной на максимальное использование преимуществ туристского комплекса и соответствие требованиям целевой аудитории. Она должна быть адаптивной, обеспечивая оперативную реакцию на изменения в потребительских предпочтениях и потребностях, а также выявление новых перспективных рыночных ниш.

Выбранная маркетинговая стратегия определяет действия целевого маркетинга, выступающего стратегической базой, и комплекс маркетинга, обеспечивающего тактические действия. Значимость целевого маркетинга обусловлена существующими различиями в потребностях потребителей туристских услуг, определяющих необходимость сегментирования рынка и выбора для развития туризма наиболее подходящего сегмента, если взять во внимание тот факт, что особенностью туристского рынка является значительная эволюция от массового туризма в середине 20-го столетия до нишевых и индивидуальных рынков в 2000-х. [49]. Сегментация рынка позволяет правильно определить эффективные целевые турпродукты. Весьма важно учитывать значимость новаторской сегментации, т.е. восприятия сегментов рынка взглядом, отличающимся от видения конкурентов [50, с. 322], что позволит в поиске нереализованных потребностей и правильного позиционирования собственных услуг. Роль маркетинг-микса заключается в обеспечении возможности успешной реализации выбранной стратегии, барьерами которой могут стать неравномерные или неадекватные навыки управления, плохое понимание ролей, недостаточная координация деятельности между структурами, нечеткие линии ответственности, неэффективный мониторинг и общая недостаточная приверженность стейкхолдеров.

Результативность реализации стратегии определяется посредством непрерывного процесса анализа конкурентной среды и разработки стратегических вариантов вместе с их оценкой, четкого делегирования полномочий, распределения индивидуальных обязанностей и ответственности, сбалансированности курса действий и высокой маневренности [51].

Стратегический маркетинговый процесс заканчивается этапом оценки, дающего возможность измерения результатов использованной стратегии, сравнения достижения поставленных целей и внесения коррективов в действия в случае обнаружения отклонений от поставленных целей. Данный этап обеспечивает обратную связь с предыдущими этапами процесса стратегического маркетинга.

Таким образом, стратегический маркетинговый процесс в туристской сфере должен основываться на четком алгоритме действий, обеспечивающих рост и развитие регионального туристского комплекса. Он может быть использован в качестве основы для сосредоточения внимания на дальнейшем развитии уникальной и конкурентоспособной туристской отрасли.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Основное внимание в данной статье уделено использованию стратегического маркетингового подхода на региональном уровне.

Проведенный обзор научной литературы подтвердил значимость и актуальность использования стратегического маркетинга в сфере путешествий и туризма, поскольку динамичный рост отрасли во

многим зависит от применения маркетингового аспекта. Исследование выявило разнообразие подходов формирования маркетинговой стратегии развития туризма в зарубежных странах, которые весьма актуальны для отечественной туристской отрасли и могут служить ориентиром для выстраивания собственной политики регионов Казахстана.

Проведен сравнительный анализ содержания государственных программных документов по развитию туризма Казахстана с акцентированием внимания на вопросах применения маркетинговых инструментов, позволивший выявить ограниченность их содержания, отсутствие четких маркетинговых целей и механизмов реализации.

На основе сравнительного анализа зарубежных подходов использования инструментов стратегического маркетинга в управлении туристской отраслью была разработана авторская концептуальная модель стратегического маркетингового процесса в сфере регионального туристского комплекса, которая, по мнению авторов, позволит дополнить образовавшийся пробел в знаниях и навыках маркетингового управления развитием туризма в областях Казахстана. Данная модель имеет значение для принятия управленческих решений и может быть использована в качестве руководства для государственных структур, курирующих вопрос развития регионального туризма.

Таким образом, в данном исследовании сделан основной вывод о необходимости применения методов стратегического маркетинга для успешного позиционирования отечественных туристских услуг как на внутреннем, так и на международном рынках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Yuju-Wang, B. A. Effects of integrated marketing communications (IMC) on visitors heritage destination selection // *Journal of Quality Assurance in Hospitality and Tourism*. – 2007. – № 10. – С. 132–144.
2. Effendi Y., Narti S. Marketing Strategy of Tourism Destination Mas Harun Bastari Lake, Rejang Lebong Regency // *Journal of Business, Management, and Accounting*. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 258–267.
3. Calantone R. J., Mazanec J. A. Marketing management and tourism // *Annals of Tourism Research*. – 1991. – Т. 18, № 1. – С. 101–119.
4. Riege A. M., Perry C. National marketing strategies in international travel and tourism // *European Journal of Marketing*. – 2000. – Т. 34, № 11/12. – С. 1290–1304.
5. Varadarajan, R. (2020). Customer information resources advantage, marketing strategy and business performance: A market resources-based view. *Journal of Business Research*, 9(2), 123–137.
6. Katsikeas C., Leonidou L., Zeriti A. Revisiting international marketing strategy in a digital era: Opportunities, challenges, and research directions // *International Marketing Review*. – 2020. – 12 November. – ISSN: 0265-1335.
7. Alzoubi H., Alshurideh M., Al Kurdi B., Akour I., & Aziz R. Does BLE technology contribute towards improving marketing strategies, customers' satisfaction and loyalty? The role of open innovation // *International Journal of Data and Network Science*. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 449–460. – DOI: 10.5267/j.ijdns.2021.12.009.
8. Виханский О. С. Стратегическое управление: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 1999. – 296 с.
9. Кревенс Д. В. Стратегический маркетинг: пер. с англ. А. Р. Ганиевой, А. Г. Гришко, Э. В. Кондуковой и др. – М.: Вильямс, 2003. – 507 с.
10. Фатхутдинов Р. А. Стратегический маркетинг. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2000. – 448 с.
11. Papadopoulos S. I. Strategic marketing techniques in international tourism // *International Marketing Review*. – 1987. – Т. 3, № Summer. – С. 71–84.
12. Go F. M., Haywood K. M. Marketing of the service process: state-of-the-art in tourism, recreation and hospitality industries // *Progress in Tourism, Recreation and Hospitality Management*. – London: Belhaven Press, 1990. – Т. 2. – С. 129–150.

13. Chon K. S., Olsen M. D. Applying the strategic management process in the management of tourism organisations // *Tourism Management*. – 1990. – Т. 11, № 3. – С. 206–213.
- Aladag, O. F., Köseoglu, M. A., King, B., & Mehraliyev, F. Strategy implementation research in hospitality and tourism: Current status and future potential // *International Journal of Hospitality Management*. – 2020. – Т. 88. – С. 102556. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102556>.
14. Haywood K. M. Revising and implementing the marketing concept as applied to tourism // *Tourism Management*. – 1990. – Т. 11, № 3. – С. 195–205.
- Sánchez-Teba, E. M., García-Mestanza, J., & Rodríguez-Fernández, M. The application of the inbound marketing strategy on Costa del Sol planning & tourism board: Lessons for post-COVID-19 revival // *Sustainability*. – 2020. – Т. 12, № 23. – С. 9926. – DOI: <https://doi.org/10.3390/su12239926>.
15. Williams A. Tourism and hospitality marketing: Fantasy, feeling and fun // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. – 2006. – Т. 18, № 6. – С. 482–495.
16. Vargo S. L., Lusch R. F. Evolving to a new dominant logic for marketing // *Journal of Marketing*. – 2004. – Т. 68, № 1. – С. 1–17.
17. Olazo, D. B. Measuring the level of digital marketing capabilities, digital marketing strategies and challenges and issues of SMEs in adopting digital marketing // *Journal of Business and Accountancy*. – 2022. – Т. 4, № 1. – e-ISSN 2682-8170.
18. Wu, Chih-Wen, Botella-Carrubi, Dolores, Blanco González-Tejero, Cristina. The empirical study of digital marketing strategy and performance in small and medium-sized enterprises (SMEs) // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2024. – Т. 200. – March. – С. 123–142.
19. Jangid A., et al. Effective Marketing Strategies for the Tourism Industry using Sentiment Analysis // *IOSR Journal of Business and Management (IOSR-JBM)*. – 2021. – Т. 23, № 6. – С. 59–66.
20. Varadarajan R. Strategic marketing and marketing strategy: Domain, definition, fundamental issues and foundational premises // *Journal of the Academy of Marketing Science*. – 2010. – Т. 38. – С. 119–140.
21. Evans J. R., Berman B. *Marketing: The Macmillan series in marketing*. – New York: Macmillan Pub. Co., 1990. – 889 с.
22. Kotler P., Gertner D. Country as Brand, Product, and Beyond: A Place Marketing and Brand Management Perspective // *Journal of Brand Management*. – 2002. – Т. 9, № 4–5. – С. 249–261.
23. Evans M. R., Fox J. B., Johnson R. B. Identifying Competitive Strategies for Successful Tourism Destination Development // *Journal of Hospitality & Leisure Marketing*. – 1995. – Т. 3, № 1. – С. 37–45. – DOI: https://doi.org/10.1300/J150v03n01_04.
24. Ниеталина Г. К., Дюсембекова Ж. М., Разакова Д. И. Маркетинг в развитии креативной экономики // *Central Asian Economic Review*. – 2022. – № 6. – С. 40–51. – DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2022-6-40-51>.
25. Кабиев Т. К. Концептуальные основы управления системой маркетинга промышленных предприятий Республики Казахстан // *Вестник Инновационного Евразийского университета*. – 2015. – № 3. – С. 19–24.
26. Кожамкулова Ж. Т., Ма Тяньхун. Современное состояние развития интернет-маркетинга в Республике Казахстан и Китае // *KazNU Bulletin. Economics series*. – 2016. – № 2/2 (114). – С. 140–147.
27. Ишкинина Г. Ш., Жакенова Г. И., Омархан Д. Н., Рахимбердинова М. У. Формирование и реализация маркетинговой политики телекоммуникационной компании в условиях «Цифрового Казахстана» и общемировых трендов // *Central Asian Economic Review*. – 2019. – № 4. – С. 156–170.
28. Маленко К. В., Курманалина А. А., Семенихин В. В. Электронный маркетинг и электронная коммерция в Казахстане: анализ состояния, особенности и тенденции развития // *Вестник университета «Туран»*. – 2022. – № 1. – С. 259–267. – DOI: <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2022-1-1-259-267>.
29. Шаекина Ж. М., Тлеубердинова А. Т. *Маркетинг туризма: учебник*. – Караганда: ТОО «Арко», 2015 – 156 с.
30. Айтжанова А. Э., Айтбаева Г. Д., Нурпеисова Л. С. Анализ рекламной кампании туристских фирм Казахстана // *Вестник университета «Туран»*. – 2020. – № 1. – С. 208–213.

31. Абуова А. Ж. Стратегия маркетинговых коммуникаций как ключевой элемент маркетинговой стратегии вуза // Вестник Карагандинского университета. Серия «Экономика». – 2018. – № 4(92). – С. 200–208.
32. Еримпашева А. Т., Таракбаева Р. Е. Маркетинговая стратегия в условиях пандемии Covid-19: литературный обзор // Вестник университета «Туран». – 2021. – № 1. – С. 59–63. – DOI: <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2021-1-1-59-63>.
33. Нурмухамбет А., Сайн Э. Маркетинговые стратегии международной деятельности предприятий Казахстана // Электронный научный журнал «edu.e-history.Kz». – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 258–264. – URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/519> (дата обращения: 15.07.2024).
34. Ордабаева М., Таракбаева Р., Кадырова К. Зарубежный опыт использования сервитизации как стратегии маркетинга // «Мемлекеттік аудит – Государственный аудит». – 2024. – Т. 63, № 2. – С. 183–191. – DOI: <https://doi.org/10.55871/2072-9847-2024-63-2-183-191>.
35. О Государственной программе развития туризма в Республике Казахстан на 2007–2011 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2006 года № 231. Утратил силу Указом Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года № 958 [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2011. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000231_ (дата обращения: 12.07.2024).
36. Об утверждении Государственной программы развития туристской отрасли Республики Казахстан на 2019–2025 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 мая 2019 года № 360. Утратило силу Постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 262 [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000360> (дата обращения: 15.07.2024).
37. О проекте Указа Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2020 года». Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 февраля 2013 года № 192 [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2013. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000192> (дата обращения: 16.07.2024).
38. Об утверждении Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2023 года. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2017 года № 406. Утратило силу Постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 262 [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2017. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000406> (дата обращения: 18.07.2024).
39. Об утверждении Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан на 2023–2029 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 262 [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000262> (дата обращения: 15.07.2024).
40. Туризм Казахстана: Статистический сборник [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-tourism/> (дата обращения: 29.07.2024).
41. Riege A. M., Perry C. National marketing strategies in international travel and tourism // European Journal of Marketing. – 2000. – Т. 34, № 11/12. – С. 1290–1304.
42. Gan Y., Yang W., Jiao Y. Research on Tourism Destination Marketing Strategy Based on Economic Perspective // Academic Journal of Management and Social Sciences. – 2023. – Т. 2, № 2. – С. 43–47.
43. Официальный сайт АО «Национальная компания «Kazakh Tourism». URL: <https://qaztourism.kz/ru/about-company/our-work/about/> (дата обращения: 19.12.2024).
44. Tsiotsou R., Ratten V. Future research directions in tourism marketing // Marketing Intelligence & Planning. – 2010. – Т. 28, № 4. – С. 533–544.
45. Yanto Effendi, Sri Narti. Marketing Strategy of Tourism Destination Mas Harun Bastari Lake, Rejang Lebong Regency // Journal of Business, Management, and Accounting. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 258–267. – URL: <http://e-journal.stie-kusumanegara.ac.id>.
46. Crawford C. M., Di Benedetto C. A. New Products Management. – USA: McGraw-Hill Companies, Incorporated, 2008. – 558 с.

- 4.7 Weaver D., Lawton L. *Tourism Management*. – USA: Wiley, 2002. – 472 с.
48. Шив Ч. Л., Хайэм А. У. Курс MBA по маркетингу. – М.: Альпина Паблишер, 2003. – 717 с.
49. Asmai I. Marketing strategy implementation: a study of small and medium companies in Indonesia // JSB. – 2004. – Т. 9, № 2. – С. 123–137.

REFERENCES

1. Yuju-Wang, B. A. (2007), “Effects of integrated marketing communications (IMC) on visitor’s heritage destination selection”, *Journal of Quality Assurance in Hospitality and Tourism*, No. 10, pp. 132–144.
2. Effendi, Y. and Narti, S. (2020), “Marketing Strategy of Tourism Destination Mas Harun Bastari Lake, Rejang Lebong Regency”, *Journal of Business, Management, and Accounting*, Vol. 2, No. 2, pp. 258–267.
3. Calantone, R. J. and Mazanec, J. A. (1991), “Marketing management and tourism”, *Annals of Tourism Research*, Vol. 18, No. 1, pp. 101–119.
4. Riege, A. M. and Perry, C. (2000), “National marketing strategies in international travel and tourism”, *European Journal of Marketing*, Vol. 34, No. 11/12, pp. 1290–1304.
5. Varadarajan, R. (2020), “Customer information resources advantage, marketing strategy and business performance: A market resources-based view”, *Journal of Business Research*, Vol. 9, No. 2, pp. 123–137.
6. Katsikeas, C., Leonidou, L. and Zeriti, A. (2020), “Revisiting international marketing strategy in a digital era: Opportunities, challenges, and research directions”, *International Marketing Review*, 12 November. ISSN: 0265-1335.
7. Alzoubi, H., Alshurideh, M., Al Kurdi, B., Akour, I. and Aziz, R. (2022), “Does BLE technology contribute towards improving marketing strategies, customers’ satisfaction and loyalty? The role of open innovation”, *International Journal of Data and Network Science*, Vol. 6, No. 2, pp. 449–460. DOI: 10.5267/j.ijdns.2021.12.009.
8. Vikhanskiy, O. S. (1999), *Strategicheskoe upravlenie: Uchebnik, 2-e izd., pererab. i dop.*, Gardariki, Moskva, 296 s.
9. Krevens, D. V. (2000), *Strategicheskii marketing, per. s angl. A. R. Ganievoy i dr.*, Vilyams, Moskva, 2003. – 507 s.
10. Fathutdinov, R. A. (2000), *Strategicheskii marketing*, ZAO “Biznes-shkola “Intel-Sintez”, Moskva, 448 s.
11. Papadopoulos, S. I. (1987), “Strategic marketing techniques in international tourism”, *International Marketing Review*, Vol. 3, No. Summer, pp. 71–84.
12. Go, F. M. and Haywood, K. M. (1990), “Marketing of the service process: state-of-the-art in tourism, recreation and hospitality industries”, *Progress in Tourism, Recreation and Hospitality Management*, Vol. 2, London: Belhaven Press, pp. 129–150.
13. Chon, K. S. and Olsen, M. D. (1990), “Applying the strategic management process in the management of tourism organisations”, *Tourism Management*, Vol. 11, No. 3, pp. 206–213.
14. Aladag, O. F., Köseoglu, M. A., King, B. and Mehraliyev, F. (2020), “Strategy implementation research in hospitality and tourism: Current status and future potential”, *International Journal of Hospitality Management*, Vol. 88, p. 102556. DOI: 10.1016/j.ijhm.2020.102556.
15. Haywood, K. M. (1990), “Revising and implementing the marketing concept as applied to tourism”, *Tourism Management*, Vol. 11, No. 3, pp. 195–205.
16. Sánchez-Teba, E. M., García-Mestanza, J. and Rodríguez-Fernández, M. (2020), “The application of the inbound marketing strategy on Costa del Sol planning & tourism board: Lessons for post-COVID-19 revival”, *Sustainability*, Vol. 12, No. 23, p. 9926. DOI: 10.3390/su12239926.
17. Williams, A. (2006), “Tourism and hospitality marketing: Fantasy, feeling and fun”, *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, Vol. 18, No. 6, pp. 482–495.
18. Vargo, S. L. and Lusch, R. F. (2004), “Evolving to a new dominant logic for marketing”, *Journal of Marketing*, Vol. 68, No. 1, pp. 1–17.

19. Olazo, D. B. (2022), “Measuring the level of digital marketing capabilities, digital marketing strategies and challenges and issues of SMEs in adopting digital marketing”, *Journal of Business and Accountancy*, Vol. 4, No. 1. e-ISSN 2682-8170.
20. Wu, Chih-Wen, Botella-Carrubi, Dolores and Blanco González-Tejero, Cristina (2024), “The empirical study of digital marketing strategy and performance in small and medium-sized enterprises (SMEs)”, *Technological Forecasting and Social Change*, Vol. 200, March, p. 123142.
21. Jangid, A., et al. (2021), “Effective Marketing Strategies for the Tourism Industry using Sentiment Analysis”, *IOSR Journal of Business and Management (IOSR-JBM)*, Vol. 23, No. 6, pp. 59–66.
22. Varadarajan, R. (2010), “Strategic marketing and marketing strategy: Domain, definition, fundamental issues and foundational premises”, *Journal of the Academy of Marketing Science*, Vol. 38, pp. 119–140.
23. Evans, J. R. and Berman, B. (1990), *Marketing: The Macmillan series in marketing*, Macmillan Pub. Co., New York, 889 s.
24. Kotler, P. and Gertner, D. (2002), “Country as Brand, Product, and Beyond: A Place Marketing and Brand Management Perspective”, *Journal of Brand Management*, Vol. 9, No. 4–5, pp. 249–261.
25. Evans, M. R., Fox, J. B. and Johnson, R. B. (1995), “Identifying Competitive Strategies for Successful Tourism Destination Development”, *Journal of Hospitality & Leisure Marketing*, Vol. 3, No. 1, pp. 37–45. DOI: 10.1300/J150v03n01_04.
26. Nietalina, G. K., Dyusembekova, Zh. M. and Razakova, D. I. (2022), “Marketing v razvitiy kreativnoy ekonomiki”, *Central Asian Economic Review*, No. 6, pp. 40–51. DOI: 10.52821/2789-4401-2022-6-40-51. (in Russian)
27. Kabiev, T. K. (2015), “Kontseptual’nye osnovy upravleniya sistemoy marketinga promyshlennykh predpriyatiy Respubliki Kazakhstan”, *Vestnik Innovatsionnogo Evraziyskogo Universiteta*, No. 3, pp. 19–24. (in Russian)
28. Kozhamkulova, Zh. T. and Ma Tyan’khun (2016), “Sovremennoe sostoyanie razvitiya internet-marketinga v Respublike Kazakhstan i Kitae”, *KazNU Bulletin. Economics Series*, No. 2/2 (114), pp. 140–147. (in Russian)
29. Ishkinina, G. Sh., Zhakenova, G. I., Omarkhan, D. N. and Rakhimberdinova, M. U. (2019), “Formirovanie i realizatsiya marketingovoy politiki telekommunikatsionnoy kompanii v usloviyakh ‘Tsifrovogo Kazakhstana’ i obshchemirovykh trendov”, *Central Asian Economic Review*, No. 4, pp. 156–170. (in Russian)
30. Malenko, K. V., Kurmanalina, A. A. and Semenikhin, V. V. (2022), “Elektronnyy marketing i elektronnyaya kommertsiya v Kazakhstane: analiz sostoyaniya, osobennosti i tendentsii razvitiya”, *Vestnik universiteta “Turan”*, No. 1, pp. 259–267. DOI: 10.46914/1562-2959-2022-1-1-259-267. (in Russian)
31. Shaekina, Zh. M. and Tleuberinova, A. T. (2015), *Marketing turizma: uchebnik*, TOO “Arko”, Karaganda, 156 s. (in Russian)
32. Aitzhanova, A. E., Aitbaeva, G. D. and Nurpeisova, L. S. (2020), “Analiz reklamnoy kampanii turistskikh firm Kazakhstana”, *Vestnik universiteta “Turan”*, No. 1, pp. 208–213. (in Russian)
33. Abuova, A. Zh. (2018), “Strategiya marketingovykh kommunikatsiy kak klyuchevoy element marketingovoy strategii vuza”, *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya ‘Ekonomika’*, No. 4(92), pp. 200–208. (in Russian)
34. Erimpasheva, A. T. and Tarakbaeva, R. E. (2021), “Marketingovaya strategiya v usloviyakh pandemii Covid-19: literaturnyy obzor”, *Vestnik universiteta “Turan”*, No. 1, pp. 59–63. DOI: 10.46914/1562-2959-2021-1-1-59-63. (in Russian)
35. Nurmukhambet, A. and Sain, E. (2019), “Marketingovye strategii mezhdunarodnoy deyatelnosti predpriyatiy Kazakhstana”, *Elektronnyy nauchnyy zhurnal ‘edu.e-history.Kz’*, Vol. 6, No. 1, pp. 258–264. Retrieved July 15, 2024, from <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/519>. (in Russian)
36. Ordabaeva, M., Tarakbaeva, R. and Kadyrova, K. (2024), “Zarubezhnyy opyt ispol’zovaniya servitizatsii kak strategii marketinga”, “Memlekettik audit – Gosudarstvennyy audit”, Vol. 63, No. 2, pp. 183–191. DOI: 10.55871/2072-9847-2024-63-2-183-191. (in Russian)
37. “O Gosudarstvennoy programme razvitiya turizma v Respublike Kazakhstan na 2007–2011 gody” (2006), *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 29 dekabrya 2006 goda No. 231*. Retrieved July 12, 2024 from https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000231_. (in Russian)

38. “Ob utverzhdenii Gosudarstvennoy programmy razvitiya turistskoy otrasli Respubliki Kazakhstan na 2019–2025 gody” (2019), Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 31 maya 2019 goda No. 360. Retrieved July 15, 2024 from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000360>. (in Russian)
39. “O proekte Ukaza Prezidenta Respubliki Kazakhstan ‘Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya turistskoy otrasli Respubliki Kazakhstan do 2020 goda’” (2013), Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 28 fevralya 2013 goda No. 192. Retrieved July 16, 2024 from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000192>. (in Russian)
40. “Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya turistskoy otrasli Respubliki Kazakhstan do 2023 goda” (2017), Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 30 iyunya 2017 goda No. 406. Retrieved July 18, 2024 from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000406>. (in Russian)
41. “Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya turistskoy otrasli Respubliki Kazakhstan na 2023–2029 gody” (2023), Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 28 marta 2023 goda No. 262. Retrieved July 15, 2024 from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000262>. (in Russian)
42. “Turizm Kazakhstana: Statisticheskiy sbornik”. Retrieved July 29, 2024 from <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-tourism/>. (in Russian)
43. Riege, A. M. and Perry, C. (2000), “National marketing strategies in international travel and tourism”, *European Journal of Marketing*, Vol. 34, No. 11/12, pp. 1290–1304.
44. Gan, Y., Yang, W. and Jiao, Y. (2023), “Research on Tourism Destination Marketing Strategy Based on Economic Perspective”, *Academic Journal of Management and Social Sciences*, Vol. 2, No. 2, pp. 43–47.
45. Official website of JSC “National Company “Kazakh Tourism”. Retrieved December 19, 2024 from <https://qaztourism.kz/ru/about-company/our-work/about/> (in Russian).
46. Tsiotsou, R. and Ratten, V. (2010), “Future research directions in tourism marketing”, *Marketing Intelligence & Planning*, Vol. 28, No. 4, pp. 533–544.
47. Yanto, Effendi and Sri, Narti. (2020), “Marketing Strategy of Tourism Destination Mas Harun Bastari Lake, Rejang Lebong Regency”, *Journal of Business, Management, and Accounting*, Vol. 2, No. 2, pp. 258–267. Available at: <http://e-journal.stie-kusumanegara.ac.id>.
48. Crawford, C. M. and Di Benedetto, C. A. (2008), *New Products Management*, McGraw-Hill Companies, USA, 558 p.
49. Weaver, D. and Lawton, L. (2002), *Tourism Management*, Wiley, USA, 472 p.
50. Shiv, Ch. L. and Haiem, A. U. (2003), *Kurs MBA po marketingu*, Alpina Publisher, Moskva, 717 s.
51. Asmai, I. (2004), “Marketing strategy implementation: A study of small and medium companies in Indonesia”, *JSB*, Vol. 9, No. 2, pp. 123–137.

STRATEGIC MARKETING THINKING AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF REGIONAL TOURISM

A. T. Tleuberdinova¹, Zh. Tulenbayeva^{2*}, Zh. M. Dyussebekova³

¹ Institute of Economics, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

² Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

³ Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the research is to clarify the content of the strategic marketing process in tourism and to develop recommendations for its implementation in the development of the regional tourism complex.

The methodology involves analyzing international literature on the use of marketing in tourism and hospitality, establishing the methodological framework for the stages of developing a strategic marketing

mechanism, as well as the development of recommendations for its integration into regional tourism. The research methodology includes an abstract-logical approach, and methods of monographic, comparative, and statistical analysis.

The value of the study lies in the potential for scientifically justifying measures to accelerate the development of regional tourism in Kazakhstan. The implementation of the proposed approach to strategic marketing will contribute to increasing tourist arrivals, improving the quality of life, and enhancing consumer satisfaction with tourism services. The findings of the research can provide a scientific basis for initiatives to accelerate the growth of regional tourism in Kazakhstan, optimize the utilization of the country's regional tourism potential, and contribute to enhancing regional tourism development policies. Additionally, they can be utilized in further academic studies and educational programs. The implementation of the author's approach to the strategic marketing process in the regional tourism complex will promote the growth of tourist arrivals, improve the quality of life in the country's regions, and increase consumer satisfaction with tourism services.

The research results. A conceptual model for the strategic marketing process in the regional tourism sector has been created, outlining the key stages and tools necessary for implementing marketing strategies, along with the factors influencing their success. The effectiveness of the proposed measures has been evaluated, and recommendations for tailoring strategic marketing approaches to the unique characteristics of regional tourism markets have been formulated.

Keywords: Strategic mindset, tourism promotion, marketing approaches, regional tourism development.

АЙМАҚТЫҚ ТУРИЗМДІ ДАМУДЫҢ ФАКТОРЫ РЕТІНДЕ СТРАТЕГИЯЛЫҚ МАРКЕТИНГТІК ОЙЛАУ

А. Т. Тлеубердинова¹, Ж. Туленбаева^{2*}, Ж. М. Дюсембекова³

¹ ҚР БҒМ ҒК Экономика институты, Алматы, Қазақстан Республикасы

² Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

³ «Нархоз университеті», Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – туризм саласындағы стратегиялық маркетингтік процестің мазмұнын нақтылау және оны аймақтық туристік кешенді дамыту процесіне енгізу бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Зерттеу әдіснамасы – туризм және қонақжайлылық саласындағы маркетингті қолдану бойынша шетелдік әдебиеттерге шолу, стратегиялық маркетингтік механизмді қалыптастыру кезеңдерінің әдістемелік негіздерін анықтау, сондай-ақ оны аймақтық туризмге интеграциялау бойынша ұсыныстарды әзірлеу кіреді. Зерттеу әдіснамасы абстрактілі-логикалық тәсіл, монографиялық, салыстырмалы және статистикалық талдау әдістерін қамтиды.

Зерттеудің құндылығы – аймақтық туризмнің жеделдетілген дамуына бағытталған шараларды ғылыми негіздеу мүмкіндігінде. Ұсынылған стратегиялық маркетингке қатысты тәсілді жүзеге асыру туристік келулердің артуына, халықтың өмір сүру сапасының жақсаруына және туристік қызметтермен тұтынушылардың қанағаттану деңгейінің өсуіне ықпал етеді. Зерттеу нәтижелері Қазақстанда аймақтық туризмді жеделдетілген дамытуға бағытталған шараларды ғылыми негіздеуге, елдің аймақтарының туристік әлеуетін тиімді пайдалануға, аймақтық туризмді дамыту саясатын жетілдіруде, әрі қарайғы зерттеулер мен оқу процесінде қолданылуы мүмкін. Аймақтық туристік кешендегі стратегиялық маркетингтік процесті жүзеге асыруға қатысты авторлық тәсілді іске асыру туристік келулердің артуына, елдің аймақтарындағы өмір сүру сапасының жақсаруына, туристік қызметтерге тұтынушылық сұраныстың қанағаттануына ықпал етеді.

Зерттеу нәтижелері – аймақтық туристік кешендегі стратегиялық маркетингтік процестің тұжы-

рымдамалық моделі әзірленді; маркетингтік стратегияларды жүзеге асырудың негізгі кезеңдері мен құралдары анықталды, сондай-ақ олардың табысты іске асырылуына әсер ететін факторлар анықталды. Ұсынылған шаралардың тиімділігі бағаланып, аймақтық туристік нарықтардың ерекшеліктеріне стратегиялық маркетингті бейімдеу бойынша ұсыныстар жасалды.

Түйін сөздер: стратегиялық ойлау, туризм маркетингі, маркетингтік стратегиялар, аймақтық туризм.

ОБ АВТОРАХ

Тлеубердинова Айжан Тохтаровна – доктор экономических наук, доцент, Институт экономики Комитета науки МНВО РК, г. Алматы, Республика Казахстан, tat404@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8762-5932

Туленбаева Жание Муратқызы – докторант программы PhD Казахского национального университета им. Аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан, zhaniye.t@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1551-0516

Дюсембекова Жанар Маратовна – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор НАО «Университет Нархоз», г. Алматы, Республика Казахстан, email: zhanar.dyussebekova@narхоз.kz, ORCID: 0000-0003-3373-5591

MPNТИ: 06.71.02

JEL Classification: O25; O40

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-97-109>

ПРОБЛЕМА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА РЫНКЕ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ КАЗАХСТАНА: АНАЛИЗ СИТУАЦИИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

С. Э. Епанчинцева^{1*}, Г. Б. Саханова¹, А. Н. Байгелова¹

¹Алматинский технологический университет, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Выявление состояния и тенденций развития молочной отрасли в Казахстане и определение путей для решения проблемы импортозамещения на рынке молочной продукции.

Методология исследования. В ходе проведения данного исследования были использованы системный и сравнительный анализ, синтез, обзор научной и публицистической литературы, диалектико-логический подход.

Оригинальность/ценность исследования. Авторами статьи определены ключевые проблемы развития молочной отрасли в Казахстане, выявлена проблема внутриотраслевого взаимодействия между звеньями технологической цепи в процессе производства молочной продукции. Предложенные авторами рекомендации представляют практический интерес, могут быть использованы на практике и дают импульс для дальнейших исследований в данной области.

Результаты исследования. Авторами статьи осуществлен анализ производства молока и молочной продукции за пять лет, сопоставлены данные по производству и импорту молочной продукции. Сделаны выводы о том, что Казахстан находится в импортной зависимости по всем видам молочной продукции, кроме питьевого молока. Были выявлены и проанализированы ключевые проблемы развития молочной отрасли в Казахстане. Определено, что решению проблемы импортозамещения и развития молочной отрасли будет способствовать налаживание взаимосвязи между звеньями отраслевой технологической цепи. Авторами был разработан и обоснован организационно-экономический механизм реализации политики импортозамещения на рынке молочной продукции Казахстана.

Ключевые слова: рынок, молочная отрасль, производство молока, молочная продукция, импортозамещение, Казахстан.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Рынок молока и молочной продукции: современное состояние, тенденции развития и перспективы» при финансовой поддержке Алматинского технологического университета.

ВВЕДЕНИЕ

Рынок молока и молочной продукции выступает значимым элементом в экономической системе страны и неотрывно связан с агропромышленным комплексом. В этой связи ситуацию на молочном рынке, как правило, связывают с состоянием и развитием животноводства и молочного фермерства. Таким образом, развитие данного рынка определяется как важное направление сельского хозяйства во всех странах. Актуальность устойчивого функционирования данного рынка обусловлена, главным образом, тем, что молоко и молочная продукция являются пищевыми продуктами первой необходимости и важным ежедневным элементом питания, необходимым для здоровья людей. Вместе с тем, молоко и молочная продукция имеют серьезный экспортный потенциал, позитивно влияющий на торговый баланс и национальный доход государства. При этом развитие данного рынка представляет благоприятную возможность для развития мелких и средних фермерских хозяйств, что, в свою очередь, способствует созданию новых рабочих мест и роста сельскохозяйственного сектора.

Эксперты отмечают важность развития данного рынка с точки зрения экономической безопасности, обеспечения населения качественными пищевыми продуктами, а также развития агропромышленного комплекса. Проводимые в данной области исследования демонстрируют рост производства молока и основных видов молочной продукции в Казахстане. Несмотря на это, страна по-прежнему находится в продовольственной зависимости от поставок основных видов молочных продуктов из других стран, хотя имеется потенциал для производства молочных продуктов, а также значимость отрасли. Определяющей причиной сложившейся ситуации, по мнению исследователей, выступает мощный приток импортной продукции, поступающей на рынок по демпинговым ценам. Данная проблема негативно отражается на интересах отечественных товаропроизводителей и ставит под угрозу продовольственную безопасность страны.

Целью настоящего исследования является определение состояния и тенденций развития молочной отрасли в Казахстане и определение путей для решения проблемы импортозамещения на рынке молочной продукции. Задачами исследования являются:

- анализ производства и импорта основных видов молочных изделий в Казахстане;
- выявление ключевых проблем молочной отрасли Казахстана;
- разработка организационно-экономического механизма реализации политики импортозамещения в Казахстане.

Обзор литературы. Вопросы развития рынка молока и молочной продукции рассматриваются в трудах многих исследователей-экономистов. Современные особенности функционирования молочной отрасли детально исследованы в работе С. И. Турлия [1]. Основные характеристики и мировые тенденции формирования рынка молока и молочной продукции рассмотрены в трудах [2–4]. В работе авторов Н. И. Пужиковой, Л. А. Овсиенко, Е. И. Коваленко, Э. Е. Власовой [5] исследователи отмечают аспекты государственной поддержки производителей молочных продуктов. В трудах казахстанских ученых-экономистов проанализированы проблемы современного состояния молочной отрасли Казахстана и повышения ее эффективности. В частности, в работах авторов Ж. К. Ержановой, Н. А. Ахметжановой, А. А. Жайтлеуовой [6], А. Т. Бактгереевой, Г. К. Джолдасбаевой, А. Р. Уркумбаевой [7] освещены, главным образом, проблемы агропромышленного комплекса с точки зрения эффективности молочного производства. Внимание многих авторов направлено на экологические аспекты производства молочной продукции [8, 9]. Наличие большого количества исследований свидетельствует об актуальности проблем мирового молочного производства и реализации молочной продукции, а также

необходимости дальнейших исследований в данной области. Вместе с тем, в научной литературе, на наш взгляд, недостаточно освещены аспекты перспективных направлений развития рынка молока и молочной продукции. Для казахстанского рынка молочной продукции в настоящее время остро стоит вопрос импортозамещения. Это обстоятельство обусловило выбор направления нашего исследования.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рынок молока и молочной продукции представляется в настоящее время очень перспективным. Этот факт обусловлен неизменно высоким спросом на данную продукцию во всем мире. Кроме того, спрос продолжает расти, вследствие увеличения численности населения, с учетом того, что молочная продукция выступает необходимым продуктом питания. Производство данной продукции является прибыльным и стабильным направлением бизнеса, имеющим огромный потенциал для развития. Таким образом, можно утверждать, что перспективы рынка молока и молочной продукции очень хорошие. Вложения в данную отрасль могут стать источником стабильной прибыли и стабильности на протяжении многих лет.

Вместе с тем, проблема импортозависимости по основным видам молочной продукции остается актуальной для Казахстана. В стране наблюдается рост производства отдельных видов молочной продукции с 2018 по 2021 гг., лишь в 2022 г. отмечается небольшое снижение показателей производства (рисунок 1).

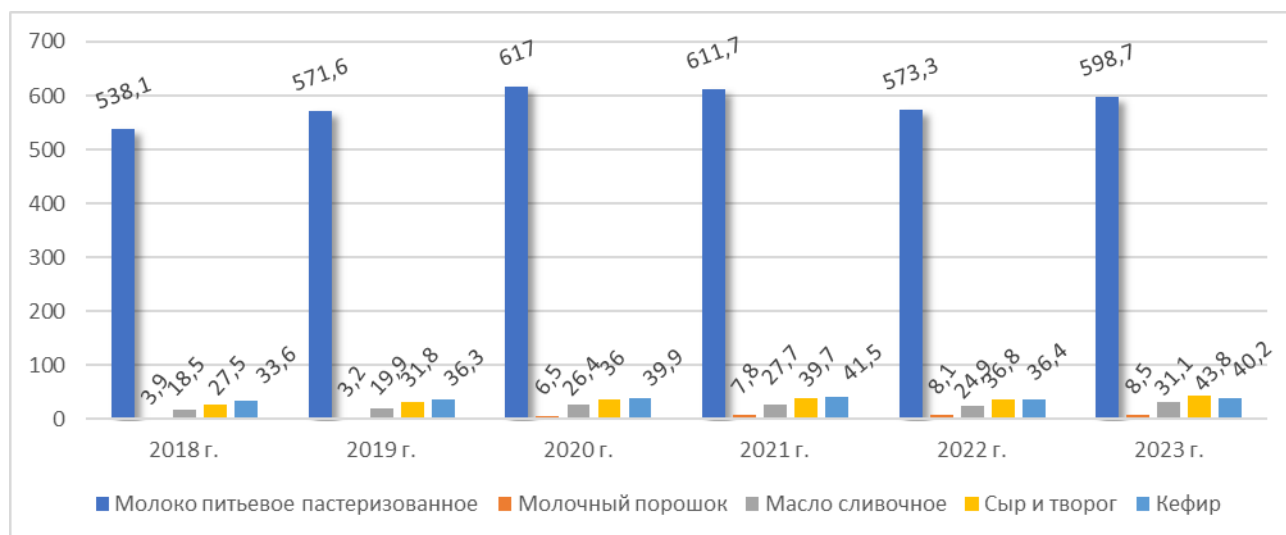

Рисунок 1 – Производство основных видов молочной продукции в Казахстане за 2018–2023 гг. (тыс. тонн).

Примечание – составлено авторами на основе источников [6; 10].

Как видно из рисунка 1, максимальное производство молочных продуктов приходится на питьевое молоко (в том числе, пастеризованное, ультрапастеризованное, сливки). С 2018 по 2020 гг. наблюдается рост производства этого показателя на 14,7 %. Только в 2021 и в 2022 гг. происходит небольшое снижение этого показателя на 7 %, а с 2023 г. возобновился его рост на 4,4 %. По производству молочного порошка отмечается повышение производства за исследуемый период на 117,9 %. Производство сливочного масла повышалось с 2018 по 2021 гг., и только в 2022 г. отмечается снижение его производства на 10,1 %. Затем, в 2023 г. отмечается рост данного показателя на 24,9 %. В производстве сыра и творога также наблюдается повышение производства за период с 2018 по 2021 гг., а в 2022 г. происходит сокращение производства на 7,3 %, а в 2023 г. снова отмечается повышение на 22,6 %. В отношении кефира отмечается та же самая тенденция: в 2018–2021 гг. происходит рост производства, а в 2022 г. отмечается его снижение на 12,3 % и рост в 2023 г. на 10,4 %. Таким образом, с 2021 по

2022 гг. наблюдается сокращение производства всех видов молочных изделий с последующим ростом производства в 2023 г.

В целом, можно констатировать рост производства молочной продукции за исследуемый период. Тем не менее, внутренние потребности населения практически полностью закрываются (на 95 %) за счет отечественного производства только по позиции «молоко питьевое и сливки». По остальным видам молочной продукции рынок в значительной степени зависит от импортных поставок. В частности, отечественное производство покрывает внутреннюю потребность по сыру и творогу на 49,6 %, по йогурту и кефиру - на 84 %, по сливочному маслу - на 77,8 %, по мороженому - на 84,4 % [11]. Следует также отметить, что большая часть переработанных молочных продуктов в Казахстане создается из молочного порошка, который является преимущественно импортным продуктом (на 87 %). Таким образом, такие показатели свидетельствуют о существенной импортной зависимости отечественного рынка молочной продукции.

По оценке исследователей, доля импортной молочной продукции на казахстанском рынке ежегодно составляет не менее 15–16 % [11]. А в приграничных с Россией территориях данный показатель значительно выше за счет российского импорта. Ситуация усугубляется тем, что стоимость импортных молочных продуктов зачастую ниже отечественных, что негативно отражается на конкурентоспособности последних. Причину в сложившемся положении эксперты связывают с перепроизводством молока и молочной продукции в России, что вызывает необходимость сбыта продукции по демпинговым ценам. Вместе с тем, отечественное производство не в состоянии обеспечить население достаточным количеством молочных продуктов. Также отечественные фермеры не покрывают потребности молокозаводов в молочном сырье, обеспечивая его лишь на 77 %.

В Казахстане отмечается ежегодный прирост надоев молока в среднем на 3 %. Учитывая внутренние потребности, данный показатель незначительный. При этом около 70 % полученного молока приходится на личные подсобные хозяйства, которое не отвечает техническим регламентам. Данное обстоятельство вынуждает производителей закупать импортное порошковое молоко с целью применения в производстве. Таким образом, отечественное производство покрывает потребности потребителей лишь по питьевому молоку, а по остальной молочной продукции, рынок остается в зависимости от импортных поставок.

Для создания целостного представления о ситуации на рынке молочных продуктов страны целесообразно исследовать динамику импорта данной продукции. На рисунке 2 представлено соотношение внутреннего производства и импорта молочной продукции в Казахстане (без учета питьевого молока).

Рисунок 2 – Соотношение внутреннего производства и импорта молочной продукции в Казахстане за 2018–2023 гг. (без учета питьевого молока), тыс. тонн.

Примечание – составлено авторами на основе данных [10, 12].

Как видно из рисунка 2, за последние годы импорт молочной продукции значительно преобладает над внутренним производством. Доля внутреннего производства данной продукции в Казахстане за 2018–2023 гг. составила 39–40 % от общего потребления, а импорт, соответственно, 58–60 %. Таким образом, на казахстанском рынке молочной продукции стабильно доминируют импортеры. Если же анализировать соотношение внутреннего производства и импорта с учетом питьевого молока за исследуемый период, то на долю импорта приходится 14,5–16 % внутреннего потребления, а на отечественное производство – 84–85,5 %.

Главными странами-импортерами молочной продукции в Казахстане являются Россия и Киргизия. В частности, в 2022 г. из России в Казахстан было импортировано 59,2 тыс. тонн молочной продукции на общую сумму 157,9 млн. долл. Данная продукция направляется, главным образом, в северные регионы страны. Импорт из Киргизии в 2022 г. составил 28,6 тыс. тонн на общую сумму 30 млн. долл. Молочная продукция из Киргизии поступает, в основном в южные регионы Казахстана. При этом импортируется, главным образом, сухое молоко, сыр, масло сливочное.

Если оценивать импортную зависимость по отдельным видам молочной продукции, то можно отметить следующее. Максимальное обеспечение внутренних потребностей за счет отечественного производства покрывается по питьевому молоку и сливкам (95 %), далее следует производство мороженого (84,4 %), сливочного масла (77,8 %). Наибольшая импортная зависимость отмечается в отношении сыра и творога (49,6 %) и сгущенного молока (44,2 %). Следует отметить также низкую загруженность производственных мощностей казахстанских молочных заводов – не более 77 %, по причине дефицита качественного сырья.

Реализация сырого молока является основным источником для формирования доходов и резервного капитала молочных товарных ферм, что обеспечило бы экономическую эффективность их хозяйственной деятельности. Немаловажное значение для оценки состояния отрасли имеет факторный анализ, состоящий из комплексного и системного изучения и измерения факторов на результаты деятельности подсобных хозяйств, производящих молоко и молочные продукты.

Основным результатом деятельности предприятий является прибыль и ее изменение может происходить под воздействием следующих основных факторов: объем реализованной молочной продукции, цены на продукцию и ее себестоимость. Для упрощения расчета дадим обозначения вышеуказанных факторов (таблица 1).

Таблица 1 – Показатели для проведения факторного анализа

Показатели	2022 г.		2023 г.	
	Условное обозначение	значение	Условное обозначение	значение
Объем реализации молока (тыс. тонн)	V0	3354,6	V1	3472,9
Цена продукции за литр (тг)	P0	151,01	P1	204,61
Себестоимость (тыс. тг)	C0	62 589, 6	C1	88 340, 2
Прибыль от реализации (тыс. тг)	S0	19 282 ,9	S1	28 578, 3
Примечание – составлено авторами на основе данных Молочного союза Казахстана [13]				

Для определения влияния факторов для анализа выделены следующие показатели:

1. Абсолютное отклонение от прибыли: $\Delta S1 - \Delta S2$, где $\Delta S1$ – прибыль в 2023 г., $\Delta S2$ – прибыль в 2022 г.
2. Темп роста (снижения): $S1 / S2 \times 100 \%$
3. Уровень каждого показателя (X_i) к S (прибыли): $X_i = S_i / C_i \times 100 \%$
4. Изменение структуры: $\Delta V = V1 - V2$ ($V1$ –объем производства в 2023 году, $V2$ - объем производства в 2022 году).

Из факторного анализа следует, что объемы производства молока увеличились в 2023 г. по сравнению с 2022 г. на 3% или на 118,3 тыс. тонн. Прибыль от реализации молока в 2023 г. по сравнению с 2022 г. увеличилась на 48 % или на 9 285,4 тыс. тг. Уровень прибыли к себестоимости уменьшилась на 32 %.

Главными факторами, влияющими на финансовый результат, является объем производства и себестоимость, вместе с тем, повышение цены для повышения прибыли нецелесообразно, поскольку молоко является социально-значимым продуктом. Уменьшение валовой прибыли по отношению к себестоимости является положительной тенденцией лишь только в том случае, если уменьшение затрат на реализацию продукции не отразится на ее качестве. Вместе с тем, рост прибыли от продаж является положительным показателем, свидетельствующий об увеличении рентабельности и снижении издержек производства.

Увеличение показателей, отражающих отношение к прибыли до налогообложения соответственно, также считается положительной тенденцией, поскольку налог на прибыль определяет долю прибыли, перечисляемой в бюджет. Увеличение этого показателя, в целом не желательно, но является необходимым и не зависит от организации.

Для увеличения объема готовой продукции в натуральном выражении, от которого напрямую зависит общий финансовый результат, необходим набор мер, которые реализуются в соответствии с зоотехническими нормами. Например, улучшение кормовой базы для молочного скота, увеличение поголовья стада, за счет увеличения приплода, внедрение новых технологий и т.д

Таким образом, несмотря на рост внутреннего производства молочной продукции, Казахстан остается в продовольственной зависимости от импортных поставок из других стран. Данное обстоятельство может иметь негативные последствия и ставит под угрозу экономическую безопасность страны. В этой связи возникает острая необходимость решать проблему импортозамещения на рынке молочной продукции Казахстана. Преодоление импортной зависимости позволит снизить зависимость от внешних поставок данной продукции и укрепить экономическую безопасность страны. Помимо этого, импортозамещение в данной отрасли будет способствовать стабилизации внутреннего рынка и укреплению позиций отечественных компаний. Мировая практика свидетельствует о том, что в конкурентном соревновании выигрывают те страны, в которых внутренний спрос нацелен на товары отечественного производства. В целом, решение проблемы импортозамещения в молочной отрасли позволит укрепить экономику Казахстана, обеспечить стабильность и устойчивость ее развития, а также снизить риски внешнего экономического воздействия.

На основе проведенного исследования можно сформулировать ключевые проблемы казахстанского производства молочной продукции:

1. Дефицит качественного сырья. Несмотря на то, что в стране ежегодно растет поголовье сельскохозяйственных животных, а также увеличиваются надои, качество полученного молока не соответствует техническим регламентам производства, поскольку производится, главным образом, в личных подсобных хозяйствах. Производители сталкиваются с проблемой дефицита качественного молока из-за неправильного кормления животных, недостаточной гигиены производства молока и его хранения. Недостаток сырьевых ресурсов вынуждает производителей молочной продукции использовать импортное сырье в виде молочного порошка, а также работать не на полную мощность завода. В результате объем производства молочной продукции в Казахстане ниже имеющихся возможностей и не покрывает внутренних потребностей рынка.

2. Недостаток оборотных средств у предприятий, которые необходимы для закупки качественного сырья, а также низкую обеспеченность материально-техническими средствами [7]. Эти обстоятельства значительно снижают возможности отечественных предприятий в обеспечении конкурентоспособности.

3. Низкая конкурентоспособность продукции на фоне импорта. Главной причиной низкой конкурентоспособности отечественных молочных товаров является их высокая стоимость по сравнению с импортными. Казахстанские компании сталкиваются с трудностями в конкуренции с зарубежными поставщиками из-за высоких затрат на производство и недостаточной эффективности бизнес-процессов. При этом фермеры сталкиваются с низкой производительностью коров на фоне высоких затрат на корм и содержание животных. Следует отметить также, что нередко отечественные производители сталкиваются с недоверием потребителей к отечественному производству из-за прошлого негативного

опыта, связанного с низким качеством, несоблюдением стандартов и т.п.

4. Неразвитость маркетинга в ряде компаний. У многих производителей имеет место отсутствие эффективных стратегий маркетинга и продвижения продукции на рынке. Данная проблема связана, в частности, с недостатком квалифицированных специалистов в животноводстве и молочной промышленности, способных разрабатывать и реализовывать оптимальную маркетинговую стратегию.

5. Государственное регулирование и законодательство. Имеют место сложные нормативные требования, высокие налоги и сборы, которые создают дополнительные препятствия для развития молочной отрасли в Казахстане. Тем не менее, в стране осуществляются правительственные меры, нацеленные на поддержку отечественных производителей молочной продукции. В последнее время Правительством Казахстана был принят ряд постановлений, направленных на поддержку деятельности аграрных предприятий. Осуществляются, в частности, прямое инвестирование в аграрный сектор и пищевую промышленность. Государственные меры, нацеленные на поддержку данного сектора, предполагают также активизацию банковского кредитования, что позволяет улучшить экономическое положение предприятий.

6. В казахстанском производстве молочных продуктов отмечается очень слабая взаимосвязь между сырьевой базой и производственным сектором. Как было отмечено ранее, около 70 % полученного молока приходится на личные подсобные хозяйства, продукция которых не соответствует техническим стандартам, и, вследствие этого, не принимается на молокозаводах. Вместе с тем, отечественные фермеры не в состоянии по объему обеспечить потребности молокозаводов молочным сырьем, а производители молока, в свою очередь, вынуждены приобретать молочный порошок у импортных поставщиков. Таким образом, в производстве молочной продукции Казахстана недостаточно эффективна связь между звеньями технологической цепи: сырьевой и производственный секторы функционируют обособленно друг от друга, и это обстоятельство негативно отражается в целом на результатах молочной отрасли (рисунок 3).

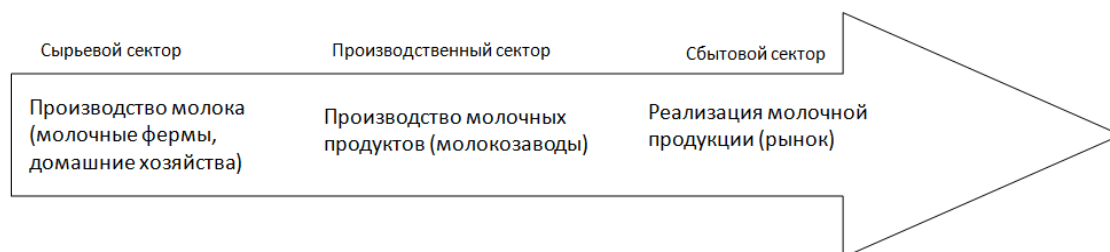

Рисунок 3 – Цепочка добавленной стоимости в производстве молочной продукции.

Примечание – составлено авторами.

Таким образом, в казахстанской молочной промышленности имеется проблема внутриотраслевого взаимодействия. Формирование действенной взаимосвязи между звеньями технологической цепи является необходимым условием для повышения эффективности функционирования молочной отрасли в Казахстане, поскольку позволит решить проблему сырьевого обеспечения производства.

Подводя итоги вышесказанного, можно констатировать тот факт, что в Казахстане имеется потенциал для развития молочной отрасли, расширения сырьевой базы, повышения объемов производства молочных продуктов, повышение уровня продаж за счет вытеснения иностранных конкурентов с рынка и привлечения покупателей к отечественным брендам. При этом необходимо принять меры по значительному расширению сырьевой базы, совершенствованию ее качества, а также налаживанию взаимосвязей между этапами технологической цепочки.

Исследователи отмечают, что наиболее оптимальной моделью развития молочной отрасли выступает кластер, обеспечивающей максимально эффективность развития отраслей, создающей взаимо-

действие его структурных элементов, вместе с тем, синергию и мультипликативный эффект [14]. Преимущества кластерной модели развития молочной отрасли отмечаются во многих исследованиях [2,3]. Однако, следует иметь в виду, что шансы искусственного построения кластера минимальны. Кластеры возникают самостоятельно и функционируют как своеобразный живой механизм, сформированный на основе заинтересованности участников. Искусственное создание кластера практически невозможно: он либо есть, либо его нет. Поэтому необходимо стимулирование сторон к взаимовыгодному партнерству. Таким образом, для преодоления проблемы импортозависимости на рынке молочной продукции в Казахстане необходимо развитие стратегического партнерства между его участниками. Стратегическое партнерство – это общее название форм кооперации ресурсов и координации деятельности компаний с целью получения взаимных выгод (эффекта синергии) [15].

По нашему мнению, для преодоления проблемы импортозамещения на рынке молока и молочной продукции, организации устойчивого стратегического взаимодействия между участниками технологической цепи, необходимо формирование эффективного механизма, способного установить эти связи (рисунок 4). Данный механизм должен базироваться на интересах сторон в устойчивом систематическом взаимодействии, обеспечить производителей молочной продукции качественным и доступным молочным сырьем, в необходимых объемах.

Представленный на рисунке 4 механизм предполагает достижение импортозамещения на рынке молочной продукции Казахстана путем целенаправленной координации политики молочной отрасли, в основе которой лежит усиление заинтересованности фермерских хозяйств, в первую очередь, мелких к долгосрочному стратегическому сотрудничеству с производителями молочной продукции.

Целью такого сотрудничества выступает повышение уровня товарности и качества молочного сырья для роста производительности и загрузки производственных мощностей отечественных молокозаводов, насыщение рынка молочных продуктов качественными отечественными товарами.

Регулирующими органами такого сотрудничества являются, в первую очередь, государственные органы управления, которые посредством прямого и косвенного регулирования должны создавать условия для развития молочной отрасли. В частности, государственное субсидирование, которое в настоящее время осуществляется, должно быть ориентировано, на наш взгляд, на поддержку фермеров, обеспечивающих качественным молочным сырьем отечественные молокозаводы. Это послужит мощным стимулом для повышения производства молочного сырья и соблюдения необходимых стандартов качества. Для повышения качества молочного сырья необходима консультационная поддержка фермеров о содержании животных, соблюдении санитарных норм, закупке кормов и т.п. Государственные субсидии должны быть ориентированы, в частности, на обеспечение ферм качественными и доступными кормами, а также предоставить возможность соблюдения санитарных требований в производстве молочного сырья. Следует также усилить контроль качества молочного сырья. Молоко и молочные продукты являются социально значимыми товарами, и цена этих товаров выступает ключевым элементом в конкурентной борьбе и политике импортозамещения.

В деятельности представленного механизма существенная роль отводится Молочному Союзу Казахстана. Следует отметить, что миссия данного союза как раз и заключается в обеспечении условий для комплексного и устойчивого развития отрасли по производству молочных продуктов в Казахстане [13]. При этом основным направлением деятельности Молочного Союза Казахстана является стимулирование потребителей молочной продукции к потреблению товаров отечественного производства. На данный союз будет возложена консультационная поддержка субъектов молочной отрасли с целью реализации идеи механизма импортозамещения. Помимо этого, задачами Молочного Союза Казахстана должно стать внесение предложения в государственные органы по поддержке молочных производителей, разработка и осуществление программ в сфере развития молочной отрасли, продвижение отечественных молочных брендов на рынок. Одним из направлений, на наш взгляд, должна стать организация системы сбора сырья для повышения производительности молочных заводов.

Механизм импортозамещения на рынке молока и молочной продукции включает два основных блока: организационный и экономический. Организационный блок предполагает: нормативно-правовое

регулирование, координацию деятельности субъектов отрасли, мониторинг, научное, информационное и консультационное обеспечение. Экономический блок содержит экономические меры государственной поддержки, оценку экономического потенциала, субсидирование, кредитование, привлечение инвестиций.

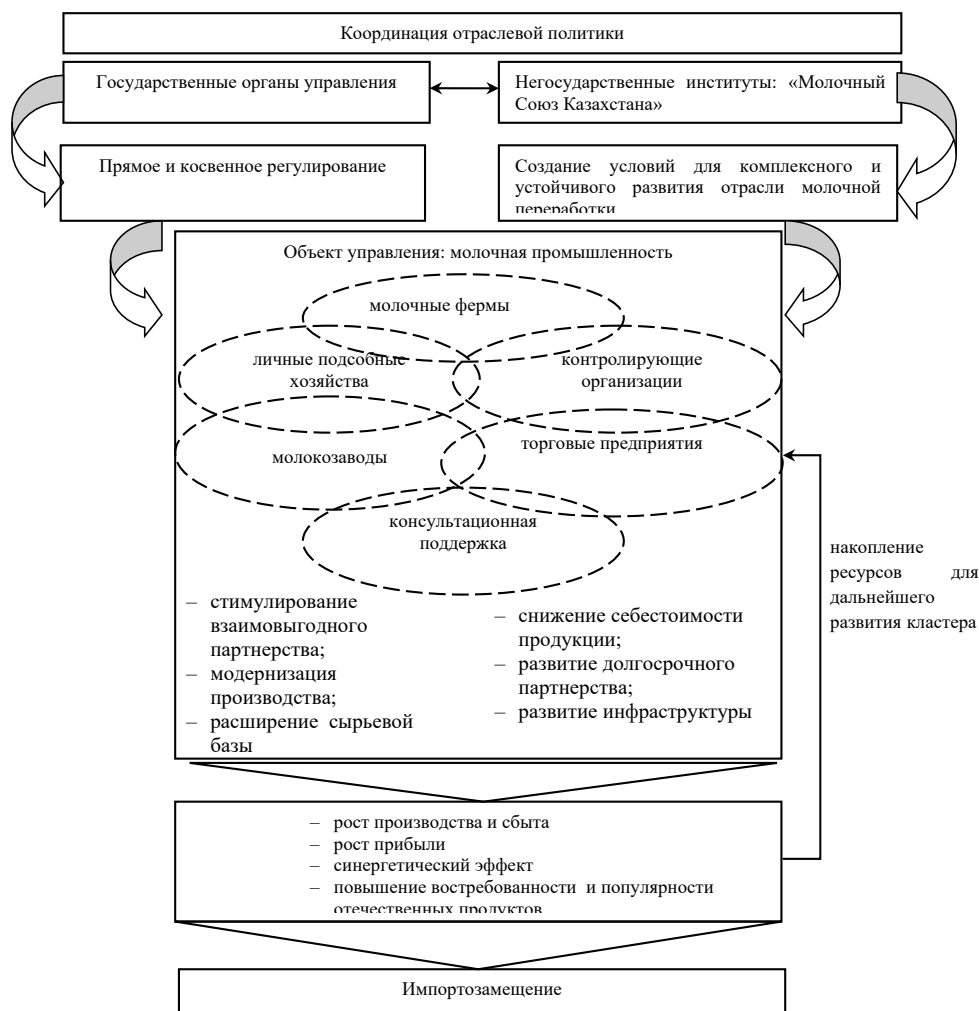

Рисунок 4 – Организационно-экономический механизм реализации политики импортозамещения в Казахстане.

Примечание – составлено авторами.

Реализация стабильной работы представленного механизма невозможна без стратегического управления на уровне предприятий, производящих молочную продукцию. Необходимо учитывать ограничение роли государства в рыночной экономике, а также социальную направленность молочной отрасли. Поэтому достижение импортозамещения на рынке молочной продукции зависит, в первую очередь, от самих производителей. Продвижение отечественной молочной продукции на рынок требует актуализацию маркетинговой политики, в основе которой должна быть идея о высоком качестве и экологичности отечественных товаров. В целом, реализация представленного механизма должна быть ориентирована на формирование широкой популярности казахстанской молочной продукции, как здорового, экологически чистого, натурального и полезного питания.

Необходимо отметить, что реализацию механизма импортозамещения на рынке молочной продукции невозможно осуществить в течение короткого срока, поскольку прорывное развитие отрасли

потребуется длительного времени и привлечения крупных инвестиций. Тем не менее, успешная реализация механизма импортозамещения будет способствовать успешному развитию производства молочной продукции в Казахстане.

ВЫВОДЫ

1. Рынок молока и молочной продукции является быстрорастущим и перспективным направлением экономической деятельности. Рост спроса на молочную продукцию обусловлен увеличением численности населения, а также распространением здорового образа жизни и потреблением здорового питания с высоким содержанием белка. При этом бизнес в данной сфере представляется прибыльным и перспективным.

2. В Казахстане наблюдается ежегодный рост производства молока и молочной продукции, но, несмотря на это, страна остается в импортной зависимости от поставок молока из-за рубежа, что ставит под угрозу экономическую безопасность страны. Молочное производство покрывает потребности населения лишь по питьевому молоку. По остальной молочной продукции отечественная молочная отрасль неспособна обеспечить население необходимым объемом товаров, поскольку сталкивается с множеством проблем, в первую очередь, неспособностью аграрного сектора обеспечить производство молочным сырьем в необходимом количестве и качестве. Таким образом, в молочной отрасли имеется серьезная проблема импортозамещения.

3. С целью преодоления проблемы импортозамещения и обеспечения молочного производства сырьем необходимо организовать эффективную связь сырьевого и производственного сектора. Это возможно с помощью реализации организационно-экономического механизма, направленного на обеспечение импортозамещения в молочном секторе. В основе данного механизма лежит стимулирование субъектов молочной отрасли к эффективному сотрудничеству в целях повышения производительности и качества молочных товаров.

4. Успешная реализация механизма политики импортозамещения в молочной отрасли Казахстана будет способствовать росту производства и сбыта, а также прибыли, созданию эффекта синергии, повышению востребованности и популярности отечественных молочных продуктов, а также накоплению ресурсов для дальнейшего развития отрасли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Турлий С. И. Современные тенденции развития мирового рынка молока и молочной продукции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2020. – №. 2 (260). – С. 62-70.
2. Уркумбаева А.Р., Конырбеков М.Ж., Епанчинцева С.Э. Зарубежный опыт формирования рынка молока и молочной продукции // Инновационное развитие пищевой, легкой промышленности и индустрии гостеприимства: Материалы Международной научно-практической конференции, Алматы, 26 октября 2023 г. – С. 211-213.
3. Епанчинцева С.Э., Саханова Г.Б., Байгелова А.Н. Рынок молока и молочной продукции: основные характеристики и мировые тенденции // Russian Science in the Modern World: 58th International Scientific-Practical conference, Moscow, Russia, November, 30, 2023. – С. 260–262.
4. Wang Q. China's emerging dairy markets and potential impacts on U.S. alfalfa and dairy product exports / Q. Wang, J. Hansen, F. Xu // Agricultural & Applied Economics Association Annual Meeting Papers. – 2016. – 13 p. – DOI: 10.22004/ag.econ.235833.
5. Pyzhikova N.I., Ovsienko L.A., Kovalenko E.I., Vlasova E.Y. The development of quality milk and dairy products market with the consideration of state support // Journal of Applied Economic Sciences. – 2018 – 13(3). – P. 813-822.
6. Ержанова Ж.К., Ахметжанова Н.А., Жайтлеуова А.А. Молочная отрасль Казахстана: тенденции повышения эффективности // Проблемы агрорынка. — 2023;(3). – С. 141–148. – <https://doi.org/10.46666/2023-3.2708-9991.14>.

7. Baktgereyeva A.T., Joldasbayeva G.K., Urkumbayeva A.R. Kazakhstan dairy market: guidelines for optimization // *Problems of AgriMarket*. – 2024. – (2). – 159-169. – DOI: <https://doi.org/10.46666/2024-2.2708-9991.13>
8. Callaghan, T. Effect of pasture versus indoor feeding systems on raw milk composition and quality over an entire lactation / T. Callaghan, D. Hennessy, S. McAuliffe, K. Kilcawley, M. Donovan, P. Dillon, C. Stanton // *Journal of Dairy Science*. – 2016. – 99(12). – P. 9424-9440. – DOI: <https://doi.org/10.3168/jds.2016-10985>.
9. Palii A. Preconditions for eco-friendly milk production on the modern dairy complexes / A. Palii, O. Nanka, O. Naumenko, V. Prudnikov, A. Paley // *Ukrainian Journal of Ecology*. – 2019. – 9 (1). – P. 56-62.
10. Показатели индустриально-инновационного развития Республики Казахстан (январь-декабрь 2023г.) [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/113866/file/ru/> (Дата обращения 23.08.2024).
11. Молочный рынок Казахстана: перспективы и проблемы [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство «DKnews.kz» [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://dknews.kz/ru/ekonomika/296325-molochnyy-rynok-kazahstana-perspektivy-i-problemy> (Дата обращения 23.08.2024 г.)
12. Какова ситуация на молочном рынке Казахстана? [Электронный ресурс] // Капитал: Центр деловой информации [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://kapital.kz/economic/117850/kakova-situatsiya-na-molochnom-rynke-kazahstana.html>. (Дата обращения 23.08.2024 г.)
13. О союзе [Электронный ресурс] // Молочный союз Казахстана [web-сайт]. – н.д. – URL: kazsut.com/o-soyuze/ (Дата обращения 10.08.2024 г.)
14. Eraydin A., Armatli-Köroğlu B. Innovation, networking and the new industrial clusters: the characteristics of networks and local innovation capabilities in the Turkish industrial clusters // *Entrepreneurship and Regional Development*. – 2015. – Vol. 17, Issue 4. – P. 237-266.
15. Словарь бизнес-терминов [Электронный ресурс] // Academic.ru [web-сайт]. – н.д. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/12493>. (Дата обращения 23.08.2024).

REFERENCES

1. Turlij, S. I. (2020). Sovremennye tendencii razvitiya mirovogo rynka moloka i molochnoj produkcii. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika*, 2(260), 62-70 (In Russian).
2. Urkumbaeva, A.R., Konyrbekov M.ZH. & Yepanchintseva S.E. (2023). Zarubezhnyj opyt formirovaniya rynka moloka i molochnoj produkcii. *Innovacionnoe razvitie pishchevoj, legkoj promyshlennosti i industrii gostepriimstva: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Almaty, 211–213 (In Russian).
3. Yepanchintseva, S.E. Sahanova, G.B. & Bajgelova, A.N. (2023). Rynok moloka i molochnoj produkcii: osnovnye harakteristiki i mirovye tendencii. *Russian Science in the Modern World: 58th International Scientific-Practical conference*, Moscow, Russia, 260–262. (In Russian).
4. Wang, Q., Hansen, J. & Xu, F. (2016). China's emerging dairy markets and potential impacts on U.S. alfalfa and dairy product exports. *Agricultural & Applied Economics Association Annual Meeting Papers*. Retrieved from [https://ageconsearch.umn.edu/bitstream/235833/2/Wang UVM 2016 AAEA China dairy paper OK May%2025.pdf](https://ageconsearch.umn.edu/bitstream/235833/2/Wang%202016%20AAEA%20China%20dairy%20paper%20OK%20May%202025.pdf).
5. Pyzhikova, N.I., Ovsienko, L.A., Kovalenko, E.I. & Vlasova, E.Y. (2018). The development of quality milk and dairy products market with the consideration of state support, *Journal of Applied Economic Sciences*. 13(3), 813–822.
6. Erzhanova, ZH.K., Ahmetzhanova, N.A. & ZHajtleuova, A.A. (2023) Molochnaya otrasl' Kazahstana: tendencii povysheniya effektivnosti. *Problemy agrorynka*, (3), 141–148. <https://doi.org/10.46666/2023-3.2708-9991.14>. (In Russian).
7. Baktgereyeva, A.T., Joldasbayeva, G.K. & Urkumbayeva, A.R. (2024). Kazakhstan dairy market: guidelines for optimization. *Problems of AgriMarket*, (2), 159-169. <https://doi.org/10.46666/2024-2.2708-9991.13>

8. Callaghan, T., Hennessy, D., McAuliffe, S., Kilcawley, K., Donovan, M., Dillon, P. & Stanton, C. (2016). Effect of pasture versus indoor feeding systems on raw milk composition and quality over an entire lactation. *Journal of Dairy Science*, 99(12), 9424–9440. Retrieved from <https://doi.org/10.3168/jds.2016-10985>.
9. Palii, A., Nanka, O., Naumenko, O., Prudnikov, V. & Paley, A. (2019). Preconditions for eco-friendly milk production on the modern dairy complexes. *Ukrainian Journal of Ecology*, 9 (1), 56–62.
10. Pokazateli industrial'no-innovacionnogo razvitiya Respubliki Kazakhstan (2023). *Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved August 23, 2024, from <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/113866/file/ru/> (In Russian).
11. Molochnyj rynek Kazahstana: perspektivy i problemy. (2023). *Mezhdunarodnoe informacionnoe agentstvo 'DKnews.kz'*. Retrieved August 23, 2024, from <https://dknews.kz/ru/ekonomika/296325-molochnyy-rynok-kazahstana-perspektivy-i-problemy>. (In Russian).
12. Kakova situaciya na molochnom rynke Kazahstana? (2023). *Kapital: Centr delovoj informacii*. Retrieved August 23, 2024, from <https://kapital.kz/economic/117850/kakova-situatsiya-na-molochnom-rynke-kazahstana.html>. (In Russian).
13. O soyuze. *Molochnyj soyuz Kazahstana*. Retrieved August 10, 2024, from <https://kzsut.com/o-soyuz/> (In Russian).
14. Eraydin, A. & Armatli-Köroğlu, B. (2015). Innovation, networking and the new industrial clusters: the characteristics of networks and local innovation capabilities in the Turkish industrial clusters. *Entrepreneurship and Regional Development*, 17, 4, 237–266.
15. Slovar' biznes-terminov. (2024). *Academic.ru*. Retrieved August 23, 2024, from <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/12493>. (In Russian).

ҚАЗАҚСТАННЫҢ СҮТ ӨНІМДЕРІ НАРЫҒЫНДАҒЫ ИМПОРТТЫ АЛМАСТЫРУ МӘСЕЛЕСІ: ЖАҒДАЙДЫ ТАЛДАУ ЖӘНЕ ШЕШУ ЖОЛДАРЫ

С. Э. Епанчинцева^{1*}, Г. Б. Саханова¹, А. Н. Байгелова¹

¹Алматы технологиялық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. Қазақстандағы сүт саласының жай-күйі мен даму үрдістерін анықтау және сүт өнімдері нарығындағы импортты алмастыру проблемасын шешу жолдарын анықтау.

Зерттеу әдіснамасы. Осы зерттеу барысында ғылыми және публицистикалық әдебиеттерді жүйелі және салыстырмалы талдау, синтездеу, шолу қолданылды, диалектикалық-логикалық тәсіл.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Мақала авторлары Қазақстанда сүт саласын дамытудың негізгі проблемаларын анықтады, сүт өнімдерін өндіру процесінде технологиялық тізбектің буындары арасындағы салаішілік өзара іс-қимыл проблемасын анықтады. Авторлар ұсынған ұсыныстар практикалық қызығушылық тудырады, оларды іс жүзінде қолдануға болады және осы салада әрі қарай зерттеулерге серпін береді.

Зерттеу нәтижелері. Мақала авторлары бес жыл ішінде сүт және сүт өнімдерін өндіруге талдау жүргізді, сүт өнімдерін өндіру және импорттау бойынша деректер салыстырылды. Қазақстан ауыз сүттен басқа сүт өнімдерінің барлық түрлері бойынша импорттық тәуелділікте екендігі туралы қорытындылар жасалды. Қазақстанда сүт саласын дамытудың негізгі проблемалары анықталды және талданды. Импортты алмастыру және сүт саласын дамыту проблемасын шешуге салалық технологиялық тізбектің буындары арасындағы өзара байланысты жолға қою ықпал ететіні айқындалды. Авторлар Қазақстанның сүт өнімдері нарығында импортты алмастыру саясатын іске асырудың ұйымдастырушылық-экономикалық тетігін әзірлеп, негіздеді.

Түйін сөздер: нарық, сүт саласы, сүт өндірісі, сүт өнімдері, импортты алмастыру, Қазақстан.

Алғыс: мақала Алматы технологиялық университетінің қаржылық қолдауымен «Сүт және сүт өнімдері нарығы: қазіргі жағдайы, даму тенденциялары мен болашағы» ғылыми-зерттеу жобасы аясында дайындалды.

THE PROBLEM OF IMPORT SUBSTITUTION IN THE DAIRY MARKET OF KAZAKHSTAN: ANALYSIS OF THE SITUATION AND SOLUTIONS

S. E. Yepanchintseva^{1*}, G. B. Sakhanova¹, A. N. Baygelova¹

¹Almaty Technological University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the study is to identify the state and trends in the development of the dairy industry in Kazakhstan and identify ways to solve the problem of import substitution in the dairy market.

Methodology. In the course of this study, systematic and comparative analysis, synthesis, the dialectical-logical approach and a review of scientific and journalistic literature were used.

Originality / value of the study. The authors of the article identify the key problems of the development of the dairy industry in Kazakhstan, identify the problem of intra-industry interaction between the links of the technological chain in the production of dairy products. The recommendations proposed by the authors are of practical interest, can be used in practice and will give impetus to further research in this area.

Results of the study. The authors of the article analyzed the production of milk and dairy products over five years, compared data on the production and import of dairy products. Conclusions are drawn that Kazakhstan is dependent on imports for all types of dairy products, except for drinking milk. The key problems of the dairy industry development in Kazakhstan were identified and analyzed. It is determined that the solution of the problem of import substitution and the development of the dairy industry will be facilitated by establishing the relationship between the links of the industrial technological chain. The authors have developed and justified the organizational and economic mechanism for the implementation of the import substitution policy in the dairy market of Kazakhstan.

Keywords: market, dairy industry, milk production, dairy products, import substitution, Kazakhstan.

Acknowledgment. The article was prepared within the framework of the research project "Milk and dairy products market: current state, development trends and prospects" with the financial support of the Almaty Technological University.

ОБ АВТОРАХ

Епанчинцева Светлана Эдуардовна – PhD, ассистент профессора, Алматинский технологический университет, Алматы, Республика Казахстан, email: kizza.08@mail.ru, ORCID 0000-0002-9954-0458*.

Саханова Гаухар Бахытовна – PhD, заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент», Алматинский технологический университет, Республика Казахстан, email: g_sakhanova@mail.ru, ORCID 0000-0002-4017-3059.

Байгелова Айгуль Нуралиевна – к.э.н., доцент, Алматинский технологический университет, Республика Казахстан, email: ban.1964@mail.ru, ORCID 0000-0001-8226-789X.

МРНТИ: 68.75

JEL Classification: J54, L83, R20

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-110-126>

СОЗДАНИЕ АГРОТУРИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА КАК НОВЫЙ ТРЕНД В РАЗВИТИИ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ

К. К. Нурашева^{1*}, А. Т. Агелеуова¹, Е. А. Абенова²

¹ Академия спорта и туризма, Алматы, Республика Казахстан

² Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – представить идею создания аграрного туристского комплекса, стилизованного под казахский аул, в котором независимо от сезона могут работать, отдыхать и развлекаться в свободное время туристы, проявляющие интерес к сельской жизни.

Методология – использованы аналитический, статистический и системный подходы к интеграции функций туризма с деятельностью хозяйствующих субъектов аграрного сектора в единый агрокомплекс, сочетающий сельхозпроизводство и туристические услуги. Выделены *проблемные вопросы* по данному направлению развития туризма, которые заключаются в том, что практически не проводится систематизированных исследований по агротуризму как в мире, так и в Казахстане.

Оригинальность / ценность исследования – авторы предлагают модель агротуризма «Зеленый аул», которая представляет инновационную структуру, стилизованную под казахское село - систему кооперации туризма и сельского хозяйства, уникальное всесезонное место отдыха, труда и развлечений, как бизнес с хорошей организацией и высоким качеством услуг.

Результаты исследования – сегодня сущность агротуристического комплекса выходит далеко за рамки обычного сельхозпредприятия, добавляются услуги туризма, досуга, развлечений, питания, гостиничного бизнеса, транспорта. Агротуризм рассматривается как вид услуг, когда городские жители перемещаются в сельскую местность, выполняя работы, характерные для сельского труженика и одновременно получая удовлетворение от отдыха как турист, получая дополнительный заработок и удешевляя свой отдых.

Ключевые слова: аграрный туризм, сельское хозяйство, зеленый аул, модель, турист, агротуристский комплекс.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта ректора Казахской Академии спорта и туризма по теме «Разработка проекта агротуризма для формирования базы практики обучающихся в Казахской академии спорта и туризма» (приказ №62-II от 12.04.2024г.)

ВВЕДЕНИЕ

Среди приоритетов развития Республики Казахстан особое внимание акцентировано на сельских территориях, сельском хозяйстве, туризме в этих локациях, как особых драйверах устойчивого развития страны. Это отражено в программных документах РК за последние годы [1-5].

В рамках Национального плана развития РК до 2029 года определены пять принципов, лежащих в основе экономических преобразований, среди которых - недопущение критических разрывов в развитии регионов и создание условий для реализации регионами своего потенциала и большей экономической самостоятельности. 11-е направление посвящено развитию туризма: «К 2029 году приоритетное

развитие получают такие туристские дестинации, как города Астана и Алматы (включая Алматинский горный кластер), Мангистау, Туркестан, курортная зона Бурабай, обладающие наибольшим потенциалом в устойчивом привлечении зарубежных туристов» [6]. Все это свидетельствует об актуальности исследований в области агротуризма.

К аргументам, подчеркивающим значимость этой проблемы, относятся: 1) агротуризм весьма перспективный сегмент туристического рынка, который способствует развитию экономики сельских территорий; 2) агротуризм содействует сохранению и бережному использованию природного и культурного наследия регионов; 3) агротуризм помогает достичь экологической устойчивости территорий, реализует механизм рационального использования природных ресурсов, смягчает вредные воздействия на окружающую среду; 4) агротуризм формирует внутренние потоки туристов, расширяет линейку турпродуктов, стимулирует спрос на туристские услуги, способствует развитию инфраструктуры, повышая конкурентоспособность отрасли туризма и привлекая иностранных туристов.

Однако на сегодня недостаточно исследований об организации агротуризма на региональном уровне, методически не разработана конкретная схема как будет функционировать агротуристическое хозяйство и нет обоснования его эффективности. Практически нет примеров прикладного изучения факторов и барьеров, влияющих на агротуризм как альтернативную деятельность населения для сбалансированного социально-экономического развития сельских территорий. Между тем в указанных выше документах подчеркивается не только необходимость диверсификации производств различной продукции на сельских территориях, но и потребность развивать обслуживающие секторы экономики, в том числе туризм.

В свете этого цель исследования – представить идею создания аграрного туристского комплекса, стилизованного под казахский аул, в котором независимо от сезона могут работать, отдыхать и развлекаться в свободное время туристы, проявляющие интерес к сельской жизни.

Предполагается, что комплекс будет эффективно функционировать как бизнес, предоставляя качественные услуги. Для достижения поставленной цели исследования авторы поставили задачи: 1) изучение мирового и отечественного опыта организации агротуризма; 2) разработка модели агротуризма с применением элементов инноваций.

Обзор литературы. В настоящее время в мире имеется достаточно много информационных платформ, связанных с агротуризмом, среди которых наиболее известны Agritourism World (<https://agritourismworld.com/>), Worldwide Opportunities on Organic Farms – WWOOF (<https://wwof.net/>), European Federation of Farm and Village Tourism (<https://www.ruraltour.eu/>), Global Agritourism Network – GAN (<https://agritourism.eurac.edu/>), "Global AgritourismMarket" (https://www.techsciresearch.com/report/agritourism-market/19881.html?trk=article-ssr-frontend-pulse_little-text-block), Agritourism Ideas (<https://www.facebook.com/agritourismadmin?mibextid=LQQJ4d>) и др. [7]

Среди зарубежных авторов, в трудах которых рассматриваются проблемы агротуризма, можно отметить R. Sharpley and D.J. Telfer [8], E. Dimitriadou, I. Lamprouli & O. Lakovidou [9], F. Edwards, R. Sonnino & M.L. Cifuentes [10], C. P. Marques., A. Guedes & R. Bento [11], Ç. Ayhana, T. Taşlıa, T. Özkök, & H. Tath [12], Yung-Lun Liu, Jui-Te Chiang & Pen-Fa Ko [13], R. Bento, C.P. Margues & A. Guedes [14], C.Y. Liu, X.T. Doub, J.F. Lia, L.A. Caib [15], P.A. Christou [16], X. Ma, R. Wang, M. Dai, Y. Ou [17], S.A. Pereira [18] и др. Ознакомление с публикациями этих авторов позволяет отметить следующее. Мировой рынок быстро расширяется за счет принятия соответствующих стратегий правительствами стран для увеличения доходов от сельского хозяйства, а также туристической отрасли. Растущий потребительский спрос на экономичный, устойчивый туризм выступает решающей движущей силой рынка. Инициативы правительств, частных организаций и ассоциаций по запуску проектов и программ агротуризма придают высокую эффективность аграрному рынку. Агрофермы демонстрируют свою историю, культуру, ландшафт через местную кухню, еду, напитки и сельскохозяйственную продукцию. Агротуризм позволяет производителям, ремесленникам и фермерам улучшать свои навыки, демонстрировать свои бренды и продукты местным посетителям и зарубежным туристам.

Объем мирового рынка агротуризма впечатляет: в 2023 году он оценивался в 7,35 млрд долларов [7]. Прогнозируется, что объем рынка будет расти со среднегодовым темпом 11,2 % и достигнет к

2033 году 21,25 млрд долларов. При этом рынок агротуризма в Азиатско-Тихоокеанском регионе будет расти еще быстрее. На фоне этого в Казахстане необходимо развивать исследовательскую составляющую агротуризма, чтобы поставить на должный уровень практическую сторону функционирования агротуристического комплекса. Среди казахстанских ученых можно отметить работы ученых: С.Р. Ердаuletova, А.С. Актымбаевой, Е. Нурулы, Р. Шокан, М. Каменовой, Б. Аймурзиной, Е.В. Ротермель, Т. Деревянко, Р.В. Плохих, М.А. Темирбулатовой, У.Т. Кошкимбаевой и др. [19-23].

Профессор С.Р. Ердаuletov является основоположником географии туризма в Казахстане, в его многочисленных работах рассмотрены различные аспекты туризма, впервые даны понятия и категории географии туризма, критерии оценки рекреационных достоинств территории, ее туристической привлекательности [19].

А.С. Актымбаева и Е. Нурулы рассмотрели современный агротуризм в разрезе административных районов Западно-Казахстанской области с точки зрения развития отраслей растениеводства и животноводства. Оценены возможности развития территориальной организации агротуризма в регионе и резервы роста на основе местной ресурсной базы [20].

В статье Р. Шокан, М. Каменова, Б. Аймурзина рассмотрены и систематизированы факторы расширения ареала туристических услуг как механизма обеспечения благосостояния жителей сельской местности. Проанализированы особенности аграрного предпринимательства как успешного туристического направления, по результатам проведенного анализа классифицируются его виды. С учетом международных практик показаны модели туристического агробизнеса и их основные характеристики [21].

Е.В. Ротермель в статье «Перспективы развития агропромышленного и сельского туризма в Казахстане» рассматриваются основные положительные стороны и потенциальные возможности развития агротуризма на территории Казахстана [22].

Журналист Т. Деревянко освещает мнение депутатов о проблемах агротуризма, как зарабатывать на иностранцах. Отмечается, что нет правовой базы, земельное законодательство не позволяет легализовать объекты туристического строительства, построенные на землях сельскохозяйственного назначения, то есть такие объекты не могут быть залогом по кредитам [23].

Специалисты АО "НК "Kazakh Tourism" отмечают, что в Казахстане наметилась тенденция к переориентации потоков туристов с внешнего на внутренний. Стал расти интерес к отдыху в различных регионах, природных зонах страны [24]. стоит вопрос вовлечения местного населения для развития туризма. Это особенно актуально в отношении населенных пунктов, которые находятся в непосредственной близости к природным красотам или историческим объектам.

ОЮЛ «Казахстанская Ассоциация агро-сельского туризма» предлагает путешествие по Казахстану с возможностью посещения гостевых домов в экологически чистых районах, питание только натуральными продуктами, эко-тропы, погружение в традиции и культуру местного населения. Целями деятельности Ассоциации является устойчивое развитие агро-сельского туризма в Казахстане, популяризация и развитие культуры гостеприимства на селе, сохранение и содействие продвижению традиционных ремесел казахского народа. Создание удобного интерфейса для пользователей и владельцев гостевых домов, желающих разместить свою информацию [25].

Труды казахстанских ученых в основном сосредоточены на географической оценке сельских территорий с позиции ожидаемых социально-экономических выгод от развития агротуризма. Систематизированных исследований по агротуризму практически не проводится, есть труды ученых отдельно по туризму, много научных исследований в области сельского хозяйства, но эти две отрасли сегодня развиваются сами по себе, почти не интегрированы в единый комплекс. В Казахстане инновационная предпринимательская деятельность агротуризма слабо освоена, но потенциально привлекает внимание зарубежных и отечественных инвесторов. Нашей стране есть что предложить – уникальные природные парки, различные ремесла и промыслы, производство экологически чистых продуктов питания, казахское гостеприимство [26 - 28]. В связи с вышесказанным, при постановке цели нашего исследования мы сделали акцент не только на развитие туризма в сельской местности, а выдвигаем идею его интеграции с сельским хозяйством, что должно привести к созданию агрокомплекса, в котором будут

предоставляться и услуги туризма, а также возможности практической реализации каких-то потребностей туристов (сбор урожая, ягод, уход за животными и прочее), потребление экологически чистых фермерских продуктов, у туриста будет возможность погрузиться в реалии сельской жизни, а также внести свой определенный вклад в благоустройство села и сохранение окружающей природы. Все это будет способствовать тому, что сельские жители в своей повседневной работе будут уделять внимание возмездному оказанию определенного вида услуг туристам, а также смогут реализовать как сельхозпродукцию, так и готовить для реализации сувениры.

Метод и методология исследования. Суть исследования заключается в применении аналитического, статистического, системного и комплексного подходов к изучению возможной интеграции функций туризма с деятельностью хозяйствующих субъектов аграрного сектора, например, индивидуальных предпринимателей, личных подсобных хозяйств в единый агрокомплекс, сочетающий сельхозпроизводство и туристические услуги. В статье использованы следующие методы: наблюдение, сравнение, измерение, абстрагирование. Наблюдение как активный познавательный процесс, опирающийся на статистические данные, привело к объективному анализу действующих туристских услуг и выявлению слабых сторон.

Такие методы теоретического исследования, как анализ и синтез, идеализация событий и фактов, мысленное представление модели агротуристского комплекса использованы при разработке бизнес-решений, составлении оргструктуры, планировании затрат, составлении бизнес-плана. Авторы попытались предложить механизм вовлечения сельхозтоваропроизводителей для того, чтобы они были заинтересованы в развитии агротуризма. Достоверность информации достигается сопоставлением, изучением альтернативных источников данных.

При рассмотрении проблем агротуризма использован системный подход – рассмотрение сельской экономики и туризма в системе отношений, когда разные по назначению отрасли должны будут выступать как единый комплекс, создавать новую продукцию, услуги, турпродукт. Это означает анализ всех возможностей субъекта хозяйствования на селе, выдвижение рациональных идей и разработка модели агротуристического бизнеса. Метод систематизации позволил разделить изучаемые явления/события на совокупности, исходя из целей исследования и избранных критериев оценки значимости решений, которые могут повлиять на выбор модели агротуристического комплекса. Речь идет о таких приемах, как классификация данных, типология, случайная или обдуманная выборка и др.

Использован также контент-анализ научной литературы, что позволило изучить мировой опыт и сравнить модели агротуризма. Информационной базой исследования послужили официальные данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Учитывая положения теории вероятности при принятии решений относительно реальности функционирования модели, следует принять во внимание некоторые обстоятельства:

- основу принятия решений должен составлять вероятностный подход, позволяющий исследовать реально возможные ситуации, варианты принятия решений, зону их неопределенности;
- возрастает значимость моделирования, описывающего различные организационные формы, состав предлагаемой структуры, варианты моделей и возможности оперативного внесения изменений в нее;
- наличие рисков, которые должны быть максимально точно рассчитаны, оценены масштабы их влияния, размеры потерь, способы уменьшения рисков, возможности избежания их.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время мы наблюдаем тенденцию перехода от массового туризма к инновационным форматам, которые делают путешествия и отдых более содержательными и интересными [29, 30]. В этом плане весьма привлекательным и выгодным представляется сельский или аграрный туризм, основными преимуществами которого являются: чистый воздух и близость к природе; натуральные продукты питания; новая обстановка, отсутствие перенаселенности при проживании; оздоровление в благоприятной среде обитания; познание другой культуры, традиций и обычаев; реальное участие в работе сельских подворий, приусадебных участков, ферм, подсобных хозяйств; сбор плодов, ягод,

грибов, лекарственных трав. Появляется возможность не только приобрести опыт, но и удешевить его. Конечно, турист не может заниматься оплачиваемой деятельностью, в процессе своего путешествия, иначе он выходит из категории «туриста», но обменивать свою добровольную помощь в ведении сельского хозяйства в обмен, например, на услуги питания, вполне допустимо [7, 21].

Для жителей деревень – это дополнительный заработок и возможность улучшить свое жилье. Для местных властей и региона в целом – приток дополнительных средств, развитие инфраструктуры, создание новых рабочих мест. Для страны в целом – возможность развития туризма за пределами городов, где полностью отсутствуют гостиницы, снятие различий в условиях жизни города и деревни, а для туристов – возможность недорого отдохнуть в экологически чистой среде. Выбирая этот вид отдыха, жители крупных мегаполисов имеют возможность на несколько дней или недель погрузиться в атмосферу села, ощутить специфику жизни в деревенском частном доме. Примерить функции сельского жителя, научиться доить корову, рыбачить и охотиться, участвовать в посадке растений и сборе урожая, почувствовать себя в единении с природой – эта экзотика для многих жителей мегаполиса, привлекает все больше желающих.

В данной статье аграрный туризм нами понимается как вид услуг, когда городские жители перемещаются в сельскую местность, выполняя работы, характерные для сельского труженика и одновременно получая удовлетворение от отдыха как турист, иначе говоря, агротуризм – погружение в сельское гостеприимство, где отдых на природе непременно чередуется с выполнением каких-либо функциональных задач, характерных для сельской жизни. Человек, который устал от городской суеты, совмещает отдых и сельский труд в свое удовольствие. Городской житель с интересом узнает особенности сельского быта. Зачастую аграрный туризм сопровождается сменой климата, для многих городских жителей – это смена обычной для него динамики городской суеты на возможность погрузиться в совершенно новую среду обитания.

Некоторые специалисты считают, что при агротуризме человек может не заниматься сельским трудом, если он не хочет [29]. Однако мы считаем, что благодаря своей деятельности на селе турист сможет почувствовать свое единение с природой, отвлечься от городских проблем, созреть для новых идей и проектов. Агротуризм является сменой монотонной динамичной деятельности для городских туристов, на физический труд в экологически чистой окружающей среде в неторопливой сельской обстановке. Положительным фактором для села является то, что сохраняются традиции, обычаи, ремесла, народный фольклор, идет поддержка сельского быта и традиций хозяйствования, которые с развитием больших городов утратили свою привлекательность. Следует отметить, что агротурист может рассчитаться с фермером по бартеру, т.е. турист работает на ферме, личном подсобном хозяйстве или кооперативе, а взамен получает пищу и жилье. Такая форма сотрудничества распространена во многих странах мира по программе «Willing Workers on Organic Farms» (Добровольные Работники на Органических Фермах) [31, 32]. В данном случае труд туриста обменивается на временное жилье и питание и не является прямым нарушением условия его путешествия без занятий оплачиваемой деятельностью в туристской дестинации.

Бытует мнение, что агротурист должен отказаться от благ цивилизации и питаться тем, что соберет сам. На самом деле ему предоставляется благоустроенный отдых в хороших условиях, наличие Интернета и хорошая местная кухня. Совмещая отдых с познанием сельского уклада жизни, агротуризм дает возможность узнать экономику сельского предпринимательства, увидеть традиции и ремесла, которые еще «живы» на селе и принять непосредственное участие в ежедневных сельских делах: ухаживание за животными, в посадке деревьев, растений и сборе урожая.

Чтобы оценить преимущества аграрного туризма, покажем эффективность для потребителя двух вариантов: традиционных туристских услуг и услуг агротуризма, которые реализуются в аналогичных условиях [25, 33, 34]. Сравнение услуг по указанным вариантам показано в таблице 1 (регион дислокации и время года одинаковые). Сравнение позволяет сделать заключение об очевидной привлекательности агротуризма по важнейшим критериям издержек и качеству услуг, а также по ряду таких характеристик, как чистый воздух, соприкосновение с природой, познание мира животных и растений,

возможность накопить опыт и узнать много нового и интересного о культуре данной местности, его обычаях и традициях.

Таблица 1 – Анализ эффективности потребления туристических услуг

№	Услуги	Традиционный туризм	Агротуризм
1	Вид услуг: проживание	Обычная гостиница	Частный сектор (дом, коттедж, общежитие, хостел, кемпинг и др.)
	Стоимость суточного пребывания	7 000 тенге и выше	4000 – 5000 тенге
2	Услуги по питанию	Кафе, ресторан, столовая	Сельская кухня: национальные блюда, блюда по желанию из местных продуктов
	Стоимость услуг питания	2 500 тенге и выше (за обед/ужин)	800 тенге и выше (за обед/ужин)
3	Экскурсии	Самая разная тематика	Экскурсии по окрестностям, преимущественно природоведческие, краеведческие, легенды, народные предания, фольклор
	Тариф	От 2 000 и выше	Бесплатно
4	Развлекательный отдых, спорт, досуг	Концерты, спортивные мероприятия, культурные развлечения, другое	Народные гуляния, обычаи, традиции, скачки, народные виды спорта: борьба (казақша-курес), футбол, баскетбол, шахматы, и др.
	Стоимость	От 2 000 тенге и выше	Расходы несут организаторы, скорее всего не личные затраты туриста
5	Массаж, СПА	Сауна, баня, бассейн	Речка, озеро, горячие и минеральные лечебные источники
	Стоимость	2 000 тенге и выше	Бесплатно или недорого
6	Активности	Шоппинг, посещение рынков и базаров, торговых центров	Работа в подсобном хозяйстве, в огороде, саду, на ферме на свежем воздухе в комфортном ритме
	Стоимость	Определяется предпочтениями и вкусами туриста, наличием материальных средств	Оплата за работу компенсируется стоимостью проживания и питания агротуриста
Примечание – составлено авторами на основе источника [25, 33, 34] и данных анкетного опроса авторов.			

В индустриальных странах агротуризм приносит в казну от 10 до 20 % общих поступлений от туристической индустрии. Корпорация European Tourism отмечает, что в 2022г. в европейском регионе было зарегистрировано около 2 млн. койко-мест в сельских усадьбах [35]. Отдых в сельской местности предпочитают примерно 25% всех европейских жителей, сюда надо прибавить несколько миллионов гостей из других стран. Например, в Швейцарии доходы от туристических услуг составляют свыше 15 млрд. долл. в год, из них 10 млрд. обеспечивают фермеры в горных селах [36]. В аграрном туризме Европы лидером считается Италия, ежегодно страна получает примерно 350 млн. долл. прибыли [37]. Туристов могут научить готовить спагетти, выпекать хлеб, пиццу, изготавливать сыр или вино, ловить рыбу.

Одной из первых стран мира, где начал развиваться аграрный туризм, является Франция. Доходы от сельского туризма здесь исчисляются в миллиардах долларов. Фермеры предлагают туристам интересную программу, которая включает разнообразные развлечения, такие, как рыбалка, экскурсия в винные погреба или на сыроварню, поездка к недалеко расположенным замкам, церквям, конные прогулки [38].

В Германии фермеры предлагают туристам побывать в роли пастухов. Особенность аграрного туризма в этой стране – проведение различных фестивалей и ярмарок, где по традиции всем селом распивают пиво, наслаждаются местными блюдами. Подобные праздники в стране устраивают множество деревень, выделить конкретный регион, где сельский туризм лучше развит, чем в других местах, сложно [39].

В Испании сторонники аграрного туризма помогают местным жителям заниматься виноградарством. Уютные фермерские дома с удовольствием принимают гостей, а старинные поместья, замки

стали сельскими гостиницами. Приветливые хозяева предлагают туристам пищу, ночлег, знакомство с самобытным местным фольклором и историческими событиями. Сельские жители с удовольствием рассказывают легенды, сказки и поверья, проводят экскурсии по достопримечательностям [40].

Сельский туризм США характеризуется размещением в гостевых домах, на ранчо или фермах. Основными местами агротуризма являются сельские районы Среднего Запада – штаты Колорадо, Техас, Небраска, Миссури и Южная Дакота [41]. Именно агротуризм дал резкий скачок развитию инфраструктуры села: деревни, некогда предлагавшие колоритные условия проживания, отличавшиеся спартанским бытом, сегодня могут похвастаться комфортабельными мини-гостиницами, в которых есть все для цивилизованного человека.

Сельский туризм получил развитие и в странах постсоветского пространства. Например, в Белоруссии на сегодня действует свыше тысячи сельских усадеб. Туристам предоставляется уникальную возможность прочувствовать на себе крестьянский быт, прикоснуться к традициям сельских жителей, познакомиться с изумительным колоритом села. В стране издается ежегодный гид-справочник «Лето в усадьбах», туристам сдаются поместья мелких помещиков, одна из таких усадеб – «Святск» [42].

Краснодарский край России славится известным на весь мир винодельческим хозяйством с названием «Долина Лефкадия» [43]. Это любимое место российских туристов. Специалисты приобщают агротуристов к технологии выращивания винограда и изготовления вин, есть возможность охотиться и рыбачить. Проводится много тематических мероприятий, туристы активно участвуют в них, особенно привлекателен сбор лаванды. Лавандовые туры проходят в последний месяц лета.

Большую работу по развитию сельского туризма в РК проводит ОЮЛ «Казахстанская Ассоциация агро- и сельского туризма»: выбраны потенциальные районы и поселки для развития агротуризма в регионах РК; разработаны пакеты обучающих материалов, пособий для сельских тружеников (открытие гостевых домов, агротуристской деятельности); организованы обучающие семинары для инициативных хозяйств, сельских жителей; разработаны турпродукты и программы пребывания туристов на селе; проведены информационные туры с участием блогеров, СМИ, туроператоров [25].

Ресурсный центр Qazakhstan Travel and Tourism Council был создан для поддержания инноваций в отрасли и сопровождения проектов в сфере туризма [44]. С целью устранения проблем в развитии внутреннего туризма в стране была принята Государственная программа развития туристской отрасли Республики Казахстан на 2019-2025 годы, а в 2023 году этот период был увеличен во вновь принятой Концепции развития туристской отрасли РК до 2029 года [45,4]. Согласно программе, за счет появления новых территорий для отдыха, новых объектов туризма доля отрасли в структуре ВВП к 2025 году должна вырасти до 8 %. В этой связи местным властям было бы целесообразно разработать механизмы развития агротуризма, а НПП «Атамекен» - найти действенные инструменты помощи предпринимателям, изыскать дополнительные стимулы для создания гостевых домов в сельской местности. Надо сказать, развитие агротуризма отдельно не выделено в программе, но есть направление «Единство природы и кочевой культуры», в рамках который мы предлагаем развивать агротуризм.

Однако существует ряд нерешенных вопросов, сдерживающих развитие агротуризма [23, 26, 28, 44]: 1) недостаточное развитие инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры в местах сельского туризма, труднодоступность туристских объектов; 2) невысокий уровень сервиса в местах отдыха туристов, отсутствие объектов придорожной инфраструктуры; 3) туризм в регионах развивается несистемно, нет единой логики, концепции развития отрасли, отсутствует страновая и региональная стратегия в формате наиболее интересных туристских дестинаций и создания инновационного туристского продукта. Зачастую качество обслуживания и перечень услуг не соответствуют ценам на предоставляемый турпродукт. Средняя стоимость стандартного номера в пятизвездочной гостинице в Астане и Алматы ориентировочно на 20 % выше средней стоимости стандартного номера в ведущих европейских городах. Именно поэтому, как пишут в СМИ, 90 % туристов посещают Казахстан только один раз [46, 47].

Следует отметить, что на протяжении десятилетий основное направление развития сельских территорий заключалось в узкоотраслевом аграрном подходе, т.е. сохранении «функциональной чистоты»

села (аула) за счет специализации на растениеводстве или животноводстве. Сегодня для продвижения агротуризма нужна стратегия и системная работа. Назначение и сущность агротуристического комплекса сегодня выходят далеко за рамки обычного сельхозпредприятия, добавляются услуги туризма, досуга, развлечений, питания, гостиничного бизнеса, транспорта и др. (рисунок 1).

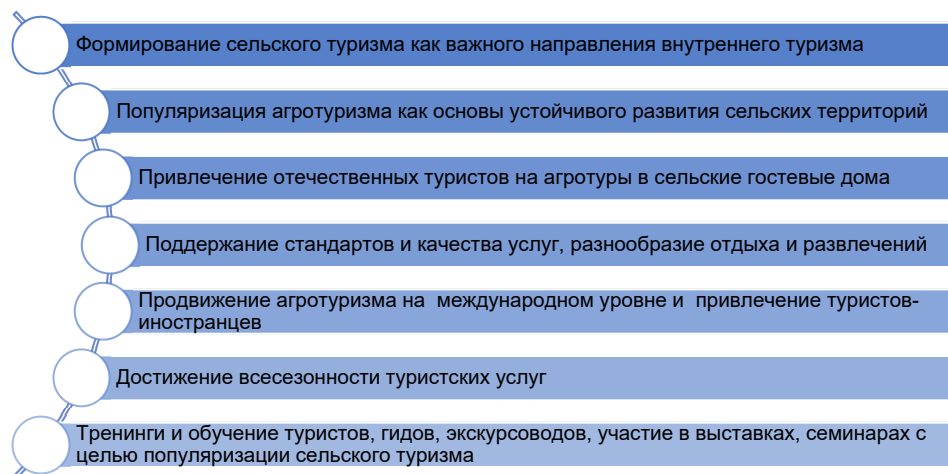

Рисунок 1 – Функции предполагаемого агротуристического комплекса

Примечание – составлено авторами на основе анализа научной литературы.

В агросистему могут войти какая-то отрасли сельского хозяйства, разработан конкретный туристский продукт, сформируется социально-культурная сфера, будут привлечены образовательные учреждения по подготовке кадров, нужна необходимая базовая инфраструктура, все эти субъекты и объекты на селе будут объединены общей целью – формирование соответствующей привлекательной аграрной туристской дестинации и соответствующего аграрного турпродукта. В агросистему также может войти отрасль по переработке сельхозпродукции. Поэтому предлагаемая нами модель агротуризма под названием «Зеленый аул» представляет инновационную структуру, ядром которой выступает аграрный туризм (рисунок 2).

Модель планируется как стилизованный под казахскую деревню комплекс, система кооперации туризма и сельского хозяйства, уникальное всесезонное место отдыха, труда и развлечений, как бизнес с хорошей организацией и высоким качеством услуг. Пребывая в этом комплексе, иностранные граждане почувствуют казахское гостеприимство, откроют для себя такие понятия, как «казахская душа», «казахские традиции, культура», «казахская кухня» и т.д. Реализация данной модели обеспечит синергетический эффект за счет развития смежных отраслей, это новое видение роли сельскохозяйственных товаропроизводителей, новый подход к отдыху туристов, которые осваивают новый образ жизни и поведение человека в условиях реалий села.

Модель агротуристского комплекса «Зеленый аул» может быть представлена как структура, куда будут вовлечены сельские труженики, городские жители, турфирмы, местная власть. Помимо вышеуказанного, важно чтобы в ауле, который определился с развитием агротуризма, сформировался единый консолидирующий центр заинтересованных жителей и сельских предпринимателей, которые смогут разработать бизнес план развития агротуризма в своем селе на основе определенного видения и желаемых результатов, будут последовательно и системно вовлекать в этот процесс все заинтересованные стороны, создавая цепочки туристских партнеров и последователей. Это может быть общественная организация или ассоциация, сообщество, основанное на развитии агротуризма в своем регионе, которая начнет свою деятельность с малого - разработки конкретных агротурпродуктов и услуг, и далее по мере своего роста и развития, придет к целому комплексу услуг и товаров для агротуристов, которым будет интересна данная туристская дестинация, развивающая агротуризм.

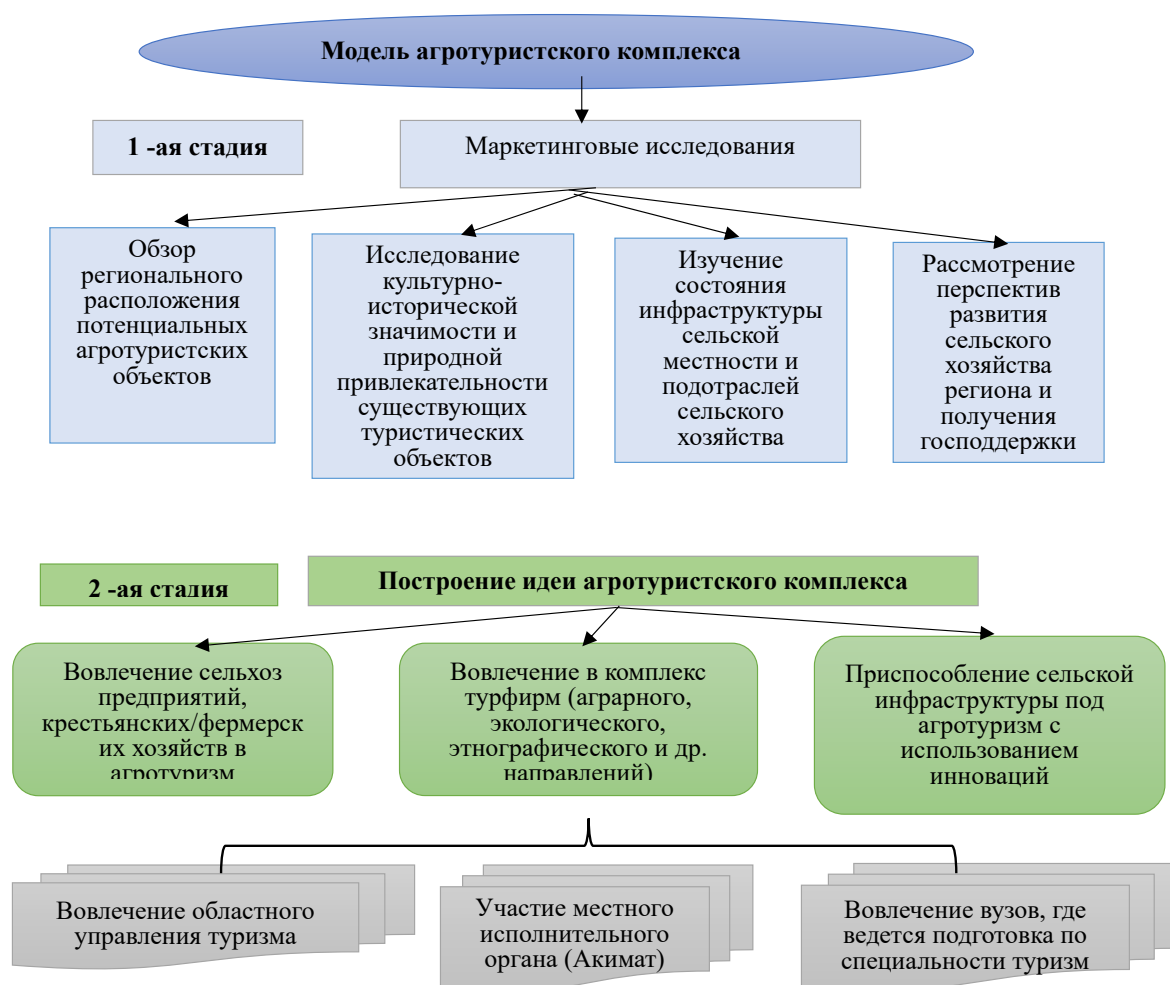

Рисунок 2 – Организационная модель создания агротуристского комплекса «Зеленый аул»

Примечание – составлено авторами

В данном случае важен механизм стимулирования сельских товаропроизводителей всесезонно предлагать услуги по агротуризму, уметь использовать запросы приезжающих туристов. Туристы могут лучше узнать сельскую жизнь, приобрести ценный опыт ухода за животными, выращивания растений и прочее. Реальность идеи агрокомплекса заключается в понимании полезности создаваемого турпродукта, как для сельских жителей за счет создания дополнительных рабочих мест, так и для туриста, путем популяризации жизни аула, появления новых туристских объектов, улучшения инфраструктуры, увеличения объема аграрной продукции и услуг. В итоге, развитие агротуризма может внести свою лепту в решение задач, поставленных в Концепции развития туристской отрасли в РК, а именно, увеличения доли ВВП от туризма, могут быть созданы дополнительные рабочие места, используется местное сырье и продукция для производства сувениров и других турпродуктов, что способствует устойчивому развитию сельских территорий.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

В настоящее время в мире имеется достаточно много информационных платформ, связанных с агротуризмом, в трудах зарубежных авторов тщательно рассматриваются эти проблемы. Труды казахстанских ученых в основном сосредоточены на географической оценке сельских территорий с позиции ожидаемых социально-экономических выгод от развития агротуризма. Однако на сегодня

недостаточно исследований в области организации агротуризма, методически не разработана конкретная схема как будет функционировать агротуристское хозяйство.

Учитывая мировую тенденцию перехода от массового туризма к инновационным форматам, весьма привлекательным и выгодным представляется аграрный туризм. Преимуществами аграрного туризма являются: чистый воздух и близость к природе; натуральные продукты питания; оздоровление в благоприятной среде обитания; познание другой культуры, традиций и обычаев; реальное участие в работе сельских подворий, приусадебных участков, ферм, подсобных хозяйств, частичное или глубокое погружение в реалии сельской жизни.

Определенно, агротуризм может способствовать преодолению трудностей развития сельских территорий, начиная с определенных туристских услуг и агротурпродуктов, до агротуристского комплекса, который сможет оказывать услуги всесезонно, умело используя запросы приезжающих туристов и мотивируя местных жителей объединяться в сообщество местного агротуризма. Реальность идеи агрокомплекса заключается в понимании полезности создаваемого турпродукта, не только для сельских жителей за счет улучшения инфраструктуры, появления новых туристских объектов, дополнительных рабочих мест, но и для экономики в целом за счет роста ВВП. В национальном плане развития Республики Казахстан до 2029 года развитие сельских территорий признано одним из важных приоритетов устойчивости экономики, в сочетании с туризмом они могут стать драйверами регионального роста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. «Экономический курс Справедливого Казахстана». Послание Президента Касым-Жомарта Токаева Народу Казахстана от 01.09.2023 [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2023. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K23002023_1/links (дата обращения 15.08.2024)
2. «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года». Указ Главы государства Касым-Жомарта Токаева от 30 июля 2024 года №611 [Электронный ресурс] // Zakon.kz [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://www.zakon.kz/pravo/6444176-tokaev-utverdil-natsionalnyy-plan-razvitiya-strany-do-2029-goda.html> (дата обращения 15.08.2024)
3. «Об утверждении Концепции развития сельских территорий РК на 2023–2027 годы» Постановление Правительства РК от 28.03.2023 года № 270 [Электронный ресурс] // Akorda.kz [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-koncepcii-razvitiya-selskih-territoriy-respubliki-kazahstan-na-2023-2027-gody-26105749> (дата обращения 15.08.2024)
4. «Об утверждении Концепции развития туристской отрасли РК на 2023–2029 годы». Постановление Правительства РК от 28.03.2023г. №262 [Электронный ресурс] // Gov.kz [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/tourism/documents/details/429828?lang=ru> (дата обращения 15.08.2024)
5. «Об утверждении Государственной программы развития регионов на 2020–2025 годы». Постановление Правительства РК от 27.12.2019г. № 990 [Электронный ресурс] // Zakon.kz [web-сайт]. – 2019. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38109003 (дата обращения 15.08.2024)
6. «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года». Указ Главы государства Касым-Жомарта Токаева от 30 июля 2024 года №611 [Электронный ресурс] // Zakon.kz [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://www.zakon.kz/pravo/6444176-tokaev-utverdil-natsionalnyy-plan-razvitiya-strany-do-2029-goda.html> (дата обращения 15.08.2024)
7. Global Agritourism Market [Электронный ресурс] // Spherical insights [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://www.sphericalinsights.com/reports/agritourism-market> (дата обращения 15.08.2024)
8. Sharpley R., Telfer D.J. Rethinking Tourism and Development. Monograph Book. – Edward Elgar Publishing, 2023. – 242 p. [Электронный ресурс] // Elgaronline.com [web-сайт]. – 2023. – URL: https://www.elgaronline.com/search?f_0=author&q_0=David+J.+Telfer (дата обращения: 20.07.2024).
9. Dimitriadou E., Lamprouli I., Iakovidou O. Adapting New Technologies of Exposure and Promotion for Agro-Tourism Enterprises with Comparative Evaluations // Asian Journal of Agriculture and Rural Development. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 274–283. – DOI: 10.18488/journal.1005/2019.9.2/1005.2.274.283.

10. Edwards F., Sonnino R., Cifuentes M.L. Connecting the dots: Integrating food policies towards food system transformation // *Environmental Science & Policy*. – 2024. – Т. 156, № 6. – 103735. – DOI: 10.1016/j.envsci.2024.103735.
11. Marques C.P., Guedes A., Bento R. Rural tourism recovery between two COVID-19 waves: the case of Portugal // *Current Issues in Tourism*. – 2021. – С. 1–7. – DOI: 10.1080/13683500.2021.1910216.
12. Ayhan Ç., Taşlı T., Özkök T., Tatlı H. Land use suitability analysis of rural tourism activities: Yenice, Turkey // *Tourism Management*. – 2020. – Т. 76. – 103949. – DOI: 10.1016/j.tourman.2019.07.003.
13. Liu Y.-L., Chiang J.-T., Ko P.-F. The benefits of tourism for rural community development // *Humanities and Social Sciences Communications*. – 2023. – Т. 10, № 1. – 137. – DOI: 10.1057/s41599-023-01610-4.
14. Bento R., Marques C.P., Guedes A. Rural tourism in Portugal: moving to the countryside // *Journal of Maps*. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 79–88. – DOI: 10.1080/17445647.2022.2079430.
15. Liu C.Y., Doub X.T., Lia J.F., Cai B.A. Analyzing government role in rural tourism development: an empirical investigation from China // *Journal of Rural Studies*. – 2020. – Т. 79. – С. 177–188. – DOI: 10.1016/j.jrurstud.2020.08.046.
16. Christou P.A. Tourism experiences as the remedy to nostalgia: conceptualizing the nostalgia and tourism nexus // *Current Issues in Tourism*. – 2020. – Т. 23, № 5. – С. 612–625. – DOI: 10.1080/13683500.2018.1548582.
17. Ma X., Wang R., Dai M., Ou Y. The influence of culture on the sustainable livelihoods of households in rural tourism destinations // *Journal of Sustainable Tourism*. – 2021. – Т. 29. – С. 1235–1252. – DOI: 10.1080/09669582.2020.18264971.
18. Pereira S.A. Regulation of short-term rentals in Lisbon: strike a balance between tourism dependence and urban life // *Urban Research & Practice*. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 477–504. – DOI: 10.1080/17535069.2020.1842901.
19. Ердаuletтов С.Р. География туризма Казахстана. 2-е изд., доп. и перераб. Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 180 с. [Электронный ресурс] // Online.anyflip.com [web-сайт]. – URL: <http://online.anyflip.com/tpgd/aivg/> (дата обращения: 20.07.2024).
20. Ақтымбаева А.С., Нурулы Е. Прикладные аспекты развития агротуризма в Западно-Казахстанской области Республики Казахстан // *Технологии бизнеса и сервиса*. – 2017. – Т. 3, № 3. – С. 40–51. – DOI: 10.18413/2408-9346-2017-3-3-40-51.
21. Шокан Р., Каменова М., Аймурзина Б. Агротуризм как перспективное направление развития сельских территорий // *Проблемы агрорынка*. – 2023. – № 2. – С. 62–70. – DOI: 10.46666/2023-2.2708-9991.06.
22. Ротермель Е.В. Перспективы развития агропромышленного и сельского туризма в Казахстане // *Вестник науки*, 2023. – Т. 2. – [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/search?q=%D0%A0%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%20%D0%95.%D0%92.&page=1> (дата обращения: 20.07.2024).
23. Деревянко Т. Как Казахстан может зарабатывать на иностранцах, рассказали депутаты // *Атамекен Бизнес* [web-сайт]. URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/kak-kazahstan-mozhet-zarabatyvat-na-inostrancah-rasskazali-deputy> (дата обращения: 20.07.2024).
24. Продвижение по агротуризму АО "НК Kazakh Tourism" [Электронный ресурс] // [Qaztourism.kz](https://qaztourism.kz) [web-сайт]. – н.д. – URL: <https://qaztourism.kz/ru/press-center/all/358/> (дата обращения: 20.07.2024).
25. Сайт ОЮЛ «Казахстанская Ассоциация агро- и сельского туризма» [Электронный ресурс] // [Agritourism.kz](https://agritourism.kz) [web-сайт]. – URL: <https://agritourism.kz/contacts/> (дата обращения: 20.07.2024).
26. Министерство туризма и спорта Республики Казахстан [Электронный ресурс] // [Gov.kz](https://www.gov.kz) [web-сайт]. – н.д. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mcs> (дата обращения: 20.07.2024).
27. Основные показатели развития туризма в Республике Казахстан в 2003–2023 годы // Вспомогательный счет туризма Республики Казахстан. Дата опубликования: 30.04.2024 [Электронный ресурс] // [Stat.gov.kz](https://stat.gov.kz) [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/publications/181504/> (дата обращения: 20.07.2024).

28. Отраслевая статистика. Статистика туризма [Электронный ресурс] // Сайт Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-tourism/> (дата обращения: 20.07.2024).
29. Обзор мировых трендов туризма 2023. Азиатско-Тихоокеанский регион [Электронный ресурс] // Economy.gov.ru [web-сайт]. – 2023. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/b5cca99d3881337fc3e8426451717bfa/obzor_trendov_turizma_v_aziatsko_tihookeanskom_regione.pdf (дата обращения: 20.07.2024).
30. World Tourism Organization. Tourism Enjoys Strong Start to 2022 while Facing New Uncertainties // UNWTO.org [web-сайт]. – 2022. – URL: <https://www.unwto.org/news/tourism-enjoys-strong-start-to-2022-while-facingnew-uncertainties> (дата обращения: 20.07.2024).
31. World Wide Opportunities on Organic Farms. WWOOF. Federation of WWOOF Organizations. Retrieved 12 January 2021 [Электронный ресурс] // Wwoofinternational.org [web-сайт]. – 2021. – URL: <https://wwoofinternational.org/> (дата обращения: 20.07.2024).
32. Helena Solman. Minor Thesis Willing Workers on Organic Farms. – 50 p. – 2017 [Электронный ресурс] // Edepot.wur.nl [web-сайт]. – URL: <https://edepot.wur.nl/463619> (дата обращения: 20.07.2024).
33. Streifeneder T., Dax T. Agritourism in Europe: Enabling Factors and Current Developments of Sustainable On-Farm Tourism in Rural Areas // Global Opportunities and Challenges for Rural and Mountain Tourism. – 2020. – С. 40–58. – DOI: 10.4018/978-1-7998-1302-6.ch003.
34. Bacsı Zs., Száltekei P. Farm Profitability and Agritourism in the EU – Does Size Matter? Original Scientific Paper // The Central European Journal of Regional Development and Tourism. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 45–61. – DOI: 10.2478/cejrdt-2022-0004.
35. European Tourism Association (ETOА). [Электронный ресурс] // European Tourism Association [web-сайт]. – URL: <https://euroemotur.eu/partner/european-tour-operators-association-limited-etoa/> (дата обращения: 20.07.2024).
36. Meredith Alda. Travel & Tourism – Switzerland, 2024 [Электронный ресурс] // Statista [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://www.statista.com/outlook/mmo/travel-tourism/switzerland> (дата обращения: 15.08.2024).
37. Total contribution of travel and tourism to GDP in Italy in 2019 and 2023, with a forecast for 2024 and 2034. [Электронный ресурс] // Statista [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://www.statista.com/statistics/627988/tourism-total-contribution-to-gdp-italy/> (дата обращения: 15.08.2024).
38. International tourism expenditure in France in 2019 and 2023, with a forecast for 2024 and 2034. [Электронный ресурс] // Statista [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://www.statista.com/statistics/644763/international-tourist-spending-visitor-exports-france/> (дата обращения: 15.08.2024).
39. Germany Tourism Trends & Relevant Markets. October 2023 [Электронный ресурс] // Horwath HTL [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://horwathhtl.com/wp-content/uploads/sites/2/2023/10/Germany-Tourism-Trends-Relevant-Markets-2023.pdf> (дата обращения: 20.07.2024).
40. Number of arrivals in tourist accommodation in Spain 2012-2023 [Электронный ресурс] // Statista [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://www.statista.com/statistics/413223/number-of-arrivals-spent-in-short-stay-accommodation-in-spain/> (дата обращения: 20.07.2024).
41. Liu Yung-Lun, Chiang Jui-Te, Ko Pen-Fa. The benefits of tourism for rural community development. Humanit Soc Sci Commun, 2023. – № 10(1). – С. 137. – DOI: 10.1057/s41599-023-01610-4 (дата обращения: 20.07.2024).
42. Усадебный комплекс Святск Гурских в Радзивилках. [Электронный ресурс] // Lakes.by [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://lakes.by/place/usadebno-parkovyj-kompleks-svjatsk-gurskih-v-radzivilkah/> (дата обращения: 20.07.2024).
43. Лефкадия - первая гравитационная винодельня в России. [Электронный ресурс] // Lefkadia [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://lefkadia.wine/> (дата обращения: 20.07.2024).
44. Kazakhstan Travel and Tourism Council. The Economic Impact of Travel & Tourism, 2023 [Электронный ресурс] // Kazakhstan Travel and Tourism Council [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://assets->

global.website-files.com/6329bc97af73223b575983ac/647f131c4274e0290d90e0e8_EIR2023-Kazakhstan.pdf (дата обращения: 20.07.2024).

45. Государственная программа развития туристской отрасли Республики Казахстан на 2019–2025 год. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 мая 2019г. № 360. [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2019. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000360> (дата обращения: 20.07.2024).

46. Вечкинзова Е.А., Дарибекова А.С. Проблемы и перспективы развития туристической отрасли Казахстана. Креативная экономика, 2021. – Том 15. – № 8. – С. 3403–3420. – DOI: 10.18334/ce.15.8.113256 (дата обращения: 20.07.2024).

47. Абуев Ансар. Туризм в Казахстане: исследование отрасли, проблематика и перспективы. Freedom Finance Global. [Электронный ресурс] // Freedom Finance [web-сайт]. – н.д. – URL: <https://ffin.kz/research/9-turizm-v-kazakhstane-issledovanie-otrasli-problematika-i-perspektivy> (дата обращения: 20.07.2024)

REFERENCES

1. Tokayev, K.-J. (2023). Ekonomicheskiy kurs Spravedlivogo Kazakhstana [Economic course of Fair Kazakhstan] Retrieved August 15, 2024, from https://adilet.zan.kz/rus/docs/K23002023_1/links (in Russian).
2. Tokayev, K.-J. (2024). Ob utverzhdenii Natsional'nogo plana razvitiya Respubliki Kazakhstan do 2029 goda [On the approval of the National Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2029] Retrieved August 15, 2024, from <https://www.zakon.kz/pravo/6444176-tokaev-utverdil-natsionalnyy-plan-razvitiya-strany-do-2029-goda.html> (in Russian).
3. Government of Kazakhstan. (2023). Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya sel'skikh territoriy RK na 2023–2027 gody [On the approval of the Concept for the development of rural areas of the Republic of Kazakhstan for 2023–2027] Retrieved August 15, 2024, from <https://www.akorda.kz/ru/o-koncepcii-razvitiya-selskikh-territoriy-respubliki-kazahstan-na-2023-2027-gody-26105749> (in Russian).
4. Government of Kazakhstan. (2023). Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya turistskoy otrasli RK na 2023–2029 gody [On the approval of the Concept for the development of the tourism industry of the Republic of Kazakhstan for 2023–2029] Retrieved August 15, 2024, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/tourism/documents/details/429828?lang=ru> (in Russian).
5. Government of Kazakhstan. (2019). Ob utverzhdenii Gosudarstvennoy programmy razvitiya regionov na 2020–2025 gody [On the approval of the State Program for Regional Development for 2020–2025] Retrieved August 15, 2024, from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38109003 (in Russian).
6. Tokayev, K.-J. (2024). Ob utverzhdenii Natsional'nogo plana razvitiya Respubliki Kazakhstan do 2029 goda [On the approval of the National Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2029] Retrieved August 15, 2024, from <https://www.zakon.kz/pravo/6444176-tokaev-utverdil-natsionalnyy-plan-razvitiya-strany-do-2029-goda.html> (in Russian).
7. Global Agritourism Market. (2024). Retrieved August 15, 2024, from <https://www.sphericalinsights.com/reports/agritourism-market>
8. Sharpley, R., & Telfer, D. J. (2023). Rethinking tourism and development. Edward Elgar Publishing. Retrieved July 20, 2024, from https://www.elgaronline.com/search?f_0=author&q_0=David+J.+Telfer
9. Dimitriadou, E., Lamprouli, I., & Iakovidou, O. (2019). Adapting new technologies of exposure and promotion for agro-tourism enterprises with comparative evaluations. Asian Journal of Agriculture and Rural Development, 9(2), 274–283. <https://doi.org/10.18488/journal.1005/2019.9.2/1005.2.274.283>
10. Edwards, F., Sonnino, R., & Cifuentes, M. L. (2024). Connecting the dots: Integrating food policies towards food system transformation. Environmental Science & Policy, 156(6), 103735. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2024.103735>
11. Marques, C. P., Guedes, A., & Bento, R. (2021). Rural tourism recovery between two COVID-19 waves: The case of Portugal. Current Issues in Tourism, 1–7. <https://doi.org/10.1080/13683500.2021.1910216>

12. Ayhan, Ç., Taşlı, T., Özkök, T., & Tatlı, H. (2020). Land use suitability analysis of rural tourism activities: Yenice, Turkey. *Tourism Management*, 76, 103949. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2019.07.003>
13. Liu, Y.-L., Chiang, J.-T., & Ko, P.-F. (2023). The benefits of tourism for rural community development. *Humanities and Social Sciences Communications*, 10(1), 137. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01610-4>
14. Bento, R., Marques, C. P., & Guedes, A. (2022). Rural tourism in Portugal: Moving to the countryside. *Journal of Maps*, 18(1), 79–88. <https://doi.org/10.1080/17445647.2022.2079430>
15. Liu, C. Y., Doub, X. T., Lia, J. F., & Cai, B. A. (2020). Analyzing government role in rural tourism development: An empirical investigation from China. *Journal of Rural Studies*, 79, 177–188. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.08.046>
16. Christou, P.A. (2020). Tourism experiences as the remedy to nostalgia: Conceptualizing the nostalgia and tourism nexus. *Current Issues in Tourism*, 23(5), 612–625. <https://doi.org/10.1080/13683500.2018.1548582>
17. Ma, X., Wang, R., Dai, M., & Ou, Y. (2021). The influence of culture on the sustainable livelihoods of households in rural tourism destinations. *Journal of Sustainable Tourism*, 29, 1235–1252. <https://doi.org/10.1080/096669582.2020.18264971>
18. Pereira, S.A. (2022). Regulation of short-term rentals in Lisbon: Strike a balance between tourism dependence and urban life. *Urban Research & Practice*, 15(4), 477–504. <https://doi.org/10.1080/17535069.2020.1842901>
19. Erdavletov, S.R. (2015). *Geografiya turizma Kazakhstana* (2nd ed., rev. and expanded). Almaty: Kazakh University. Retrieved July 20, 2024, from <http://online.anyflip.com/tpgd/aivg/> (in Russian).
20. Aktymbaeva, A.S., & Nuruly, E. (2017). Prikladnye aspekty razvitiya agroturizma v Zapadno-Kazakhstanskoy oblasti Respubliki Kazakhstan. *Tekhnologii biznesa i servisa*, 3(3), 40–51. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2017-3-3-40-51> (in Russian).
21. Shokan, R., Kamenova, M., & Aimurzina, B. (2023). Agroturizm kak perspektivnoe napravlenie razvitiya selskih territoriy. *Problemy agrorynka*, 2, 62–70. <https://doi.org/10.46666/2023-2.2708-9991.06> (in Russian).
22. Rotermel, E.V. (2023). Perspektivy razvitiya agropromyshlennogo i selskogo turizma v Kazakhstane. *Vestnik nauki*, 2. Retrieved July 20, 2024, from <https://cyberleninka.ru/search?q=%D0%A0%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%20%D0%95.%D0%92.&page=1> (in Russian).
23. Derevyanko, T. (2023, February 14). Kak Kazakhstan mozhet zarabatyvat na inostrantsah, rasskazali deputaty. *Atameken Business*. Retrieved July 20, 2024, from <https://inbusiness.kz/ru/last/kak-kazahstan-mozhet-zarabatyvat-na-inostrancah-rasskazali-deputaty> (in Russian).
24. Prodvizhenie po agroturizmu AO "NK Kazakh Tourism". (n.d.). Qaztourism.kz. Retrieved July 20, 2024, from <https://qaztourism.kz/ru/press-center/all/358/> (in Russian).
25. Sayt OYL "Kazakhstanskaya Assotsiatsiya agro- i selskogo turizma". (n.d.). Agritourism.kz. Retrieved July 20, 2024, from <https://agritourism.kz/contacts/> (in Russian).
26. Ministerstvo turizma i sporta Respubliki Kazakhstan. (n.d.). Gov.kz. Retrieved July 20, 2024, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/mcs> (in Russian).
27. Osnovnye pokazyateli razvitiya turizma v Respublike Kazakhstan v 2003–2023 gody. (2024, April 30). *Vspomogatelnyy schet turizma Respubliki Kazakhstan*. Retrieved July 20, 2024, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/publications/181504/> (in Russian).
28. Otrasevaya statistika. Statistika turizma. (2024). Sayt Byuro natsionalnoy statistiki Agentstva po strategicheskemu planirovaniyu i reformam RK. Retrieved July 20, 2024, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-tourism/> (in Russian).
29. Obzor mirovykh trendov turizma 2023. Aziatsko-Tikhookeanskiy region. (2023). *Economy.gov.ru*. Retrieved July 20, 2024, from https://www.economy.gov.ru/material/file/b5cca99d3881337fc3e8426451717bfa/obzor_trendov_turizma_v_aziatsko_tihookeanskom_region.pdf (in Russian).
30. World Tourism Organization. (2022, January 1). Tourism enjoys strong start to 2022 while facing new uncertainties. *UNWTO.org*. Retrieved July 20, 2024, from <https://www.unwto.org/news/tourism-enjoys->

strong-start-to-2022-while-facing-new-uncertainties (in English).

31. World Wide Opportunities on Organic Farms. WWOOF. Federation of WWOOF Organizations. (2021). Retrieved January 12, 2021, from <https://wwoofofinternational.org/> (in English).

32. Solman, H. (2017). Minor thesis: Willing Workers on Organic Farms (50 p.). Edepot.wur.nl. Retrieved July 20, 2024, from <https://edepot.wur.nl/463619> (in English).

33. Streifeneder, T., & Dax, T. (2020). Agritourism in Europe: Enabling factors and current developments of sustainable on-farm tourism in rural areas. In *Global Opportunities and Challenges for Rural and Mountain Tourism* (pp. 40–58). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-1302-6.ch003>

34. Bacsı, Zs., & Száltekei, P. (2022). Farm profitability and agritourism in the EU – Does size matter? *The Central European Journal of Regional Development and Tourism*, 14(1), 45–61. <https://doi.org/10.2478/cejrdt-2022-0004>

35. European Tourism Association (ETOA). (n.d.). Retrieved July 20, 2024, from <https://euroemotur.eu/partner/european-tour-operators-association-limited-etoa/> (in English).

36. Meredith, A. (2024). Travel & Tourism – Switzerland, 2024. Statista. Retrieved August 15, 2024, from <https://www.statista.com/outlook/mmo/travel-tourism/switzerland> (in English).

37. Total contribution of travel and tourism to GDP in Italy in 2019 and 2023, with a forecast for 2024 and 2034. (2024). Statista. Retrieved August 15, 2024, from <https://www.statista.com/statistics/627988/tourism-total-contribution-to-gdp-italy/> (in English).

38. International tourism expenditure in France in 2019 and 2023, with a forecast for 2024 and 2034. (2024). Statista. Retrieved August 15, 2024, from <https://www.statista.com/statistics/644763/international-tourist-spending-visitor-exports-france/> (in English).

39. Germany Tourism Trends & Relevant Markets. (2023, October). Horwath HTL. Retrieved July 20, 2024, from <https://horwathhtl.com/wp-content/uploads/sites/2/2023/10/Germany-Tourism-Trends-Relevant-Markets-2023.pdf> (in English).

40. Number of arrivals in tourist accommodation in Spain 2012-2023. (2023). Statista. Retrieved July 20, 2024, from <https://www.statista.com/statistics/413223/number-of-arrivals-spent-in-short-stay-accommodation-in-spain/> (in English).

41. Liu, Y.-L., Chiang, J.-T., & Ko, P.-F. (2023). The benefits of tourism for rural community development. *Humanit Soc Sci Commun*, 10(1), 137. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01610-4>

42. Usadebnyy kompleks Svyatsk Gurskiykh v Radzivilkakh. (2023). Lakes.by. Retrieved July 20, 2024, from <https://lakes.by/place/usadebno-parkovyy-kompleks-svjatsk-gurskiykh-v-radzivilkah/> (in Russian).

43. Lefkadiya - pervaya gravitatsionnaya vinodelnya v Rossii. (2023). Lefkadia. Retrieved July 20, 2024, from <https://lefkadia.wine/> (in Russian).

44. Kazakhstan Travel and Tourism Council. (2023). The economic impact of travel & tourism, 2023. Kazakhstan Travel and Tourism Council. Retrieved July 20, 2024, from https://assets-global.website-files.com/6329bc97af73223b575983ac/647f131c4274e0290d90e0e8_EIR2023-Kazakhstan.pdf (in English).

45. Gosudarstvennaya programma razvitiya turistskoy otrasli Respubliki Kazakhstan na 2019–2025 god. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 31 maya 2019g. № 360. (2019). Adilet. Retrieved July 20, 2024, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000360> (in Russian).

46. Vechkinzova, E.A., & Daribekova, A.S. (2021). Problemy i perspektivy razvitiya turistskoy otrasli Kazakhstana. *Kreativnaya ekonomika*, 15(8), 3403–3420. <https://doi.org/10.18334/ce.15.8.113256> (in Russian).

47. Abuyev, A. (n.d.). Turizm v Kazakhstane: Issledovanie otrasli, problematika i perspektivy. *Freedom Finance*. Retrieved July 20, 2024, from <https://ffin.kz/research/9-turizm-v-kazakhstane-issledovanie-otrasli-problematika-i-perspektivy> (in Russian).

ІШКІ ТУРИЗМНІҢ ДАМУЫНДАҒЫ ЖАҢА ТЕНДЕНЦИЯ РЕТІНДЕ ҚАЗАҚСТАНДА АГРОТУРИСТІК КЛАСТЕРДІ ҚҰРУ

Қ. Қ. Нұрашева^{1*}, А. Т. Агелеуова¹, Е. А. Әбенова²

¹ «Спорт және туризм Академиясы», Алматы қ., Қазақстан Республикасы

² Нархоз университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – ауыл өміріне қызығушылық білдіретін туристер жыл мезгіліне қарамастан демалу, бос уақытты қызықты өткізу, жұмыс атқару ойменен қазақ ауыл түрде стильдеген агротуристтік кешенін құру авторлардың идеясын көрсету.

Әдіснамасы – ауылшаруашылық өндіріспен туристік қызметті біртұтас агрокешені ретінде біріктіру үшін туристік функцияларын аграрлық секторының субъектілерінің қызметі мен интеграциялау мақсатымен аналитикалық, статистикалық және жүйелік тәсілдер пайдаланды. Агро-туризм бойынша әлемде де, Қазақстанда да жүйелі зерттеулердің жоқтығына байланысты туризмді дамыту саласындағы мәселелер атап өтілді.

Зерттеудің ерекшелігі/құндылығы – жақсы ұйымдастырылған және жоғары сапалы қызметтері құрылған бизнес ретінде демалыс, жұмыс және ойын-сауық үшін бірегей маусымдық орын «Жасыл ауыл» агротуризм моделін авторлар ұсынады. Ол - қазақ ауылы түрде стильдендірілген инновациялық құрылым, туризм мен ауыл шаруашылығының ынтымақтастығын жүйесі.

Зерттеу нәтижелері – бүгінгі таңда агротуристтік кешеннің мәні кәдімгі ауылшаруашылық кәсіпорнының шеңберінен асып түседі, туризм қызметтері, демалыс, ойын-сауық, тамақтандыру, қонақ үй бизнесі, көлік қызметін қамтиды. Қала тұрғындары уақытша ауылдық жер бедеріне барып, ауыл жұмысшысына тән жұмысты орындап, сонымен бірге турист ретіндегі демалысынан қанағат алып, қосымша табыс тауып, демалу құнын төмендететсе, агротуризм қызметі деп саналады.

Түйін сөздер: аграрлық туризм, ауыл шаруашылығы, жасыл ауыл, үлгі, турист, агротуристтік кешен.

Алғыс: Мақала Қазақ спорт және туризм академиясы ректорының гранты аясында «Қазақ спорт және туризм академиясында студенттер үшін тәжірибе базасын қалыптастыру үшін агротуризм жобасын әзірлеу» тақырыбына сәйкес дайындалған (№ 62-II бұйрық 12.04.2024 ж.)

CREATION OF AGRO-TOURISM CLUSTER IN KAZAKHSTAN AS A NEW TREND IN DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM

K. K. Nurasheva^{1*}, A. T. Ageleuova¹, E. A. Abenova²

¹ Academy of Sports and Tourism", Almaty, Republic of Kazakhstan

² Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study is to show the authors' vision of creating an agrarian tourism complex stylized as a Kazakh aul, where tourists who are not indifferent to rural life can work, relax and have fun in their free time regardless of the season.

Methodology – the study used analytical, statistical, systemic and comprehensive approaches to studying the integration of tourism functions with the activities of economic entities in the agricultural sector into a single agro-complex that combines agricultural production and tourism services. Problematic issues in this

area of tourism development are highlighted, which consist in the fact that virtually no systematic research is conducted on agrotourism, either in the world or in Kazakhstan.

Originality/value of the research – the authors propose a model of agrotourism “Green Aul”, which represents an innovative structure, stylized as a Kazakh village - a system of cooperation between tourism and agriculture, a unique all-season place for rest, work and entertainment, as a business with good organization and high quality of services.

The results of the study – today the essence of the agrotourism complex goes far beyond the framework of a regular agricultural enterprise, adding tourism, leisure, entertainment, food, hotel business, and transport services. Agritourism is considered as a type of service when city dwellers move to rural areas, performing work typical for a rural worker and at the same time receiving satisfaction from rest as a tourist, receiving additional income and making their vacation cheaper.

Keywords: agrarian tourism, agriculture, green village, model, tourist, agrotourism complex.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the grant of the Rector of the Kazakh Academy of Sports and Tourism on the topic “Development of an agrotourism project to form a practice base for students at the Kazakh Academy of Sports and Tourism” (order No. 62-II dated 12.04.2024)

ОБ АВТОРАХ

Нурашева Кулянда Кулбосыновна – доктор экономических наук, профессор, Казахская Академия спорта и туризма, Алматы, Республика Казахстан, email: kulyanda.nurasheva@gmail.com, ORCID ID: 0000 0002 4639 467*

Агелеуова Айгуль Токтархановна – кандидат философских наук, доцент, Казахская академия спорта и туризма, Алматы, Республика Казахстан. email: aigulinskaya@mail.ru, ORCID ID : 0000-0001-9541-5046

Абендова Елена Анатольевна – кандидат педагогических наук, магистр туризма, ассоциированный профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, email: elena.abenova@narhoz.kz, ORCID ID: 0000-0001-6871-2352

MPHTI: 06.73.15

JEL Classification: H61

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-126-141>

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА БЮДЖЕТНУЮ ПОЛИТИКУ КАЗАХСТАНА

Б. Тагабай^{1*}, А. О. Жагипарова¹

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования заключается в анализе ключевых глобальных факторов, таких как колебания цен на энергоносители, международные санкции, изменения в мировой торговле и глобальные кризисы, а также их влияние на бюджетную политику страны.

Методология исследования. В ходе исследования были использованы различные методологические подходы и аналитические методы. Был выполнен сбор и анализ статистических данных о доходах и

расходах государственного бюджета Казахстана за последние пять лет. Данный метод позволил оценить влияние глобальных экономических факторов, таких как пандемия коронавируса, колебания цен на энергоносители и международные санкции, на динамику показателей бюджета и структуру доходов бюджета. Дополнительно был проведен контент-анализ литературы, охватывающий исследования, аналитические отчеты и законодательные документы, связанные с бюджетной политикой Казахстана в условиях глобальных экономических изменений.

Ценность исследования. Оригинальность работы заключается в всестороннем анализе влияния глобальных факторов на бюджетную политику в Казахстане, что позволило получить целостную картину влияния и разработать практические рекомендации по повышению гибкости бюджетной политики в контексте глобальной нестабильности. Исследование вносит значительный вклад в понимание механизмов финансового планирования и управления в развивающихся странах, затронутых глобальными изменениями. Практическая значимость работы заключается в выработке рекомендаций по корректировке бюджетной политики Казахстана в условиях глобальной нестабильности.

Результаты исследования могут быть использованы для улучшения финансового планирования и разработки стратегий по минимизации негативных последствий глобальных экономических изменений, что способствует поддержанию финансовой стабильности и устойчивого экономического роста в стране.

Ключевые слова: бюджетная политика, финансовая стабильность, мировой рынок, бюджетный дефицит.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Современные тенденции и вызовы мировой экономики тесно связаны со многими факторами, что делает исследование актуальным. Казахстан, страна, сильно зависящая от экспорта сырья, особенно нефти и газа, чрезвычайно уязвима к колебаниям на международных рынках. Снижение цен на нефть и другие основные экспортные товары, изменение структуры мирового спроса, международные санкции и мировые кризисы оказывают существенное влияние на экономическую стабильность страны. В этих условиях необходимость разработки и реализации гибких и адаптируемых бюджетных стратегий, способных реагировать на внешние экономические шоки, становится приоритетной задачей поддержания стабильности экономики. В последние годы Казахстан столкнулся с рядом серьезных внешнеэкономических вызовов, потребовавших существенных изменений в подходах к бюджетному регулированию. Падение мировых цен на стоимость нефти также стал одним из важных факторов. Данное обстоятельство непосредственно повлияло на значительное снижение доходов государственного бюджета, в результате всего этого, было необходимо принять меры и пересмотреть источники доходов, для восполнения дефицита бюджета [1]. В то же время пандемия COVID-19, оказавшая разрушительное воздействие на мировую экономику, добавила новые проблемы, связанные с необходимостью увеличения бюджетных расходов для поддержки населения и бизнеса. Эти обстоятельства подчеркнули важность гибкой налогово-бюджетной политики, способной адаптироваться к меняющимся условиям. Международные санкции, введенные в отношении основных торговых партнеров Казахстана, таких как Россия, создали дополнительные трудности для экономики страны [1]. Правительству Казахстана пришлось разработать новую стратегию, чтобы минимизировать негативное влияние санкций на доступ к международным рынкам и финансирование. В результате, это привело к необходимости диверсификации экономики, поиска новых рынков и разработки мер по защите национальной экономики от внешних потрясений. Все это подчеркивает важность изучения влияния внешних факторов на бюджетную политику и выработки рекомендаций по ее адаптации к меняющимся условиям. Другим важным аспектом является вопрос налоговой политики в условиях экономической нестабильности. Падение доходов бюджета вынуждает правительство пересматривать налоговые ставки и механизмы сбора налогов, чтобы компенсировать потери от сокращения доходов от экспорта. Введение прогрессивного налогообложения как одного из инструментов обеспечения более стабильных доходов бюджета становится все более актуальным в условиях падения цен на нефть. Прогрессивность

налогообложения может способствовать более справедливому распределению доходов и укреплению социальной стабильности [2], [3]. Однако этот подход также связан с такими рисками, как развитие параллельной экономики, что требует создания эффективных механизмов контроля и повышения бюджетной дисциплины. Стремительные изменения во внешней экономической среде требуют от Казахстана не только адаптации текущей бюджетной политики, но и разработки долгосрочных стратегий, направленных на обеспечение устойчивого экономического роста. В этих условиях становится важной роль государства в стимулировании экономической активности, где необходимым аспектом является диверсификация экономики, поиска новых источников и поддержка инновации [4].

Важно также учитывать тот факт, что многие экономические кризисы имеют отложенный эффект и могут оказывать негативное влияние в течении долгих лет. В связи с этим важно переходить к долгосрочным стратегиям развития экономики страны [5].

Изученность проблемы. Многие исследования посвящены влиянию глобальных экономических факторов на экономику страны, крайне важно дополнительно проанализировать конкретный аспект влияния этих факторов на бюджетно-налоговую политику страны. Большинство современных исследований сосредоточены на общей экономической стабильности, макроэкономических показателях или влиянии отдельных факторов, таких как цена на нефть, санкции и т. д. Однако комплексный подход, который позволил бы всесторонне оценить влияние всех ключевых глобальных факторов на бюджетно-налоговую политику, пока не представлен. Исследования по этой теме приобретают особую актуальность в условиях современных глобальных экономических изменений и нестабильности на международных рынках. Новизна данного исследования заключается в систематизации и анализе влияния ряда ключевых глобальных факторов на бюджетную политику в Казахстане, что позволяет получить целостную картину их воздействия и предложить рекомендации по адаптации бюджетной стратегии страны.

Соответствие проблемам современной науки и практики. В связи с воздействием глобальных экономических изменений, налогово-бюджетная политика Казахстана находится под сильным влиянием текущих проблем современной науки и практики. В условиях глобализации, когда экономика каждой страны все больше интегрируется в мировую систему, важно понимать, как глобальные события и изменения влияют на национальные бюджеты. Данное исследование не только способствует теоретической разработке данной темы, но и дает практические рекомендации по совершенствованию бюджетного планирования и управления в условиях меняющейся глобальной экономики.

Объектом исследования является бюджетная политика Республики Казахстан.

Предметом исследования являются механизмы и инструменты бюджетной политики Казахстана в условиях влияния глобальных экономических изменений.

Задачи исследования:

- проанализировать ключевые глобальные экономические изменения, такие как колебания цен на энергоносители, международные санкции, изменения в мировой торговле и глобальные кризисы;
- оценить влияние глобальных изменений на доходы и расходы бюджета Казахстана;
- рассмотреть меры по адаптации бюджетно-налоговой политики Казахстана в условиях глобальных экономических изменений.

В исследовании предполагается, что глобальные экономические изменения оказывают существенное влияние на бюджетно-налоговую политику страны, что требует от правительства страны гибкости и своевременности принятия решений, позволяющих минимизировать негативные последствия и обеспечить устойчивое развитие экономики. Результаты исследования имеют *практическое значение*, поскольку могут быть использованы для лучшего понимания влияния глобальных экономических изменений на бюджетно-налоговую политику. Более того, полученные результаты могут способствовать эффективному финансовому планированию и управлению в условиях меняющейся экономики.

Материалы и методы

В рамках исследования были использованы различные методологические подходы и аналитические инструменты, а также сбор и анализ статистических данных о доходах и расходах государственного

бюджета Казахстана за последние пять лет. Данный метод позволяет оценить влияние глобальных экономических факторов, таких как пандемия коронавируса, колебания цен на энергоносители и международные санкции, на динамику показателей бюджета и структуру доходов бюджета. Дополнительно был проведен контент-анализ в форме обзора литературы, охватывающий существующие исследования, аналитические отчеты и законодательные документы, связанные с бюджетной политикой Казахстана в условиях глобальных экономических изменений. Поиск проводился в таких базах данных, как Scopus, Google Scholar и ResearchGate, охватывающих последнее десятилетие. Ключевыми критериями поиска были «бюджетная политика», «глобальные экономические изменения», «Казахстан» и «налоги». Метод позволил выявить основные тенденции и проблемы, связанные с влиянием внешнеэкономических факторов на бюджетную политику. Кроме того, бюджетно-налоговую политику Казахстана сравнивали с другими странами, сталкивающимися с аналогичными внешнеэкономическими проблемами. Данный метод помог выявить передовой опыт и потенциальные улучшения, которые можно было бы применить в Казахстане для повышения устойчивости его налоговой системы.

В ходе исследования также был применен комбинированный статистические и математические методы обработки данных для анализа эффективности бюджетной политики, а также влияния изменения цен на энергоносители на экономику. Методы направлены на оценку динамики ключевых показателей, выявление трендов и взаимосвязей. Для оценки изменения ключевых экономических показателей, таких как налоговые поступления, бюджетный дефицит и индексы добычи, применяется анализ временных рядов. Данный метод позволяет выявить долгосрочные тенденции, а также влияние внешних факторов, таких как изменение цен на энергоносители. Для определения прогрессивности налоговой системы используется показатель доли налоговых поступлений в общих доходах бюджета. Также для сравнения динамики показателей по годам используются коэффициенты прироста.

Литературный обзор. Глобальные экономические изменения оказывают сильное и долгосрочное воздействие на бюджетную политику во многих странах, особенно в тех, экономика которых зависит от экспорта сырьевых товаров. Казахстан, как экономика, зависящая от сырьевых товаров, сталкивается с многочисленными проблемами, вызванными колебаниями на мировых рынках, глобальным кризисом, изменениями в мировой торговле и международными санкциями. Данные изменения требуют от правительства постоянной адаптации и пересмотра своих бюджетных стратегий для поддержания экономической стабильности, и устойчивости. Кризисы негативно сказались на доходах бюджета страны и заставило правительство увеличить свои расходы на поддержку населения и бизнеса [1], [2]. Аналогичные выводы сделаны М.М. Жакуповой., А.Б. Ханетовой и Е.Р. Юнизовым, подчеркивая необходимость гибкой и адаптированной бюджетной политики в ответ на внешние экономические потрясения, такие как пандемия COVID-19, падение цен на нефть и международными санкциями в отношении России [3], [4], [5]. Г.К. Бекбосинова, Б.Т. Тагабай, А.О. Жагипанова отмечают, что кризисы снижают спрос на экспортные товары Казахстана, что отрицательно сказывается на налоговых поступлениях и формировании государственного бюджета [6], [7]. В целом, это подчеркивает необходимость гибкой бюджетной политики для преодоления внешних экономических трудностей и поддержания финансовой стабильности. Чугунов И., Маркус Ю. и др. рассматривают этот вопрос в более широком контексте, отмечая, что подобные кризисы требуют пересмотра бюджетных стратегий не только в Казахстане, но и в других развивающихся странах [8].

Согласно М.М. Жакупова, А.Б. Ханетова, Е.Р. Юнисов изменения в мировой торговле, такие как снижение спроса на казахстанский экспорт, оказывают негативное влияние на налогово-бюджетные поступления страны, особенно учитывая ее зависимость от экспорта таких основных товаров, как нефть и газ, в этой связи необходимо пересмотреть бюджетные приоритеты и искать новые источники доходов для поддержания финансовой устойчивости [3], [4]. Повышение цен на сырьевые товары приводит к увеличению налоговых поступлений, как это было в 2022 году, но снижение цен на нефть может привести к бюджетному дефициту. Согласно М.М. Жакуповой, А.Б. Ханетовой, Д.К. Оразбаева и др. возникает необходимость гибкой бюджетной политики и разработки адаптируемых бюджетных стратегий, которые будут минимизировать негативные последствия для экономики [3], [9], [10].

Вопросы, связанные о влиянии международных санкции и ее роли в бюджетной политики, рассматривались в исследованиях А.Т. Селишевой, Е.Р. Юнисовой, А.М. Жакуповой и А.Б. Ханетовой, где авторы отмечают, что санкции, введенные в отношении ключевых торговых партнеров, таких как Россия, ограничивают доступ Казахстана к международным рынкам и финансированию, создавая дополнительные проблемы для экономической стабильности страны. Возникает необходимость о поиске новых рынков, диверсифицировать экономику и разработать меры защиты против негативных последствий санкций в целях поддержания финансовой стабильности [1], [4], [3].

В результате выше сказанного возникает вопрос о адаптации налоговой системы Казахстана к изменяющимся экономическим условиям. В условиях экономической нестабильности правительство вынуждено пересматривать налоговые ставки и бюджетные расходы для обеспечения финансовой устойчивости и для покрытия бюджетного дефицита, что в Казахстане наблюдается последние годы. Согласно работам А.Р. Джангарашева, А.К. Омарова, Д.С. Балташев данный пересмотр может включать увеличение налогов на экспортные компании в ответ на изменения в мировой торговле и предотвращение налоговой оптимизации [10], [11]. В других исследованиях также отмечается о прогрессивном налогообложении, как о важном инструменте, который также может способствовать снижению рисков, связанных с снижением цен на энергоносители и в целом с последствиями глобального экономического кризиса [12], [13], [14]. В данном случае снижение рисков может произойти за счет механизмов равномерного перераспределения доходов. Более того, данный механизм не только позволяет снизить риски, оно также способствует снижению социального напряжения, через систему социальной справедливости, что стало достаточно актуальным в нынешнем Казахстане. Прогрессивное налогообложение может обеспечить более стабильный поток доходов в бюджет, что позволит правительству более эффективно реагировать на вызовы. Однако введение прогрессивной налоговой шкалы сопряжено с рисками, такими как развитие теневой экономики, особенно в условиях экономической неопределенности [15]. Это подчеркивает необходимость разработки эффективных механизмов контроля и повышения налоговой культуры. Прогрессивное налогообложение требует тщательной проработки для минимизации негативных эффектов и обеспечения устойчивого развития экономики. Обзор общей литературы показывает необходимость углубления исследований по вопросу о влиянии глобальных экономических изменений на бюджетную политику страны.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Ввиду глобальных экономических изменений, таких как снижение спроса на экспортную продукцию и нестабильность цен на энергоносители, необходимо пересмотреть фискальную политику, включая налоговые ставки и структуру бюджетных расходов, в целях обеспечения долгосрочной финансовой стабильности. Одним из ключевых инструментов в этом контексте является прогрессивное налогообложение, которое способствует перераспределению доходов, большей социальной справедливости и устойчивому экономическому развитию. В условиях экономической нестабильности прогрессивная шкала налогов способна обеспечить стабильный приток доходов в бюджет, что позволит правительству эффективно реагировать на возникающие проблемы. Однако введение прогрессивного налогообложения связано с такими рисками, как развитие параллельной экономики, что требует создания эффективных механизмов контроля и повышения налоговой культуры. В условиях глобального экономического кризиса и изменений на мировых рынках актуальность исследований по вопросам налоговой политики становится особенно актуальной, подчеркивающей необходимость разработки адаптационных стратегий для обеспечения финансовой жизнеспособности страны. В исследовании подчеркивается важность гибкости налоговой системы, необходимость учета внешнеэкономических факторов в процессе формирования нового налогового кодекса и в целом налогово-бюджетной политики.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В рамках исследования были взяты данные с 2019 по 2024 год для изучения влияния глобальных аспектов на бюджетную систему Казахстана. С 2019 по 2024 год Казахстан столкнулся с рядом глобаль-

ных экономических потрясений, включая пандемию коронавируса, колебания цен на энергоносители, снижение мирового спроса на экспортные товары и санкции против России. Эти факторы оказали значительное влияние на бюджетную политику и макроэкономические показатели в Казахстане [16].

Доходы государственного бюджета Казахстана существенно колеблются в 2019–2024 годах (см. рисунок 1). В 2019 году выручка составила 12895,2 млрд тенге, что соответствует стабильной экономической ситуации и умеренному росту. Однако, значительные изменения начались в 2020 году. Последствия пандемии COVID-19 привели к резкому снижению глобальной экономической активности, что отрицательно сказалось на налогово-бюджетных поступлениях Казахстана. В 2020 году доходы незначительно выросли до 13457,8 млрд тенге, но этот рост был скорее номинальным и не отражает реального улучшения экономической ситуации. В 2021 году, на фоне частичного восстановления мировой экономики, доходы государственного бюджета выросли чуть более чем на 16 млрд тенге. Показатель обусловлен главным образом стабилизацией внутреннего потребления и постепенным восстановлением экспорта. Несмотря на это, существенный рост доходов, достигнув 20399,0 млрд тенге в 2022 году, был вызван воздействием высоких цен на энергоносители и частичным восстановлением мирового спроса. В 2023 году доход достиг максимума и составил 25164,7 млрд тенге, что объясняется краткосрочным повышением цен на нефть и другие экспортные товары. Однако в 2024 году произошло резкое снижение доходов до 10746,8 млрд тенге, что отражает ухудшение внешнеэкономического положения и последствия санкций против России.

Анализ данных промышленного производства Республики Казахстан за период 2019–2024 годов позволяет дополнить картину колебаний государственного бюджета, подтверждая сильное влияние внешнеэкономических факторов на ключевые сектора экономики. В 2020 году, на фоне глобального экономического спада, индекс промышленного производства снизился до 99,5%, что совпадает с замедлением темпов роста бюджетных доходов. Это снижение особенно проявилось в горнодобывающей промышленности (96,3%), включая добычу нефти и газа (95,0%), которые являются основными источниками экспортных поступлений страны. Восстановление промышленности в 2021 году (103,6%) поддержало рост доходов бюджета, что объясняется стабилизацией добычи нефти и металлических руд, обеспечивающих значительную часть экспортной выручки. Существенный рост индекса в 2023 году до 104,4%, в частности, за счёт добычи сырой нефти (106,8%) и металлических руд (108,3%), коррелирует с рекордными доходами бюджета, достигшими 25164,7 млрд тенге благодаря высоким ценам на энергоносители. Однако в 2024 году, несмотря на сохранение положительных темпов роста промышленного производства (104,2%), наблюдается снижение бюджетных доходов до 10746,8 млрд тенге. Этот дисбаланс можно объяснить ослаблением внешнего спроса на казахстанский экспорт и санкциями против России, которые влияют на логистику и цепочки поставок. Таким образом, динамика промышленного производства подчеркивает уязвимость экономики Казахстана перед внешними шоками, что требует диверсификации экспортного портфеля и укрепления несырьевых секторов.

Данные в стране в целом показывают, что поступления из государственного бюджета показывают схожую динамику, однако тут рассматривается бюджет за исключением трансфертов. В итоге в 2019 году объем доходов составил 9688,5 млрд тенге, который в последующий год показал уменьшение на 16 млн, однако уменьшение не столько катастрофично, но тем не менее факт снижения имеется. Частичное восстановление наблюдается уже последующие годы, где показатели в 2021 году выросли на 1,659 млрд тенге, которые продолжили свой рост, а именно в 2022 году составил 15668,1 млрд тенге, а в 2023 году составили 20917,2 млрд тенге. Основным фактором восстановления стало открытие границ после пандемии, соответственно пошел рост цен на энергоносители и более того, страна начала процесс усиления бюджетной дисциплины и начался процесс пересмотра действующей налоговой политики. Однако в 2024 году доходы вновь упали до 8237,3 млрд тенге, что свидетельствует об ухудшении налоговой базы и замедлении экономической активности. Расходы государственного бюджета Казахстана на протяжении всего рассматриваемого периода постоянно росли. В 2019 году расходы составили 14180,5 млрд тенге, что соответствует стабильной макроэкономической ситуации. Однако в 2020 году расходы выросли до 15057,9 млрд тенге из-за необходимости финансирования антикризисных про-

грамм по поддержке экономики в условиях пандемии. В 2021 году расходы продолжали расти, достигнув 18,569 млрд тенге, что объясняется мерами социальной и бизнес-поддержки. В 2022 году расходы составили 22,568.2 млрд тенге, что связано с необходимостью финансирования возросших социальных обязательств и поддержания макроэкономической стабильности. В 2023 году расходы достигли своего пика в 27,975,8 млрд тенге, что связано с осуществлением антикризисных программ и увеличением государственных расходов на инфраструктурные проекты. В 2024 году расходы сократились до 11,006,4 млрд тенге, что отражает меры по ужесточению бюджетной политики и необходимость сокращения бюджетного дефицита.

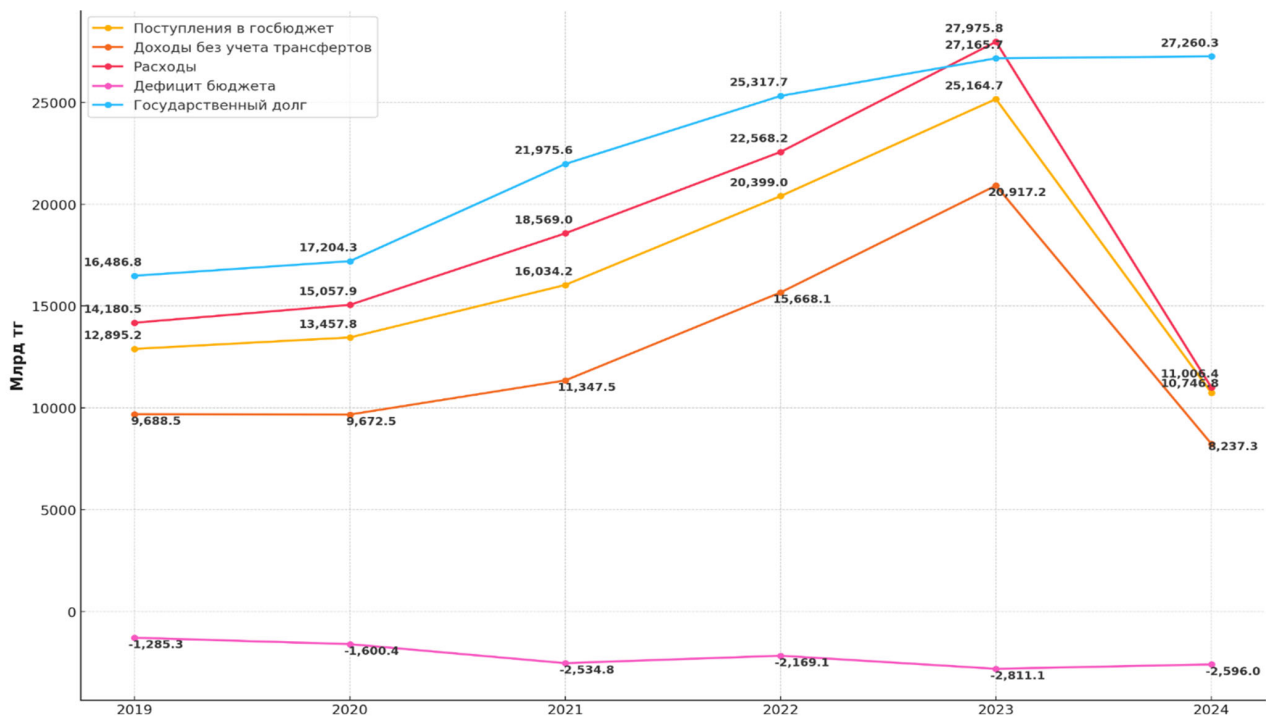

Рисунок 1 – Показателей государственного бюджета Казахстана за 2019 – 2024 гг.

Примечание – данные за 2024 год указаны за полгода, рисунок составлен на основе данных
Министерство национальной экономики Республики Казахстан

Бюджетный дефицит Республики Казахстан в течение рассматриваемого периода был все более высоким. В 2019 году дефицит составил 1285,3 млрд тенге, что соответствует умеренному уровню государственного долга. В 2020 году дефицит составил 1,6 млрд.4 тенге из-за необходимости финансирования антикризисных мер в условиях пандемии. В 2021 году дефицит существенно увеличился до 2534,8 млрд тенге, что свидетельствует об увеличении государственных расходов на фоне недостаточного роста доходов. В 2022 году дефицит сократился до 2169,1 млрд тенге, что связано с частичным восстановлением налогово-бюджетных поступлений и мерами по оптимизации расходов. Однако в 2023 году дефицит вновь вырос до 2811,1 млрд тенге, что связано с реализацией крупномасштабных антикризисных программ и увеличением государственного заимствования. В 2024 году дефицит сократился до 2,596,0 млрд тенге, что свидетельствует об ужесточении бюджетно-финансовой политики и мер по сокращению государственных расходов.

Государственный долг Казахстана значительно вырос в период с 2019 по 2024 год. В 2019 году государственный долг составил 16486,8 млрд тенге, что является умеренным уровнем долгового бремени. Однако в 2020 году задолженность выросла до 17204,3 млрд тенге из-за необходимости финансирования бюджетного дефицита в условиях пандемии. В 2021 году государственный долг продолжал расти

до 21975,6 млрд тенге, что отражает увеличение государственного заимствования на фоне растущего бюджетного дефицита. Государственный долг составил 25,317,7 млрд тенге в 2022 году, а в 2023 году вырос до 27,165,7 млрд тенге, что связано с необходимостью финансирования крупномасштабных антикризисных инициатив и сохранения макроэкономической стабильности. В 2024 году государственный долг слегка вырос до 27260,3 млрд тенге, что свидетельствует о сохранении высокого уровня финансовых обязательств страны.

Последствия глобальных экономических кризисов

Цены на нефть оказывают ключевое влияние на формирование налоговых поступлений в республиканский бюджет Казахстана, что связано с высокой зависимостью экономики страны от экспорта нефти. За период 2019–2024 годов наблюдается стабильная положительная корреляция между мировыми ценами на нефть и динамикой налоговых доходов. Коэффициент корреляции (0,76) свидетельствует о сильной зависимости бюджета от цен на энергоресурсы, а рост нефтяных цен неизменно сопровождается увеличением налоговых поступлений, что подтверждается статистическими данными (Рисунок 2).

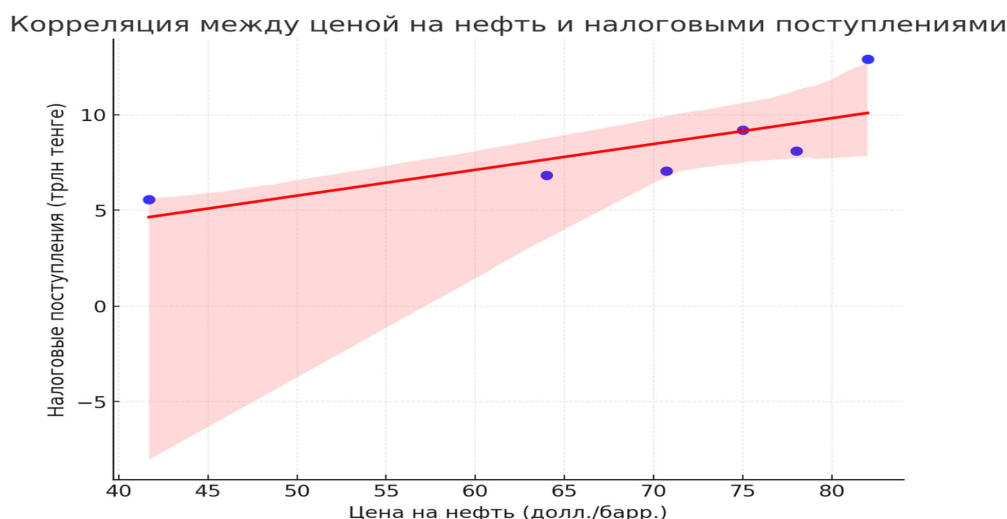

Рисунок 2 – Регрессионный график зависимости налоговых поступлений от цены на нефть (2019–2024 годы)

Примечание – составлено авторами на основе источника [17]

В 2023 году среднегодовая цена на нефть составила \$82 за баррель, что обеспечило максимальные налоговые поступления в размере 12,91 трлн тенге. Эти средства позволили правительству финансировать крупные инфраструктурные проекты, модернизировать энергетический сектор и проводить индексацию социальных расходов. Напротив, в 2020 году, когда цена упала до \$41,7 за баррель из-за пандемии COVID-19, налоговые поступления сократились на 18,4% по сравнению с 2019 годом и составили 5,57 трлн тенге. Ситуация подчеркнула уязвимость бюджетной системы к внешним экономическим шокам. Рост цен на нефть не только увеличивает поступления в бюджет, но и влияет на макроэкономические показатели. Например, матрица корреляции (Рисунок 3) показывает умеренную положительную связь между ценами на нефть и ростом ВВП (0,52), что свидетельствует о косвенном влиянии нефтяных доходов на экономическую активность, особенно в экспортно-ориентированной экономике. Однако высокие цены на нефть могут усиливать инфляцию, что оказывает негативное воздействие на экономический рост. В 2023 году инфляция достигла 14,5%, что привело к дополнительным расходам на индексацию социальных выплат, пенсий и заработных плат.

Для компенсации падения доходов в кризисные периоды Казахстан активно использует трансферты из Национального фонда. Например, в 2020 году объем трансфертов достиг рекордных 4,8 трлн тенге,

что позволило поддерживать социальные и инвестиционные расходы в условиях сокращения экспортных доходов. В 2021 году трансферты составили 4,5 трлн тенге, что дало возможность частично восстановить финансовую устойчивость бюджета и сохранить темпы экономического роста. Чрезмерная зависимость от средств Национального фонда создает риски для долгосрочной финансовой стабильности. В 2024 году планируется сократить трансферты до 2 трлн тенге, что отражает усилия правительства по укреплению финансовой независимости бюджета. Вместе с тем эксперты подчеркивают необходимость повышения эффективности использования этих средств. Например, в 2023 году Национальный банк продал активы фонда на сумму 1,5 млрд долларов для покупки акций «КазМунайГаза», что вызвало критику из-за недостаточной прозрачности таких операций.

Более того, мировые цены на нефть оказывают комплексное влияние на макроэкономические показатели Казахстана, включая рост ВВП, уровень инфляции, объёмы налоговых поступлений и состояние национальной валюты. Экономика Казахстана, будучи экспортно-ориентированной и сильно зависящей от сырьевого сектора, чутко реагирует на изменения на мировом нефтяном рынке. Анализ данных за период 2019–2024 годов показывает наличие значительных корреляций между ценами на нефть и другими экономическими параметрами (Рисунок 3), где взаимосвязи подчеркивают критическую роль нефтяного сектора в формировании макроэкономической устойчивости страны. Цены на нефть оказывают значительное влияние на темпы экономического роста, ведь согласно матрице корреляции, коэффициент корреляции между ценами на нефть и ростом ВВП составляет 0,87, что свидетельствует о сильной положительной взаимосвязи. В периоды роста цен на нефть увеличиваются доходы бюджета, что позволяет финансировать инвестиции в инфраструктуру и другие сектора экономики. Например, в 2021 году, когда цена на нефть поднялась до \$70,7 за баррель, рост ВВП составил 3,4%, что значительно контрастирует с сокращением на 2,6% в 2020 году. Данный эффект обусловлен экспортно-ориентированной структурой экономики, где нефтяной сектор выступает основным драйвером экономической активности. Рост цен на нефть оказывает умеренное влияние на уровень инфляции, что подтверждается корреляцией 0,63. Увеличение доходов от нефти приводит к росту бюджетных расходов, включая индексацию социальных выплат и заработных плат, что создает дополнительное инфляционное давление. Например, в 2023 году инфляция достигла 14,5%, что стало следствием роста цен на энергоносители и увеличения социальных обязательств государства. Высокая инфляция также сказалась на стоимости импорта, что усугубило давление на покупательную способность населения и потребительский спрос.

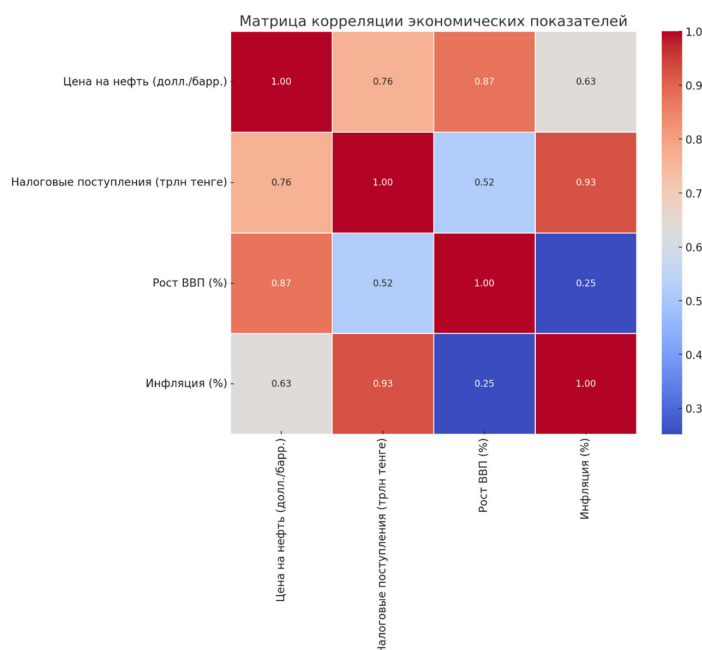

Рисунок 3 – Матрица корреляции экономических показателей Казахстана (2019–2024 годы)

Примечание – составлено авторами на основе источника [18]

Между инфляцией и ростом ВВП наблюдается слабая положительная корреляция (0,25), что отражает сложную природу этой взаимосвязи. В умеренных пределах инфляция может сопровождаться ростом экономики за счёт увеличения государственных расходов и стимулирования экономической активности. Однако чрезмерная инфляция, как в 2023 году, ограничивает рост ВВП из-за снижения покупательной способности и удорожания затрат на производство. Рисунок 3 также показывает высокую корреляцию между налоговыми поступлениями и инфляцией (0,93), что свидетельствует о том, что увеличение доходов бюджета в периоды роста цен на нефть сопровождается инфляционными рисками. В таких условиях правительство вынуждено увеличивать социальные расходы, что дополнительно нагружает бюджет и стимулирует рост цен. Снижение цен на нефть, напротив, ослабляет инфляционное давление, но приводит к сокращению ВВП и налоговых поступлений, что требует дополнительных мер по поддержанию макроэкономической устойчивости, включая использование трансфертов из Национального фонда. Данные матрицы подтверждают, что мировые цены на нефть являются ключевым фактором, определяющим динамику макроэкономических показателей Казахстана. Высокая корреляция с налоговыми поступлениями, ростом ВВП и инфляцией подчёркивает уязвимость экономики к внешним шокам. Для обеспечения макроэкономической стабильности требуется дальнейшая диверсификация экономики, укрепление налоговой базы и разработка механизмов снижения зависимости от волатильности цен на нефть.

Прогрессивность налогов как инструмент стабилизации

Высоко прогрессивная налоговая ставка, означающая более высокие ставки для богатых по сравнению с другими членами общества, может быть полезным инструментом, который наиболее очевиден во время кризисов, когда традиционные источники доходов, такие как экспорт природных ресурсов, могут резко сократиться. Более того увеличение налоговых поступлений из-за прогрессивного налогообложения будет в значительной степени поступать от тех групп и предприятий, которые не особенно чувствительны к колебаниям рынка. Таким образом, это может помочь заменить некоторые потери в доходах, поскольку правительство поддерживает государственные расходы, необходимые для экономической и социальной стабильности, в то время как традиционные источники дохода сокращаются за счет возложения более тяжелого налогового бремени на тех, кто зарабатывает больше, или на прибыльные предприятия. Также с позиции социальных аспектов прогрессивное налогообложение является вопросом социальной справедливости, что может снизить градус протестного настроения в обществе, поскольку в период кризиса наблюдается рост бедности в стране, а некоторые эксперты в данной области говорят и росте работающей бедности [19].

Исследование бюджетных данных Казахстана за 2019–2024 годы позволяет провести экономическую оценку влияния потенциального введения прогрессивного налогообложения и налога на роскошь на финансовую устойчивость государства. Дефицит бюджета за анализируемый период демонстрировал устойчивую тенденцию к увеличению, достигнув пика в -3,12 трлн тенге в 2023 году. Введение дополнительных налоговых механизмов, таких как прогрессивный налог, увеличивающий нагрузку на высокодоходные группы населения, и налог на роскошь, направленный на владельцев дорогостоящего имущества и товаров, может сыграть значительную роль в стабилизации бюджетного баланса. Анализ прогнозируемого эффекта от введения прогрессивного налога (2% дополнительной нагрузки) и налога на роскошь (0,5%) показывает, что в среднем за период с 2019 по 2023 годы дополнительные поступления могли бы составлять от 139,4 млрд до 322,8 млрд тенге ежегодно, что обеспечило бы сокращение дефицита на 6–12%. Например, в 2023 году дополнительные налоговые поступления в размере 322,8 млрд тенге могли бы снизить дефицит с -3,12 трлн тенге до -2,8 трлн тенге.

По данным на сентябрь 2024 года налоговые поступления составили 7,31 трлн тенге, а дефицит бюджета зафиксирован на уровне -2,8 трлн тенге. Прогнозируемые дополнительные поступления от новых налогов составили бы 182,9 млрд тенге, что позволило бы сократить дефицит до -2,62 трлн тенге (см. рисунок 4). Хотя абсолютное значение сокращения дефицита невелико по сравнению с общим объемом обязательств бюджета, данная мера демонстрирует свою эффективность в создании более сбалансированного бюджета.

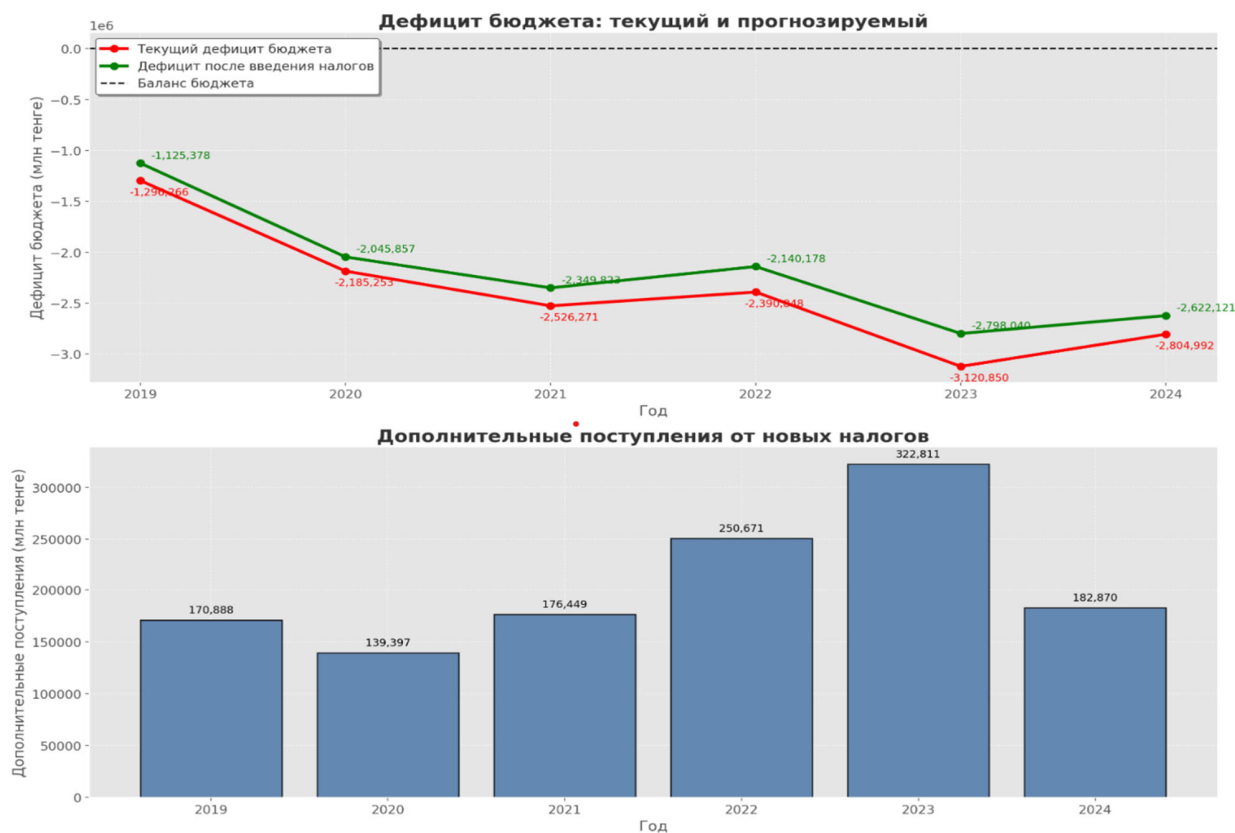

Рисунок 4 – Прогнозирование влияния прогрессивного налогообложения и налога на роскошь на сокращение бюджетного дефицита в Казахстане

Примечание – составлено авторами

Результаты, показанные на рисунке 4 отражает реальные значения дефицита бюджета в Казахстане за период 2019–2024 годов. Дефицит имеет тенденцию к увеличению, достигая максимального значения в 2023 году (-3,12 трлн тенге), что свидетельствует о значительном росте государственных расходов, вероятно, вызванном социально-экономическими обязательствами, такими как поддержка населения в условиях пандемии COVID-19 и реализация крупных государственных программ. Прогнозируемый дефицит показывает, как бюджетный дефицит мог бы сократиться в случае введения прогрессивного налога и налога на роскошь. Например, в 2023 году дефицит уменьшился бы с -3,12 трлн тенге до -2,8 трлн тенге, что демонстрирует снижение на 10,3%. Снижение дефицита, хотя и незначительное в абсолютном выражении, указывает на стабильный эффект от новых налоговых мер. Введение прогрессивного налога и налога на роскошь способно создать устойчивую дополнительную налоговую базу для бюджета, что особенно важно для долгосрочной финансовой стабильности.

Дополнительные поступления увеличиваются в абсолютном значении с 2019 по 2023 годы, что связано с ростом общей налоговой базы. Например, в 2019 году они составили 170,9 млрд тенге, а к 2023 году достигли 322,8 млрд тенге. В 2024 году прогнозируемые дополнительные поступления составляют 182,9 млрд тенге (по данным на сентябрь), что отражает некоторое снижение из-за временного сокращения налоговых поступлений. Дополнительные поступления обеспечивают государству гибкость в управлении бюджетом и финансировании социальных программ. Они являются значительным инструментом для уменьшения бюджетного дефицита и предотвращения роста государственного долга.

Графики показывают, что введение прогрессивного налога и налога на роскошь не только способствует сокращению бюджетного дефицита, но и создает устойчивый поток дополнительных доходов.

Хотя такие меры не смогут полностью устранить дефицит бюджета в краткосрочной перспективе, они обеспечивают важную поддержку для стабилизации финансовой системы и снижения долговой нагрузки. Этот подход также способствует более справедливому распределению налогового бремени между разными социальными группами, что может уменьшить уровень социального неравенства. Долгосрочная эффективность этих мер будет зависеть от способности налоговых органов администрировать новые налоги, минимизировать уклонение от их уплаты и направлять дополнительные ресурсы на приоритетные направления, такие как здравоохранение, образование и инфраструктура.

ВЫВОДЫ

Исследование было посвящено анализу основных глобальных экономических изменений, таких как колебания цен на энергоносители, санкции, изменения в мировой торговле и глобальные кризисы. Было установлено, что в периоды роста цен на энергоносители, как наблюдалось в 2022-2023 годах, доходы государственного бюджета Казахстана значительно выросли, что позволило финансировать крупные инфраструктурные проекты и социальные программы. Однако в 2024 году снижение цен на нефть и экономическая неопределенность привели к снижению налогово-бюджетных поступлений, что потребовало пересмотра приоритетов и сокращения государственных расходов. Кроме того, исследование подтвердило, что глобальные кризисы, включая пандемию COVID-19 и санкции против России, существенно влияют на структуру государственных расходов и доходов. Вынужденное увеличение государственных расходов на поддержку людей и предприятий в контексте пандемии и экономической нестабильности привело к увеличению государственного долга и бюджетного дефицита. Исследование было посвящено анализу возможных мер по адаптации бюджета к условиям глобальных изменений. Прогрессивность налогообложения была отмечена в качестве потенциально эффективного инструмента, который может помочь компенсировать потерю доходов за счет увеличения налоговых поступлений групп с высоким уровнем дохода и прибыльных предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селищева Т.А. Влияние пандемии COVID-19 на экономику стран-членов Евразийского экономического союза и перспективы ее восстановления // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 3(129). – С. 36–42.
2. Бекбосинова А.С. и др. Взаимосвязь между налогами и инфляцией в Республике Казахстан // Qainar Journal of Social Science. – 2024. – Т. 2. – № 4. – С. 64–79.
3. Жакупова М.М., Ханетова А.Б. Параметры фискальной политики Казахстана. – 2023. – 29 с.
4. Юнисов Е.Р. Сравнительный анализ финансовых рынков Центральной Азии: казахстанский опыт // Научные исследования сегодня: сборник статей. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2024. – С. 33–34.
5. Европейский банк реконструкции и развития, PricewaterhouseCoopers. Возможные последствия для бюджета в связи с общемировой тенденцией перехода к более «зеленой» глобальной экономике // Доклад о фискальных рисках. – 2023. – С. 9–43.
6. Bekbusinova G.K. et al. State tax audit in the tax policy of the Republic of Kazakhstan, Vestnik NAN RK. – 2021. – № 6. – Р. 99–106. – DOI: 10.32014/2021.2518-1467.208
7. Tagabay B., Zhagyparova A. The features of the government budget management in Kazakhstan, Economic Series of the Bulletin of the LN Gumilyov ENU. – 2022. – № 4. – Р. 193–201. – DOI: <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2022-4-193-201>
8. Chugunov I., Markuts Y. Budgetary policy of the emerging countries in conditions of institutional transformations, Problems and Perspectives in Management. – 2019. – Vol. 17. – № 4. – Р. 252. – DOI: [http://dx.doi.org/10.21511/ppm.17\(4\).2019.21](http://dx.doi.org/10.21511/ppm.17(4).2019.21)
9. Оразбаева Д.К. Налоговая система в энергетической отрасли Казахстана: общий обзор // Universum: экономика и юриспруденция. – 2024. – Т. 112. – № 2. – С. 48–56. – DOI: 10.32743/UniLaw.2024.112.2.16719

10. Джангарашева А.Р., Омарова А.К. Корпоративный подоходный налог и механизмы его поступления в бюджет Республики Казахстан // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Финансовая система в условиях создания модели устойчивого экономического развития Казахстана». – 2023. – С. 5–9.
11. Балташев Д.С. Анализ функционирования налоговой системы Республики Казахстан на современном этапе // Сборник материалов XVIII Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Gylým jáne bilim - 2023». – Астана, 2023. – С. 4051–4055.
12. Конарбеков М. и др. Роль и значение налогового стимулирования в деловой активности субъектов предпринимательства и увеличении бюджета страны // Кронос: экономические науки. – 2020. – № 1(26). – С. 35–39.
13. Салимбаева Ш.Д. Анализ экономического содержания расходов бюджета Республики Казахстан // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – С. 4–21.
14. Baimagambetov A.A. et al. Progressive Tax Scale as a Factor of Economic Stability of the Budget System of the Republic of Kazakhstan, Public Policy and Administration. – 2021, vol. 20, no. 5, pp. 622–633. – DOI: 10.13165/VPA-21-20-5-06
15. Ismailova R. et al. An Innovative Approach to the Development of Local Self-Government in Kazakhstan: Decentralization of the Budget System. – 2023. – 16 p.
16. Moldabekova G. et al. The impact of oil prices on the macroeconomic indicators of Kazakhstan and the consequences for the formation of social policy, International Journal of Energy Economics and Policy. – 2022, vol. 12, no. 4, pp. 447–454 – DOI: <https://doi.org/10.32479/ijeep.13132>
17. Sembiyeva L. et al. The role of budget planning in improving the efficiency of economic policy in Kazakhstan, Perspektivy Kultury. – 2020, vol. 28, no. 1, pp. 43–68. – DOI: 10.35765/pk.2020.2801.07
18. Alpysbayeva S.N. et al. Formation of Long-Term Fiscal Sustainability of Kazakhstan Using the Rule Structural Budget Balance, Economics: the strategy and practice. – 2021, vol. 16, no. 3, pp. 117–127. – DOI: 10.51176/1997-9967-2021-3-117-127
19. Акмади М. А. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 и её влияние на инициативу «один пояс, один путь» в странах Центральной Азии // Эпоха науки. – 2020. – №. 24. – С. 275–283. – DOI: 10.24411/2409-3203-2020-12457

REFERENCES

1. Selishcheva, T. A. (2021). Vliyanie pandemii COVID-19 na ekonomiku stran-chlenov Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza i perspektivy ee vosstanovleniya [Impact of the COVID-19 pandemic on the economy of the EAEU member states and prospects for its recovery]. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 3(129), 36–42. (In Russian)
2. Bekbosinova, A. S., et al. (2024). Vzaimosvyaz' mezhdu nalogami i infljatsiej v Respublike Kazahstan [The relationship between taxes and inflation in the Republic of Kazakhstan]. Qainar Journal of Social Science, 2(4), 64–79. (In Russian)
3. Zhakupova, M. M., & Khanetova, A. B. (2023). Parametry fiskal'noj politiki Kazahstana [Parameters of Kazakhstan's fiscal policy]. (In Russian)
4. Yunisov, E. R. (2024). Sravnitel'nyj analiz finansovyh rynkov Central'noj Azii: kazahstanskij opyt [Comparative analysis of the financial markets of Central Asia: The Kazakhstan experience]. In Nauchnye issledovaniya segodnya: sbornik statej (pp. 33–34). Petrozavodsk: MCNP “Novaya nauka”. (In Russian)
5. Evropejskij bank rekonstrukcii i razvitiya, & PricewaterhouseCoopers. (2023). Vozmozhnye posledstviya dlya byudzhetna v svyazi s obshhemirovoj tendenciej perehoda k bolee “zelenoj” global'noj ekonomike [Potential budgetary implications of the global trend towards a greener economy]. In Doklad o fiskal'nyh riskah (pp. 9–43). (In Russian)
6. Bekbusinova, G. K., et al. (2021). State tax audit in the tax policy of the Republic of Kazakhstan. Vestnik NAN RK, 6, 99–106, DOI: 10.32014/2021.2518-1467.208

7. Tagabay, B., & Zhagyparova, A. (2022). The features of the government budget management in Kazakhstan. *Economic Series of the Bulletin of the LN Gumilyov ENU*, 4, 193–201, DOI: <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2022-4-193-201>
8. Chugunov, I., & Markuts, Y. (2019). Budgetary policy of the emerging countries in conditions of institutional transformations. *Problems and Perspectives in Management*, 17(4), 252, DOI: [http://dx.doi.org/10.21511/ppm.17\(4\).2019.21](http://dx.doi.org/10.21511/ppm.17(4).2019.21)
9. Orazbaeva, D. K. (2024). *Nalogovaya sistema v energeticheskoy otrasli Kazakhstana: obshchij obzor* [Tax system in the energy sector of Kazakhstan: A general overview]. *Universum: ekonomika i jurisprudenciya*, 112(2), 48–56. (In Russian), DOI: 10.32743/UniLaw.2024.112.2.16719
10. Dzhangarasheva, A. R., & Omarova, A. K. (2023). Korporativnyj podohodnyj nalog i mehanizmy ego postupleniya v byudzh et Respubliki Kazakhstan [Corporate income tax and its collection mechanisms in the budget of the Republic of Kazakhstan]. In *Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Finansovaya sistema v usloviyah sozdaniya modeli ustojchivogo ekonomicheskogo razvitiya Kazakhstana"* (pp. 5–9). (In Russian)
11. Baltashev, D. S. (2023). Analiz funkcionirovaniya nalogovoj sistemy Respubliki Kazakhstan na sovremennom etape [Analysis of the functioning of the tax system of the Republic of Kazakhstan at the present stage]. In *Sbornik materialov XVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i molodyh uchenyh "Gylym jáne bilim - 2023"* (pp. 4051–4055). Astana. (In Russian)
12. Konyrbekov, M., et al. (2020). Rol' i znachenie nalogovogo stimulirovaniya v delovoj aktivnosti sub'ektov predprinimatel'stva i uvelichenii byudzheta strany [The role and importance of tax incentives in the business activity of entrepreneurs and in increasing the country's budget]. *Kronos: ekonomicheskie nauki*, 1(26), 35–39. (In Russian)
13. Salimbaeva, Sh. D. (2022). Analiz ekonomicheskogo soderzhaniya rashodov byudzheta Respubliki Kazakhstan [Analysis of the economic content of the budget expenditures of the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava*, 4–21. (In Russian)
14. Baimagambetov, A. A., et al. (2021). Progressive tax scale as a factor of economic stability of the budget system of the Republic of Kazakhstan. *Public Policy and Administration*, 20(5), 622–633, doi: 10.13165/VPA-21-20-5-06
15. Ismailova, R., et al. (2023). An innovative approach to the development of local self-government in Kazakhstan: Decentralization of the budget system.
16. Moldabekova, G., et al. (2022). The impact of oil prices on the macroeconomic indicators of Kazakhstan and the consequences for the formation of social policy. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 12(4), 447–454, DOI: <https://doi.org/10.32479/ijeep.13132>
17. Sembieva, L., et al. (2020). The role of budget planning in improving the efficiency of economic policy in Kazakhstan. *Perspektywy Kultury*, 28(1), 43–68, DOI: 10.35765/pk.2020.2801.07
18. Alpysbaeva, S. N., et al. (2021). Formation of long-term fiscal sustainability of Kazakhstan using the rule structural budget balance. *Economics: the strategy and practice*, 16(3), 117–127, DOI: 10.51176/1997-9967-2021-3-117-127
19. Akmadi, M. A. (2020). Social'no-ekonomicheskie posledstviya pandemii COVID-19 i ee vliyanie na initsiativu «Odin poyas, Odin put'» v stranah Central'noi Azii [Socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic and its impact on the "One Belt, One Road" initiative in Central Asian countries]. *Epoha nauki*, 24, 275–283. (In Russian) DOI: 10.24411/2409-3203-2020-12457

IMPACT OF GLOBAL ECONOMIC CHANGES ON KAZAKHSTAN'S FISCAL POLICY

B. Tagabay^{1*}, A. Zhagyparova¹

¹Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

ABSTRACT

The aim of this research – is to analyze key global factors, such as fluctuations in energy prices, international sanctions, changes in global trade, and global crises, as well as their impact on the budgetary policy of the country.

Methodology – the study employed various methodological approaches and analytical methods. A collection and analysis of statistical data on the revenues and expenditures of Kazakhstan's state budget over the past five years was conducted. This approach allowed for an assessment of the influence of global economic factors, such as the COVID-19 pandemic, energy price fluctuations, and international sanctions, on the dynamics of budget indicators and the structure of budget revenues. Additionally, a content analysis of literature, including research, analytical reports, and legislative documents related to Kazakhstan's budgetary policy in the context of global economic changes, was carried out.

Research value – the originality of the study lies in the comprehensive analysis of the influence of global factors on Kazakhstan's budgetary policy, providing a holistic view of their impact and leading to practical recommendations for increasing the flexibility of budgetary policy amid global instability. This research significantly contributes to the understanding of financial planning and management mechanisms in developing countries affected by global changes. The practical value of the study lies in the development of recommendations for adjusting Kazakhstan's budgetary policy in the face of global instability.

The research findings – can be used to improve financial planning and to develop strategies for minimizing the negative consequences of global economic changes, contributing to the maintenance of financial stability and sustainable economic growth in the country.

Keywords: fiscal policy, financial stability, world market, budget deficit, currency fluctuations.

ЖАҒАНДЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӨЗГЕРІСТЕРДІҢ ҚАЗАҚСТАННЫҢ БЮДЖЕТ САЯСАТЫНА ӘСЕРІ

Б. Т. Тағабай^{1*}, А. О. Жағыпарова¹

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – энергия тасымалдаушылары бағасының ауытқуы, халықаралық санкциялар, әлемдік саудадағы өзгерістер және жаһандық дағдарыстар сияқты негізгі жаһандық факторларды, сондай-ақ олардың елдің бюджет саясатына әсерін талдау.

Әдіснамасы – зерттеу барысында әртүрлі әдіснамалық тәсілдер мен талдау әдістері қолданылды. Қазақстанның мемлекеттік бюджетінің соңғы бес жылдағы кірістері мен шығыстарына қатысты статистикалық деректер жиналып, талдау жүргізілді. Бұл әдіс жаһандық экономикалық факторлардың, атап айтқанда COVID-19 пандемиясының, энергия тасымалдаушылары бағасының ауытқуының және халықаралық санкциялардың бюджет көрсеткіштерінің динамикасы мен бюджет кірістерінің құрылымына әсерін бағалауға мүмкіндік берді. Сонымен қатар, Қазақстанның жаһандық экономикалық өзгерістер жағдайындағы бюджет саясатына қатысты зерттеулер, аналитикалық есептер және заңнамалық құжаттарды қамтитын әдебиеттерге контент-талдау жүргізілді.

Зерттеудің құндылығы – жұмыстың түпнұсқалығы жаһандық факторлардың Қазақстанның бюджет саясатына әсерін жан-жақты талдауда жатыр, бұл олардың әсерінің тұтас көрінісін алуға және жаһандық тұрақсыздық жағдайында бюджет саясатының икемділігін арттыруға арналған практикалық ұсыныстар әзірлеуге мүмкіндік берді. Бұл зерттеу дамушы елдердің жаһандық өзгерістерден зардап шеккен қаржылық жоспарлау және басқару механизмдерін түсінуге елеулі үлес қосады. Зерттеудің практикалық құндылығы жаһандық тұрақсыздық жағдайында Қазақстанның бюджет саясатын түзету бойынша ұсыныстар әзірлеуде жатыр.

Зерттеу нәтижелері – қаржылық жоспарлауды жақсарту және жаһандық экономикалық өзгерістердің теріс салдарын азайтуға арналған стратегияларды әзірлеу үшін пайдаланылуы мүмкін, бұл елдегі қаржылық тұрақтылықты және тұрақты экономикалық өсуді қолдауға ықпал етеді.

Түйін сөздер: бюджет саясаты, қаржылық тұрақтылық, әлемдік нарық, бюджет тапшылығы, валюталық ауытқулар.

ОБ АВТОРАХ

Тағабай Бекболат – докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, email: tagabai.bekbolat@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5131-1912>*

Жагипарова Аида Орынтаевна – к.э.н., ассоц. профессор, декан экономического факультета, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, email: zhagyparova_aida@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4792-9450>

МРНТИ: 06.58.55

JEL Classification: D31; D33; D61; D63

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-141-151>

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В КАЗАХСТАНЕ: АНАЛИЗ И ОЦЕНКА

А. Н. Жанбырбаева^{1*}, Р. А. Кузембекова¹, Б. Т. Череева²

¹Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

²Esil University, Астана, Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – цель исследования заключается в анализе и оценке экономического неравенства в Казахстане посредством определения предпосылок его возникновения.

Методология – в ходе исследования вопросов экономического неравенства в регионах Казахстана были использованы следующие методы научного познания: методы анализа и синтеза, методы сравнения и обобщения, методы статистического анализа и коэффициентный анализ.

Оригинальность / ценность исследования - исследование посвящено анализу проблем экономического неравенства в Казахстане в разрезе доходов населения и регионов. Авторами проведен литературный обзор, анализ статистических данных, проведено сравнение показателей с зарубежными странами, представлены данные по оценке неравенства регионов Казахстана по критериям: качество жизни, материальные условия и благосостояние. Вместе с этим систематизирована и структурирована информация по проблемам возникновения экономического неравенства и разработке рекомендаций по ее сокращению.

Результаты исследования – по результатам исследования авторами определены проблемные аспекты, порождающие экономическое неравенство среди регионов, выявлены занимаемые ими позиции, а также сформированы рекомендации по сокращению экономического неравенства.

Ключевые слова: экономическое неравенство, коэффициент Джини, неравенство регионов, неравенство доходов, коэффициент Пальмы, неравенство возможностей

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время экономическое неравенство среди населения является одним из препятствий для развития любой страны, поскольку имеет негативные последствия как для экономики, так и для общества. Проблема неравенства наблюдается и в Казахстане. Свидетельством этому, заявление Президента страны Токаева К.К. в январе 2022 года, где подчеркивается, что «разрыв между богатыми и бедными в стране достиг недопустимого уровня» [1]. По данным исследования Halyk Research, более половины населения страны имеет доходы ниже минимальной заработной платы, при этом большая часть доходов расходуется на продукты питания, также около 10 % богатых людей владеют 60 % всех активов домохозяйств, что относит Казахстан в один ряд со странами третьего мира по уровню имущественного неравенства [2]. Наблюдается и экономическое неравенство в разрезе регионов страны, когда крупные города опережают по уровню жизни некоторые регионы. Следовательно, снижение уровня неравенства требует комплексных мер со стороны государства, которые позволят обеспечить баланс между экономическим и социальным развитием страны и общества. Ввиду этого необходимо изучить феномен неравенства и методы борьбы с ним с целью достижения инклюзивного, справедливого и устойчивого роста экономики.

Обзор литературы. Экономическое неравенство является одним из показателей экономического развития любого государства. Данный феномен влияет на экономику, политику, социальное положение в обществе, характеризуется показателями уровня жизни населения, производительностью труда и социальным благополучием.

На уровень экономического неравенства влияет неравномерное развитие регионов. В основе расхождения общества лежит механизм распределения общественных благ среди населения регионов. Данный механизм влечет к возникновению классовых лестниц в экономике. Как отмечала Волкова А. «если возникшие неравномерности подлежат контролю и умеренны, то они не представляют угрозы» [3]. На практике имеются случаи, когда неравномерность может быть благом для государства, если применять эффективные инструменты регулирования. Это наблюдается тогда, когда регион с высоким уровнем развития тянет за собой увеличения показателей развития более отсталых регионов.

Экономист Губанова Е.С. придерживается также позиции о том, что «при изменении неравномерности в процессе прохождения стадии дифференциации до стадии поляризации возникшие социальные и экономические последствия могут иметь угрожающий характер для стабильного развития страны или территории. Это может быть выражено в сокращение занятости, приводящей к социальному напряжению среди населения, а также снижении эффективности и результативности при функционировании экономики в целом» [4].

В области феномена неравенства проводилось достаточно исследований. Одним из ведущих исследовательских центров является Лаборатория Мирового неравенства. По результатам исследования, неравенство среди стран сократилось, а неравенство внутри страны увеличилось. Так, показатель неравенства внутри страны увеличился с 8,5 до 15 по результатам 2020 года [5]. Это говорит о том, что вне зависимости от уровня развития страны всегда существует диспропорциональное распределение благ в обществе [6-8].

Как известно, одной из глобальных целей устойчивого развития является сокращение неравенства, которые принял и Казахстан [9]. Неоднократно главой государства отмечалось, что достижение целей устойчивого развития является приоритетом на национальном уровне. Однако, вопросам экономического неравенства, а именно справедливому распределению благ среди населения, до недавних пор уделялось мало внимания в рамках государственных программ и стратегий. Проблема усугубляется тем, что ежегодно растет уровень бедности в стране, и по прогнозам может достичь 16 % [10]. В этой связи, необходимо провести оценку экономическому неравенству в стране, так как оно является одной из первопричин многих социально-экономических проблем, а также и бедности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Под понятием «неравенства» понимается разница уровня доходов между разными категориями населения, который характеризуется коэффициентом Джини. Данный коэффициент устанавливает степень отклонения доходов между группами от равномерного уровня распределения, чем ближе его значение к единице, тем больше доходы концентрируются в отдельных группах. На рисунке 1 представлена динамика коэффициента Джини за 2001-2022 гг.

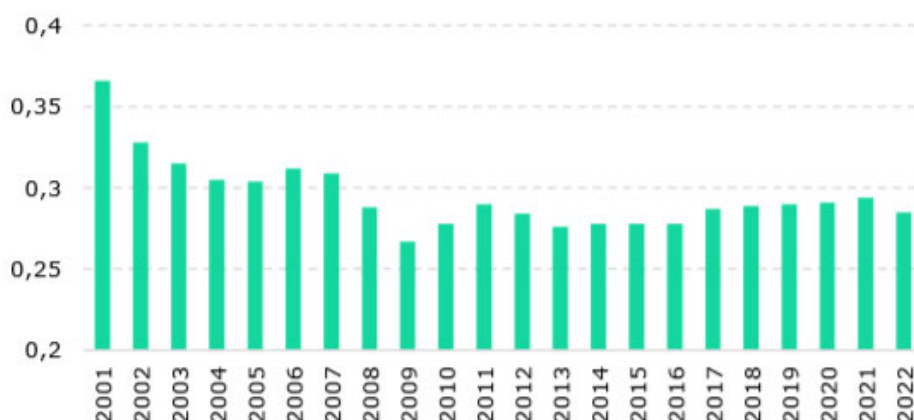

Рисунок 1 – Динамика коэффициента Джини за 2001-2022гг. по Казахстану
Примечание - составлено авторами на основе источника [11]

По результатам 2022 года коэффициент Джини был на уровне 0,280. Как видно из представленной динамики, коэффициент имел тенденцию снижения с 2001 по 2009 годы, достигнут 0,267. Данный период характеризовался высоким ростом экономики, что и послужило значительному снижению неравенства доходов среди населения Казахстана. Однако мировой финансовый кризис привел к снижению доходов, соответственно к повышению значения коэффициента. Но несмотря на колебания на протяжении нескольких лет коэффициент Джини оставался относительно стабильным. Необходимо отметить, что даже в период пандемии COVID-19 коэффициент Джини существенно не изменился.

Если привести сравнение коэффициента Джини с другими странами, то показатель Казахстана является довольно низким, находясь на уровне развитых стран. К примеру, по результатам 2021 года значение коэффициента Джини в Казахстане приблизились к уровню стран Европы, считающиеся эгалитарными странами, где общество имеет равные социальные и гражданские права вне зависимости от групп населения (рисунок 2).

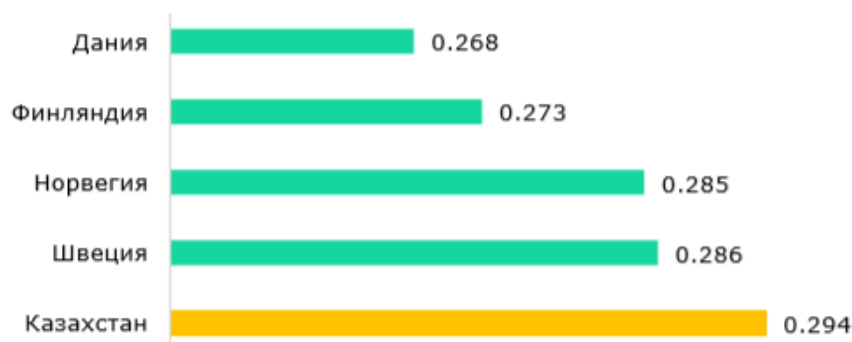

Рисунок 2 – Сравнение коэффициента Джини Казахстана с разными странами
Примечание - составлено авторами на основе источника [2]

Среди стран Центральной Азии за 2022 год самый высокий показатель коэффициента наблюдается в Туркменистане (0,408), Таджикистан (0,340), Узбекистан (0,312), Киргизии (0,297), а самый низкий в Казахстане. В соседней России коэффициент равен 0,395, которая приближена к странам США, Китая. Несмотря на то, что ВВП США и Китая вместе составляют больше 42 % всей мировой экономики, в данных странах наблюдается проблема неравномерного развития среди регионов из-за сильного разрыва в уровнях дохода между группами населения. К примеру, чтобы достичь 1 % богатейшего человека в Китае, среднестатистическому жителю страны необходимо трудиться более 140 лет. При этом среднестатистическому гражданину США нужно будет трудиться еще больше, около 180 лет. По статистическим данным в 2022 году 10 % богатого населения мира владели 76 % мировых активов, а бедное население - всего 2 %.

Безусловно, то, что значение коэффициента Джини низкое, не говорит об отсутствии неравенства доходов в Казахстане, или же решение данной проблемы. Скорее всего, это из-за уровня доходов по стране, являющиеся низкими по стандартам стран ОЭСР, тем самым особо не выделяющиеся между группами населения.

Экономическое неравенство также выражается концентрацией доходов. В таблице 1 представлены данные по концентрации доходов в Казахстане, из которой видно, что по итогам первого полугодия 2023 года на топ 10 % населения с самым высоким доходом приходится четвертая часть общих доходов, на 20 % приходится 39,34 %, на 30 % - 51,26 %.

Таблица 1 – Распределение доходов по децильным группам за первое полугодие 2023 года

Децили	Интервал доходов, тенге	Доля в общих доходах, в %	Среднемесячный доход на душу населения, тенге
1	0-43801	4,12	36383
2	43802-50258	5,34	47200
3	50259-56793	6,04	53400
4	56794-63810	6,82	60243
5	63811-72204	7,66	67710
6	72205-82063	8,71	77051
7	82064-96057	10,05	88887
8	96058-116049	11,92	105417
9	116050-150484	14,80	130838
10	150485-1802541	24,54	217807
Примечание - составлено авторами на основе источника [11]			

Для более глубокого анализа проведем расчет коэффициентов фондов и Пальмы, которые дают оценку дифференциации доходов [12,13].

Коэффициент фондов рассчитывается по следующей формуле:

$$K_{\phi} = \frac{\text{доходы 10\% населения верхнего уровня}}{\text{доходы 10\% населения нижнего уровня}}, \quad (1)$$

Коэффициент Пальмы рассчитывается по следующей формуле:

$$K_{\text{пальма}} = \frac{\text{доходы 10\% населения верхнего уровня}}{\text{доходы 40\% населения нижнего уровня}}, \quad (2)$$

Используя данные, представленные в таблице, по итогам первого полугодия 2023 года коэффициент фондов 5,98 (24,54 / 4,12), то есть доходы 10% населения с высокими доходами в Казахстане превышает в 5,98 раз доходы 10% населения с самыми низкими доходами.

За этот же период, коэффициент Пальмы составил 1,1 (24,54 / 22,32), то есть доходы 10% с высокими доходами населения превышают в 1,1 раз доходы 40% населения с самыми низкими доходами.

По данным статистики за 2001-2022 годы значение обоих коэффициентов сократилось в 1,5 раз. Но также, как и с коэффициентом Джини, сильная тенденция к снижению наблюдалась до мирового финансового кризиса, а после находились на том же уровне, что свидетельствует об устойчивом характере неравенства доходов в Казахстане.

Далее проведем сравнение представленных коэффициентов со значениями зарубежных стран. По сравнению со странами Северной Европы коэффициент фондов в Казахстане в 2 раза выше, тогда как коэффициент Пальмы находится примерно на одном уровне (рисунок 3).

Рисунок 3 – Коэффициенты фондов и Пальмы за 2021 год
Примечание: составлено автором на основании источника [2]

По данным рисунка видно, что концентрация доходов для Казахстана является более глубокой проблемой для населения из уровня нижнего дециля.

В Казахстане имеется проблема с доходами, и она в основном заключается в их низком уровне. По данным за 2021 год чистый национальный доход в Казахстане составлял 6,6 тыс. долл. США на душу населения, при этом в странах Северной Европы их значение намного выше (рисунок 4).

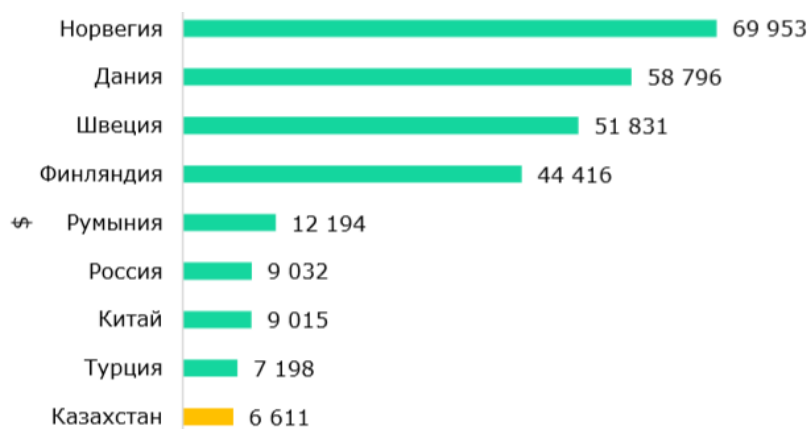

Рисунок 4 – Чистый национальный доход на душу населения в разных странах за 2021 год
Примечание: составлено автором на основании источника [2]

Из представленных стран, уровень дохода в Казахстане является наименьшим. К примеру, по сравнению с Норвегией уровень доходов в Казахстане в 10 раз меньше, также уровень доходов соседних стран Китая и России заметно превышают уровень нашей страны.

Следовательно, из представленного выше анализа можно сделать вывод, что среди ключевых проблем неравенства доходов можно назвать низкий уровень доходов и их концентрация. Вместе с этим, беспокойство вызывают доходы приходящиеся на душу населения, находящиеся на уровне ниже прожиточного минимума.

Неравенство доходов приводят к неравенству возможностей. Под неравенством возможностей подразумевается результат неравного доступа к возможностям для образования, здравоохранения, работе и социальной мобильности [14].

Одним из подходов к оценке неравенности возможностей является оценка регионального неравенства, а именно, отсутствие доступа к равным возможностям из-за места проживания человека.

Как известно, в Казахстане присутствует неравенство возможностей между регионами из их расположения, климатических особенностей, ресурсов и прочее. Региональное неравенство также оценивается коэффициентом Джини по доходам.

Результаты исследования Nalyk Finance показали, что самые высокие значения коэффициента Джини в первом полугодие 2023 года были в регионах Восточно-Казахстанской области, Павлодарской области, Улытауской и Северо-Казахстанской областях, в которых значение коэффициента не превышало 0,3. В данных регионах расслоение на бедных и богатых групп населения значительно выделяется, так как у среднестатистического жителя не высокие доходы. В Мангистауской и Атырауской областях коэффициент имеет низкое значение. В основном, это связано с тем, что в нефтедобывающих регионах высокий уровень доходов.

Как уже отмечалось, неравенство возможностей – это не только экономические различия в доходах среди регионов, но и доступ к базовым услугам и возможностям. В 2022 году АБР был проведен опрос среди домохозяйств Казахстана с целью оценки уровня их благосостояния [15]. В исследовании уровень благосостояния измерялся по трем критериям: субъективная оценка благосостояния, материальные условия и качество жизни. В результате чего, был рассчитан региональный индекс благосостояния, который показывает масштабы неравенства возможностей по регионам страны.

За 2022 год лидерами по индексу благосостояния являются Северо-Казахстанская, Атырауская, Актыбинская области и г. Астана (таблица 2). Затем идут мегаполисы страны г. Алматы и г. Шымкент, Мангистауская и Карагандинская области. Низкий уровень благосостояния демонстрируют Жамбылская, Павлодарская и Кызылординская области. Следовательно, среди регионов Казахстана высокие показатели благосостояния наблюдаются в северных, западных регионах и мегаполисах, а худшие – в южных и восточных регионах.

Таблица 2 – Региональный индекс благосостояния

Ранг	Наименование региона	Индекс	По критериям		
			материальные условия	качество жизни	субъективное благосостояние
1	СКО	0,27	Карагандинская	СКО	г. Алматы
2	Атырауская	0,26	г. Астана	Актыбинская	Атырауская
3	Актыбинская	0,19	Кызылординская	г. Астана	г. Шымкент
4	г. Астана	0,14	Атырауская	Атырауская	Алматинская
5	г. Алматы	0,14	Актыбинская	г. Шымкент	Карагандинская
6	Караганды обл.	0,11	Сев-Каз.обл.	Зап-Каз.обл.	Костанай обл.
7	г. Шымкент	0,11	Мангистау обл.	Вост-Каз.обл.	Актыбе обл.
8	Мангистау обл.	0,02	Костанай обл.	Мангистау обл.	Вост-Каз.обл.
9	Алматы обл.	-0,01	Зап-Каз.обл.	г. Алматы	Мангистау обл.
10	Вост-Каз.обл.	-0,04	Акмола обл.	Павлодар обл.	Туркестан обл.
11	Зап-Каз.обл.	-0,05	г. Шымкент	Алматы обл.	Акмола обл.
12	Костанай обл.	-0,12	г. Алматы	Туркестан обл.	Сев-Каз.обл.
13	Акмола обл.	-0,14	Алматы обл.	Караганды обл.	г. Астана
14	Туркестан обл.	-0,18	Жамбыл обл.	Акмола обл.	Зап-Каз.обл.
15	Кызылорда обл.	-0,24	Павлодар обл.	Кызылорда обл.	Кызылорда обл.
16	Павлодар обл.	-0,27	Вост-Каз.обл.	Костанай обл.	Жамбыл обл.
17	Жамбылская	-0,41	Туркестанская	Жамбылская	Павлодарская

Примечание: составлено автором на основании источника [15]

В таблице 2 представлена информация и по отдельным оценочным критериям, из которых видно, что по материальным условиям лидерами являются Карагандинская область и г. Астана. Павлодарская, Восточно-Казахстанская и Туркестанская области показывают наихудших результат, который говорит о низкой удовлетворенности финансовым положением в регионах, и низких доходах. При оценке материальных условий рассматривались показатели уровня доходов, работа и жилищные условия в регионах.

По второму критерию – уровень качества жизни, проводилась оценка социального капитала, инфраструктуры, сфер здравоохранения и образования, уровня окружающей среды и личной безопасности, а также гражданского общества и государственного управления в регионах. По качеству жизни лидируют Северо-Казахстанская, Актюбинская области и г. Астана. Необходимо отметить, что есть регионы с высокой степенью материальных условий, но при этом имеют низкую оценку по качеству жизни. К таким регионам, согласно рейтингу, относятся Карагандинская и Кызылординская области. Или же Восточно-Казахстанская область, стоящая на 16-м месте по материальным условиям, и поднявшаяся на 7-му позицию по уровню качества жизни. Наименьшую оценку по качеству жизни среди регионов имеют Костанайская и Жамбылская области.

По оценке субъективного благосостояния лидирует г. Алматы, то есть жители данного мегаполиса вполне удовлетворены жизнью. Затем по уровню удовлетворенностью жизни следуют Атырауская область и г. Шымкент. На последних местах среди регионов по оценке удовлетворенности жизнью находятся Кызылординская, Жамбылская и Павлодарская области. Интересно, но столица Казахстана по данному критерию разместились только на 13-й позиции, хотя по предыдущим критериям входила в тройку лидеров.

Таким образом, в Казахстане наблюдается неравенство возможностей среди регионов. В особенности, высокий уровень неравенства наблюдается в южных и восточных регионах страны, которые показали наименьшую оценку по оценочным критериям. В этой связи государству требуется усилить региональную политику с целью сокращения экономического неравенства.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Как показал проведенный анализ, для стабильного экономического роста Казахстана необходимо сокращать степень экономического неравенства, которая базируется на региональном неравенстве. Речь идет не только об экономике, но также и здравоохранение, обеспечением жилья, образования, продолжительности жизни, кредитной нагрузки и прочие сферы, в которых фиксируются большие диспропорции в разрезе регионов.

По мнению многих экспертов, экономическое неравенство в регионах возникает из-за природных ресурсов, которыми они обладают. К примеру, в Атырауской и Мангистауской областях есть нефть, и среди всех регионов они являются самыми богатыми. Но при этом, основное население данных регионов живут ниже среднего уровня, у которых нет равного доступа ко всем экономическим благам, и зачастую они являются сосредоточием массового недовольства. Если взять сельскохозяйственные регионы Казахстана, такие как Жамбылская и Туркестанская области, имеющие высокие показатели неравенства, с низкой производительностью и высоким уровнем бедности. Несмотря на наличие ресурсов, показатели неравенства в регионах растут, и одной из причин, возможно это неэффективное управление и распределение имеющихся ресурсов. Эффективное использование ресурсов повышает не только экономические показатели, но и социальные, развивая инфраструктурные объекты, обеспечивающие благосостояние населения. Рост уровня благосостояния населения непосредственно находит свое отражение на степени удовлетворенности жизни в регионах.

В Казахстане есть добывающие регионы, которые ориентированы на добычу полезных ископаемых, также есть сельскохозяйственные регионы, занятые вспахиванием полей и сбором урожая. Города Астана и Алматы являются финансовыми центрами страны, которые сосредоточили в себе операции с финансовыми ресурсами. Большая часть дохода в виде процентной прибыли от банковских ссуд генерируется в городе Алматы.

Согласно статистическим данным регионы, занимающиеся добычей, обеспечивают рост национальной экономики на 42 %. Финансовые центры страны (г.Алматы, г.Астана) генерируют 32 % роста экономики. Следовательно, на данные регионы приходится 74 % национального богатства страны. Остальные 20-26 % роста экономики приходится на другие регионы Казахстана.

Как известно, если в каком-либо регионе наблюдается нехватка ресурсов, то это покрывается за счет трансфертов. То есть, финансовые ресурсы перемещаются или же перераспределяются от одного региона страны в другой регион, из одной социальной группы в другую. Государству необходимо своевременно выявлять проблемные зоны в регионе, чтобы оказать поддержку, не доводя до социальных конфликтов.

К сожалению, не всегда можно достичь высокого уровня за счет получения субсидий из других регионов, которые более производительны. В этой связи, регионам необходимо вырабатывать альтернативные источники извлечения собственного дохода для содержания и развития региона. Местным исполнителям власти сделать акцент на повышение инвестиционной привлекательности региона, наращивать имеющие производства за счет новых технологий, развивать инфраструктуру. Из-за отсутствия стратегически важных ресурсов в регионе, многие регионы остаются в стороне, имея незначительное финансирование со стороны вышестоящего бюджета. Это не должно быть преградой в развитие региона, при эффективном управлении можно достичь показателей продуктивных регионов.

Следовательно, неравенство регионов не заключается только на неравенстве доходов, но и низком уровне доступности к различным видам благ, что становится первопричиной для построения комфортной жизни населения регионов.

В качестве рекомендаций по сокращению экономического неравенства можно предложить:

Переход к прогрессивной школе налогообложения. Это является одним из инструментов борьбы с экономическим неравенством во всем мире. В Казахстане до 2007 года действовал данный налоговый механизм, но позже произошел переход к единой ставке налогообложения дохода. На сегодня идет обсуждение о возврате прогрессивной ставки налогообложения, но есть вероятность роста теневой экономики для избегания оплаты высоких налогов.

Данный налоговый механизм формирует благоприятную социально-экономическую систему, распределяя доходы справедливым образом. Также способствовал увеличению не нефтяных доходов бюджета, который на сегодня имеет очень низкий уровень.

Необходимо отметить, что ОЭСР также рекомендует Казахстану, вернуться к прогрессивной шкале, но с одним условием: после внедрения системы всеобщего декларирования доходов и расходов населения. Действительно, данную шкалу налогообложения необходимо внедрять только после полноценного видения доходов и расходов населения.

Создание пространственной экономики. Пространственная экономика позволит улучшить взаимодействие среди населения городской и сельской местности. Политика государства должна быть рассмотрена с учетом опыта провалов, предыдущих кризисов. Совершенствовать платформы для социального взаимодействия, применяя цифровые технологии, а также дать возможность к выполнению работ в удаленном формате. Предпосылкой этому является малочисленный внутренний рынок Казахстана, при котором удаленный формат работы позволит увеличить работ и услуг на рынке труда. Это может повысить доходы и уровень жизни населения вне зависимости от отдаленности региона.

Таким образом, решение проблем экономического неравенства требует согласованных усилий государства с учетом потребностей не только регионов, но и граждан. Сокращение разрыва между богатыми и бедными слоями населения, а также содействие в развитие менее развитых регионов Казахстана позволит достичь поставленных социально-экономических целей быстрее, поскольку в экономическое развитие страны внесет свой вклад каждый регион. Активное использование цифровых технологий как в быту, так и на государственном уровне, открывает возможности для создания комфортной жизни населения, тем самым снижая показатели экономического неравенства в стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Токаев К.К. Обращение Президента РК от 21 января 2022 г. [электронный ресурс] – URL: <https://www.zakon.kz/politika/6004898-razryv-mezhdu-bogatymi-i-bednymi-poprostu-dostig-nedopustimogo-urovnia-tokaev.html> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Экономическое неравенство населения в Казахстане / Аналитический центр «Halyk Research», 2024. – 17 с.
3. Волкова А. Проблемные аспекты управления неравномерностью социально-экономического развития региона и пути их преодоления // Регион: системы, экономика, управление. – 2019. – № 4(47). – С. 10–14.
4. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 1. — С. 58–75.
5. Доклад о неравенстве в мире 2022, World Inequality Lab, 2021 г. [электронный ресурс] – URL: https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2021/12/Summary_WorldInequalityReport2022_Russian.pdf (дата обращения: 25.05.2025).
6. Piketty T., Saez E., Zucman G. Distributional National Accounts: Methods and Estimates for the United States // Quarterly Journal of Economics, 2018. – Vol. 133. – № 2. – С. 519–578.
7. Lindert P.H. Rise and Future of Progressive Redistribution. Tulane: CEQ Institute. // CEQ Working Paper, 2017. – № 73.
8. Капелюшников Р.И. Экономическое неравенство – вселенское зло? – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 28 с.
9. Цели устойчивого развития [электронный ресурс] – URL: <https://egov.kz/cms/ru/zur> (дата обращения: 25.05.2025).
10. World Bank: «Poverty & Equity Brief: Kazakhstan» [электронный ресурс] – URL: [Global_POVEQ_KAZ.pdf](https://www.worldbank.org/publications/POVEQ_KAZ.pdf) (worldbank.org) (дата обращения: 25.05.2025).
11. Официальный сайт Бюро Национальной статистики АСПиР РК [электронный ресурс] – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/6445/> (дата обращения: 25.05.2025).
12. Atkinson A., Bourguignon F. (eds) Handbook of Income Distribution, v. 1. Elsevier North-Holland, Amsterdam. – С. 918, 38.
13. Palma, José Gabriel. Homogeneous middles vs. heterogeneous tails, and the end of the ‘Inverted-U’: the share of the rich is what it’s all about. Cambridge Working Papers in Economics (CWPE) 1111. Cambridge University. – URL: <http://www.econ.cam.ac.uk/research-files/repec/cam/pdf/cwpe1111.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).
14. Усманов Д.И. Теоретико-методологические основы экономического неравенства регионов // Вестник БГТУ имени В.Г. Шухова. – 2018. – № 2. [электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-ekonomicheskogo-neravenstva-regionov> (дата обращения: 25.05.2025).
15. ADB: «Regional Well-Being Across Kazakhstan» – 2023. – URL: <https://www.adb.org/publications/regional-well-beingkazakhstan-survey-data> (дата обращения: 25.05.2025).

REFERENCES

1. Tokayev, K.K. (2022, January 21). Obrashchenie Prezidenta RK. Retrieved May 25, 2025, from <https://www.zakon.kz/politika/6004898-razryv-mezhdu-bogatymi-i-bednymi-poprostu-dostig-nedopustimogo-urovnia-tokaev.html> (in Russian)
2. Ekonomicheskoe neravenstvo naseleniya v Kazakhstane / Analiticheskiy tsentr «Halyk Research» (2024). – 17. (in Russian)

3. Volkova, A. (2019). Problemmnye aspekty upravleniya neravnomernost'yu sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona i puti ikh preodoleniya. Region: sistemy, ekonomika, upravlenie, 4(47), 10–14. (in Russian)
4. Gubanova, E.S., & Klesh, V.S. (2017). Metodologicheskie aspekty analiza urovnya neravnomernosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz, 10(1), 58–75. (in Russian)
5. World Inequality Lab. (2021). Doklad o neravenstve v mire 2022 [World Inequality Report 2022]. Retrieved May 25, 2025, from https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2021/12/Summary_WorldInequalityReport2022_Russian.pdf (in Russian)
6. Piketty, T., Saez, E., & Zucman, G. (2018). Distributional national accounts: Methods and estimates for the United States. Quarterly Journal of Economics, 133(2), 519–578.
7. Lindert, P.H. (2017). Rise and future of progressive redistribution. Tulane: CEQ Institute. CEQ Working Paper, 73.
8. Kapelyushnikov, R.I. (2019). Ekonomicheskoe neravenstvo – vselennoe zlo? Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 28 s. (in Russian)
9. Tseli ustoychivogo razvitiya [Sustainable Development Goals]. (n.d.). Retrieved May 25, 2025, from <https://egov.kz/cms/ru/zur> (in Russian)
10. World Bank. (2023). Poverty & equity brief: Kazakhstan. Retrieved May 25, 2025, from <https://www.worldbank.org/en/country/kazakhstan>
11. Ofitsial'nyy sayt Byuro Natsional'noy statistiki ASPiR RK [Official website of the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan]. (n.d.). Retrieved May 25, 2025, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/6445/> (in Russian)
12. Atkinson, A., & Bourguignon, F. (Eds.). (n.d.). Handbook of income distribution, v. 1. Amsterdam: Elsevier North-Holland, 918–938.
13. Palma, J.G. (n.d.). Homogeneous middles vs. heterogeneous tails, and the end of the 'Inverted-U': The share of the rich is what it's all about. Cambridge Working Papers in Economics, 1111. Retrieved May 25, 2025, from <http://www.econ.cam.ac.uk/research-files/repec/cam/pdf/cwpe1111.pdf>
14. Usmanov, D.I. (2018). Teoretiko-metodologicheskie osnovy ekonomicheskogo neravenstva regionov. Vestnik BGTU imeni V.G. Shukhova, 2. Retrieved May 25, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-ekonomicheskogo-neravenstva-regionov> (in Russian)
15. Asian Development Bank (ADB). (2023). Regional well-being across Kazakhstan. Retrieved May 25, 2025, from <https://www.adb.org/publications/regional-well-beingkazakhstan-survey-data>

ECONOMIC INEQUALITY IN KAZAKHSTAN: ANALYSIS AND EVALUATION

A. N. Zhanbyrbaeva^{1*}, R. A. Kuzembekova¹, B. T. Chereyeva²

¹Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

²Esil University, Astana, Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research – the purpose of the study is to analyze and assess economic inequality in Kazakhstan by determining the prerequisites for its occurrence.

Methodology – In the course of the study of economic inequality in the regions of Kazakhstan, the following methods of scientific knowledge were used: methods of analysis and synthesis, methods of comparison and generalization, methods of statistical analysis and coefficient analysis.

Originality / value – the study is devoted to the analysis of the problems of economic inequality in Kazakhstan in terms of income of the population and regions. The authors conducted a literary review, analyzed statistical data, compared indicators with foreign countries, presented data on the assessment of inequality in the regions of Kazakhstan according to the criteria: quality of life, material conditions and well-being. At the same time,

information on the problems of economic inequality and the development of recommendations for its reduction has been systematized and structured.

Findings – the results of the study. According to the results of the study, the authors identified problematic aspects that generate economic inequality among the regions, identified their positions, and formed recommendations to reduce economic inequality.

Keywords: economic inequality, Gini coefficient, regional inequality, income inequality, Palma coefficient, inequality of opportunities

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТЕҢСІЗДІК: ТАЛДАУ ЖӘНЕ БАҒАЛАУ

А. Н. Жанбырбаева^{1*}, Р. А. Кузембекова¹, Б. Т. Череева²

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан

²Esil University, Астана, Қазақстан

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – зерттеудің мақсаты оның пайда болуының алғышарттарын айқындау арқылы Қазақстандағы экономикалық теңсіздікті талдау және бағалау болып табылады.

Әдіснамасы – қазақстан өңірлеріндегі экономикалық теңсіздік мәселелерін зерттеу барысында ғылыми танымның мынадай әдістері пайдаланылды: талдау және синтез әдістері, салыстыру және жалпылау әдістері, статистикалық талдау әдістері және коэффициенттік талдау.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – зерттеу халық пен өңірлердің табысы тұрғысынан Қазақстандағы экономикалық теңсіздік проблемаларын талдауға арналған. Авторлар әдеби шолу, статистикалық деректерді талдау, көрсеткіштерді шет елдермен салыстыру жүргізді, өмір сапасы, материалдық жағдайлар және әл-ауқат критерийлері бойынша Қазақстан өңірлерінің теңсіздігін Бағалау жөніндегі деректерді ұсынды. Сонымен қатар, экономикалық теңсіздіктің туындау проблемалары және оны қысқарту бойынша ұсыныстар әзірлеу бойынша ақпарат жүйеленген және құрылымдалған.

Зерттеу нәтижелері – зерттеу нәтижелері бойынша авторлар аймақтар арасында экономикалық теңсіздікті тудыратын проблемалық аспектілерді анықтады, олардың ұстанымдары анықталды, сондай-ақ экономикалық теңсіздікті азайту бойынша ұсыныстар жасалды.

Түйін сөздер: экономикалық теңсіздік, Джини коэффициенті, аймақтық теңсіздік, табыс теңсіздігі, Пальма коэффициенті, мүмкіндіктер теңсіздігі

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Жанбырбаева Ардактыгуль Нуржауовна – PhD, Университет Нархоз, Алматы, Казахстан, email: ardak.zhanbyrbaeva@narхоз.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9089-1737>

Кузембекова Роза Абдумуталиповна – старший преподаватель, Университет Нархоз, Алматы, Казахстан, email: roza.kuzembekova@narхоз.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-6416>

Череева Бахытгуль Тулегеновна – PhD, Esil University, Астана, Казахстан, email: b_chereyeva@mail.ru

MPHTI: 06.71.01

JEL Classification: Q01

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-152-165>

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРЕХОДА К «ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКЕ НА ОСНОВЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БРЕНДИНГА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

М. А. Амирова^{1*}, Л. М. Давиденко¹, С. К. Кунызова¹

¹НАО «Торайгыров университет», Павлодар, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования состоит в глубоком анализе отечественного и международного опыта по переходу к «зеленой» экономике, обосновании развития зеленого роста на основе экологического брендинга как общепризнанного мирового тренда.

Методология исследования: в данном исследовании были применены такие подходы, как сравнительный, системный, диалектический, а также обзор научной литературы для определения тенденций в концепции перехода «зеленой» экономике.

Оригинальность/ценность исследования: заключается в обосновании актуальности концепции перехода к «зеленой» экономике в Казахстане и ряде зарубежных стран на основе экологического брендинга как активного драйвера экономического роста для достижения Целей устойчивого развития.

Результаты исследования: рассмотрены основные этапы эволюции перехода к «зеленой» экономике в Республике Казахстан, ключевые направления как инструмента обеспечения национальной экономической и экологической безопасности. Определена потребность в инвестициях по переходу к «зеленому росту», выявлены препятствия и сдерживающие барьеры для развития и внедрения возобновляемых источников энергии. Рассмотрен опыт ряда стран мира по переходу к «зеленой» экономике как важнейший аспект решения масштабных экологических, социальных и экономических проблем. Исследованы возможности использования отдельных аспектов международного опыта в Казахстане для дальнейшего развития «зеленой» экономики на основе экологизации с учетом экономической и социальной специфики.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, «зеленый рост», возобновляемые источники энергии, экологически чистые технологии, экологическая устойчивость.

Благодарность: Данное исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19676924 «Разработка технологии и продвижение экологического брендинга промышленного комплекса региона»).

ВВЕДЕНИЕ

Развитие «зеленой» экономики является общепризнанным мировым трендом, и различные страны и регионы мира принимают различные подходы к его осуществлению, учитывая свою национальную экономическую и социальную специфику.

Одним из приоритетных направлений устойчивого развития многих экономик мира является наиболее эффективное использование имеющихся ограниченных ресурсов и сокращения оказания вредного воздействия на окружающую среду. В связи с этим дальнейшее сбалансированное развитие привело к концепции перехода к «зеленой» экономике как одного из главных составляющих экономических политик.

В последние десятилетия концепция развития «зеленой» экономики выступает активным драйвером экономического роста, содействуя достижению Целей устойчивого развития на глобальном уровне, что подтверждает актуальность данного исследования.

Обзор литературы. Началом для перехода к концепции зеленого роста в Казахстане стало участие в Саммите Земли, и впоследствии взявший курс на обеспечение экологически безопасного развития страны. Как следствие была принята программа «Повестка дня на XXI век» и декларация Всемирного Саммита по устойчивому развитию [1; 2].

Для успешной реализации концепции перехода к экологически устойчивой экономике необходима глубокая трансформация с учетом зеленых технологий на основе инновационной экономики.

В 1996 году была принята Концепция общественной и экологической безопасности Республики Казахстан. На ее основе были разработаны основополагающие экологические законы Республики Казахстан «Об охране окружающей среды», «Об экологической экспертизе», «Об охране атмосферного воздуха» и др. [3].

В дальнейшем на основании Стратегии «Казахстан-2030» были разработаны и приняты ряд стратегических программных документов по достижению равновесия таких аспектов развития как социальных, экономических и экологических как основы улучшения качества жизни населения страны и усиления его конкурентных позиций на перспективу [4].

Во многих зарубежных странах мира трансформация к зеленой экономике проводилась на основе их национальных и социально-экономических особенностей [5; 6].

Актуальность данного вопроса и недостаточность ее освещения в отечественной литературе предопределило более углубленного изучения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В Казахстане, где экономика тесно взаимосвязана с добычей и экспортом природных ресурсов переход к зеленому росту развития является одним из ключевых приоритетов. Значимыми проблемными вопросами отечественной экономики является в первую очередь структурная несбалансированность, наличие социально-экономических и экологических вызовов, а также сильная зависимость от экспорта сырьевых товаров. Это делает страну уязвимой к колебаниям мировых цен на сырье и может приводить к нестабильности в экономике. Развитие других отраслей экономики, таких как производство, услуги, инновации и туризм, может помочь диверсифицировать экономику и снизить зависимость от экспорта сырья.

В отношении экологических проблем, Казахстан сталкивается с вызовами, такими как нехватка водных ресурсов, высокие энергозатраты и не рациональное использование природных ресурсов. Решение приведенных проблем в стране возможно лишь на основе проведения всесторонней политики и эффективного сотрудничества на различных уровнях. В связи с этим достижение устойчивого развития Казахстана возможно на основе активного сотрудничества с региональными и международными партнерами, а также правительством страны ведется работа по реализации реформ, разрабатываются стратегии и программы [7].

На сегодняшний день политика в области экологии реализуется в рамках Стратегии «Казахстан-2050», в которой обозначены четкие ориентиры по трансформации страны на «зеленый рост» развития на основе построения устойчивой и эффективной модели экономики. В связи с этим новым направлением в 2013 году была принята Концепция по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике».

Актуальность перехода Казахстана на зеленый курс экономического развития предопределено тем, что до 2030 года в стране произойдет существенное обновление и развитие инфраструктуры; увеличиться использование наилучших практик и технологий, альтернативной энергетики, а также высокий темп проводимых преобразований в сфере государственной политики.

На рисунке 1 представлены основные три этапа реализации Концепции по переходу к «зеленой» экономике. На каждом этапе разрабатывается План мероприятий.

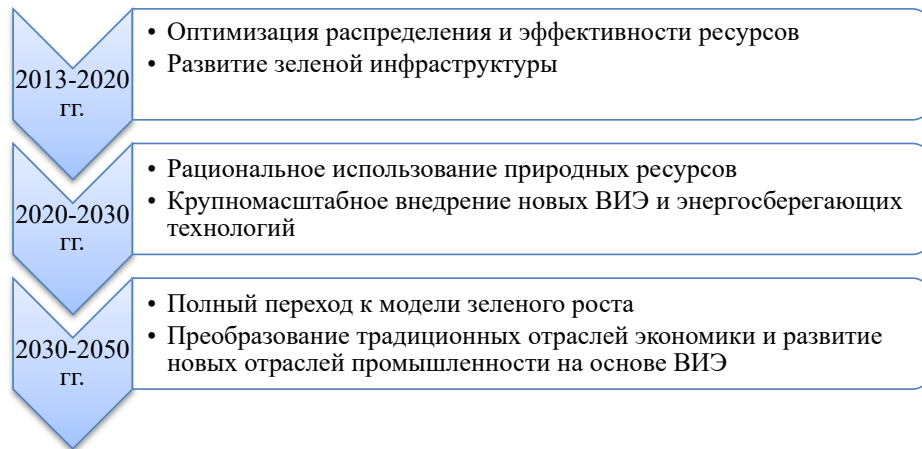

Рисунок 1 – Этапы реализации Концепции по переходу к «зеленой» экономике в Казахстане

Примечание – составлено авторами на основе источника [7]

Переход к зеленому росту развития является одним из инструментов обеспечения национальной экономической безопасности страны (Рисунок 2).

Рисунок 2 – Направления по переходу к зеленому росту развития

Примечание – составлено авторами на основе источника [7]

Развитие добывающих производств и экспорт сырьевых товаров, вопреки своим преимуществам, также может оказывать неблагоприятное воздействие на окружающую среду, а также создавать уязвимость в экономике в условиях колебаний мировых цен на ресурсы. Поэтому данная концепция направлена на преодоление этих вызовов и обеспечения условий для устойчивого роста страны на длительную перспективу. Она стремится повысить эффективность использования ресурсов, снизить загрязнение окружающей среды, повысить энергоэффективность и поддержка развития экологически чистых технологий и инноваций для обеспечения устойчивого роста в будущем.

Международный опыт показывает, что активное использование зеленых технологий и наилучших практик будет способствовать повышению энергоэффективности экономики страны. Внедрение зеленых практик и технологий во многих сферах экономики позволит снизить энергопотребление, а также сократить негативное воздействие на окружающую среду [7, 8].

Усилия со стороны государственных органов власти, общества и инвесторов приведут к успешному переходу к зеленому росту развития. Поэтому для создания благоприятной среды и устойчивого экономического роста необходимо активное участие различных заинтересованных сторон и совместная реализация государственной политики.

Для реализации процесса перехода к зеленому экономическому росту Казахстану в долгосрочном периоде до 2050 года потребуются значительные вложения [8]. Существенные инвестиции будут необходимы в период с 2020 по 2024 годы, что составят около 1,8% от общего объема ВВП. Наибольшая потребность во вложениях в разбивке по ключевым секторам экономики потребуются возобновляемым источникам энергии и составят порядка 52,0 млрд. долларов США. Главное внимание уделяется привлечению частных инвесторов, которые играют ключевую роль в финансировании и внедрении зеленых проектов и технологий. Они могут видеть коммерческий потенциал в зеленых инвестициях и получать прибыль от экологически чистых решений и технологий.

На сегодняшний день возобновляемые источники энергии (далее – ВИЭ) в Казахстане являются одним из важнейших векторов для стабильного экономического развития и роста страны. С учетом географического положения и климатических условий наиболее перспективными видами ВИЭ являются малые гидроэлектростанции, а также солнечная и ветровая энергия.

Развитие солнечной энергии может способствовать диверсификации энергетического сектора и сокращению выбросов парниковых газов. Значительным потенциалом в Казахстане обладает ветровая энергия. Ветряные электростанции используют ветряные турбины для генерации электроэнергии. Развитие ветровой энергии может способствовать диверсификации энергетического портфеля и снижению зависимости от ископаемых топлив. По прогнозным оценкам возможности отечественной ветровой энергии значительно превышают, чем энергетические потребности Казахстана.

Сектор ВИЭ в Казахстане развивается впечатляющими темпами. Например, по итогам 2022 года в стране действуют 130 объектов ВИЭ, из них 46 ветряные электростанции, 44 солнечные электростанции, 37 гидроэлектростанций и 3 биоэлектростанции с общей мощностью 2400 МВт. Объем выработки ВИЭ составил 5,11 млрд. кВт/ч или 4,53% из общего объема производства электрической энергии. В 2023 году этот показатель достиг 5%. Ежегодно растет число введенных в эксплуатацию объектов ВИЭ, к примеру, в 2022 году введено 12 объектов суммарной мощностью 385 МВт с общей суммой инвестиций 180 млрд. тенге, в 2023 году - 15 объектов общей мощностью 276 МВт [8, 9].

Одним из эффективных инструментов в продвижении «зеленой» экономики во всем мире является внедрение «зеленых» технологий. На сегодняшний день в Казахстане реализовано 380 зеленых технологий по следующим сегментам, которые представлены на рисунке 3. Лидерами по числу реализованных зеленых технологий являются сфера управления отходами, ВИЭ и энергоэффективность.

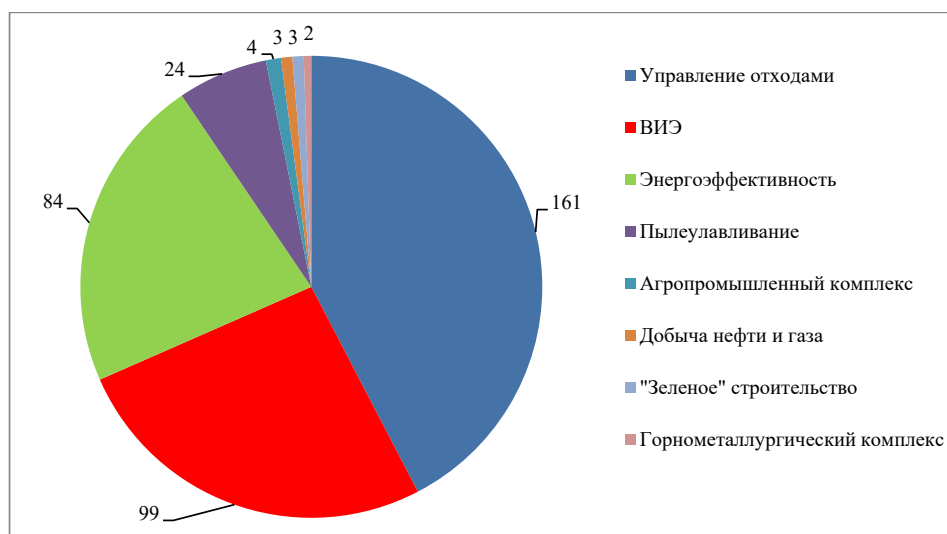

Рисунок 3 – Внедренные «зеленые» технологии в Казахстане, единиц

Примечание – составлено авторами на основе источника [7]

Хотя в Казахстане имеется значительный потенциал для развития и внедрения ВИЭ существуют препятствия и барьеры, которые затрудняют их развитие (Рисунок 4).

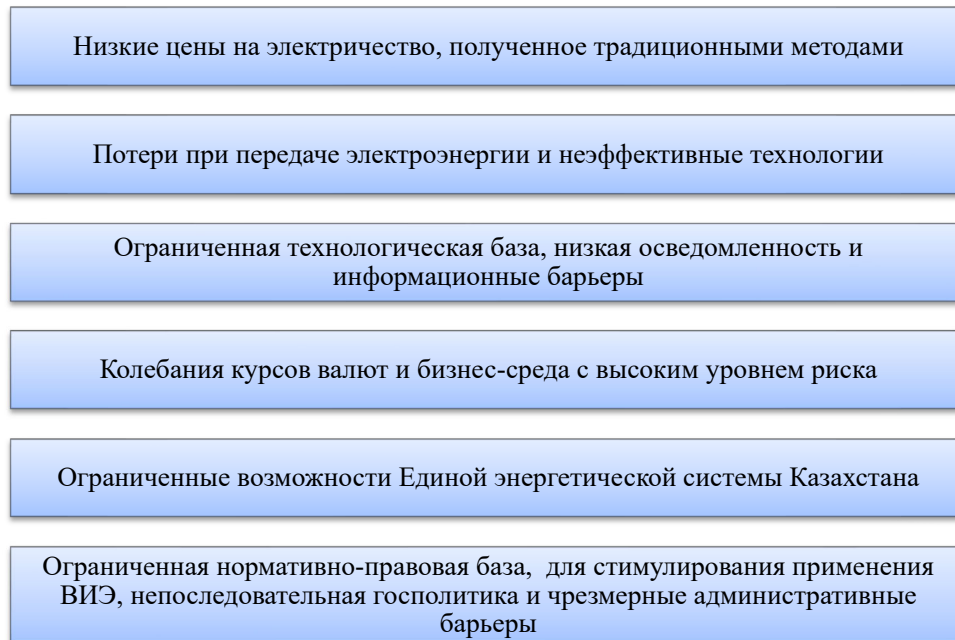

Рисунок 4 – Барьеры и препятствия, затрудняющие развитие ВИЭ в Казахстане

Примечание – составлено авторами на основе источника [7]

В Казахстане большое число разработанных крупных проектов в области ветряной и солнечной энергии были профинансированы из международных финансовых институтов, органов власти и государственных предприятий.

Для развития отрасли ВИЭ необходимо привлекать значительные частные вложения, но для этого нужно создать благоприятную инвестиционную среду и принять меры по устранению препятствий и барьеров. Это может включать:

1) Укрепление правовой и регуляторной среды. Создание устойчивых и прозрачных правил, гарантирующих предсказуемость для инвесторов на долгосрочную перспективу.

2) Создание финансовых стимулов. Для укрепления привлекательности проектов в области ВИЭ необходимо инвесторам предоставить государственные субсидии и гарантии, льготное кредитование и др.

3) Увеличение информированности и образовательного уровня. Для частных инвесторов необходимо проводить обучение, увеличивать уровень информированности, организовывать информационные кампании о достоинствах и возможностях проектов в области ВИЭ.

4) Партнерство с частным сектором. Сотрудничество с частными компаниями и инвесторами для разработки совместных проектов и создания партнерств. Это может включать различные формы партнерства, такие как совместные предприятия или долевое участие в проектах.

Привлечение частных инвестиций может способствовать развитию отрасли возобновляемой энергетики в Казахстане, решению социальных проблем, снижению зависимости от ископаемых и повышению экологической стабильности энергетического сектора страны.

Экономические изменения, происходящие медленными темпами, низкая конкурентоспособность традиционных источников энергии все это замедляет темпы развития сектора ВИЭ.

Сейчас существует небольшое число стран, которые являются лидерами в производстве и развитии «зелёных» технологий. Каждая из этих стран имеет свои уникальные преимущества и специализации в разных областях «зелёных» технологий.

В процессе реализации своей энергетической стратегии отдельные государства сосредотачиваются на конкретном альтернативном энергоресурсе, к примеру, правительства стран Японии и Германии нацелены стать мировыми лидерами по генерации энергии из солнечных источников. Бразилия эффективно развивает экономику на основе биотоплива, опираясь на свой аграрный потенциал, а Великобритания активно инвестирует в развитие морских ветряных турбин [10].

Рассмотрим процесс перехода к «зеленой» экономике в ряде стран мира с учетом их экономической и социальной специфики.

Опыт «экологически чистого роста» в Дании. В мировом сообществе страны Северной Европы являются лидерами по вопросам экологии, развития социальной составляющей и роли государства в экономике. Они активно борются и предпринимают шаги для уменьшения негативного влияния на окружающую среду, развития ВИЭ и поддержки экологически чистых практик и технологий. Особенность в модели зеленого роста в этих странах заключается в налаженной обратной связи между государством и обществом на основе высокого уровня социальной ответственности и иммунитета общества в целом. Такую модель в мире называют скандинавской моделью государства благосостояния [11].

Эффективное развитие зеленого роста экономики правительство Дании реализует на основе обратной связи (отзывов) и эту модель называют «датская модель зеленого роста». Суть этой модели состоит в том, что инициатива исходит от граждан страны, являющиеся конечными потребителями продукции. Трансформация происходит благодаря движению снизу вверх и координируется государственными органами ответственными за охрану окружающей среды.

В процессе перехода к зеленой экономике правительство Дании разработало и внедрило ряд мероприятий для повышения экологической устойчивости экономической системы (Рисунок 5):

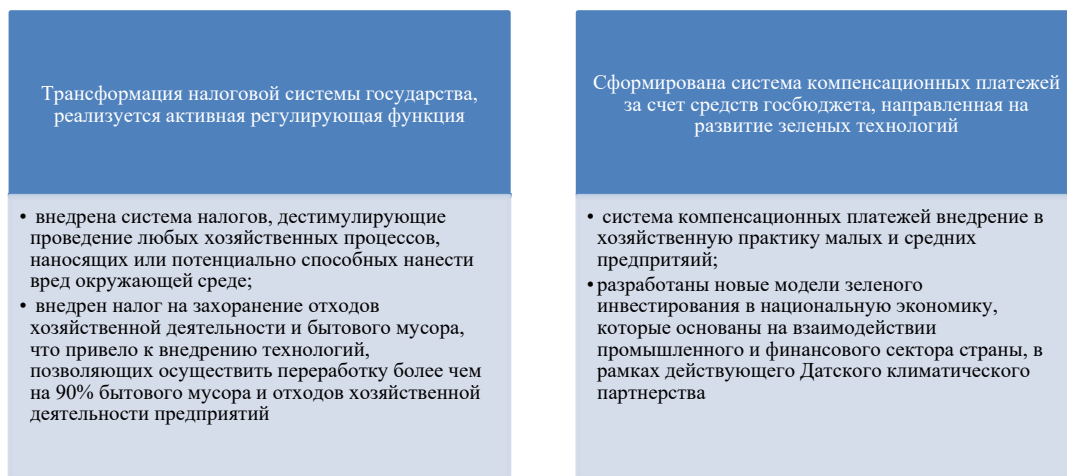

Рисунок 5 – Меры по улучшению экологической устойчивости экономической системы Дании

Примечание – составлено авторами на основе источника [12]

Дания широко известна своими прогрессивными подходами к управлению отходами и регулированию в сфере производства и применения упаковки для бытовой и другой продукции. В стране были разработаны и внедрены различные меры и ограничения, направленные на снижение объемов отходов и стимулирование устойчивости в производственных процессах. В качестве примера можно привести регулирование производства тары для пищевой продукции, включая бутылки. Ограничение на количество типов бутылок, разрешенных для производства или импорта, является одной из мер, что способствует более эффективному управлению отходами.

Этот подход позволяет добиться следующих преимуществ: упрощение сбора и переработки отходов; снижения негативного влияния на окружающую среду; повышение эффективности регулирования.

Можно сделать вывод, что данная модель по переходу к зеленому росту экономики заключается в тесном трехстороннем сотрудничестве между государством, частным сектором и обществом. В данной модели действия государства и бизнеса базируются на осознании и ответной реакции на социальный иммунитет, т.е. способность общества и его институтов адаптироваться к новым вызовам направленные на устойчивое развитие и защиту окружающей среды. Таким образом, правительство и бизнес устанавливает тесное взаимодействие и вовлечение общества в решении экологических проблем страны. Сотрудничество, участие общества и его гражданская ответственность, взаимное доверие, объединение интересов являются ключевыми компонентами данной модели.

Можно заключить, что данная модель развития зеленой экономики, прежде всего, строится на сотрудничестве и взаимодействии между заинтересованными сторонами для достижения стабильного развития. Она подразумевает, что успешное преодоление экологических проблем требует не только действий государства или бизнеса, но и активного участия общества в целом.

Опыт перехода к «зеленой» экономике в Германии. В Германии зеленая экономика выступила в качестве инструмента повышения национальной конкурентоспособности и борьбы с климатической угрозой. В связи с этим правительство страны разработало и реализует Стратегию устойчивого развития для достижения национальных целей устойчивого развития. Эта стратегия включает в себя широкий спектр сфер и областей, такие как экономические, социальные и экологические, климатические вопросы, энергетику, транспорт и многое другое, в которых предпринимаются определенные действия для достижения устойчивого развития страны.

Для каждой области установлены конкретные цели и планы действий согласно Целям устойчивого развития в рамках программы ООН. Цели охватывают охрану окружающей среды, борьбу с климатическими изменениями, содействие устойчивому энергоснабжению, продвижение здорового образа жизни и другие аспекты устойчивого роста [13].

Экологическая эффективность технологий и ресурсов в Германии опирается на шесть ведущих факторов [13]:

- безвредное для окружающей среды производство электроэнергии;
- эффективное использование энергии;
- рациональное применение материальных ресурсов;
- контроль за выбросами в окружающую среду и оптимальная безопасная подвижность;
- переработка и утилизация отходов;
- эффективное управление водными ресурсами.

Развитие на международных зеленых технических рынках только начал набирать обороты, а в Германии сектор для экологических технологий и эффективности использования ресурсов имеет тенденцию дальнейшего расширения и предполагается рост объема финансирования к 2025 году до 700 млрд. евро.

Ожидается, что в будущем соответствие экологическим стандартам и перехода к зеленой энергетике будут ключевыми факторами, способствующими росту спроса на экологически чистые продукты и услуги. С ростом осознания о необходимости более устойчивого развития и снижении воздействия на окружающую среду, компании и потребители становятся все более заинтересованными в зеленых решениях.

Внутренний рынок имеет ключевое значение для развития зеленых технологий на основе тесного сотрудничества между организациями в рамках одной отрасли, что позволит систематизировать общие подходы и принимать комплексные решения. Такой подход позволит повысить эффективность в области применения зеленых технологий и наилучших практик.

Одним из важнейших факторов, способствующих быстрому росту в области безопасной подвижности в транспортной сфере, является переход к экологически совместимым, низкоуглеродным технологиям, что в свою очередь приведет к уменьшению вредных выбросов в окружающую среду. Эти технологии являются приоритетными для заинтересованных сторон и государства, стремящихся к достижению целей устойчивого развития и экологизации.

Рост и активное продвижение зеленого роста экономики в Германии отражает увеличение доли применения зеленых технологий в ВВП страны с 15% в 2016 году до 19% к 2025 году. Это указывает на то, что экологически эффективные технологии и инновации становятся все более популярными среди потребителей и компаний [13].

Увеличение доли зеленых технологий в ВВП может быть обусловлено рядом факторов. Во-первых, стремление к уменьшению выбросов парниковых газов и борьбе с изменением климата требует внедрения и применения экологически чистых технологий. Во-вторых, государственные политики и меры по стимулированию зеленых инвестиций и инноваций способствуют развитию зеленого сектора.

Такие меры могут включать финансовые поощрения, налоговые льготы и субсидии для зеленых предприятий.

В современных условиях интенсивное развитие экономической системы и цифровизация оказывают большое влияние на экономику, рынок и общество в целом. В области применения зеленых практик и технологий процесс цифровизации играет ключевую роль и вносит значительные изменения. Факторы цифровой трансформации, такие как автоматизация, цифровые данные и другие, оказывают значительное влияние на структуру рынка зеленых практик и технологий.

В немецкой модели задачи развития экотехнологий и рационального использования имеющихся ресурсов могут быть достигнуты через цифровизацию, позволяющая интегрировать различные составляющие зеленой экономики, при этом создавая взаимосвязь и способствуя принятию целого комплекса решений, включающие технологические, экономические и социальные аспекты. Такой системный подход, который включает создание комплексных решений для развития зеленых практик и технологий, будет способствовать инновациям, усилению конкурентных позиций и рационального использования ресурсов.

Решить экологические проблемы возможно на основе усиления зеленой трансформации, что означает экологическую эффективность технологий и ресурсов. Комплексные подходы и системные решения являются особенно важными и позволяют рассматривать экологические проблемы и решения в контексте всей экономической системы, учитывая взаимосвязи и взаимозависимости между различными отраслями и факторами. Комплексные подходы могут включать в себя интеграцию зеленых технологий, развитие эффективной системы управления ресурсами, создание устойчивых моделей потребления и производства, а также принятие политических и регуляторных мер для стимулирования зеленой экономики.

Кроме того, оцифровывание способствует созданию новых зеленых бизнес-моделей и инноваций, которые могут привлечь инвестиции и ресурсы для развития экологически устойчивых продуктов и услуг. Цифровые платформы, такие как электронная коммерция, позволяют создавать рынки для зеленых продуктов и услуг, что способствует их более широкому использованию и распространению.

Ожидается, что в будущем на внутреннем рынке Германии повысится спрос на технологии, сокращающие выбросы парниковых газов в процессе их эксплуатации. Согласно прогнозам ученых-исследователей к 2050 году Германия достигнет нулевых выбросов парникового газа.

Факторы развития «зеленой» роста экономики в Китае. В настоящее время одним из острейших вопросов Китая является проблема загрязнения окружающей среды, что во многом связано с загрязнением воздуха из-за чрезмерно высокого содержания доли каменного угля в энергетическом балансе страны (более 60%). В связи с этим продвижение роста зеленой экономики является важнейшей частью стратегии Китая в области экономической безопасности и устойчивого развития.

На сегодняшний день для уменьшения негативного воздействия на окружающую среду и борьбу с изменением климата Китай активно привлекает экологически безопасные технологии и возобновляемые ресурсы.

Для того чтобы обеспечить экономическую безопасность, долгосрочное развитие и интеграцию в реальную экономическую практику Китай прошел несколько важных этапов (Рисунок 6):

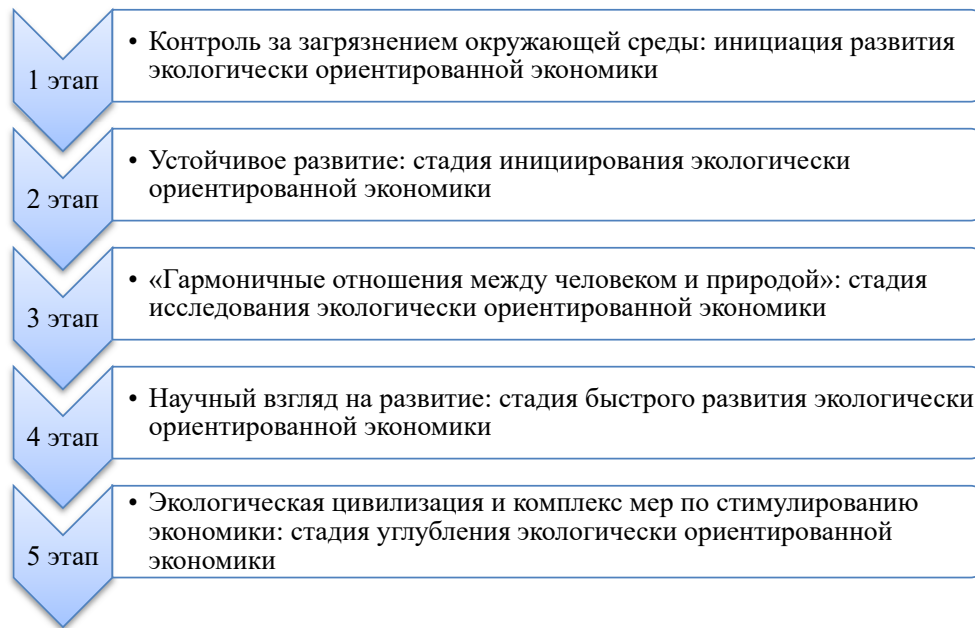

Рисунок 6 – Этапы развития зеленого роста экономики Китая

Примечание – составлено авторами на основе источника [14]

Китай активно инвестирует в исследования, разработку и коммерциализацию этих новых энергетических отраслей промышленности. Правительство предоставляет финансовую поддержку, стимулы и налоговые льготы для компаний, занимающихся разработкой и производством экологически чистых технологий и оборудования. Он также разрабатывает политики и нормативные акты, направленные на содействие распространению и внедрению этих технологий.

На сегодняшний день Китай стал мировым лидером в ВИЭ, таких как ветровая и солнечная энергия, и интенсивно вкладывает средства в развитие этих отраслей. Китай также занимает одно из ведущих мест среди производителей солнечных модулей. Основным вызовом для развития зеленых практик и технологий в экономике стало то, что Китай является одновременно и крупнейшим производителем, и потребителем угля в мире. Чтобы сократить зависимость страны от угля и уменьшить выбросы парниковых газов, правительство активно разрабатывает и внедряет безопасные экотехнологии и возобновляемые ресурсы [15]. Озеленение угольной промышленности особенно актуально с учетом ее значительной роли в энергетической системе страны.

Также Китай является одним из ведущих лидеров в области ВИЭ. Объем

возобновляемой энергии, в том числе гидроэнергетика, солнечная энергия и другие источники занимают значительную долю мировой энергетической мощности. Гидроэнергетика играет особенно важную роль, и Китай является крупнейшим производителем гидроэлектроэнергии в мире. Правительство Китая не ограничивается только развитием экологически чистой энергетики, а также активно ведется работа по совершенствованию всей энергетической системы. Также Китай планирует строительство высоковольтных линий передач, что позволит более эффективно транспортировать электроэнергию на большие расстояния и в удаленные регионы страны, что особенно значимо для интегрирования ВИЭ расположенных в отдаленных регионах.

Модернизированная энергосистема будет способствовать улучшению гибкости и надежности системы в целом. Для этого Китай осуществляет масштабные программы по подготовке кадров в сфере экологически чистой энергетики. Это направлено на поддержку страны в ее стремлении к лидерству в этой области. Руководство Китая придает большое значение развитию экологически чистой энергетики и понимает ее ценность.

Однако, несмотря на это Китай также сталкивается с проблемами загрязнения окружающей среды, особенно в некоторых индустриальных районах страны. Высокий уровень использования угля в энергетике и промышленности, а также интенсивная экономическая деятельность, привели к серьезным проблемам с загрязнением воздуха и воды. В прошлом масштабные промышленные операции, несоблюдение экологических стандартов и недостаточные меры по охране окружающей среды привели к таким проблемам, как смог, загрязнение воздуха и кислотные дожди. Эти проблемы имеют значительное воздействие на здоровье населения и экологическую устойчивость.

Китай действительно видит свое лидерство в производстве и потреблении возобновляемой энергии как ключевой элемент своей стратегии развития. С развитием технологий и снижением стоимости возобновляемых источников энергии, Китай стремится стать мировым лидером в этой области. Данная область является частью экспортной стратегии Китая, поскольку в перспективе страна стремится планировать предоставлять свои экологически чистые технологии и продукты другим странам [16].

Необходимо отметить, что баланс между экологической устойчивостью и экономическим развитием является сложным вызовом. Китай сталкивается с задачей совмещения устойчивого развития с удовлетворением энергетических потребностей огромного населения и поддержкой экономического роста. Это требует дальнейшего совершенствования политик и технологий, а также постоянного внимания к экологическим вопросам.

Во всем мире большинство правительств признают необходимость сокращения загрязнений и парниковых газов, а также перехода к более устойчивой и экологически безопасной энергетике. Углеродные источники энергии со временем истощатся, а возобновляемые источники энергии становятся более эффективными и доступными. Следовательно, развитие и внедрение «зелёных» практик будет продолжаться во всем мире, соответственно рост «зеленого» финансирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для Казахстана с учетом значительной зависимости его экономики от добычи и экспорта природных ресурсов зеленый рост является одним из приоритетных векторов развития. На сегодняшний день процесс реализации Концепции перехода к «зеленой» экономике находится на втором этапе, где предусмотрено наиболее эффективное применение природных ресурсов, развитие ВИЭ и энергосберегающих технологий. Несмотря на существенный потенциал для развития и внедрения ВИЭ существуют барьеры и препятствия, которые осложняют их дальнейшее развитие. В этой области можно исследовать опыт Китая, который является одним из мировых лидеров в производстве и использовании ВИЭ, рассматривая как важнейший элемент стратегии развития Казахстана.

В связи с этим правительство Китая активно инвестирует в исследования, разработку и коммерциализацию этих новых энергетических отраслей промышленности. Правительство предоставляет финансовую поддержку, стимулы и налоговые льготы для компаний, занимающихся разработкой и производством экологически чистых технологий и оборудования.

Из передового опыта Германии акцентировать внимание на уменьшение выбросов парниковых газов. Это возможно на основе перехода к экологически совместимым, низкоуглеродным технологиям в транспортной отрасли и других отраслях экономики. Также значительную роль играет оцифровывание, которое может стимулировать развитие экологических технологий и эффективности использования ресурсов, поддерживая системные подходы.

Страны Северной Европы активно принимают меры для снижения воздействия на окружающую среду, развития возобновляемых источников энергии и поддержки экологически чистых технологий. В процессе перехода к зеленой экономике Дания разработала и реализовала ряд мероприятий для усиления экологической устойчивости экономической системы, в частности трансформация налоговой системы и была создана эффективная система компенсационных платежей. В качестве рекомендаций по опыту Дании для Казахстана, возможно, рассмотреть прогрессивные подходы к управлению отходами и регулированию в сфере производства и применения экоупаковки для бытовой и другой продукции.

Изучение отечественного и зарубежного опыта по переходу к зеленому росту экономики основывается в первую очередь на социально-экономических особенностях конкретного государства. Отдельные аспекты реализации и дальнейшего развития «зеленой» экономики в зарубежных странах, могут быть реализованы в Казахстане с учетом особенностей различных технологических инноваций, применения наиболее успешные экологически чистые технологии, которые будут содействовать укреплению международного сотрудничества и обеспечению национальной экономической и экологической безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аналитический доклад «О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов «зелёной» экономики» в рамках Плана мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 г. Департамент макроэкономической политики. – 2021. – 35 с.
2. Нургисаева А.А., Таменова С.С. Концептуальные основы «зеленой» экономики // Экономика: стратегия и практика. – 2020. – № 3 (15). – С. 183-194.
3. Распоряжением Президента Республики Казахстан от 30 апреля 1996 года № 2967 «О Концепциях общественной и экологической безопасности Республики Казахстан». [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2023. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/N960002967> (дата обращения: 22.10.2024).
4. Указом Президента Республики Казахстан от 13 апреля 2011 года №47 «О Концепции перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию на 2007-2024 годы». [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2023. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000216> (дата обращения: 01.10.2024).
5. Kasztelan A. Green growth, green economy and sustainable development: terminological and relational discourse // Prague Economic Papers. – 2017. - №26(4). - P. 487–499, DOI: 10.18267/j.pep.626.
6. Ефремов Н. А., Ефремова М. П. Мировой опыт применения «зеленых» технологий [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus [web-портал]. – 2021. – № 1. – С. 21–30. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/1/3>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-1-21-30.
7. Указом Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 года № 577 «О Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике»». [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2023. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577> (дата обращения: 25.10.2024).
8. World Bank Group. Самрук Казына. Зеленая экономика: реалии и перспективы в Казахстане. – 2018. – 36 с.
9. Transforming the energy system – and holding the line on the rise of global temperatures, International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi. – 2019. – 56 с. [Электронный ресурс]. - URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2019/Sep/IRENA_Transforming_the_energy_system_2019.pdf (дата обращения: 10.11.2024).
10. Годовой отчет НАО «Международный центр зеленых технологий и инвестиционных проектов» [Электронный ресурс] // igtipc.org [web-портал]. – 2019. – URL: <https://igtipc.org/images/docs/2020/otchet2019.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).
11. Громова А.И. Опыт внедрения принципов «зеленой» экономики в мировой экономике (на примере Дании) // Креативная экономика. – 2014. – № 8(8). – С. 113-119.
12. Круглова И.А. Обеспечение национальной экономической безопасности в условиях развития зеленой экономики. дис ... канд. экон. наук: 08.00.05 / И.А. Круглова. С-Пб., 2022. – 340 с.
13. Roland Berger GmbH (eds.) (2018): GreenTech made in Germany 2018: Environmental Technology Atlas for Germany. P.20-38. – URL: https://www.greentech-made-in-germany.de/fileadmin/user_upload/atlas/20180410_rb_greentech_5.0_web.pdf. (дата обращения: 10.10.2023).
14. Xiaoxue Weng, Zhanfeng Dong, Qiong Wu and Ying Qinv. China's path to a green economy: Decoding China's green economy concepts and policies. – IIED Country Report. IIED, London, 2015. – 7 p.
15. Zhang C., Jin S. What Drives Sustainable Development of Enterprises? Focusing on ESG Management

and Green Technology Innovation // Sustainability. – 2022. – № 14(18). – Article 11695. – DOI: <https://doi.org/10.3390/su141811695>.

16. Xu A., Zhu Y., Wang W. Micro green technology innovation effects of green finance pilot policy – From the perspectives of action points and green value // Journal of Business Research. – 2023. – № 159. – Article 113724.

REFERENCES

1. Analytical report. (2021). O mezhdunarodnom opyte razrabotki i vnedreniya principov, mer i mekhanizmov «zelyonoy» ekonomiki v ramkah Plana meropriyatij po realizacii Strategicheskikh napravlenij razvitiya evrazijskoj integracii do 2025 g. Departament makroekonomicheskoy politiki, 35 p. (In Russian).

2. Nurgisaeva, A. A., & Tamenova, S. S. (2020). Konceptual'nye osnovy «zelenoy» ekonomiki. Economics: Strategy and Practice, 3(15), 183–194. (In Russian).

3. By Order of the President of the Republic of Kazakhstan. (1996). O Konceptciyah obshchestvennoj i ekologicheskoy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan (No. 2967, April 30, 1996). Retrieved October 22, 2024, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/N960002967> (In Russian).

4. By Decree of the President of the Republic of Kazakhstan. (2011). O Konceptcii perekhoda Respubliki Kazakhstan k ustojchivomu razvitiyu na 2007-2024 gody (No. 47, April 13, 2011). Retrieved October 10, 2024, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000216> (In Russian).

5. Kasztelan, A. (2017). Green growth, green economy and sustainable development: Terminological and relational discourse. Prague Economic Papers, 26(4), 487–499. <https://doi.org/10.18267/j.ppe.626>

6. Efremov, N. A., & Efremova, M. P. (2021). Mirovoj opyt primeneniya «zelenyh» tekhnologij. Oeconomia et Jus, 1, 21–30. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2021-1-21-30> (In Russian).

7. By Decree of the President of the Republic of Kazakhstan. (2013). O Konceptcii po perekhodu Respubliki Kazakhstan k «zelenoj ekonomike» (No. 577, May 30, 2013). Retrieved October 25, 2024, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577> (In Russian).

8. World Bank Group. (2018). Zelenaya ekonomika: realii i perspektivy v Kazahstane. Samruk Kazyna, 36 p. (In Russian).

9. International Renewable Energy Agency. (2019). Transforming the energy system – and holding the line on the rise of global temperatures. Retrieved November 10, 2024, from https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2019/Sep/IRENA_Transforming_the_energy_system_2019.pdf.

10. Annual report NJC Mezhdunarodnyj centr zelenyh tekhnologij i investicionnyh proektov. (2019). Retrieved October 30, 2024, from <https://igtipc.org/images/docs/2020/otchet2019.pdf> (In Russian).

11. Gromova, A. I. (2014). Opyt vnedreniya principov «zelenoy» ekonomiki v mirovoj ekonomike (na primere Danii). Creative Economy, 8(8), 113–119. (In Russian).

12. Kruglova, I. A. (2022). Obespechenie nacional'noj ekonomicheskoy bezopasnosti v usloviyah razvitiya zelenoj ekonomiki (Doctoral dissertation). Saint Petersburg, 340 p. (In Russian).

13. Federal Ministry for the Environment, Nature Conservation and Nuclear Safety. (2018). Environmental Technology Atlas for Germany. Retrieved October 10, 2024, from https://www.greentech-made-in-germany.de/fileadmin/user_upload/atlas/20180410_rb_greentech_5.0_web.pdf.

14. Weng, X., Dong, Z., Wu, Q., & Qin, Y. (2015). China's path to a green economy: Decoding China's green economy concepts and policies. IIED Country Report. IIED, London, 7 p.

15. Zhang, C., & Jin, S. (2022). What drives sustainable development of enterprises? Focusing on ESG management and green technology innovation. Retrieved November 5, 2024, from <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/18/11695>.

16. Xu, A., Zhu, Y., & Wang, W. (2023). Micro green technology innovation effects of green finance pilot policy-From the perspectives of action points and green value. Journal of Business Research, 159.

**ЭКОЛОГИЯЛЫҚ БРЕНДИНГ НЕГІЗІНДЕ ЖАСЫЛ ЭКОНОМИКАҒА
КӨШУ КОНЦЕПЦИЯСЫ: ОТАНДЫҚ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ**

М. А. Амирова^{1*}, Л. М. Давиденко¹, С. К. Кунязова¹

¹ «Торайғыров университеті» КЕАҚ, Павлодар қ.,
Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – жасыл экономикаға көшудің отандық және халықаралық тәжірибесін терең талдау, жалпыға бірдей мойындалған әлемдік тренд ретінде экологиялық брендингке негізделген жасыл өсуді дамытуды негіздеу.

Әдіснамасы – бұл зерттеуде «жасыл» экономикаға көшу тұжырымдамасының тенденцияларын анықтау үшін салыстырмалы, жүйелік, диалектикалық, сондай-ақ ғылыми әдебиеттерге шолу сияқты тәсілдер қолданылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – тұрақты даму мақсаттарына қол жеткізу үшін экономикалық өсудің белсенді драйвері ретінде экологиялық брендинг негізінде Қазақстанда және бірқатар шет елдерде жасыл экономикаға көшу тұжырымдамасының өзектілігін негіздеуде.

Зерттеу нәтижелері – Қазақстан Республикасындағы «жасыл» экономикаға көшу эволюциясының негізгі кезеңдері, ұлттық экономикалық және экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз ету құралы ретіндегі негізгі бағыттары қарастырылған. «Жасыл өсуге» көшу үшін инвестициялардың қажеттілігі анықталды, жаңартылатын энергия көздерін дамыту мен енгізу жолындағы кедергілер мен шектеуші кедергілер анықталды.

Әлемнің бірқатар елдерінің «жасыл» экономикаға көшу тәжірибесі ауқымды экологиялық, әлеуметтік және экономикалық мәселелерді шешудің маңызды аспектісі ретінде қарастырылады. Экономикалық және әлеуметтік ерекшеліктерді ескере отырып, жасылдандыруға негізделген «жасыл» экономиканы одан әрі дамыту үшін Қазақстанда халықаралық тәжірибенің жекелеген аспектілерін пайдалану мүмкіндіктері зерттелді.

Түйін сөздер: «жасыл экономика», «жасыл өсу», жаңартылатын энергия көздері, экологиялық таза технологиялар, экологиялық тұрақтылық.

Алғыс. Бұл зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетінің қаржылық қолдауымен орындалды (№ AP19676924 «Технологияны дамыту және регионның өнеркәсіптік кешенінің экологиялық брендинің ілгерілету» гранты).

**CONCEPT OF SHIFTING TOWARDS «GREEN» ECONOMY ON THE BASIS OF
ECOLOGICAL BRENDING: DOMESTIC AND INTERNATIONAL EXPERIENCE**

M. A. Amirova^{1*}, L. M. Davidenko¹, S. K. Kunyazova¹

¹JSC «Toraighyrov University», Pavlodar, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research lies in the deep analysis of domestic and international experience in shifting to «green» economy, justification of green growth development based on ecological branding as acknowledged world trend.

Methodology – the research applies such approaches as comparative, systematic, dialectical. Scientific references observation to define tendencies in the concept of shifting to «green» economy are studied as well.

Originality / value of the research is in the argumentation of the relevance of the concept of transition to “green” economy in Kazakhstan and some foreign countries based on ecological branding as an active driver of economic growth to achieve the purposes of sustainable development.

Findings – primary evolution steps in transition to “green” economy in the Republic of Kazakhstan, key directions as a tool to provide national economic and ecological safety are taken into consideration. Needs for investments to shift to «green» economy, obstacles and restraining barriers to develop and install renewable sources of energy are defined as well. The article shows the experience of some countries to transit to “green” economy as a significant aspect to solve massive ecological, social and economic problems. The research studies possibilities to use certain aspects of international experience in Kazakhstan for a further development of «green» economy based on greening taking into account economic and social specificity.

Keywords: «green» economy, «green growth», renewable sources of energy, ecologically pure technologies, ecological sustainability.

Acknowledgement. This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP19676924 «Development of technology and promotion of ecological branding of the industrial complex of the region»).

ОБ АВТОРАХ

Амирова Марал Акбаевна – доктор PhD, ассоциированный профессор, НАО «Торайгыров университет», Павлодар, Казахстан, email: maral.pvl@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-0260-9760*

Давиденко Людмила Михайловна – кандидат экономических наук, PhD, ассоциированный профессор, НАО «Торайгыров университет», Павлодар, Казахстан, email: davidenkolm@rambler.ru. ORCID ID: 0000-0002-7541-8677.

Кунязова Сауле Каирбековна – кандидат экономических наук, доцент, профессор, НАО «Торайгыров университет», Павлодар, Казахстан, email: kunjazovas@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-5538-5839.

MPHTI: 06.71.41; 06.81.23

JEL Classification: L26; L86; M15; O32; P25

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-165-186>

CULTIVATING SUSTAINABLE SMART CITY FUTURES: THE POWER OF CREATIVE ENTREPRENEURSHIP IN KAZAKHSTAN

A. G. Astafyeva¹, A. S. Keneybayeva², A. I. Nurmagambetova³

¹Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan

²Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

³Eurasian National University Astana, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research: To examine the pivotal role the smart cities play in stimulating creative entrepreneurship alongside with following the goals of sustainable development in Kazakhstan. Marking out the necessary policy to create a favorable ecosystem and architecture for creative businesses within these urban environments is an essential part of this work.

Methodology: In-depth interviews with creative entrepreneurs from various regions of Kazakhstan served as a foundation for a qualitative research method to be applied in this work. The interview results disclose the constraints and potentials encountered by these businesses and the opportunities for smart city initiatives to become a vital element making these businesses prosper in Kazakhstan.

Originality: This work covers a momentous knowledge discrepancy through reviewing the overlap of creative entrepreneurship and smart cities in the Central Asian setting. The findings provide vision for policymakers, educators, and business leaders who strive to promote economic growth in the region.

Findings: The research accentuates that, nevertheless, programs like Creative Spark and other smart city initiatives have increased Kazakhstan's creative economy, it still can benefit from government support, particularly in the area of infrastructure. High-speed internet, efficient workspaces and hardware in smart cities, legislative impediments and bureaucracy, as well as, the need for up-to-date education to outfit creative individuals with digital skills are disclosed as the principal constraints of the industry development according to the in-depth interviews.

Key words: industries, smart cities, creative entrepreneurs, Kazakhstan.

INTRODUCTION

The advancement of programs similar to Creative Spark and smart city technology lining up with UN Sustainable Development Goals, particularly Goal 11 – focusing on the creation of sustainable cities and communities, transforms the creative sector of Kazakhstan. International networking opportunities, funding and training provided by the Creative Spark enacted a fundamental role in the support of Kazakhstan creative economy [1]. Alongside, the smart cities advancement in the areas of technologies and modern infrastructure in Kazakhstan initiated the creation of the reference standard for smart cities [2]. All the essential resources are meant to be provided in these cities in order for the businesses to prosper and the community to benefit from it. As the result, the creative economy should expand making the prominent contribution to the overall economy and cultural advancement of the country.

Undoubtedly, there are tremendous benefits to the creative sector of Kazakhstan from initiatives like Creative Spark and the development of smart city technologies. Nevertheless, the success of these projects depends on and highly influenced by city size, state of the economy and available urban infrastructure. The findings in this work are anticipated to point out the vital elements to stimulate a flourishing creative economy with the access to smart cities technology. Through the in-depth interviews of creative entrepreneurs, the research will point out the specific needs and challenges faced by these professionals. The work will offer insights how to address that issue through the targeted policy and infrastructure investments. Moreover, the work will assess the impact the investments might have on boosting the innovations, increased collaboration, and the growth of the entrepreneurship within the creative sector. Interaction awareness between the technology, government support and peculiar demands of creative industry will serve as thorough blueprint for the stakeholders. This research will make contribution to the development of a robust creative ecosystem in the emerging cities of Kazakhstan and supply essential information for strategic decisions to form the future of creative industries.

Literature review. De Marco and Mangano [3] in their work analyzing trends in the changing nature of smart cities, pointed out the attributes of smart city initiatives and the influence of semantic components on their performance. Their research specifies that larger, far-sighted urban environments tend to lack motivation to engage into smart city initiatives. Although, the factors like thriving economy and predominant architectural arrangements form the precedence of projects in the energy and construction industries. De Marco and Mangano [3] studied contextual factors influencing smart city development in established urban areas, while Antwi-Afari et al. [4] developed a framework for smart and sustainable urbanism in developing nations. They devised a framework to attain smart and sustainable urban areas in developing nations, with a specific emphasis on the situation in Ghana. Their research employed factor analysis to identify crucial sustainability principles, highlighting the need of tackling urbanization concerns and establishing conducive settings for enterprises.

A limited number of studies by B. Jász, E. Gwiazdziński, et. al, [5,6] and S. De Souza, M. Pablo [7] investigating the role of smart cities in the context of creative entrepreneurship constitute a gap in research that

needs to be covered in light of the increasing attention given to the concept of “creative industries” in social research. In response to the existing theoretical and contextual gaps, the study aims to identify the necessary legislative frameworks and infrastructure investments in Kazakhstan for creating a favorable environment for creative businesses in smart cities.

The creative economy is a way of doing business in which new ideas are employed to develop new products and services or to enhance already existing ones. Creativity is the capacity to come up with novel ideas, and it doesn't depend on exploitation of finite resources like labor and land. The creative economy differs from traditional economic systems, since it depends on the production and application of knowledge and creativity according to D. Veselá, and K. Klimová [8]. The term "creative industries" originates from the conception "cultural industries" which is referred to the concept of "creative economics". The concept of a creative economy encompasses all aspects of the economy, including socioeconomic processes and the division of labor or other creative ways. In cultural entrepreneurship, an intellectual resource is transformed into a creative product. The development of new goods and services through the application of creativity is the primary goal of the creative industries. They can encourage innovation, conserve cultural heritage, and advance social unity. Design, architecture, fashion, and advertising are just a few examples of the activities that fall under the umbrella of the creative industries. Activities including music, movies, television, publishing, and the arts are often included in the cultural industries. Creative industries are seen as key contributors to innovation and economic growth, helping to create jobs, attract tourists, and promote urban development according to V. Božić, [9] and M. Syafri et. al. [10]. Richard Florida suggested that to foster urban growth, it is vital to leverage the creativity of entrepreneurs by developing "creative clusters" or "creative cells" within cities [11].

According to the legal framework for the Creative Europe Program, the cultural and creative sectors are all sectors whose operations are based on cultural values or other forms of individual or collective artistic expression [12]. The cultural and creative industries in the EU employ 8.7 million people, or 3.8 % of all EU workers, and account for 1.2 million businesses, according to Eurostat data [13]. The British government implements various programs like Creative Spark to encourage and support innovative business ventures. The UK's Creative Spark initiative aimed to enhance its soft power, boost economic development, promote cultural exchange, tackle global challenges, attract skilled individuals and enterprises to the UK, promote UK firms, and honor international obligations.

Creative Spark: Empowering Creative Industries in Kazakhstan. The British Council, as the global entity for fostering cultural linkages and educational prospects, supports creative industries in other nations to showcase its achievements, stimulate creativity, and establish mutually beneficial collaborations. Creative Spark also promoted cultural exchange and deepens understanding among artists, entrepreneurs, and communities, fostering cooperation and communication. UK firms can have a global outreach and spread their specialized knowledge through this initiative. The Creative Spark [1] has contributed to the creativity expansion and the rise of entrepreneurial spirit of Kazakhstan in several ways. It provided support to the growth endeavors of creative industries, alongside with the increasing focus of income creation and employment opportunities while delivering support to creative entrepreneurs in underdeveloped nations embracing mentorship, training and funding opportunities. The implementation of the program in Kazakhstan launched in 2018. Since then the progress of creative industry inside the nation has been significantly influenced: the entrepreneurs gained access to international networks, educational programs and funds [14]. The availability of those resources enabled the businesses to overcome some challenges and extend their operations. Generation of new employment prospects and support in enterprise establishment that was gained through the program furthermore encouraged the expansion of creative industries sector.

A novel approach to comprehension of the Kazakhstan's creative economy can be adopted through the concept of the quadruple helix communication model proposed by P. Ahmad [15]. The model facilitates both unidirectional and bidirectional communication via the development process of a creative city. The active participation of all creative stakeholders can be observed in this model. The multidirectional communication promotes opportunities to form policy, transparency, consultation, innovation and government accountability. Therefore, comprehensive and timely problem-solving within the policy architecture fosters harmonious col-

laboration between all the stakeholders. The Creative Spark program in Kazakhstan is a perfect model that draws attention to interaction between the key players: government, academia, businesses, and civil society. Through the increased financial resources, government recognition of creative sector and its significance, and education the program facilitates the interconnection between these players. Creative Spark proved itself as a successful model promoting creative entrepreneurship, and might be considered a potential blueprint for the government of Kazakhstan when broadening the support system for the industry. The initiative didn't directly command the policy in the creative sector, more likely it "sparked" the potential and challenges to motivate the government become a more active participant in its growth.

Kazakhstan has improved its legislative framework to promote the growth of the creative economy, with the goal of reinforcing regional identity via the cultivation of common cultural values and ambitions.

The creative industries are one of the important sectors of Kazakhstan's economy and they are playing an increasingly important role in economic development and job creation. There is a growing demand for creative workers in all sectors of the economy and the Kazakh government is committed to developing the creative industries as a key driver of economic growth. It has adopted the Concept for the development of the creative industries for 2021–2025. This strategic plan anticipates that by 2025, Kazakhstan's creative industries will contribute 5% to the nation's GDP, employ 4 % of the workforce, and have 1.5 times more small and medium-sized businesses compared to other economic sectors [16]. The creative sector in Kazakhstan consists of 43 different categories of activities including architecture, fashion, art, music, design, film, information technology, folk crafts, and other creative fields. According to the register of legal entities in Kazakhstan, as of January 2018, there were 17,581 creative enterprises, accounting for 3.8 % of all registered legal entities in the country. This data [17] indicates that the creative industries are a significant sector of the Kazakhstani economy, and that Almaty and Astana are the primary drivers of this sector (Figure 1). Almaty remains a key player in the country's creative industries due to its large population, historical role, and dynamic cultural landscape. The city's high concentration of educational institutions contributes to a strong talent pipeline. Almaty hosts 8.8 % of Kazakhstan's creative enterprises, employing around 44,900 people and generating 37.7 billion tenge in tax revenue and 402.8 billion tenge in service revenue in 2020. This highlights Almaty's economic contribution and potential for further development as a creative hub [18].

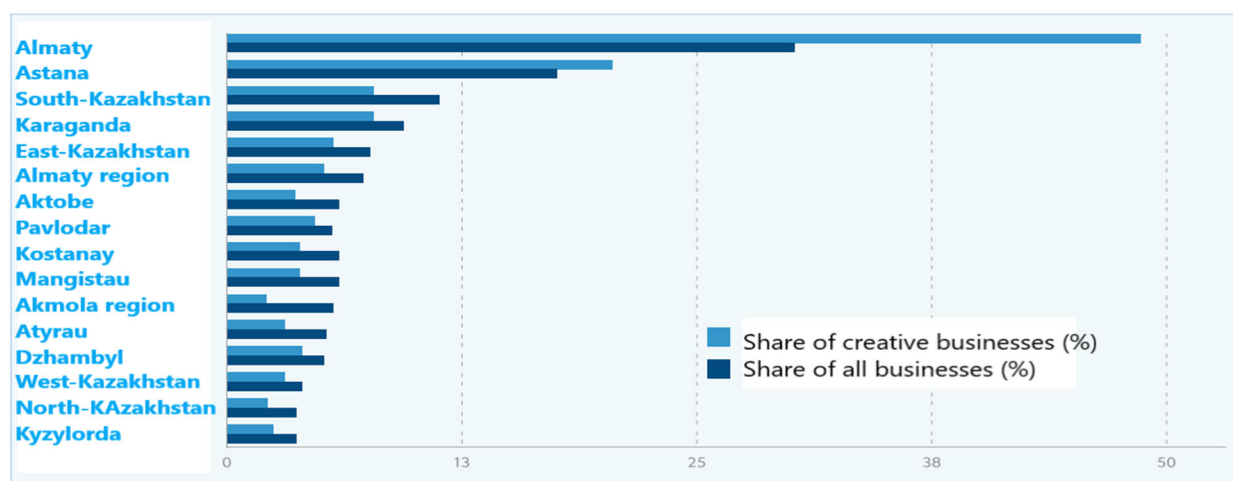

Figure 1 – Share of all registered creative businesses in the regions of Kazakhstan in 2018

Note – Pratt et al. [17]

The Smart Sustainable City Profile of Almaty [19] was developed by the Almaty City Government using funds from the UNDA regional project «Smart Sustainable Cities for the 2030 Agenda for Sustainable Development and the New Urban Agenda in the UNECE Region». The project aims to assist cities in transitioning

towards intelligent and sustainable development, accelerating the realization of Sustainable Development Goal 11 [20] and other urban-related SDGs. The Almaty Smart Sustainable City Profile provides a basis for understanding the city's sustainability issues and potential, enabling Kazakhstan to advance towards its sustainability goals. The city's digitalization strategy, «Smart Almaty» for 2020-2025, aims to create a digital environment for efficient public service deployment, smart interaction, and collaboration with private initiatives. The strategy builds on collaboration among state bodies, private sector, and science [19].

The creative industries employ 95 thousand people now, with fixed asset investments totaling 33.3 billion tenge [21]. There are 32 thousand active corporate entities, and the creative industries contribute 2.7 % of Kazakhstan's economy. The gross value added is significant in the creative industries (Figure 2).

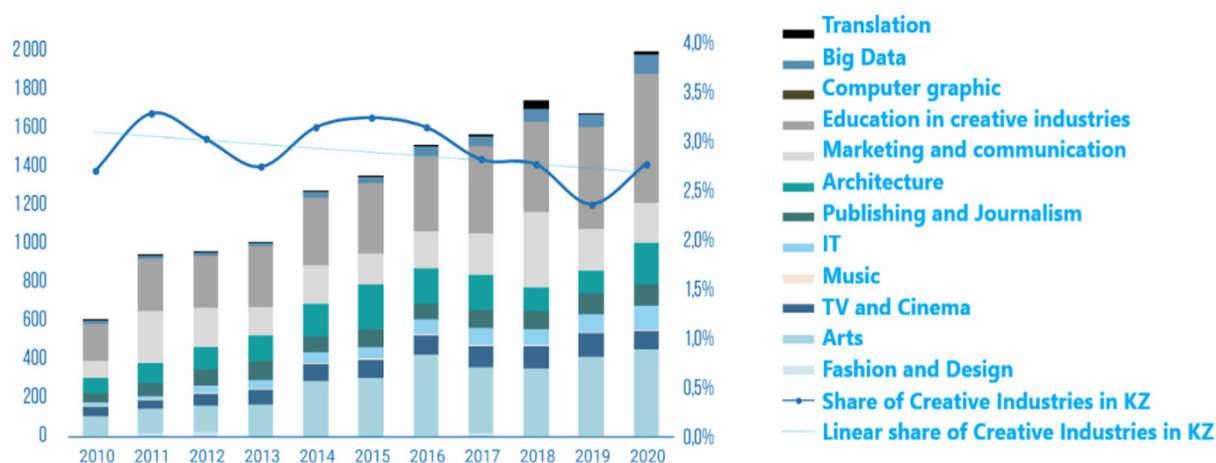

Figure 2 – Gross value added dynamics in Creative Industries 2010-2020, billion tg

Note – Economics Research Institute [22]

This number has risen in Kazakhstan during the past ten years, yet only roughly 3% of Kazakhstan's GDP is made up of creative businesses.

Additionally, employers find the creative sectors more appealing. In 2020, 3.4 % of all jobs in Kazakhstan were in the creative economy, which employed roughly 310 thousand people [22]. Between 2010 and 2020, employment in the creative industries grew at an average annual rate of 2.8 %, compared to the national average of 0.6% (Figure 3).

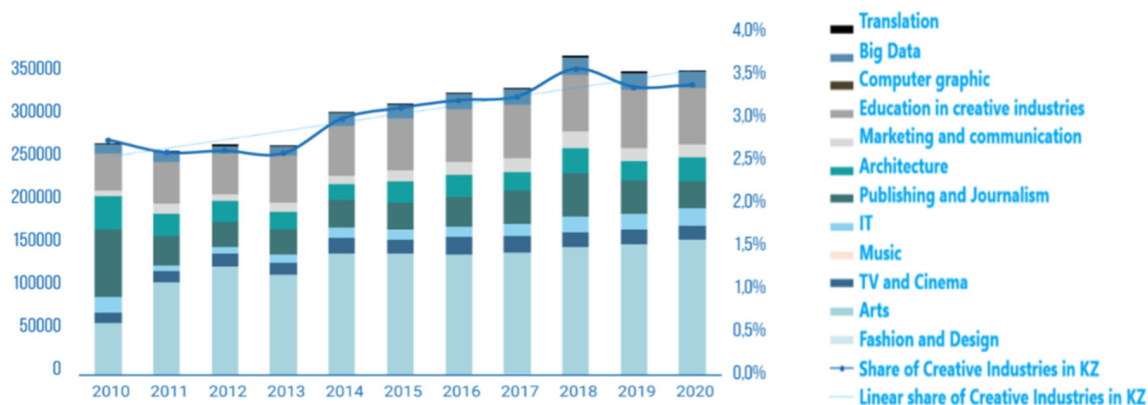

Figure 3 – Employment in Creative Industries, 2010-2020, people

Note – Economics Research Institute [22]

The design, art, and marketing industries saw the fastest percentage growth in the number of employees.

In the beginning of 2024, the UNDP, Ministry of Culture and Information, and Almaty Management University conducted training workshops on creative industries in Astana [23]. The sessions targeted local akimat representatives and took place at the Academy of Public Administration. Katarzyna Wawiernia, UNDP Resident Representative in Kazakhstan, highlighted the importance of creative industries in promoting sustainable development. The workshops highlighted Kazakhstan's potential in this area, with skilled and visionary young people being the primary catalyst for long-term and environmentally responsible development.

Digital Transformation of Kazakhstan: Leaving Creative Industries Behind. Kazakhstan has achieved a lot in the fields of digitalization through immense investments and ambitious official projects, such as "Digital Kazakhstan" and "Technological Leap" during 2018-2024.

The total amount budgeted for Kazakhstan's "Digital Kazakhstan" national program for the 2018-2022 period was 108.7 billion tenge, with a total budget for 2020 of 35 billion tenge [24]. From 2018 to 2021, 207.5 billion tenge were utilized, including 82.4 billion from the republican budget and 90.6 billion in private investments [25]. The program sought to digitalize all aspects of the State of Kazakhstan, moving towards the establishment of a digital state to implement the Digital Silk Road, develop human capital, and foster innovation. It was intended to increase labor productivity and capital growth through the transformation of traditional sectors, the transformation of public services into state functions acting as infrastructure, and the establishment of a creative society for the knowledge economy. This program further aimed to create stable horizontal connections between business, science, and the state acting as a catalyst for fostering technological entrepreneurship and innovation.

Launched to curb the digitalization in Kazakhstan, the National Project "Technological Leap" (2021-2025) requires 2.26 trillion tenge as funding, and it can produce about 100,000 jobs and possibly increase the information and communication technology sector share of GDP by about 5% [26].

Nevertheless, there are still gaps exist in the creative sectors because they have been given less attention in the overall strategy for digitization. The development of infrastructure, digital public services, support for tech entrepreneurs and introducing digital technologies into traditional economic sectors are the primary goals. While activities focus on these areas, human-capacity issues remain the highest priorities: training in IT skills and developing digital skills.

The development of the creative industries in Kazakhstan during the ongoing phase of digitalization is hampered by a lack of well-laid plans, funding shortages, weak infrastructure, inadequate knowledge about intellectual property, lack of sufficient economic resources, and many others. Key hindrances to progress are the absence of unified strategies for the development of creative industries in the digital context.

The Table 1 explains the potential economic impact and trade-offs of smart city technology implementation in creative industries in Kazakhstan. Capital costs cover initial investments in R&D, infrastructure, and entrepreneurship. However, long-term operational costs, like infrastructure maintenance, software upgrades, cyber security and data privacy measures are crucial to be considered.

Table 1 – Evaluation of economic costs and benefits

Potential Economic Costs	Potential Economic Benefits
Initial Investments:	
Smart City Infrastructure: Implementation of smart city-technologies, such as high-speed internet, efficient workplaces, and the Internet of Things (IoT) infrastructure, is expected to cost a considerable amount for either the government or the private sector.	Increased Productivity and Efficiency for creative industries: Smart City technologies enhance productivity in a number of transport, energy, and public service areas, leading to economic growth.
Supporting Creative Enterprises: Supporting entrepreneurship may involve financial outlays with regard to subsidies grants and tax incentives.	Job Creation: it can engender job creation and diversification, thus creating new jobs for designers and technologists to entertainers, diversifying economies away from dependence on traditional sectors.

Education and Skill Development: There are financial costs involved for training people on different educational courses in order to have them develop the skill set.	Economy Diversification: It could perhaps minimize the heavy reliance on natural resources in an economy by nurturing creative entrepreneurship.
Maintenance of Infrastructure:	
Maintenance and upgrading of smart city infrastructure, including internet network maintenance, software updates, and cybersecurity actions, will incur continuing expenditures.	Stimulating Investments: A vibrant creative economy stimulates foreign investment, contributing to job creation, and increases import of the national creative product to the international market.
Addressing Possible Risks:	
Data Privacy and Security: It is essential to implement data privacy and security measures to protect sensitive data collected by smart city technologies. These systems can also be expensive.	The Better Quality of Life: Smart city technologies can significantly uplift quality of life by enhancing access to services, decongesting traffic, and augmenting environmental sustainability.
Job Displacement: The adoption of smart city technologies may result in the job displacement of some sectors.	
Note – complied by the authors	

Fostering Creativity: How Smart Cities Support Creative Industries. Urban smart cities play a crucial role in promoting creative industries. This is done via employing advanced technologies and innovative infrastructure to cultivate environments that encourage creativity and entrepreneurship. Through data-driven solutions, these cities enhance connectivity, streamline public services, and improve the quality of life, thereby drawing in creative professionals and businesses. Smart cities provide state-of-the-art facilities such as co-working spaces, incubators, and tech hubs, which offer the necessary resources and networks for the growth of creative enterprises. Moreover, they emphasize sustainability and cultural richness, making them appealing to creative talents seeking dynamic, eco-friendly, and culturally vibrant urban settings. Komninos & Kakderi [27] stated that by incorporating smart technologies into urban planning and development, these cities establish ecosystems where creative industries can flourish, fostering economic growth, job creation, and innovation.

The creative industries play a crucial role in driving economic growth, and smart cities provide novel prospects for these sectors. Cultural and creative areas contribute to the improvement of the quality and liveliness of urban life, hence increasing the attractiveness and sustainability of cities (Table 2 in Appendix 1).

Smart cities promote creativity by implementing advanced infrastructure, establishing a supportive environment, utilizing digital technology, implementing human-centric management practices, generating employment opportunities, and providing cultural places. Their role include facilitating the development of infrastructure for research and development initiatives, fostering innovation, and making investments in management practices that prioritize the well-being and needs of individuals [11].

These aspects jointly contribute to the growth of a prosperous creative economy, which in turn stimulates innovation, social unity, and environmental sustainability. Smart cities in Kazakhstan enhance creative industries by utilizing cutting-edge technologies and modern infrastructure to foster an environment that encourages creativity and entrepreneurship.

The evolving landscape of creative industries calls for places and working-settings, which can cater to creativity and share the work of living. The term 'co-working' is a very interesting and fast-growing idea in the last few years [33]. The situation in the labor market is changing rapidly. More and more people do not want to go to the office daily and receive a monthly fixed salary. Freelancing and self-employment have increasingly become more attractive alternatives to the "9-to-5" job, especially for entrepreneurs in the creative industry. That is why creating co-working centers in each city of Kazakhstan is a non-complex and good decision for stimulating the work of creative entrepreneurs.

Ust-Kamenogorsk city is located in East-Kazakhstan, offers unique opportunity for the development of a co-working platform due to the growing creative sectors and smart-city initiatives. The cost-benefit analysis [34] can be conducted to find the viability of creating a co-working space, mainly for the creative industries, using smart city technology in Ust-Kamenogorsk, East-Kazakhstan (Table 3). The costs in the table are approximate and may vary depending on the factors like location, equipment selection, and the desired capacity of the co-working space.

Table 3 – Cost-Benefit analysis: Creating co-working space

Expenditures	Min amount (average value) tg	Comments
Initial costs		
Furniture and equipment	10 000 000	Varies depending on the amount of equipment purchased (20 work spaces, 10 computers, 1 3D printer, 1 projectors, 2 printer, 1 coffee machine, water coolers, routers, hubs, etc)
Advertising campaign	400 000	Print and digital commercial
Business registration (individual entrepreneur)	0	Registering individual entrepreneur form of business online is free (https://egov.kz/cms/ru/articles/Kak-otkryt-IP). Additional expenditures might be associated with banking activities
Renovation, design and furnishing	6 000 000	
Automation of the center with smart-home systems	1 500 000	Access control systems (e.g., biometric systems or access cards), platforms for managing bookings and payments: the cost of the license can vary depending on the functionality, customer accounting and CRM systems, installation of high-speed internet and Wi-Fi equipment, video surveillance and security systems.
Total	17 900 000	
Monthly costs		
Rent 100 m ²	800 000	8 000 tg -10 000 tg per m ² in the downtown
Consumables	500 000	Stationary, ink, coffee, toilet paper, soap
Utilities	300 000	Utilities and internet
Depreciation	500 000	
Salary fund	1 100 000	Director: 300,000 tenge Administrators (2): 400,000 tenge Cleaner: 150,000 tenge Taxes/deductions: 250,000 tenge
Total costs	3 200 000	
Revenue		
Minimal number of users per month	100	
Average monthly fee	50 000	
Total	5 000 000	
Calculations		
Net profit per month	1 800 000	Revenue-Monthly costs
Annual net profit	21 600 000	Net profit *12
Payback period	0,83 years (approximately 10 months)	Initial cost/annual net profit
Benefit-cost ratio	1,56	Revenue/monthly costs
Note – complied by the authors		

Since the benefit/cost ratio is more than one and payback period are less than a year, such a project would be viable. In order to increase the revenue potential and attract more visitors, the creative spaces can implement subscription models, added value services, partnerships and sponsorships, marketing and outreach, community building, flexible workspace options, accessibility, and government support. Some of the additional services that would be great for added revenue include workshops, training courses, and courses for technical training, training for professional development, equipment rentals, and an on-site café. To ensure accessibility and promote inclusivity, this kind of co-working centers can be established in diverse locations across the city. The operation costs of these centers will vary depending on the factors such as location and availability of the resources.

THE MAIN PART OF THE RESEARCH

Methodology and findings. The research focuses on identifying key areas where policy and infrastructure development can promote a flourishing creative industry, thereby contributing to the country's smart city am-

bitions. It also aimed to understand the effects of a proposed policy framework and infrastructure investments on cooperation, creativity, and business expansion within the creative sector. A qualitative research method was adopted whereby individual interviews with creative entrepreneurs were conducted in order to reveal key challenges existing in the sector. The study's key research question has been formulated as: "What policy frameworks and infrastructure are required in Kazakhstan to provide a supportive sustainable ecosystem for creative enterprises inside smart cities?"

The original Quadruple Helix Model, reconceptualized by the authors to investigate the policy and infrastructural prerequisites for fostering a conducive environment for creative enterprises within Kazakhstani smart cities, underscores the intricate interplay among its constituent elements (Figure 4).

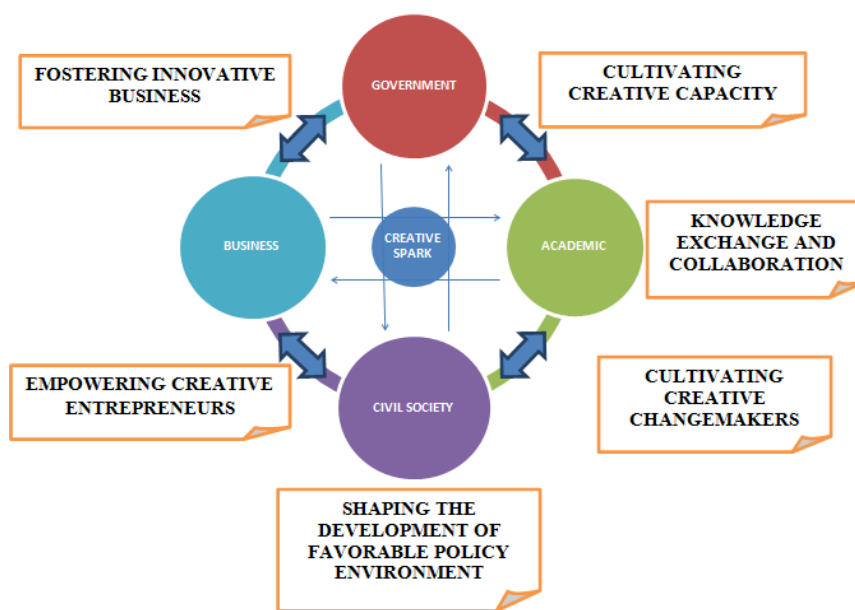

Figure 4 – Quadruple Helix Model for Kazakhstan's Creative Economy

Note – Developed by the authors based on the source [15]

The Quadruple Helix Model, tailored for Kazakhstan's creative economy, emphasizes the significance of collaborations among government, academia, business, and civil society to establish a sustainable creative ecosystem in smart city areas. Government policies serve as pivotal determinants of consumer preferences, while universities contribute by cultivating requisite educational programs. In parallel, invaluable practical training is being offered by the businesses, alongside with the civil society organizations advocating for policies to promote creative economy. Through this successful model the players of can enhance the collaboration within the creative economy of Kazakhstan. The model also empowers the stakeholders to mutual work for the sake of the dynamic and thriving creative sector, which in turn contributes to the economic and social development of the whole country.

The interactions between the stakeholders along with the benefits for a thriving creative economy resulted from Figure 4 are described in details in Table 4 in **Appendix 2**, where SMART goals and KPIs are being utilized as clear metrics to evaluate their effectiveness. By tracking these KPIs, stakeholders can make adjustments to achieve the desired outcomes for a flourishing creative ecosystem.

The collaboration between government and businesses is essential for promotion of innovative enterprises to increase resources, create jobs and contribute to the country's GDP. It is also crucial to empower entrepreneurial individuals, share knowledge and promote educational initiatives. The final interaction between academia and civil society concentrates on nurturing creative changemakers through the integration of social awareness and ethics into creative education. Community oriented projects are the examples that can be used

to address social issues through creative solutions. Successful collaboration between those stakeholders will lead to a vibrant and enduring creative ecosystem in Kazakhstan. Application of this approach guarantees a more prosperous and innovative creative sector.

To explore the viewpoints and practical experiences of the creative entrepreneurs from several areas of Kazakhstan the work implements a qualitative research approach, embedded in the Quadruple Helix Model. Seventeen in-depth interviews with entrepreneurs from Ust-Kamenogorsk, Almaty, Astana and Semey were conducted for this study to gain comprehensive, firsthand perspectives of the challenges and opportunities they experience. Moreover, their answers can start a base for the support mechanism essential for nurturing a robust creative economy of Kazakhstan since the challenges they experiencing are similar to the most of the industry. According to L. Altinay, & A. Paraskevas [35] the qualitative approach is commonly reputed as the most effective data collection method to comprehend the data from the in-depth interview and represent in details the studied phenomenon. This most appropriate data collection technique to gather the primary data through semi-structured interviews was chosen for this study for several reasons. Foremost, the interviews allow the researchers to obtain substantial and thorough data regarding the up-to-date state of the emerging creative industry in Kazakhstan. The absence of precise statistical data on the creative sector makes it difficult to analyze and forecast which is crucial for strategic planning in this industry. Moreover, personal interviews provide the opportunity to see the authentic insights of the creative entrepreneurs and more precisely distinguish their challenges.

The research used Braun and Clarke's [36] thematic analysis with the aim of uncovering critical factors for exploring the necessary legislative frameworks and infrastructure investments for creating a favorable environment for creative businesses in smart cities. Participants were interviewed in their native languages, Kazakh and Russian, to facilitate open and confident communication. Each interview lasted 20-30 minutes, aiming for in-depth responses while staying focused. The verbatim transcriptions were later translated into English for further analysis. The demographics of respondents are provided in Table 5.

Table 5 – Demographic profile of the respondents

Respondent	Gender	Age range	Region	Type of Creative Entrepreneurship
R1	Female	18-25	Ust-Kamenogorsk	Creative product development
R2	Female	46-55	Ust-Kamenogorsk	Creative product development
R3	Female	56-65	Ust-Kamenogorsk	Creative service development
R4	Female	35-45	Ust-Kamenogorsk	Creative product/service development
R5	Female	35-45	Ust-Kamenogorsk	Creative service development
R6	Male	18-25	Ust-Kamenogorsk	Creative product development
R7	Female	35-45	Astana	Creative technology development
R8	Female	35-45	Ust-Kamenogorsk	Creative product development
R9	Female	26-35	Semey	Creative service development
R10	Female	35-45	Ust-Kamenogorsk	Creative product/service development
R11	Male	56-65	Ust-Kamenogorsk	Creative product development
R12	Female	26-35	Ust-Kamenogorsk	Creative product development
R13	Male	26-35	Ust-Kamenogorsk	Creative service development
R14	Female	18-25	Ust-Kamenogorsk	Creative product development
R15	Male	35-45	Semey	Creative product development
R16	Female	35-45	Almaty	Creative product/ service/technology development
R17	Female	18-25	Oskemen	Creative product development

Note – compiled by the authors based on the conducted survey sources

Maguire & Delahunt in their work dedicated to thematic analysis [37] declared that meticulous investigation of the collected qualitative data in forms of interview transcripts or textual materials is the initial step of data immersion. In the initial state the data gets organized systematically via coding – a process that breaks down the extensive amount of data into smaller pieces. Two coding techniques – the open and axial were

adapted to correlate with the research objectives and implied the detailed examination of the transcripts. A comprehensive list of codes was generated from the data received following the methods described by Braun and Clarke [36]. The major goal was to pinpoint the patterns and correlations across the entire data set [38]. Those were the key characteristics of the dataset relevant to the research focus and unveiled the distinct patterns. The next phase entailed their further adjustment.

Key Benefits of Integrating Smart City Technologies and Creative Industries in Kazakhstan. A multidimensional influence on creativity was revealed through the in-depth interviews on the integration of smart city technologies into the creative industries of Kazakhstan. Several major potential areas for the technologies to stimulate the transformation and expansion were highlighted by the participants. As the key benefits of smart city technology integration into the creative industries in Kazakhstan were emphasized the following criteria: *“Improved motivation and creativity”*, *“Enhanced resource management and efficiency”* and *“Greater market opportunities”*. Admission to the leading technologies facilitates more effective generation and implementation of new ideas by the creative entrepreneurs. More resonant and impactful work can be produced with the data analytics providing insights into the target audience preferences. Creative individuals from diverse fields can collaborate easier due to the environment fostered by the smart city technologies:

“...Creative self-realization, is something I believe can be provided as the result of smart technologies. For instance, the use of data and analytics will help us to better understand our audience and create more resonant work. In addition, smart cities can serve as platforms for showcases, allowing us to reach a wider audience...”

Furthermore, some respondents predicted the appearance of novel artistic formats like interactive installations though the use of augmented reality and immersive virtual theaters. It is expected that these innovations will serve as a major attraction to new audiences and boost the creativity within the arts:

“...New creative formats are about to emerge through the integration of smart city technology and creative industry. Interactive art installation via augmented reality technologies or virtual theaters where the spectators are to be completely immersed in the performance can be imagined already. Such innovations will stimulate creativity and attract new art fans...”

Respondents expressed confidence that integrating smart technologies will yield long-term benefits, laying a foundation for the development of Kazakhstan’s creative economy. This integration is seen as a pathway to sustained innovation and growth. Interviewees expect that smart technologies can enhance efficiency by streamlining workflows. Tools like cloud storage and project management systems allow creatives to collaborate remotely, freeing up time for more creative pursuits and reducing the burden of routine tasks. The use of virtual and augmented reality technologies can expand market opportunities for creative professionals, making their work accessible to global audiences. This potential for broader distribution is viewed as a significant advantage in enhancing the competitiveness of Kazakhstan’s creative industries. The insights from the interviews suggest that Kazakhstan’s creative industries are on the brink of a significant transformation. By leveraging smart technologies, creatives can tap into global markets, thereby increasing their visibility and sales potential. This global reach is vital for the sustainability and growth of the creative economy in Kazakhstan:

“...Smart technologies can help creative businesses in Kazakhstan improve the quality of their products and services, making them more competitive in the international market; ... Smart cities can become a new market for creative products and services...”

Key Challenges in Integrating Smart City Technologies and Creative Industries in Kazakhstan. The integration of smart city technologies and creative industries in Kazakhstan faces several significant challenges that must be addressed for successful development and growth. Insufficient funding from both public and private sources is a major barrier to implementing innovative projects, purchasing necessary technologies, and ensuring adequate infrastructure. Lack of available credit lines, limited budgets, and complex grant procedures hinder investment in these areas by various stakeholders:

“...Insufficient funding poses a significant barrier to the development of smart cities and creative industries in Kazakhstan. This limits the ability to implement innovative projects, purchase necessary technologies and ensure the availability of infrastructure. Lack of available credit lines, limited budgets and complex grant procedures hinder both public and private actors from investing in these areas...”

Poor infrastructure, shortage of skilled personnel and limited availability of dedicated spaces for creative enterprises, makes it difficult to implement and use smart city technologies effectively. The absence of specialized spaces, co-working centers, studios, and exhibition facilities also holds back the growth of creative industries:

“...Broadband internet access is vital to the operation of many smart city technologies, such as traffic management systems, smart lighting systems and connected devices. In some regions of Kazakhstan, access to high-speed Internet is limited or absent, making the adoption of these technologies difficult. An efficient transport system is a key to the successful operation of smart cities. However, in some regions of Kazakhstan, the transport system is outdated and does not meet the requirements of modern technologies...”

... The development, implementation and maintenance of smart city technologies require skilled personnel in information technology, engineering and other related fields. There is a shortage of such specialists in Kazakhstan, which hinders the development of smart cities...”

The lack of clear legislation governing the use of smart city technologies and the operation of creative industries creates uncertainty and hinders the development of these sectors. The investments and growth opportunities are limited because of the bureaucratic barriers, weak approval processes, and a lack of government incentives for innovation:

“...The uncertainty, lack of clear legislation governing the application of smart city technologies along with the creative industry operations hinders the development of these sectors. Bureaucratic barriers, weak approval processes, lack of government incentives for innovation, all of the above holds back investment and growth opportunities...”

The Table 6 proposes a strategy to improve the efficiency of the ecosystem of the creative industries in Kazakhstan. It is performed by mitigating bureaucratic barriers and ambiguous layers of legislation.

Table 6 – Improvement strategies for regulatory landscape

Eliminating Bureaucratic Barriers & Ambiguous Legislations	Improving Legal Clarity
Applications of Improved Regulatory Processes:	A Complete Legal Review: The review of legislation relating to the developing creative industries in smart cities to ascertain where there are inconsistencies, conflicts, ambiguities, or overlaps.
One-Stop point: Create an online platform for businesses to collect all the necessary licenses, permits, and approvals.	
Digitalization of Administrative Procedures: The digitization of administrative processes will significantly reduce paperwork, time taken, and corruption risks.	Build Clear Legal Frameworks: Develop clear legislation to spur creative entrepreneurship by promoting interests that go against the traditional corporate business models. These include issues of this nature, such as intellectual property rights, data protection, and digital rights.
Risk-Based Approach: Run a risk-based approach to regulation, focusing on high-risk sectors, while minimizing unnecessary strain on low-risk creative companies.	Public Consultation: The involvement of relevant stakeholders (creative entrepreneurs, industry associations, legal experts) in the development and review phases of new legislation to ensure it meets the sector's needs.
Specific Examples within the Kazakhstan Context:	Creating Trust and Transparency:
Develop and implement a separate “creative industries act” that addresses the concrete needs and challenges of the creative sector in Kazakhstan.	Establish clear links of communication for the transparent communication of governmental agencies to creative entrepreneurs.
Establish an advisory body called the "Creative Industries Council". This body will create a platform through which industry representatives can interact and cooperate with public officials and academic institutions.	Promoting accountability: Monitor and evaluate the effectiveness of regulation and respond to business community concerns raised.
Create a special fund to support developing digital infrastructure and skills training for creative entrepreneurs in smart cities.	Confronting Corruption: Strengthening anti-corruption measures so that there is a fair and equitable treatment for all businesses touching creative industries.
Note – compiled by the authors	

A multi-pronged approach is suggested to improve regulatory clarity, administrative streamlining digitization, creating clear legislative architecture, a risk management approach, and engaging stakeholders for the elaboration and review of legislation. Clear lines of communication between government agencies and creative entrepreneurs bridge the gap between transparency and confidence. Once the stronger monitoring and evaluation mechanisms are in place, it allows for accountability; working on anti-corruption issues; and providing stimulus for innovation with a special fund for digital infrastructure and skills training in support of creative entrepreneurs operating in smart cities. Such measures aspire towards a conducive environment for the flourishing of Kazakhstani creative industries.

The Role of Public-Private Partnership Policy Framework and Innovation Hubs in Developing Smart Cities and Creative Industries in Kazakhstan. The findings discovered through the qualitative research emphasize the critical importance of public-private partnership policy and encourage incubators and hub development boosting the advancement of smart city technologies and creative industries in Kazakhstan. To successfully integrate the smart city technology and creative industry it is essential for the government to collaborate with the private sector. Knowledge and experience that those sectors poses should be combined to create synergies and more efficiently use the resources to stimulate the growth of economy, better the quality of life, and create innovative solution. The government is a key player to enable environment for a working public-private partnership policy incentives, R&D funds, and regulatory framework creation. This can be done through the support of public-private partnership, co-financing projects mechanism creation and acquisition procedures. It is crucial to understand that those incentives along with the funding become available for small and medium-sized enterprises vital to the creative economy development, in addition to the large companies:

“...To accelerate the development of smart cities and creative industries in Kazakhstan it is important for the state and private sector to cooperate and support innovation centers and incubators. The public sector possess the authority and resources to build up the fitting environment for the creative industries and smart cities development. The private sector has the innovative solutions and experience and investment potential. Synergies and more effective use of available resources can result from the collaboration of these two sectors; ... The development of creative industry and introduction of smart city technologies can result from the creation of hubs, innovation centers and incubators. Entrepreneurs can get access via those centers to the needed resources, mentorship, and funding to implement their ideas to life...”

The development of the creative industries and adoption of smart city technologies can result from the creation and support of innovation centers and incubators. Creative entrepreneurs can get access to whole range of resources needed to implement their ideas. The government should focus on supporting infrastructure development and actively participate in increasing awareness about their role in promoting entrepreneurship. The creation of networks can further boost the innovation and creativity ecosystem.

CONCLUSION

The creative sector in Kazakhstan is undergoing a transformative phase, stimulated by the development of smart city technologies and the initiatives like Creative Spark. This program has provided a tremendous support to creative entrepreneurs through funding, global networking and training. Meanwhile, smart city technologies empower the environment for creativity with the help of modern infrastructure and sophisticated technologies. The synergy is paramount when boosting innovation, collaboration and economic expansion within the creative industries of Kazakhstan.

The goal of this research was to point out the development of essential legislative architecture and investment infrastructure to create a favorable ecosystem for creative businesses within the smart cities of Kazakhstan. Seventeen in-depth interviews with creative entrepreneurs from several regions were conducted through qualitative research to uncover the specific challenges they face in their profession. During the thematic analysis of the interviews critical factors like improved innovations, enhanced efficiency and greater market opportunities due to smart city technologies were highlighted.

Nevertheless, there are challenges to integrate smart city technologies into the creative sector such as insufficient funding, lack of infrastructure and indeterminate legislation. A favorable ecosystem for creative indus-

try needs to be established to be able to contribute to the sustainable development. These issues can be addressed through the strategic policy framework, investment in infrastructure, and public-private partnerships.

The Quadruple Helix Model for Kazakhstan's Creative Economy suggested by the authors and the description of the stakeholders' interactions help to understand the interplay between the key actors: government, society, business and academia, assisting the policy makers in development of a robust creative ecosystem.

This work contributes to the academic discourse and provides practical strategies directing the creative industries in an incrementally technology powered future of Kazakhstan.

The insights from this work will provide a considerable input for strategic decisions to foster economic and cultural growth of Kazakhstan in its pursuit to embrace technological progress and creative entrepreneurship development.

REFERENCES

1. British Council. Creative Spark: A program for higher education institutions aimed at developing entrepreneurial skills, funded by the British Council, the United Kingdom's international organization for cultural relations and educational opportunities [Electronic source] // British Council [website]. – 2018. – URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/ru/programmes/education/creative-spark> (Accessed: 18.05.2024)
2. Приказ Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 30 апреля 2024 года № 258/НК Об утверждении Методики построения «умных» городов (Эталонный стандарт «умных» городов Республики Казахстан) [Electronic resource] // Online zakon [website]. – 2024. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33329499 (Accessed: 23.05.2024)
3. Alberto De Marco, Giulio Mangano. Evolutionary trends in smart city initiatives // Sustainable Futures. – 2021. – Vol. 3, - 100052, ISSN 2666-1888. – DOI:10.1016/j.sftr.2021.100052.
4. Prince Antwi-Afari, De-Graft Owusu-Manu, Barbara Simons, Caleb Debrah, Frank Ato Ghansah. Sustainability guidelines to attaining smart sustainable cities in developing countries: A Ghanaian context // Sustainable Futures – 2021. – Vol. 3, - 100044, ISSN 2666-1888. – DOI: 10.1016/j.sftr.2021.100044.
5. Jász B. Mental map of the city: elements of visual argumentation and creativity in modern city planning // Creativity Studies – 2018. – № 11(2). – P. 284-293. – DOI:10.3846/cs.2018.6901
6. Gwiazdziński E., Kaczorowska-Spychalska D., Moreira Pinto L. Is it a smart city a creative place? // Creativity Studies – 2020. – № 13(2). – P. 460-476. – DOI:10.3846/cs.2020.12190
7. De Souza Sánchez, Pablo Miguel. De las Smart Cities a las Ciudades Creativas: hacia un nuevo modelo urbano sostenible para las ciudades intermedias turísticas - McGraw-Hill, 2023. – P. 845-863. – DOI:10.5281/zenodo.10413189
8. Veselá, Dagmar & Klimová, Katarína. Knowledge-based Economy vs. Creative Economy // Procedia - Social and Behavioral Sciences – 2014. – 141. – DOI:10.1016/j.sbspro.2014.05.072
9. Božić, Velibor. Creative Industries: The Future of Innovation and Impact – 2024. – DOI:10.13140/RG.2.2.15753.21606
10. Syafri Muhammad, Shobirin Mochammad, Ekowati Dhiana, Maghfirah Nuril. The Impact of Creative Industries on Economic Growth: Case Studies in Developing Countries in Malaysia and Indonesia // West Science Journal Economic and Entrepreneurship – 2023. – № 1. – P. 271-278. – DOI:10.58812/wsjee.v1i10.295.
11. Florida R. The Rise of the Creative Class. - Hachette UK, 2019. – 512 p.
12. Regulation (eu) 2021/818 of the european parliament and of the council establishing the Creative Europe Programme (2021 to 2027) and repealing Regulation (EU) No 1295/2013 [Electronic resource] // European Union [website]. – 2021. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021R0818> (Accessed:12.06.2024)
13. European Commission. Data on the cultural sector. [Electronic resource] // Culture and Creativity [website]. – 2024. – URL: <https://culture.ec.europa.eu/policies/selected-themes/data-on-the-cultural-sector#:~:text=According%20to%20Eurostat%20figures%2C%20cultural,total%20workforce%20in%20the%20EU%2C> (Accessed: 23.02.2024)

14. IFF Research & ECORYS. Creative Spark Higher Education Enterprise Programme Report. British Council – 2024.
15. Ahmad, Prayudi & Ayu Ardhanariswari, Kartika & Probosari, Ninik. The Quadruple Helix Communication Model in Yogyakarta's Creative City Development // Jurnal ASPIKOM. – 2020. – № 5. – P. 294. – DOI:10.24329/aspikom.v5i2.704.
16. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2021 года № 860 Об утверждении Концепции развития креативных индустрий на 2021 – 2025 годы [Electronic resource] // Online zakon [website]. – 2021. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33480048 (Accessed: 5.06.2024)
17. Pratt A., Simpson Y., Shayakhmet D. Mapping of creative industries in Kazakhstan, [Electronic resource] // British Council [website]. – 2018. – URL: https://kazakhstan.britishcouncil.org/sites/default/files/bc_rus-compressed_0.pdf (Accessed: 6.02.2024)
18. Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. Алматы — локомотив развития креативных индустрий, [Electronic resource] // primeminister.kz [website] – 2021. – URL: <https://primeminister.kz/en/news/almaty-kreativti-industriyany-damytu-lokomotivi-3102023> (Accessed: 2.08.2024)
19. United Nations Economic Commission for Europe. Smart Sustainable Cities Profile, Almaty, Kazakhstan. [Electronic resource] // UNECE [website]. – 2024. – URL: https://unece.org/sites/default/files/2024-05/ECE%20HBP%20223_SSCP%20Almaty_E.pdf (Accessed: 5.07.2024)
20. UN Environment Program. Goal 11: Sustainable cities and communities. [Electronic resource] // UN [website]. – 2015. – URL: <https://www.unep.org/explore-topics/sustainable-development-goals/why-do-sustainable-development-goals-matter/goal-11> (Accessed: 10.05.2024)
21. United Nations Development Programme. Kazakhstan, News Center. UNDP analyzes the development potential of creative industries in the regions of Kazakhstan [Electronic resource] // UNDP [website]. – 2023 URL: <https://undp.org/kazakhstan/press-releases/undp-analyzes-development-potential-creative-industries-regions-kazakhstan> (Accessed: 10.08.2024)
22. Economics Research Institute, От искусства до Big data: что Казахстан может предложить в креативной экономике. [Electronic resource] // ERI [website]. – 2022. – URL: https://eri.kz/ru/Novosti_instituta/id=4183 (Accessed: 12.06.2024)
23. United Nations Development Programme. Kazakhstan. News Center. Creative Industries: Leap Towards Sustainable Development in Kazakhstan. [Electronic resource] // UNDP [website]. – 2024. – URL: <https://www.undp.org/kazakhstan/news/creative-industries-leap-towards-sustainable-development-kazakhstan> (Accessed: 3.08.2024)
24. Official information resource of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan. [Electronic resource] // primeminister.kz [website] – 2020. – URL: <https://primeminister.kz/ru/news/za-dva-goda-realizacii-gosprogrammy-cifrovoy-kazakhstan-v-innovacionnuu-ekosistemu-privleceno-32-8-mlrd-tenge> (Accessed: 8.01.2025)
25. Senate of the Parliament of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] // senate.parlam.kz [website] – 2022. – URL: <https://senate.parlam.kz/storage/5aaf9429205c429e8da465c18fe2d05c.pdf> (Accessed: 8.01.2025)
26. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. National project “Technological leap through Digitalization, Science, and Innovation”. [Electronic resource] // akorda.kz [website] – 2021. – URL: <https://akorda.kz/assets/media/files/tekhnologicheskij-ryvok.pdf> (Accessed: 8.01.2025)
27. Komninos N., Kakderi C. (Eds.). Smart Cities in the Post-algorithmic Era. – Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing; 2019. – 328 p.
28. Černevičiūtė J, Strazdas R. Creative Industries as Part of a Sustainable Urban Development Strategy: Vilnius City Case // Sustainability – 2023. – № 15(14):10778. – DOI:10.3390/su151410778
29. Loots Ellen, Neiva Miguel, Carvalho Luis, Lavanga Mariangela. The entrepreneurial ecosystem of cultural and creative industries in Porto: A sub-ecosystem approach // Growth and Change. – 2020. – № 52. – P.1-22. – DOI:10.1111/grow.12434.

30. Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH. Understanding cultural and creative industries and designing approaches for its development. [Electronic resource] // giz.de [website] – 2024. – URL: <https://www.giz.de/en/downloads/giz20224-en-understanding-cultural-and-creative-industries-and-designing-approaches-for-its-development.pdf> (Accessed: 6.08.2024)
31. Hsu Shang-Fang, Wang Xin-Yao, Yang Chia-Han, Liou Shyhnan. Crafting digital business ecosystems for cultural and creative industries // International Journal of Research in Business and Social Science – 2023. – № 12 (9): 1-15. – DOI:10.20525/ijrbs.v12i9.3045.
32. British Council. The Creative Hubs Report. [Electronic resource] // britishcouncil.org [website]. – 2016. – URL: <https://creativeconomy.britishcouncil.org/media/uploads/files/HubsReport.pdf> (Accessed: 13.04.2024)
33. Cabral V. and Van Winden W. The reaction of coworking spaces to the COVID-19 pandemic. A dynamic capabilities perspective. Service Business, 2022. – № 16(2). – P. 257-281. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11628-022-00489-6>.
34. Edwin Kee, J. Cost-Benefit Analysis, Encyclopedia of Social Measurement, Elsevier, 2005. – P. 537-544. – ISBN 9780123693983. – DOI: <https://doi.org/10.1016/B0-12-369398-5/00175-4>
35. Altinay L., Paraskevas A. Planning Research in Hospitality and Tourism. UK: Elsevier Ltd, 2019. – 344 p.
36. Braun, V. and Clarke, V. Using thematic analysis in psychology, Qualitative Research in Psychology 2006. – Vol. 3. – No. 2. – P. 77-101. – DOI: 10.1191/1478088706qp063oa
37. Maguire, M. and Delahunt, B. Doing a thematic analysis: a practical, step-by-step guide for learning and teaching scholars // All Ireland Journal of Higher Education – 2017. – Vol. 8, No. 3. – P. 1-14.
38. Dawadi S. Thematic analysis approach: a step by step guide for ELT research practitioners // Journal of NELTA – 2021. – Vol. 25. – Nos 1/2. – P. 62-71. – DOI: 10.3126/nelta.v25i1-2.49731

REFERENCES

1. British Council. (2018). Creative Spark: A program for higher education institutions aimed at developing entrepreneurial skills, funded by the British Council, the United Kingdom's international organization for cultural relations and educational opportunities. Retrieved May 18, 2024, from <https://kazakhstan.britishcouncil.org/ru/programmes/education/creative-spark>
2. Ministry of Digital Development, Innovations, and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan [Ministerstvo tsifrovogo razvitiya, innovatsiy i aerokosmicheskoy promyshlennosti Respubliki Kazakhstan]. (2024). Order No. 258/HK of April 30, 2024, on the approval of the Methodology for building "smart" cities (Reference standard for "smart" cities of the Republic of Kazakhstan). Retrieved May 23, 2024, from http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33329499 (In Russian).
3. De Marco, A., & Mangano, G. (2021). Evolutionary trends in smart city initiatives. Sustainable Futures, 3, 100052. <https://doi.org/10.1016/j.sftr.2021.100052>
4. Antwi-Afari, P., Owusu-Manu, D.-G., Simons, B., Debrah, C., & Ghansah, F. A. (2021). Sustainability guidelines to attaining smart sustainable cities in developing countries: A Ghanaian context. Sustainable Futures, 3, 100044. <https://doi.org/10.1016/j.sftr.2021.100044>
5. Jász, B. (2018). Mental map of the city: Elements of visual argumentation and creativity in modern city planning. Creativity Studies, 11(2), 284-293. <https://doi.org/10.3846/cs.2018.6901>
6. Gwiazdziński, E., Kaczorowska-Spychalska, D., & Moreira Pinto, L. (2020). Is a smart city a creative place? Creativity Studies, 13(2), 460-476. <https://doi.org/10.3846/cs.2020.12190>
7. De Souza Sánchez, P. M. (2023). De las Smart Cities a las Ciudades Creativas: Hacia un nuevo modelo urbano sostenible para las ciudades intermedias turísticas. McGraw-Hill, 845-863. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10413189>
8. Veselá, D., & Klimová, K. (2014). Knowledge-based economy vs. creative economy. Procedia - Social and Behavioral Sciences, 141. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.05.072>
9. Božić, V. (2024). Creative industries: The future of innovation and impact. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.15753.21606>

10. Muhammad, S., Mochammad, S., Dhiana, E., & Nuril, M. (2023). The impact of creative industries on economic growth: Case studies in developing countries in Malaysia and Indonesia. *West Science Journal Economic and Entrepreneurship*, 1, 271-278. <https://doi.org/10.58812/wsjee.v1i10.295>
11. Florida, R. (2019). *The rise of the creative class*. Hachette UK, 512 p.
12. European Parliament and Council. (2021). Regulation (EU) 2021/818 establishing the Creative Europe Programme (2021 to 2027) and repealing Regulation (EU) No 1295/2013. Retrieved June 12, 2024, from <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021R0818>
13. European Commission. (2024). Data on the cultural sector. Retrieved February 23, 2024, from <https://culture.ec.europa.eu/policies/selected-themes/data-on-the-cultural-sector#:~:text=According%20to%20Eurostat%20figures%2C%20cultural,total%20workforce%20in%20the%20EU%2C>
14. IFF Research & ECORYS. (2024). *Creative Spark Higher Education Enterprise Programme Report*. British Council.
15. Ahmad, P., Ardhanariswari, K. A., & Probosari, N. (2020). The quadruple helix communication model in Yogyakarta's creative city development. *Jurnal ASPIKOM*, 5, 294. <https://doi.org/10.24329/aspiKOM.v5i2.704>
16. Government of the Republic of Kazakhstan [Pravitel'stvo Respubliki Kazakhstan]. (2021). Resolution No. 860 of November 30, 2021, on the approval of the concept for the development of creative industries for 2021-2025. Retrieved June 5, 2024, from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33480048 (In Russian).
17. Pratt, A., Simpson, Y., & Shayakhmet, D. (2018). Mapping of creative industries in Kazakhstan. Retrieved February 6, 2024, from https://kazakhstan.britishcouncil.org/sites/default/files/bc_rus-compressed_0.pdf
18. Official information resource of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan [Ofitsial'nyy informatsionnyy resurs Prem'yer-ministra Respubliki Kazakhstan]. (2021). Almaty - locomotive for the development of creative industries. Retrieved August 2, 2024, from <https://primeminister.kz/en/news/almaty-kreativti-industriyani-damytu-lokomotivi-3102023> (In Russian).
19. United Nations Economic Commission for Europe. (2024). Smart sustainable cities profile, Almaty, Kazakhstan. Retrieved July 5, 2024, from https://unece.org/sites/default/files/2024-05/ECE%20HBP%20223_SSCP%20Almaty_E.pdf
20. UN Environment Programme. (2015). Goal 11: Sustainable cities and communities. Retrieved May 10, 2024, from <https://www.unep.org/explore-topics/sustainable-development-goals/why-do-sustainable-development-goals-matter/goal-11>
21. United Nations Development Programme. Kazakhstan, News Center. UNDP analyzes the development potential of creative industries in the regions of Kazakhstan. UNDP. (2023). Retrieved August 10, 2024, from <https://undp.org/kazakhstan/press-releases/undp-analyzes-development-potential-creative-industries-regions-kazakhstan> (in Russian)
22. Economics Research Institute. Ot iskustva do Big data: chto Kazakhstan mozhet predlozhit' v kreativnoy ekonomike. ERI. (2022). Retrieved June 12, 2024, from https://eri.kz/ru/Novosti_instituta/id=4183 (in Russian)
23. United Nations Development Programme. Kazakhstan, News Center. Creative Industries: Leap Towards Sustainable Development in Kazakhstan. UNDP. (2024). Retrieved August 3, 2024, from <https://www.undp.org/kazakhstan/news/creative-industries-leap-towards-sustainable-development-kazakhstan> (in Russian)
24. Official information resource of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan. (2020). Retrieved January 8, 2025, from <https://primeminister.kz/ru/news/za-dva-goda-realizacii-gosprogrammy-cifrovoi-kazakhstan-v-innovacionnuu-ekosistemu-privleceno-32-8-mlrd-tenge> (in Russian)
25. Senate of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. (2022). Retrieved January 8, 2025, from <https://senate.parlam.kz/storage/5aaf9429205c429e8da465c18fe2d05c.pdf> (in Russian)
26. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. National project "Technological leap through Digitalization, Science, and Innovation." Akorda.kz. (2021). Retrieved January 8, 2025, from <https://akorda.kz/assets/media/files/tekhnologicheskii-ryvok.pdf> (in Russian)
27. Komninos, N., & Kakderi, C. (Eds.). (2019). *Smart Cities in the Post-algorithmic Era*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. 328 p.

28. Černevičiūtė, J., & Strazdas, R. (2023). Creative Industries as Part of a Sustainable Urban Development Strategy: Vilnius City Case. *Sustainability*, 15(14), 10778. <https://doi.org/10.3390/su151410778>
29. Loots, E., Neiva, M., Carvalho, L., & Lavanga, M. (2020). The entrepreneurial ecosystem of cultural and creative industries in Porto: A sub-ecosystem approach. *Growth and Change*, 52, 1-22. <https://doi.org/10.1111/grow.12434>
30. Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH. (2024). Understanding cultural and creative industries and designing approaches for its development. Retrieved August 6, 2024, from <https://www.giz.de/en/downloads/giz20224-en-understanding-cultural-and-creative-industries-and-designing-approaches-for-its-development.pdf>
31. Hsu, S.-F., Wang, X.-Y., Yang, C.-H., & Liou, S. (2023). Crafting digital business ecosystems for cultural and creative industries. *International Journal of Research in Business and Social Science*, 12(9), 1-15. <https://doi.org/10.20525/ijrbs.v12i9.3045>
32. British Council. (2016). The Creative Hubs Report. Retrieved April 13, 2024, from <https://creativeconomy.britishcouncil.org/media/uploads/files/HubsReport.pdf>
33. Cabral, V., & Van Winden, W. (2022). The reaction of coworking spaces to the COVID-19 pandemic: A dynamic capabilities perspective. *Service Business*, 16(2), 257-281. <https://doi.org/10.1007/s11628-022-00489-6>
34. Kee, J. E. (2005). Cost–Benefit Analysis. *Encyclopedia of Social Measurement*. Elsevier. pp. 537-544. <https://doi.org/10.1016/B0-12-369398-5/00175-4>
35. Altinay, L., & Paraskevas, A. (2019). *Planning Research in Hospitality and Tourism*. UK: Elsevier Ltd. 344 p.
36. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77-101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
37. Maguire, M., & Delahunt, B. (2017). Doing a thematic analysis: a practical, step-by-step guide for learning and teaching scholars. *All Ireland Journal of Higher Education*, 8(3), 1-14.
38. Dawadi, S. (2021). Thematic analysis approach: a step by step guide for ELT research practitioners. *Journal of NELTA*, 25(1/2), 62-71. <https://doi.org/10.3126/nelta.v25i1-2.49731>

АҚЫЛДЫ ҚАЛАЛАРДЫҢ ТҰРАҚТЫ БОЛАШАҒЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУ: ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ШЫҒАРМАШЫЛЫҚ КӘСІПкерліктің Күші

А. Г. Астафьева¹, А. С. Кенебаева², А. И. Нурмагамбетова³

¹Қазақстан- Американдық Еркін Университеті, Өскемен, Қазақстан Республикасы

²Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

³Еуразия Ұлттық Университеті, Астана, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты: Қазақстандағы шығармашылық кәсіпкерлікті дамытудағы және тұрақты дамуды ынталандырудағы "ақылды қалалардың" маңызды рөлін зерттеу. Зерттеу осы қалалық ортада шығармашылық бизнес үшін қолайлы экожүйені құру үшін қажетті саясат пен инфрақұрылымдық құрылымдарды анықтауға бағытталған.

Зерттеу әдіснамасы: Қазақстанның әртүрлі аймақтарындағы шығармашылық кәсіпкерлермен терең сұхбаттарды қамтитын сапалы зерттеу әдісі қолданылды. Сұхбаттарда осы кәсіпорындардың алдында тұрған қиындықтар мен мүмкіндіктер, сондай-ақ олардың "ақылды қала" бастамаларының рөлі туралы көзқарастары қарастырылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы: Бұл зерттеу орталық Азия контекстіндегі ақылды қалалар мен шығармашылық кәсіпкерліктің қиылысын зерттеу арқылы білімдегі айтарлықтай алшақтықты жояды.

Нәтижелер аймақтағы инновациялар мен экономикалық өсуге ықпал еткісі келетін саясаткерлерге, оқытушыларға және кәсіпкерлерге құнды ақпарат береді.

Зерттеу нәтижелері: Зерттеу Creative Spark және "ақылды қала" бастамалары сияқты бағдарламалар Қазақстанның креативті экономикасын ынталандырғанымен, мемлекеттік және инфрақұрылымдық қолдауды күшейту қажет екенін көрсетеді. Негізгі міндеттерге жоғары жылдамдықты интернетке қол жетімділік, ақылды қалалардағы үнемді жұмыс орындары мен мамандандырылған жабдықтар, бюрократиялық кедергілерге байланысты реттеуші кедергілер және шығармашылық тұлғаларды цифрлық дағдылармен қамтамасыз ету үшін кеңейтілген білім беру және оқыту бағдарламаларының қажеттілігі жатады.

Түйін сөздер: Шығармашылық индустриялар, ақылды қалалар, шығармашылық кәсіпкерлер, Қазақстан.

ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО БУДУЩЕГО УМНЫХ ГОРОДОВ: СИЛА КРЕАТИВНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ

А. Г. Астафьева¹, А. С. Кенебаева², А. И. Нурмагамбетова³

¹Казахстанско-Американский Свободный Университет, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

²Университет Нархоз, г. Алматы, Республика Казахстан

³Евразийский университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования: Исследовать ключевую роль умных городов в стимулировании творческого предпринимательства и продвижении устойчивого развития в Казахстане. Цель исследования заключается в определении необходимых политических и инфраструктурных рамок для создания благоприятной среды для креативных предприятий в этих городских условиях.

Методология исследования: Использован качественный исследовательский подход, включающий углубленные интервью с креативными предпринимателями из различных регионов Казахстана. Интервью исследовали проблемы и возможности, с которыми сталкиваются эти предприятия, а также их взгляды на роль инициатив умных городов.

Оригинальность / ценность исследования: Это исследование заполняет значительный пробел в знаниях, изучая пересечение умных городов и креативного предпринимательства в контексте Центральной Азии. Результаты предлагают ценные идеи для политиков, педагогов и предпринимателей, стремящихся продвигать инновации и экономический рост в регионе.

Результаты исследования: Исследование подчеркивает, что хотя программы типа "Creative Spark" и инициативы умных городов способствовали росту креативной экономики Казахстана, требуется больше государственной и инфраструктурной поддержки. Ключевые проблемы включают доступ к высокоскоростному интернету, доступные рабочие пространства и специализированное оборудование в умных городах, регуляторные препятствия из-за бюрократических преград и необходимость улучшенных образовательных и учебных программ для оснащения креативных людей цифровыми навыками.

Ключевые слова: Креативные индустрии, умные города, креативные предприниматели, Казахстан.

ОБ АВТОРАХ

Astafyeva Alexandra Gennadyevna – PhD student, Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, email: alexaasta@mail.ru, ORCID ID: 0009-0002-4726-3185

Kenebayeva Ainur Seibattalovna – PhD, Assistant Professor, Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: ainur88ainur@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-9222-4364

Nurmagambetova Armiyash Irgebekovna – PhD Professor, Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, email: arnurcom@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3731-3970

APPENDIX 1

Table 2 – Smart Cities Supporting Creative Industries

Areas of support	Description	Benefits for Creative Industries	Forms	Sources
Infrastructure and Ecosystem	High-speed internet, digital platforms, open data initiatives, and co-working spaces offer opportunities for collaboration, networking, inspiration, and project development, while also providing affordable workspaces and resources.	Increased cooperation, Exchange of information, access to new data and ideas, Expanded access to financing and assistance.	High-speed internet facilitates collaboration and networking, while open data inspires project development. Affordable co-working spaces and incubators provide resources and support, while creative clusters foster innovation and collective vibrancy.	[28, 29]
Digital Technologies and Human-Centric Management	Virtual and augmented reality enhance audience engagement, personalized marketing tools attract clients and investors, and smart city data informs artistic expression and creative solutions.	Enhanced audience outreach and interaction Precision marketing and audience cultivation Data-informed analysis for cutting-edge initiatives	VR/AR experiences enhance audience engagement, personalized marketing attracts clients, smart city data informs artistic expression, and human-centered design prioritizes accessibility, inclusivity, and community needs.	[28, 30]
Job Creation and Economic Evolution	E-commerce platforms and global connectivity create new market opportunities, enabling creative businesses to thrive and create new job roles in smart city technologies.	Enhanced opportunities to penetrate untapped areas and reach a wider international customer base Augmented economic expansion and broadened range of industries Novel professional prospects in technology-integrated creative sectors	E-commerce platforms offer global reach, increased visibility, and new job roles. The entrepreneurial ecosystem provides incubators, funding, and support networks for collaboration and collaboration.	[28, 31]
Cultural and Creative Spaces	Interactive public spaces are transformed into artistic platforms, cultural events are personalized and accessible through digital tools, and cultural heritage is preserved and reimaged.	Enhanced opportunities for creative creativity and audience participation Heightened accessibility and involvement in cultural endeavors Novel methods for safeguarding and elucidating cultural legacy	Digital installations and artistic expression in public spaces, personalized cultural experiences, and augmented experiences for cultural heritage preservation and reimagination are key strategies for engaging audiences.	[28, 32]
Note – complied by the authors based on the sources [28 - 32]				

Table 4 – Description of interactions between the stakeholders

INTERACTION NAME	INTERACTION GOALS	INTERACTION RESULTS	SMART GOAL	KPI
Fostering innovative business	Government Goal: Cultivation of a prosperous creative industry. Business Goal: Functioning within conducive and challenging settings.	-Improved allocation of resources -Expanded innovative enterprises -Generated employment -Enhanced contribution to GDP by the creative industry	Increase the number of new creative businesses launched within the smart city zones by 15% in the next three years	Number of new business registrations in the creative sector inside those smart city zones.
Cultivating creative capacity	Government Goal: Skilled workforce development Academic Goal: Industry aligned creative education program development and delivery	-Development of curricula -Increased enrollment -Skilled graduates sought by the businesses	Raise the participation rate of creative professionals in skills development programs offered within smart city zones by 10% within the next two years.	Number of creative professionals participating in training programs and workshops offered by smart city initiatives.
Knowledge exchange and collaboration	University Goal: Practical applicability of education and research improved Business Goal: access to highly skilled professionals and experts	-Practical training and students internships -Research initiatives -Product and services R&D -Enhanced employment prospects	Facilitate at least 10 successful collaborative projects between creative businesses and academic institutions within smart city zones within the next three years.	Number of collaborative projects, partnerships, and knowledge-sharing initiatives between creative businesses, academic institutions, and other stakeholders within smart city zones.
Shaping the Development of Favorable Policy Environment	Civil Society Goals: Advantageous creative economy policies promotion Government Goals: Efficient strategies formulation for creative industry advancement	-Government initiatives like tax exemptions and financial support. -Intellectual property safeguard system - Significance of the creative economy in the public eyes	- Develop and implement a comprehensive national strategy for the development of the creative industries within the next two years.	- Number of government agencies actively involved in the implementation of the creative industries strategy.
			- Increase public awareness and support for the development of the creative industries by 15% within the next three years.	- Number of public events and initiatives promoting the creative industries.
			- Increase the number of government programs and initiatives providing financial support and tax incentives to creative businesses by 10% within the next two years	Number of new government programs and initiatives specifically designed to support creative businesses, along with the number of creative businesses benefiting from government support programs.

Empowering creative entrepreneurs	Civil Society Goals: Co-operation facilitation and competitiveness enhancement Business Goals: Untapped markets expansion, specialized knowledge development, use of additional resources to exploit the advantages of artistic community.	-Design of the programs to enhance the skills and knowledge of creative entrepreneurs. -Mentorship and networking business opportunities. -Global markets access. -Rise of artistic products and services -Enhanced enterprise/institution collaboration -Funding/support of innovative projects -Talent and investment magnetization	Boost average revenue generation in smart city zones for creative enterprises by 20 % within the next five years.	Average annual revenue per creative business in those smart city zones
Cultivating creative change makers	Civil Society Goal: 1.Up-to-date knowledge and methods provision 2.Ethical consideration incorporation in creative education 3. Cooperation enhancement between the public and universities Academic Goal: 1.Increased impact on society via creative education 2.Community oriented artistic endeavors 3.Researches through innovative solutions	-Social awareness and creative aptitude enhancement -Creative projects engaging community -Capacity building and knowledge transfer -Empowered change makers	Increase the number of social enterprises and social impact projects initiated by creative entrepreneurs in smart city zones by 8% within the next four years.	Number of social enterprises and social impact projects launched by creative entrepreneurs in smart city zones.
Note – complied by the authors				

МРНТИ: 06.73.21

JEL Classification: G11; G23

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-187-205>

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ФИНАНСОВОМУ СТИМУЛИРОВАНИЮ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В КАЗАХСТАНЕ

Е. П. Шин^{1*}, Т. Т. Мусабаев¹, М. Т. Жоламанова¹

¹НАО «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева»,
Астана, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – выявление альтернативных методов стимулирования инвестиций в региональные проекты.

Методология исследования – сравнительный анализ финансовых инструментов позволил оценить их сильные и слабые стороны с выбором краудфандинга как наиболее привлекательного из них для МСБ, также позволил сравнить краудфандинговые платформы Казахстана и других стран, комплексный и системный методы оценки текущего состояния развития краудфандинга в Казахстане выявил слабые стороны, которые могут быть устранены с учетом рекомендаций, данных авторами исследования.

Оригинальность / ценность исследования – в исследовании изучен ряд краудфандинговых платформ, как источников инвестиционных возможностей, а также их потенциал для создания и развития инвестиционных проектов в регионах Казахстана в сравнении с другими финансовыми инструментами.

Результаты исследования – проведены анализ инновационных методов финансирования Казахстана, анализ и оценка основных краудфандинговых платформ, исследованы текущие методы господдержки малого и среднего предпринимательства в Казахстане, выработаны меры по развитию инновационных методов стимулирования инвестиций в региональные проекты.

Ключевые слова: инвестиции, финансовое стимулирование, краудфандинг, финансовая поддержка, малый и средний бизнес.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность вопроса. Региональные проекты играют важную роль в развитии не только самих регионов, но и всей страны в целом, способствуя экономическому росту, социальной стабильности и инновационному развитию на местном уровне, что в конечном итоге влияет на национальную экономику и благосостояние Казахстана. Региональные проекты часто предусматривают поддержку малого и среднего бизнеса (МСБ), что способствует устойчивому росту и конкурентоспособности регионов.

Так, за 2023 год выпуск продукции МСБ составил 67 569 млрд тенге, что на 109% больше показателя 2019 года. Это позволило увеличить долю МСБ в ВВП на 5,0 процентных пунктов, которая по итогам 2023 года составила 36,7%, за 2019-2023 годы объем инвестиций в основной капитал увеличился на 40,3% [1-3].

Потребность в финансировании проектов МСБ увеличила значимость инновационных подходов к финансовому стимулированию инвестиций, как альтернативы существующим видам привлечения инвестиций в региональные проекты, которые позволяют развивать аграрный и промышленный секторы экономики регионов, обеспечивают создание новых рабочих мест, увеличивают налоговые поступления в региональные бюджеты.

В настоящее время в Казахстане реализуется комплексная программа по поддержке предпринимательства, в рамках которой для МСБ предусмотрена господдержка в субсидировании части ставки вознаграждения на срок до 3 лет, предоставлении частичного гарантирования по кредитам (покрытие

до 85% залогового обеспечения в объеме до 360 млн тенге, до 50% суммы кредита – до 1,5 млрд тенге), обеспечении предоставления государственных грантов, микрокредитов со ставкой 8% (в случае инвестирования возможность получения до 20 млн тенге), синдицированного кредитования (финансирование крупных проектов до 15 млрд тенге несколькими банками в одно время) [4].

В 2023 году 12 000 проектов МСБ получили в рамках мер господдержки субсидирование кредитов на 1,0 трлн тенге с большей долей проектов в городах Астана, Алматы, Шымкент, Алматинской и Актыбинской областях, гарантирование в объеме 840 млрд тенге для 8 000 региональных проектов.

В то же время за вышеуказанный период создано 183 435 региональных проектов МСБ (г. Алматы - 25,8%, г. Астана - 12,6%, Туркестанская - 12,1%, г. Шымкент - 9,9%, Алматинская область - 9,8%), в том числе в малом предпринимательстве - 19 684 ед., в среднем предпринимательстве - 16 134 ед., индивидуальных предпринимателей - 50 729 ед. и крестьянских хозяйств - 228 ед., т.е. из всего количества созданных проектов лишь 11% региональных проектов получили меры господдержки в виде субсидирования и гарантирования кредитов [5].

В связи с чем, в последние годы наблюдается рост интереса к инновационным подходам к финансовому стимулированию инвестиций, таким как краудфандинг и краудинвестинг, блокчейн, финансовые токены и ICO и др.

Краудфандинг и краудинвестинг через такие платформы, как Kickstarter, Indiegogo, Starttime, iKapitalist, GoCrowd и другие, позволяют малым и средним предпринимателям собирать средства от широкого круга потенциальных инвесторов на стадии запуска проекта. Краудинвестинг, в свою очередь, предоставляет возможность инвесторам вкладывать небольшие суммы в различные стартапы с последующим участием в акционерном капитале [6].

Вместе с тем, данные платформы не дают гарантии полного сбора средств для реализации проектов МСБ ввиду небольшой популярности данных платформ среди населения Казахстана, а также существует большой риск утечки информации ввиду открытого доступа к информации о проекте.

Однако, ввиду недостаточности традиционных источников финансирования, высокой конкурентности регионов, краудфандинг, как финансовый инструмент, наиболее привлекателен для МСБ в связи с его доступностью, быстрому привлечению средств, отсутствию строгих регуляций.

Технология блокчейн привносит прозрачность и безопасность в финансовые транзакции. Смарт-контракты на блокчейне могут автоматизировать выполнение условий соглашения между инвесторами и предприятиями, снижая риски и упрощая процессы [7]. Однако, технология блокчейн не позволяет быстро обменять криптовалюту на международные денежные единицы (обмен возможен только на специализированных платформах обмена), которая в том числе характеризуется нестабильностью обменного курса, неполной изученностью данного финансового инструмента, тем самым снижая популярность применения в B2B секторе [8].

Выпуск финансовых токенов через Initial Coin Offering (ICO) предоставляет новый способ привлечения средств для блокчейн-проектов. Инвесторы могут приобретать токены, представляющие долю в проекте, что открывает новые перспективы для финансирования [7]. В то же время по сравнению с другими фининструментами довольно продолжительный процесс запуска (выпуска токенов). При этом, токены в обращении могут находиться непродолжительное время.

Кроме краудфандинговых платформ, в Казахстане действуют инвестиционные площадки, которые могут выдать заем предпринимателям под определенные проценты.

Платформа FinHUB позволяет расширить функционирующий бизнес, привлечь средства для реализации новых проектов, а также предоставляет инвесторам возможность выбрать наиболее перспективные проекты для увеличения своего капитала [9]. Вместе с тем, условия, предлагаемые FinHUB, подходят для более крупных проектов, чем в МСБ.

Proportunity, первая в Казахстане платформа для совместных инвестиций в недвижимость, позволяет населению инвестировать в недвижимость или строительство, используя краудфандинговую модель. При этом инвесторы получают доходы от арендных поступлений и прироста стоимости строящихся или сданных в эксплуатацию объектов недвижимости.

Платформа InvestRoom предоставляет возможности для инвестирования в оборотный капитал развивающихся компаний, преимущественно в области электронной торговли и тендерных торгов, и направлена на доступность совместных инвестиций и улучшение финансовой грамотности населения [10].

Также созданы инвестиционные фонды с государственной поддержкой, Казахстанская фондовая биржа, инкубаторы, акселераторы стартапов, предоставляющие финансовую и экспертную поддержку начинающим предпринимателям для разработки и запуска инновационных проектов. Создание технологических парков и инновационных центров способствует развитию инновационного предпринимательства и предоставляет доступ к финансовым ресурсам и инфраструктуре для разработки новых продуктов и технологий.

Функционируют несколько успешных платформ и проектов, такие как QazTech Ventures, предоставляющая финансовую поддержку инновационным стартапам и проектам в Казахстане, использующая механизмы краудфандинга для привлечения дополнительного финансирования; Seedstars Kazakhstan проводят конкурсы и мероприятия для стартапов и инвесторов, а также организуют краудфандинговые кампании для поддержки проектов.

Эти платформы и программы предоставляют возможности для стартапов и предпринимателей в Казахстане привлечь финансирование от широкой аудитории, что способствует развитию инновационного предпринимательства в стране.

На основе сравнительного анализа сильных и слабых сторон финансовых инструментов выявлено, что краудфандинг в силу своих особенностей является наиболее привлекательным для МСБ по сравнению с другими финансовыми инструментами, в связи с чем в данной статье предметом исследования является краудфандинг, как один из видов инновационного финансирования в Казахстане. Международный финансовый центр «Астана» стал первой юрисдикцией в Казахстане, которая создала регуляторную основу для данной новой формы инвестиций [11].

Обзор литературы. Согласно исследованиям, проведенным Aziz Sh. на основе выборки по годовому распределению 1 156 статей, опубликованных с 2010 по 2023 год по теме краудфандинга, исследования по нему имеют тенденцию к увеличению. При этом, в 2022 году было самое большое количество публикаций, в 2023 году количество публикаций составило 175 статей. Таким образом, краудфандинг является интересной областью исследований во всем мире, которая все еще развивается и вызывает интерес исследователей [12].

Анализ материалов из баз данных Scopus и Web of Science, проведенный Mora-Cruz A., выявил в общей сложности 1 032 статьи и подтверждение исследования вышеуказанных авторов о том, что количество исследований, проводимых в области краудфандинговых платформ, увеличивается, так как они предоставляют предпринимателям возможность получить альтернативное финансирование и новый способ для инвесторов вложить свой капитал [13].

V. Vijaya и P. M. Himendu в 2023 году проанализировали набор данных из 701 публикации Scopus по краудфандингу на основе пожертвований с помощью VOSviewer пятью библиометрическими методами (анализ совместного цитирования, анализ цитирования, анализ совместного появления, соавторство и библиографическую связь), которые показали, что по количеству публикаций лидируют журналы «Sustainability» и «Technological Forecasting and Social Change», по количеству публикаций лидируют США (187) и Китай (89) [14].

Согласно Е.А. Пановой., краудфандинг представляет собой взаимодействие между предпринимателями, которые ищут капитал, вкладчиками, предоставляющими средства, и краудфандинговыми платформами, которые предоставляют юридическое сопровождение и проводят предварительный отбор перспективных проектов [15]. Аналогичное определение дает Г.Т. Папаскуа, утверждая, что краудфандинг - это форма совместного инвестирования, при котором инвесторы (обычно частные лица) через специальные инвестиционные платформы предоставляют финансовые средства в поддержку новых проектов [16]. Данное Е.А. Пановой и Г.Т. Папаскуа определение наиболее полно отражает сущность краудфандинга как наиболее удобного финансового инструмента и приемлемого для предпринимателей Казахстана.

В.В. Горовая подчеркивает, что краудфандинг - это способ совместного предоставления финансовых средств на разработку нового продукта от участников, которые взамен получают товары, услуги или сам продукт [17].

В исследовании Г.Э. Абдрасуловой краудфандинг отражен как способ общественного финансирования реализации продуктов или услуг, оказания помощи лицам, требующим финансовой поддержки, как нуждающимся, так и различным юридическим лицам, который стал популярным благодаря Интернет-технологиям [6].

В свою очередь, Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев отметил, что краудфандинг является одной из ключевых технологий, которая лежит в основе креативной экономики Казахстана, базирующейся на продуктивном сотрудничестве между разработчиками идей, бизнесом и молодежью [18], который может помочь реализовать идеи и инициативы вузов, музыкальных и киностудий страны [19].

Т.Т. Мухамедьярова-Левина считает, что главным достоинством краудфандинга является то, что каждый участник может реализовывать свои цели в соответствии с индивидуальными предпочтениями. Указывает, что факторы, способствующие развитию краудфандинга – это дефицит рыночных каналов для финансирования новаторских проектов с одной стороны, и ограниченное число инвестиционных возможностей для инвесторов, заинтересованных в поддержке инновационных проектов с высоким потенциалом доходности, с другой стороны [20].

Согласно мнению Д. Е. Гусевой плюсами краудфандинга являются уникальная поддержка бизнесменов малого и среднего предпринимательства на разных уровнях проекта, таких как предпродажа, анализ рынка и продвижение через связи с инвесторами без дополнительных расходов, получение их отзывов о рынке и рекомендаций, что способствует снижению рисков вложений в проект. При ухудшении экономической ситуации возможно перераспределение инвестиций в те проекты, которые будут иметь наибольшее значение в соответствующий момент [21].

S. Jегeleviciute и L. Valanciene выделяют пять моделей краудфандинга: на основе пожертвований, на основе вознаграждений, на основе долга, на основе акций и на основе роялти [22].

В свою очередь, Н. Forbes и D. Schaefer отмечают четыре модели в современном краудфандинге: инвестиции на основе вознаграждения, инвестиции в обмен на продукты, кредитование и благотворительные пожертвования. Указывают на то, что подавляющее большинство краудфандинговых кампаний терпят неудачу: 81% из них достигают менее 20% своей цели финансирования, в связи с чем поднимают два важных вопроса: как дизайнеры платформ могут повысить вероятность успеха проектов и каким образом разработчики могут презентовать продукты для краудфандинга [23].

Д.Е. Гусева выделяет в качестве одной из проблем краудфандинга мошенничество, что связано с тем, что инвесторы вкладывают средства через интернет-платформы, без личного контакта с создателями проектов, полагаясь только на информацию на сайте. Еще одна проблема - трудности с расчетом инвестиций и предсказанием прибыли. Обычно создатель проекта указывает нужную сумму заранее, но она может не совпасть с реальной потребностью, и бизнесу могут понадобиться дополнительные вложения [21].

Ч.Е. Карибджанов отмечает, что в краудфандинге только 1% реально создает, 10% голосуют за создание, а 89% - пассивные участники. Также существует риск утечки информации конкурентам, поэтому важно быстро обрабатывать результаты, внедрять и патентовать их, так как результатов исследований много и обработка каждого из них требует значительного времени [24].

Также можно выделить в качестве проблемного вопроса слабые позиции авторов проектов. У большинства стартапов нет денег на продвижение (пресс-конференции, презентации, реклама в социальных сетях и мессенджерах), которое существенно влияет на привлечение инвестиций.

В Казахстане проблема краудфандинга заключается в ограниченном числе людей, поддерживающих стартапы финансово (обычно это родственники, друзья и знакомые), что связано с недостаточным знанием краудфандинга и недоверием онлайн платформам у населения.

Согласно Плану действий по реализации Концепции развития финансового сектора до 2030 года в целях создания условий для развития инструментов альтернативного финансирования Международ-

ный финансовый центр «Астана» при содействии Агентства по регулированию и развитию финансового рынка к концу 2024 года должны обеспечить развитие инструментов альтернативного финансирования (краудфандинг, организованные и многосторонние торговые платформы, венчурное финансирование) и выработать пути решения вышеуказанных проблем [25].

Основные положения исследования

Сегодня в мире существует более 1 250 краудфандинговых платформ, 46% которых работают на территории Северной Америки [26].

Хотя краудфандинг развивается в Казахстане, на текущий момент данный институт еще незрелый. На это указывают малая доля инвестиций в этой сфере (общий объем привлеченных средств наиболее значимых краудфандинговых платформ (Starttime, iKapitalist и GoCrowd) составил 2 963,0 млн тенге или 0,02% от общего объема инвестиций в основной капитал по стране), и является незначительным по сравнению с национальной экономикой [3, 27-29].

Функционирующие отечественные платформы краудфандинга предоставляют возможность предпринимателям привлекать финансирование от частных лиц для реализации своих проектов. На краудфандинговом сайте публикуют проект с описанием бизнес-идеи, мероприятия или продукта и указывают, какую сумму нужно собрать для его реализации. Любой человек может пожертвовать деньги на поддержку проекта.

При этом, наиболее популярной моделью краудфандинговой кампании является модель «все или ничего». Если удастся собрать нужную сумму, деньги передаются на реализацию проекта. Если нет - средства возвращаются инвесторам [18].

В настоящее время в Казахстане отмечаются два основных типа краудфандинга: пожертвования и вознаграждения.

При краудфандинге пожертвований инвесторы не получают выгоды, как и при любом виде благотворительности, но позволяют организовать благотворительные мероприятия, пополнить счет на оплату «неподъемных» сумм за медицинские услуги.

С помощью краудфандинга вознаграждений финансируются бизнес-идеи. При этом при успешном сборе инвесторы могут рассчитывать на то, что что-то получают взамен в виде части компании или конечного продукта [18]. Данный тип краудфандинга позволит предпринимателям привлечь средства на реализацию и запуск идеи регионального проекта с максимальной выгодой для себя.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном разделе для достижения цели исследования осуществлено сравнение краудфандинговых платформ Казахстана и других стран, оценено текущее состояние развития отечественного краудфандинга, выявлены регионы, проекты которых не принимали участие на краудфандинговых платформах с анализом показателей, характеризующих инвестиционную деятельность МСБ.

С 2020 года, когда начала свою работу первая казахстанская краудфандинговая платформа, через нее и другие позднее заработавшие площадки было осуществлено около 200 проектов на сумму свыше 12 миллиардов тенге, в том числе бизнес-идеи, предлагающие инвесторам среднюю доходность в 20–30%. Привлекательность краудфандинга для субъектов казахстанского малого и среднего бизнеса увеличилась из-за острого дефицита оборотных средств.

По данным Комитета МФЦА по регулированию финансовых услуг (AFSA), регулирующий также платформы совместного финансирования, в 2020 году через краудфандинговые платформы малым и средним бизнесом было привлечено 690 млн тенге, в 2021 году - 3,8 млрд тенге, в 2022 году - 3,4 млрд тенге [30].

На данный момент в перечне открытого реестра AFSA числятся пять действующих лицензий на краудфандинговую деятельность. Две компании – iKapitalist и GoCrowd – работают по полной лицензии, в то время как Proportunity и InvestRoom функционируют в тестовом режиме в FinTech Lab. В этой специальной защищенной среде они могут разрабатывать и тестировать инновационные финансовые услуги, не подвергаясь полному спектру нормативных требований [10].

Инвестором краудфандинговой платформы в Казахстане может быть любой совершеннолетний гражданин республики, который подтверждает свою благонадежность при проверке на связь с деятельностью по отмыванию денег (AML). В этом процессе налоговым агентом является заемщик, который отвечает за удержание и уплату корпоративного подоходного налога за инвестора. Хотя юридические лица также могут инвестировать через платформы, на данный момент интерес с их стороны к этим платформам остается ограниченным [10].

По данным Investopedia, самыми популярными краудфандинговыми платформами в мире являются GoFundMe, Kickstarter и Indiegogo, которые сумели привлечь миллиарды долларов для различных проектов [18].

Kickstarter является одной из самых популярных платформ краудфандинга, на которой предприниматели и творческие личности могут размещать свои проекты и собирать средства от пользователей в рамках широкого спектра отраслей, включая технологии, дизайн, искусство, кино и другие, в том числе и казахстанских стартапов [31]. Наиболее значимыми проектами данной платформы являются создание смарт-часов Pebble Time - более 20 млн долларов США, создание игровой консоли OUYA – более 8,5 млн долларов США, Shenmue III - более 6,3 млн долларов США, создание инновационной сумки-рюкзака - более 4,8 млн долларов США, создание фильма Veronica Mars - более 5,7 млн долларов США.

Indiegogo - еще одна крупная платформа краудфандинга, которая позволяет предпринимателям и творческим личностям собирать средства для реализации своих проектов. Indiegogo также охватывает различные отрасли, включая технологии, здравоохранение, благотворительность и т.д. [32].

GoFundMe специализируется на сборе средств для личных и благотворительных целей. Здесь пользователи могут создавать кампании для помощи в лечении болезней, финансирования образования, поддержки семей в трудной ситуации и других ситуаций, требующих финансовой помощи [33].

Patreon: это платформа, предназначенная для финансовой поддержки творческих личностей, таких как блогеры, музыканты, художники и т. д. Подписчики могут подписываться на контент создателей и регулярно вносить пожертвования для поддержки их творчества [34].

В Китае также есть ряд краудфандинговых платформ, имеющих уникальные функции и преимущества. DemoHour – крупнейшая китайская краудфандинговая платформа для тестирования и продвижения продуктов [35]. Angelcrunch - новаторская краудфандинговая платформа для объединения стартапов и бизнес-ангелов в Китае [36].

В Таблице 1 указаны также основные показатели потенциально важных краудфандинговых платформ Сингапура, Южной Кореи, Европы, Казахстана и России.

В Сингапуре Give.Asia - платформа для объединения людей и продвижения благотворительных дел [37]. Wadiz - крупнейшая популярная южнокорейская краудфандинговая платформа, предлагающая маркетинг, разработку продуктов в технологиях, творчестве и социальных инициативах и связи с инвесторами [38].

Британская краудфандинговая платформа Seedrs дает инвесторам возможность инвестировать и делиться успехом, а предприятиям - привлекать капитал и сообщество [39]. The House Crowd - британская платформа краудфандинга, позволяющая инвестировать в кредиты на недвижимость [40]. Германская платформа Exporo дает возможность инвестировать в возобновляемые источники энергии и недвижимость [41]. На Zinsbaustein имеется возможность инвестировать в недвижимость онлайн и обеспечить выгодное соотношение риска и вознаграждения [42]. Испанская платформа Housers – технологичная гибкая платформа финансирования недвижимости с гарантированием ипотеки [43]. Французская платформа является лучшим сервисом для запуска, обучения и финансирования проектов [44].

Из Таблицы 1 видно, что даже самые крупные краудфандинговые платформы в Казахстане намного уступают по показателям практически всем краудфандинговым платформам по количеству участников проекта, объемам привлеченных средств.

iKapitalist в настоящее время является крупнейшей краудфандинговой платформой в Казахстане. Платформа начала свою работу с первых сделок в январе 2020 года и с тех пор привлекла 9,5 млрд тенге инвестиций для малого и среднего бизнеса в стране.

Таблица 1 – Основные показатели платформ краудфандинга

№ п/п	Наименование инвестиционной платформы	Наименование страны	Количество профинансированных проектов	Объем средств, миллиардов долларов США	Количество взносов
1	Kickstarter (2009)	США	258 254	10,0	94 938 870
2	Indiegogo (2008)	США	925 000	2,0	10 000 000
3	GoFundMe (2010)	США	250 000	30,0	120 000 000
4	Patreon (2013)	США	250 000	3,5	8 000 000
5	DemoHour (2011)	КНР	7 000	1,5	2 000
6	Angelcrunch (2011)	КНР	10 000	0,04 ¹	8 000
7	GIVE.asia (2009)	Сингапур	20 000	0,128	2 000 000
8	Wadiz (2012)	Южная Корея	25	0,1 ²	17
9	Seedrs (2009) https://www.seedrs.com/	Англия	2 216	2,8 ³	317
10	The House Crowd (2011)	Англия	334	0,08 ⁴	15 761
11	Exporo (2020)	Германия	590	0,08 ³	7
12	Zinsbaustein (2016)	Германия	110	0,2 ³	31 982
13	Housers (2015)	Испания	82	0,03 ³	221 024
14	Ulule (2010)	Франция	43 000	0,00559	6 000
15	Starttime (2018)	Казахстан	196	0,0006 ⁵	13 137
16	iKapitalist (2019)	Казахстан	15 983	0,001 ⁵	-
17	GoCrowd (2021)	Казахстан	38	0,005 ⁵	2 824
18	Planeta.ru (2008)	Россия	8 632	0,02 ⁵	1 407 373
19	CrowdRepublic (2015)	Россия	438	0,004 ⁶	35 016
20	Boomstarter (2012)	Россия	2 670	0,007 ⁶	1 047 171
21	Сила Слова (2020)	Россия	28	0,00002 ⁶	-
Примечание – составлено на основе источников [27-29, 31-37, 40-49]					
¹ - курс юаня к доллару на начало 2024 года – 7,28 [50]					
² - курс вон к доллару на начало 2024 года – 1 369,50 [51]					
³ - курс евро к доллару на начало 2024 года – 0,91 [52]					
⁴ - курс фунта к доллару на начало 2024 года – 0,79 [53]					
⁵ - курс тенге к доллару на начало 2024 года – 451,28 [54]					
⁶ - курс рубля к доллару на начало 2024 года – 90,40 [55]					
- данные отсутствуют					

Согласно анализу проектов, заявленных через краудфандинговую платформу iKapitalist, из числа открытых для финансирования проектов 2 проекта из Северо-Казахстанской области на 80 млн тенге, города Алматы – 1 проект (200 млн тенге), Атырауской области – 1 проект (100 млн тенге), Жамбылской области – 1 проект (100 млн тенге), Павлодарской области – 1 проект (100 млн тенге).

На краудфандинговой платформе GoCrowd инвесторы могут вложиться в перспективные тщательно проверенные проекты и увеличить доходность своего портфеля путем предоставления краткосрочного займа или покупки доли компании, а стартапы и действующий бизнес - привлечь инвестиции [29].

Анализ проектов, размещенных на данной краудфандинговой платформе показал, что 19 проектов заявлены предпринимателями из города Астаны, 12 проектов – из города Алматы, Акмолинской области – 1, области Абай – 2 проекта, Павлодарской области – 2 проекта, Мангистауской области – 1 проект.

Платформа Starttime принимает заявки на инновационные и общественно важные проекты в разных сферах. Starttime соединяет авторов идей с результатами их работы и вкладчиками (поклонниками и заинтересованными лицами). Направления: искусство, музыка, издательство, благотворительность. За время работы Starttime отмечается, что людям нравятся проекты: они ставят лайки и делятся ими, но не спешат переводить деньги. Нужно изменить отношение людей, чтобы они поняли, что даже 100 тенге - это помощь для каждого стартапа или проекта [56].

Аналогично результатам краудфандинговой платформы GoCrowd, большая часть проектов Starttime (80%) заявлена из города Алматы, 3% – из города Шымкента, 2% из города Астаны, Алматинской об-

ласти – 3%, 2% из Северо-Казахстанской области, Западно-Казахстанской области – 2%, Актюбинской области – 2%, Ақмолинской области – 2%, 1% из Жамбылской области, области Абай – 1%, области Жетісу – 1%, Туркестанской области – 1%.

Таким образом, отмечается, что на краудфандинговых платформах заявки поданы предпринимателями из 15 регионов страны, исключение составили Карагандинская, Костанайская, Кызылординская, Восточно-Казахстанская области и область Ұлытау.

На сегодняшний день в указанных пяти регионах действуют следующие финансовые меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса для стимулирования привлечения инвестиций:

- создание бизнес-инкубаторов для оказания содействия развитию субъектов малого предпринимательства;
- льготные кредиты через коммерческие банки в рамках специализированных программ областей и в разрезе отраслей, а также микрокредиты специализированных микрокредитных организаций;
- субсидирование – уменьшение процентной ставки по кредитам на развитие бизнеса, предоставляемым банками (до 6%); гарантирование – частичное покрытие риска по кредитам банков (до 85%); исламское финансирование – поддержка малого и среднего частного бизнеса (АО «Фонд развития предпринимательства «Даму», 207 494 поддержанных проекта);
- предоставление инвестиционных преференций на основании инвестиционного контракта, соглашения об инвестиционных обязательствах либо соглашения об инвестициях;
- поддержка внешнеэкономической деятельности предпринимателей; привлечение инвестиций и разнотипность экономики (Национальная палата предпринимателей РК «Атамекен», объединяет 1,4 млн предпринимателей);
- субсидирование части затрат, понесенных агропромышленными предприятиями при инвестициях; субсидирование процентных ставок при получении кредита и аренде технологического оборудования, покупку сельскохозяйственных животных и лизинг сельскохозяйственной техники (АО «Аграрная кредитная корпорация», АО «КазАгроФинанс»);
- финансовая поддержка предприятий обрабатывающей промышленности через лизинговую деятельность, выдачу кредитов юридическим лицам, организациям (АО «Фонд развития промышленности») [57-59].

Вместе с тем, существенному снижению темпов развития малого и среднего бизнеса будет способствовать отмена постановлением Правительства в 2024 году Государственных программ поддержки и развития бизнеса «Дорожная карта бизнеса-2025», в рамках которой предоставлялось льготное кредитование по ставке 6% годовых с суммой кредита до 7 млрд тенге, и «Экономика простых вещей», которая предусматривала субсидирование части процентной ставки по кредиту и гарантирование кредитов [57-60].

В рамках реализации программ «ДКБ-2025» и «Экономика простых вещей» малые и средние предприятия создали свыше 106 тысяч новых рабочих мест, произвели товаров и услуг на сумму 36 триллионов тенге, и внесли в бюджет налоги на общую сумму 2,3 триллиона тенге [61].

Из таблицы 2 следует, что доля МСБ в ВРП в 3 регионах не достигла показателя в 36%, запланированного на 2023 год в Плане действий по реализации Концепции развития малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан до 2030 года [63].

Для достижения данного показателя в регионах необходимо использовать альтернативные методы финансирования малого и среднего бизнеса. В данном случае альтернативным методом финансирования может выступить краудфандинг.

При этом, для того чтобы предоставить точную информацию о размере и динамике инвестиций в различные секторы экономики Казахстана с использованием инновационных подходов, требуется провести комплексное исследование, которое включает в себя сбор данных, анализ трендов и оценку влияния инновационных подходов на экономику страны.

Таблица 2 – Доля МСБ в ВВП за 2023 год, %

№ п/п	Наименование региона	Количество субъектов МСБ, тыс. единиц	Выпуск продукции субъектами МСП, млрд тенге	Валовой региональный продукт, млрд тенге	Доля МСБ в ВВП, %
1	Восточно-Казахстанская область	62,3	1 711,6	4 636,3	36,9
2	Карагандинская область	101,0	2 719,2	8 128,8	33,5
3	Костанайская область	65,0	2 076,3	4 661,8	44,5
4	Кызылординская область	64,5	783,3	2 589,9	30,2
5	область Ұлытау	18,3	232,1	2 074,9	11,2

Источник – составлено на основе источников [62]

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Заключение. Инновационные подходы к финансовому стимулированию инвестиций открывают новые горизонты для предпринимателей и инвесторов Казахстана. Комбинирование традиционных методов с новыми технологиями позволит создать устойчивые и успешные инвестиционные стратегии, способствуя развитию экономики и общества в целом.

На данный момент одной из основных задач является привлечение инвестиций в регионы Казахстана с целью развития их экономики, включая как внутренние инвестиции от местных предпринимателей и компаний, так и привлечение иностранных инвесторов, в том числе через краудфандинговые платформы.

Некоторые казахстанские стартапы и проекты могут успешно использовать краудфандинговые платформы как средство привлечения инвестиций в том случае, если проект требует свежих идей, нестандартных решений или увеличения доверия потребителей, и если этот метод дешевле, чем услуги профессионалов.

Результаты исследования и обсуждение. В рамках исследования рассмотрены самые крупные отечественные краудфандинговые платформы с общим количеством профинансированных проектов в объеме 16 217 единиц. При этом, наибольшее число проектов, получивших финансирование, отмечается на платформе iKapitalist 15 983 проекта, наибольший объем сбора средств показан платформой GoCrowd. Совокупный объем сбора средств платформ Казахстана в 3 раза меньше, чем в России.

То есть даже самые крупные краудфандинговые платформы в Казахстане намного уступают по показателям практически всем краудфандинговым платформам по количеству участников проекта, объемам привлеченных средств.

В то же время следует отметить, что на краудфандинговых платформах заявки не подавали предприниматели из 5 регионов - Карагандинской, Костанайской, Кызылординской, Восточно-Казахстанской областей и области Ұлытау.

При этом, доля МСБ в ВВП в 3 регионах не достигла показателя в 36%, запланированного на 2023 год.

Практические предложения и рекомендации. Предпринимателям, использующим краудфандинг, следует качественно подготавливать проект и активно использовать социальные сети, точно рассчитывать нужные средства и время для реализации на основе тщательного планирования.

Трудности с расчетом инвестиций и прогнозированием прибыли можно решить, предоставив гибкую политику для суммы, запрашиваемой создателем проекта. Она может изменяться по мере выполнения плана и сбора средств. Также можно позволить спонсорам самостоятельно устанавливать размер платежей и доли акций, чтобы они могли выбирать подходящие варианты.

Государству следует создать структуры для софинансирования проектов на краудфандинговых платформах, чтобы поддержать эту развивающуюся отрасль.

Для более глубокого понимания и роста интереса к краудфандингу со стороны инвесторов необходимо на ежегодной основе публиковать анализ краудфандинговых платформ, инновационных методов привлечения инвестиций, в том числе включая информацию об общей сумме инвестиций, привлеченных в экономику Казахстана с использованием инновационных методов финансового стимулирования; о числе инвесторов, участвующих в инвестиционных проектах, проводимых через инновационные финансовые инструменты; числе проектов, завершенных успешно и приносящих доход инвесторам и бизнесу.

Эффективность различных методов финансового стимулирования инвестиций в Казахстане может быть оценена путем сравнения указанных выше показателей для каждого метода. Такой анализ позволит выявить преимущества и недостатки каждого метода, а также определить наиболее эффективные подходы к привлечению инвестиций в экономику страны.

На данный момент точные статистические данные о количестве стартапов, проектов или компаний, получивших финансирование через инновационные подходы в Казахстане, такие как краудфандинг, ограничены.

В целях расширения информации о краудфандинге и его популяризации предлагается внести в нормативные правовые акты, в частности, Предпринимательский кодекс Казахстана понятие краудфандинга и дополнить статьями по его регулированию и применению. Также на сайте Национального банка Казахстана раздел «Статистика» дополнить показателями краудфандинговых платформ и в целом данными об объемах привлеченных средств через данный вид инновационного метода, расширить функции Национального банка мониторингом краудфандинга, ведением реестра участников. Кроме того, популяризировать его через размещение информации на сайтах Агентства Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка и его инструмента FinGramota Online.

Вместе с тем, можно отметить, что Казахстан активно развивает свою стартап-экосистему, и в последние годы наблюдается увеличение числа компаний, привлекающих финансирование через инновационные подходы.

Результаты исследования могут внести вклад в академическое знание в области финансов и инвестиций для дальнейших исследований и развития теории альтернативных методов финансового стимулирования инвестиций в малый и средний бизнес.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выпуск продукции субъектами малого и среднего предпринимательства (2005-2023 гг.) [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства Республики Казахстан по стратегическому планированию и реформам [web-портал]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/dynamic-tables/> (дата обращения: 23.10.2024) (электронный ресурс)

2. Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП за 2005-2023 годы [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства Республики Казахстан по стратегическому планированию и реформам [web-портал]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/dynamic-tables/> (дата обращения: 23.10.2024) (электронный ресурс)

3. Инвестиции в основной капитал (2003-2023 гг.) [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства Республики Казахстан по стратегическому планированию и реформам [web-портал]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-invest/dynamic-tables/> (дата обращения: 23.10.2024) (электронный ресурс)

4. Сыздыкбаев А. Меры господдержки МСБ в Казахстане: от субсидий до синдицированных кредитов [Электронный ресурс] // Периодическое печатное издание и информационное агентство Tengrinews.kz [web-портал]. – 2024. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/meryi-gospodderjki-msb-kazahstane-subsidiy-sinditsirovannyih-547163/#:~:text=%D0%94%D0%BE%20%D1%8F%D0%BD%0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8F%202026%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0,%D0%B1%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B0%20%D0%B4%D0%BE%20127%20%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%B2%20%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D0%B5 (дата обращения: 27.10.2024) (электронный ресурс)

5. Количество действующих субъектов МСП в разрезе регионов (2022-2024 гг.) [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства Республики Казахстан по стратегическому планированию и реформам [web-портал]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/dynamic-tables/> (дата обращения: 27.10.2024) (электронный ресурс)

6. Абдрасулова Г. Э. Специфика краудфандинга и перспективы его правового регулирования в Республике Казахстан [Электронный ресурс] // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан [web-портал]. – 2020. – №2 (60). – С. 78–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-kraudfandinga-i-perspektivy-ego-pravovogo-regulirovaniya-v-respublike-kazahstan> (дата обращения: 23.05.2024) (электронный ресурс)
7. Механизм привлечения инвестиций: первичное размещение криптовалюты Initial Coin Offering (ICO) [Электронный ресурс] // Информационная система «AstanaHub.com» [web-портал]. – 2022. – URL: <https://astanahub.com/ru/blog/mekhanizm-privlecheniia-investitsii-pervichnoe-razmeshchenie-kriptovaliuty-initial-coin-offering-ic> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
8. Шольц Ю., Шелер Т., Соколов Ю. И., Коцоева В. С., Элькина А. А. Технология blockchain. Принципы работы и перспективы применения [Электронный ресурс] // Этап [web-портал]. – 2017. – №6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-blockchain-printsipy-raboty-i-perspektivy-primeneniya> (дата обращения: 23.10.2024) (электронный ресурс)
9. 5 платформ по краудфандингу из Казахстана и Узбекистана [Электронный ресурс] // Информационное агентство «The Tech» [web-портал]. – 2023. – URL: <https://the-tech.kz/5-platform-po-kraudfandingu-iz-kazahstana-i-uzbekistana/?ysclid=lvjvnn3u5a331400250> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
10. Ибраева А. Как в Казахстане развивается коллективное финансирование [Электронный ресурс] // Газета «Курсив» [web-портал]. – 2023. – №21. – URL: <https://kz.kursiv.media/2023-06-09/print989-lbrv-collective/?ysclid=lvjxjr445z839946461> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
11. Годовой отчет о деятельности Международного финансового центра «Астана» [Электронный ресурс] // Международный финансовый центр «Астана» [web-портал]. – 2021. – URL: <https://aifc.kz/ru/annual-reports/aifc-annual-report-2021/> (дата обращения: 04.06.2024) (электронный ресурс)
12. Aziz Sh., Nazir M. R., Nazir M. I., Gazali S. Crowdfunding A bibliometric analysis and future research Agenda // Heliyon Journal. – 2023. – Volume 9, Issue 12. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e22981 (журнал)
13. Mora-Cruz A., Palos-Sanchez P. R. Crowdfunding platforms: a systematic literature review and a bibliometric analysis // International Entrepreneurship and Management Journal. – 2023. – Volume 19. – P. 1257–1288. – DOI: 10.1007/s11365-023-00856-3 (журнал)
14. Vijaya V., Himandu P. M. A Decade of Donation-Based Crowdfunding: A Bibliometric Analysis using the SCOPUS Database 1 2 // Online platform ResearchGate. – 2023. – Volume 15(2). – P. 32–51. – DOI: 10.21844/16202115203 (журнал)
15. Панова Е. А. Краудфандинг как альтернативный инструмент финансирования малого и среднего бизнеса // Финансы и кредит. – 2018. – Т. 24, № 4. – С. 238–250. – DOI: 10.24891/фс.24.1.238. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudfanding-kak-alternativnyy-instrument-finansirovaniya-malogo-i-srednego-biznesa> (журнал)
16. Папаскуа Г. Т. Краудфандинг: понятие, виды и риски // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 7. – P. 77–85. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.077-085 (журнал)
17. Горовая В. В. Практическое пособие по краудфандингу. – М.: Глобал Нетворкс, 2016. – 125 с. (книга)
18. Борисевич М. Краудфандинг: что это такое и как работает в Казахстане [Электронный ресурс] // Интернет-портал NUR.KZ [web-портал]. – 2022. – URL: <https://www.nur.kz/nurfin/personal/1722947-kraudfanding-v-kazahstane-kak-razvivaetsa/> (дата обращения: 26.05.2024) (электронный ресурс)
19. Токаев К. К. Выступление Главы государства на совещании по вопросам дальнейшего развития города Алматы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [web-портал]. – 2021. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-na-soveshchani-i-po-voprosam-dalneyshego-razvitiya-goroda-almaty-172325> (дата обращения: б/н) (выступление: интернет-ресурс)
20. Мухамедьярова-Левина Т. Т., Заболотникова В. Д. Краудфандинг как способ коллективного инвестирования // Вестник университета «Туран». – 2020. – № 2. – С. 136–140. – URL: <https://vestnik.turan-edu.kz/jour/article/view/613> (журнал)

21. Гусева Д. Е., Малыхин Н. И. Краудфандинг: сущность, преимущества и риски // Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право». – 2014. – № 09-10. – С. 30–34. – URL: <https://vestnik-nko.ru/blog/2017/06/09/kraudfanding-sushhnost-preimushhestva-i-riski/> (журнал)
22. Valančienė L., Jęgelevičiūtė S. Crowdfunding for Creating Value: Stakeholder Approach // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Volume 156. – P. 599–604. – DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.11.248 (журнал)
23. Forbes H., Schaefer D. Guidelines for Successful Crowdfunding // *Procedia CIRP*. – 2017. – Volume 60. – P. 398–403. – DOI: 10.1016/j.procir.2017.02.021 (журнал)
24. Карибджанов Ч. Е. Краудсорсинг - инновационный инструмент управления // Вестник университета «Туран». – 2018. – № 3. – С. 175–178. – URL: https://vestnik.turan-edu.kz/jour/article/view/1257?locale=ru_RU (журнал)
25. Указ Президента Республики Казахстан от 26 сентября 2022 года № 1021 «Об утверждении Концепции развития финансового сектора Республики Казахстан до 2030 года» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2022. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001021> (дата обращения: 23.05.2024) (указ: интернет-ресурс)
26. Некрасова Т. П., Шумейко Е. В. Экономическая оценка краудфандинга как метода привлечения инвестиций [Электронный ресурс] // Журнал «Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки» [web-портал]. – 2017. – Т. 10, № 5. – С. 114–124. – DOI: 10.18721/JE.10510. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-otsenka-kraudfandinga-kak-metoda-privlecheniya-investitsiy> (дата обращения: 26.07.2024) (электронный ресурс)
27. Что такое краудфандинг [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Starttime [web-портал]. – 2024. – URL: <https://start-time.kz/about> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
28. Крупнейшая инвестиционная и заемная платформа [Электронный ресурс] // Инвестиционная и заемная краудфандинговая платформа iKapitalist Ltd. – 2024. – URL: <https://ikapitalist.kz/about.php> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
29. Краудфандинг на GoCrowd [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа GoCrowd [web-портал]. – 2024. – URL: <https://gocrowd.io/> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
30. Комитет МФЦА по регулированию финансовых услуг (Комитет МФЦА) [Электронный ресурс] // Комитет по регулированию финансовых услуг (Astana Financial Services Authority, AFSA) [web-портал]. – 2024. – URL: <https://afsa.aifc.kz/ru/> (дата обращения: 23.05.2024) (электронный ресурс)
31. Our mission is to help bring creative projects to life [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Kickstarter [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.kickstarter.com/> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
32. The Indiegogo Community [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Indiegogo [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.indiegogo.com/about/our-story> (дата обращения: 17.05.2024)
33. Helping people help each other [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа GoFundMe [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.indiegogo.com/about/our-story> (дата обращения: 17.05.2024)
34. История Patreon [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Patreon [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.patreon.com/ru-RU/about> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
35. About Demohour [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа DemoHour.com [web-портал]. – 2024. – URL: <https://e27.co/startups/demohour/> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
36. Who is Angelcrunch [Электронный ресурс] // ZoomInfo Technologies LLC [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.zoominfo.com/c/angelcrunch/547280958> (дата обращения: 22.05.2024)
37. Trusted by millions of donors and thousands of non-profits [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Give.Asia [web-портал]. – 2024. – URL: <https://give.asia/trust-and-safety?> (дата обращения: 22.05.2024)

38. About Wadiz [Электронный ресурс] // Adriel Platform [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.adriel.com/success-stories/wadiz> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
39. Total investments [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Seedrs [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.seedrs.com/> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
40. Important update [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа The House Crowd [web-портал]. – 2024. – URL: <https://thehousecrowd.com/> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
41. So funktioniert Exporo [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Exporo [web-портал]. – 2024. – URL: <https://exporo.de/> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
42. Ihre Vorteile beim Crowdinvesting [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Zinsbaustein [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.zinsbaustein.de/> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
43. Projects with a first-rank mortgage guarantee in figures [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Housers [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.housers.com/en> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
44. Leading platform in Europe with more than 43,000 funded projects [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Ulule [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.ulule.com/> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
45. Highlights [Электронный ресурс] // Crunchbase Platform [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.crunchbase.com/organization/demohour> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
46. Highlights [Электронный ресурс] // Crunchbase Platform [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.crunchbase.com/organization/wadiz-169c> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
47. Каждый третий проект успешный [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Planeta [web-портал]. – 2024. – URL: <https://planeta.ru/about> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
48. Краудфандинговая платформа [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Boomstarter [web-портал]. – 2024. – URL: <https://boomstarter.ru/> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
49. О нас [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Word-Power [web-портал]. – 2024. – URL: <https://word-power.ru/> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
50. Динамика курса 1 китайского юаня в долларах США [Электронный ресурс] // Информационный ресурс «Рамблер» [web-портал]. – 2024. – URL: <https://finance.rambler.ru/calculators/converter/1-CNY-USD/> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
51. Динамика курса 1 воны Республики Корея в долларах США [Электронный ресурс] // Информационный ресурс «Рамблер» [web-портал]. – 2024. – URL: <https://finance.rambler.ru/calculators/converter/1-KRW-USD/> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
52. Прошлые данные - EUR/USD [Электронный ресурс] // Платформа Investing.com [web-портал]. – 2024. – URL: <https://ru.investing.com/currencies/eur-usd-historical-data> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
53. История обменных курсов США Доллара (USD) к Английскому Фунту Стерлингов (GBP) за 2024 год [Электронный ресурс] // Платформа Exchange-Rates.org [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.exchange-rates.org/ru/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%B2/usd-gbp-2024> (дата обращения: 22.05.2024) (электронный ресурс)
54. Официальные курсы валют в среднем за период [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Казахстан [web-портал]. – 2024. – URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/oficialnye-kursy> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
55. С 01.01.2024 по 31.01.2024 Динамика курса валюты Доллар США [Электронный ресурс] // Банк России [web-портал]. – 2024. – URL: https://cbr.ru/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.mode=1&UniDbQuery.date_req1=&UniDbQuery.date_req2=&UniDbQuery.VAL_NM_RQ=R01235&UniDbQuery.From=01.01.2024&UniDbQuery.To=31.01.2024 (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)

56. Все категории [Электронный ресурс] // Краудфандинговая платформа Starttime [web-портал]. – 2024. – URL: <https://start-time.kz/category/> 366 (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
57. Бизнес-инкубаторы [Электронный ресурс] // АО «НК «KAZAKH INVEST» [web-портал]. – 2024. – URL: <https://invest.gov.kz/ru/invest-guide/support/small-and-medium-business/> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
58. О Фонде [Электронный ресурс] // АО «Фонд развития предпринимательства «ДАМУ» [web-портал]. – 2024. – URL: <https://damu.kz/ru/> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
59. Меры государственной поддержки бизнеса и инвесторов [Электронный ресурс] // Акимат Карагандинской области [web-портал]. – 2024. – URL: https://www.gov.kz/uploads/2024/3/5/3268d5586965195c4162107ae734ab7f_original.835876.pdf (дата обращения: 17.05.2024) (брошюра: интернет-ресурс)
60. Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 апреля 2024 года № 336 «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Казахстан от 24 мая 2016 года № 302 «Об утверждении Межрегиональной схемы территориального развития Алматинской агломерации» и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2016. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000336> (дата обращения: 23.05.2024) (постановление: интернет-ресурс)
61. Информационное сообщение о продлении сроков программы «Экономика простых вещей» [Электронный ресурс] // Министерство национальной экономики Республики Казахстан [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/252928?lang=ru> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
62. Статистика предприятий [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства Республики Казахстан по стратегическому планированию и реформам [web-портал]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/> (дата обращения: 17.05.2024) (электронный ресурс)
63. Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 апреля 2022 года № 250 «Об утверждении Концепции развития малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан до 2030 года» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2022. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000250> (дата обращения: 02.07.2024) (постановление: интернет-ресурс)

REFERENCES

1. “Vypusk produkciï sub"ektami malogo i srednego predprinimatel'stva (2005-2023 gg.)” (2024), Bureau of National statistics of the Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan, available at: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/dynamic-tables/>. (accessed: October 23, 2024) (In Russian).
2. “Dolya malogo i srednego predprinimatel'stva v VVP za 2005-2023 gody” (2024), Bureau of National statistics of the Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan, available at: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/dynamic-tables/>. (accessed: October 23, 2024) (In Russian).
3. “Investicii v osnovnoj kapital (2003-2023 gg.)” (2024), Bureau of National statistics of the Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan, available at: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-invest/dynamic-tables/>. (accessed: October 23, 2024) (In Russian).
4. Syzdykbaev A. (2024), “Meryi gosподderzhki MSB v Kazahstane: ot subsidij do sindicirovannykh kreditov”, *Periodicheskoe pechatnoe izdanie i informacionnoe agentstvo Tengrinews.kz*, available at: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/meryi-gosподderzhki-msb-kazahstane-subsidiy-sinditsirovannyih-547163/#:~:text=%D0%94%D0%BE%20%D1%20%D1%F%D0%BD%0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8F%202026%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0,%D0%B1%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B0%20%D0%B4%D0%BE%20127%20%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%B2%20

%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D0%B5 (дата обращения: 27.10.2024) (электронный ресурс). (accessed: October 27, 2024) (In Russian).

5. Kolichestvo deystvuyushchih sub"ektiv MSP v razreze regionov (2022-2024 gg.) (2024), Bureau of National statistics of the Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan, available at: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/dynamic-tables/> (accessed: October 27, 2024) (In Russian).

6. Abdrasulova, G. E. (2020), "Specifika kraudfandinga i perspektivy ego pravovogo regulirovaniya v Respublike Kazakhstan", *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazakhstan*, No. 2 (60), pp. 78–86, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-kraudfandinga-i-perspektivy-ego-pravovogo-regulirovaniya-v-respublike-kazakhstan>. (accessed: May 23, 2024) (In Russian).

7. "Mekhanizm privlecheniya investitsij: pervichnoe razmeshchenie kriptovalyuty Initial Coin Offering (ICO)" (2022), Informacionnaya sistema «Astanahub.com», available at: <https://astanahub.com/ru/blog/mekhanizm-privlecheniia-investitsii-pervichnoe-razmeshchenie-kriptovalyuty-initial-coin-offering-ic>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).

8. Shol'c, Yu., Sheler, T., Sokolov, Yu. I., Kocoeva, V. S. and El'kina, A. A. (2017), "Tekhnologiya blockchain. Principy raboty i perspektivy primeneniya", *Etap*, No. 6, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-blockchain-printsipy-raboty-i-perspektivy-primeneniya>. (accessed: October 23, 2024) (In Russian).

9. "5 platform po kraudfandingu iz Kazahstana i Uzbekistana" (2023), Informacionnoe agentstvo «The Tech», available at: <https://the-tech.kz/5-platform-po-kraudfandingu-iz-kazahstana-i-uzbekistana/?ysclid=lvjvnn3u5a331400250>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).

10. Ibraeva, A. "Kak v Kazahstane razvivaetsya kollektivnoe finansirovanie" (2023), *Gazeta «Kursiv»*, No. 21, available at: <https://kz.kursiv.media/2023-06-09/print989-lbrv-collective/?ysclid=lvjxjr445z839946461>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).

11. "Godovoj otchet o deyatelnosti Mezhdunarodnogo finansovogo centra "Astana" (2021), The Astana International Financial Centre (AIFC), available at: <https://aifc.kz/ru/annual-reports/aifc-annual-report-2021/>. (accessed: June 04, 2024) (In Russian).

12. Aziz, Sh., Nazir, M. R., Nazir, M. I. and Gazali, S. (2023), "Crowdfunding A bibliometric analysis and future research Agenda", *Heliyon Journal*, Vol. 9 No. 12. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e22981.

13. Mora-Cruz, A. and Palos-Sanchez, P. R. (2023), "Crowdfunding platforms: a systematic literature review and a bibliometric analysis", *International Entrepreneurship and Management Journal*, Vol. 19, pp. 1257–1288. DOI: 10.1007/s11365-023-00856-3.

14. Vijaya, V. and Himandu, P. M. (2023), "A Decade of Donation-Based Crowdfunding: A Bibliometric Analysis using the SCOPUS Database 1 2", *Online platform Research Gate*, Vol. 15(2), pp. 32–51. DOI: 10.21844/16202115203.

15. Panova, E. A. (2018), "Kraudfanding kak al'ternativnyj instrument finansirovaniya malogo i srednego biznesa", *Finansy i kredit*, Vol. 24 No. 4, pp. 238–250, DOI: 10.24891/fc.24.1.238.

16. Papaskua, G. T. (2021), "Kraudfanding: ponyatie, vidy i riski", *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, Vol. 16 No. 7, pp. 77–85. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.077-085.

17. Gorovaya, V. V. (2016), *Prakticheskoe posobie po kraudfandingu*, Global Networks, Moscow, 125 p. (In Russian).

18. Borisevich, M. "Kraudfanding: chto eto takoe i kak rabotaet v Kazahstane" (2022), Internet-portal NUR. KZ, available at: <https://www.nur.kz/nurfin/personal/1722947-kraudfanding-v-kazahstane-kak-razvivaetsa/>. (accessed: May 26, 2024) (In Russian).

19. Tokaev K. K. (2021) "Vystuplenie Glavy gosudarstva na soveshchanii po voprosam dal'nejshego razvitiya goroda Almaty", available at: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-na-soveshchanii-po-voprosam-dalnejshego-razvitiya-goroda-almaty-172325>. (accessed: b/n) (In Russian).

20. Muhamed'yarova-Levina, T. T. and Zabolotnikova, V. D. (2020), "Kraudfanding kak sposob kollektivnogo investirovaniya", *Vestnik universiteta «Turan»*, No. 2, pp. 136–140, available at: <https://vestnik.turan-edu.kz/jour/article/view/613>. (In Russian).

21. Guseva, D. E. and Malyhin, N. I. (2014), "Kraudfanding: sushchnost', preimushchestva i riski", *Zhurnal "Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo"*, No. 09-10, pp. 30–34, available at: <https://vestnik-nko.ru/blog/2017/06/09/kraudfanding-sushhnost-preimushchestva-i-riski/>. (In Russian).
22. Valančienė, L. and Jegelevičiūtė, S. (2014), "Crowdfunding for Creating Value: Stakeholder Approach", *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, Vol. 156, pp. 599–604. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.11.248.
23. Forbes, H. and Schaefer, D. (2017), "Guidelines for Successful Crowdfunding", *Procedia CIRP*, Vol. 60, pp. 398–403. DOI: 10.1016/j.procir.2017.02.021.
24. Karibdzhanov, Ch. E. (2018), "Kraudsorsing- innovacionnyj instrument upravleniya", *Vestnik universiteta «Turan»*, No. 3, pp. 175–178, available at: https://vestnik.turan-edu.kz/jour/article/view/1257?locale=ru_RU.
25. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 26, 2022 No. 1021 "Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya finansovogo sektora Respubliki Kazahstan do 2030 goda" (2022), available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001021> (accessed: May 23, 2024) (In Russian).
26. Nekrasova, T. P. and Shumejko, E. V. (2017), "Ekonomicheskaya ocenka kraudfandinga kak metoda privlecheniya investitsij", *Zhurnal "Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki"*, Vol. 10 No. 5, pp. 114–124. DOI: 10.18721/JE.10510, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-otsenka-kraudfandinga-kak-metoda-privlecheniya-investitsiy>.
27. "Chto takoe kraudfanding" (2024), Kraudfandingovaya platforma Starttime, available at: <https://start-time.kz/about>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
28. "Krupnejshaya investicionnaya i zaemnaya platforma" (2024), Investicionnaya i zaemnaya kraudfandingovaya platforma iKapitalist Ltd., available at: <https://ikapitalist.kz/about.php>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
29. "Kraudfanding na GoCrowd" (2024), Kraudfandingovaya platforma GoCrowd, available at: <https://gocrowd.io/>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
30. "Komitet MFCA po regulirovaniyu finansovyh uslug (Komitet MFCA)" (2024), Regulator of Financial Services (Astana Financial Services Authority, AFSA), available at: <https://afsa.aifc.kz/ru/>. (accessed: May 23, 2024) (In Russian).
31. "Our mission is to help bring creative projects to life" (2024), Kraudfandingovaya platforma Kickstarter, available at: <https://www.kickstarter.com/>. (accessed: May 17, 2024) (In English).
32. "The Indiegogo Community" (2024), Kraudfandingovaya platforma Indiegogo, available at: <https://www.indiegogo.com/about/our-story>. (accessed: May 17, 2024) (In English).
33. "Helping people help each other" (2024), Kraudfandingovaya platforma GoFundMe, available at: <https://www.indiegogo.com/about/our-story>. (accessed: May 17, 2024) (In English).
34. "Istoriya Patreon" (2024), Kraudfandingovaya platforma Patreon, available at: <https://www.patreon.com/ru-RU/about>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
35. "About Demohour" (2024), Kraudfandingovaya platforma DemoHour.com, available at: <https://e27.co/startups/demohour/>. (accessed: May 22, 2024) (In English).
36. "Who is Angelcrunch" (2024), ZoomInfo Technologies LLC, available at: <https://www.zoominfo.com/c/angelcrunch/547280958>. (accessed: May 22, 2024) (In English).
37. "Trusted by millions of donors and thousands of non-profits" (2024), Kraudfandingovaya platforma Give.Asia, available at: <https://give.asia/trust-and-safety?>. (accessed: May 22, 2024) (In English).
38. "Total investments" (2024), Kraudfandingovaya platforma Seedrs, available at: <https://www.seedrs.com/>. (accessed: May 22, 2024) (In English).
39. "About Wadiz" (2024), Adriel Platform, available at: <https://www.adriel.com/success-stories/wadiz>. (accessed: May 22, 2024) (In English).
40. "Important update" (2024), Kraudfandingovaya platforma The House Crowd, available at: <https://thehousecrowd.com/>. (accessed: May 22, 2024) (In English).
41. "So funktioniert Exporo" (2024), Kraudfandingovaya platforma Exporo, available at: <https://exporo.de/>. (accessed: May 22, 2024) (In German).

42. "Ihre Vorteile beim Crowdfunding" (2024), Kraudfandigovaya platforma Zinsbaustein, available at: <https://www.zinsbaustein.de/>. (accessed: May 22, 2024) (In German).
43. "Projects with a first-rank mortgage guarantee in figures" (2024), Kraudfandigovaya platforma Housers, available at: <https://www.housers.com/en>. (accessed: May 22, 2024) (In English).
44. "Leading platform in Europe with more than 43,000 funded projects" (2024), Kraudfandigovaya platforma Ulule, available at: <https://www.ulule.com/>. (accessed: May 22, 2024) (In English).
45. "Highlights" (2024), Crunchbase Platform, available at: <https://www.crunchbase.com/organization/demohour>. (accessed: May 22, 2024) (In English).
46. "Highlights" (2024), Crunchbase Platform, available at: <https://www.crunchbase.com/organization/wadiz-169c>. (accessed: May 22, 2024) (In English).
47. "Kazhdyj tretij proekt uspehnyj" (2024), Kraudfandigovaya platforma Planeta, available at: <https://planeta.ru/about>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
48. "Kraudfandigovaya platforma" (2024), Kraudfandigovaya platforma Boomstarter, available at: <https://boomstarter.ru/>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
49. "O nas" (2024), Kraudfandigovaya platforma Word-Power, available at: <https://word-power.ru/>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
50. "Dinamika kursa 1 kitajskogo yuanya v dollarah USA" (2024), Informacionnyj resurs «Rambler», available at: <https://finance.rambler.ru/calculators/converter/1-CNY-USD/>. (accessed: May 22, 2024) (In Russian).
51. "Dinamika kursa 1 vony Respubliki Koreya v dollarah USA" (2024), Informacionnyj resurs «Rambler», available at: <https://finance.rambler.ru/calculators/converter/1-KRW-USD/>. (accessed: May 22, 2024) (In Russian).
52. "Proshlye dannye - EUR/USD" (2024), Platforma Investing.com, available at: <https://ru.investing.com/currencies/eur-usd-historical-data>. (accessed: May 22, 2024) (In Russian).
53. "Istoriya obmennih kursov USA Dollara (USD) k Anglijskomu Funtu Sterlingov (GBP) za 2024 god" (2024), Platforma Exchange-Rates.org, available at: <https://www.exchange-rates.org/ru/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%B2/usd-gbp-2024>. (accessed: May 22, 2024) (In Russian).
54. "Oficial'nye kursy valyut v srednem za period" (2024), National Bank of the Republic of Kazakhstan, available at: <https://nationalbank.kz/ru/news/oficialnye-kursy>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
55. "S 01.01.2024 po 31.01.2024 Dinamika kursa valyuty Dollar USA" (2024), Bank of Russia, available at: https://cbr.ru/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.mode=1&UniDbQuery.date_req1=&UniDbQuery.date_req2=&UniDbQuery.VAL_NM_RQ=R01235&UniDbQuery.From=01.01.2024&UniDbQuery.To=31.01.2024. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
56. "Vse kategorii" (2024), Kraudfandigovaya platforma Starttime, available at: <https://start-time.kz/category/366>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
57. "Biznes-inkubatory" (2024), National Company KAZAKH INVEST JSC, available at: <https://invest.gov.kz/ru/invest-guide/support/small-and-medium-business/>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
58. "O Fonde" (2024), Damu Entrepreneurship Development Fund JSC, available at: <https://damu.kz/ru/>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).
59. *Mery gosudarstvennoj podderzhki biznesa i investorov* (2024), Akimat of Karaganda region, Karaganda, 11 p. (In Russian).
60. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated April 26, 2024 No. 336 "O vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 24 maya 2016 goda № 302 «Ob utverzhdenii Mezhregional'noj skhemy territorial'nogo razvitiya Almatinskoy aglomeracii» i priznanii utrativshimi silu nekotoryh reshenij Pravitel'stva Respubliki Kazahstan" (2016), available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000336> (accessed: May 23, 2024) (In Russian).
61. "Informacionnoe soobshchenie o prodlenii srokov programmy "Ekonomika prostyh veshchej" (2024), Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan, available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/252928?lang=ru>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).

62. “Statistika predpriyatij” (2024), Bureau of National statistics of the Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan, available at: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/>. (accessed: May 17, 2024) (In Russian).

63. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated April 27, 2022 No. 250 "Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v Respublike Kazahstan do 2030 goda" (2022), available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000250> (accessed: July 02, 2024) (In Russian).

INNOVATIVE APPROACHES TO FINANCIAL STIMULATION OF INVESTMENTS IN REGIONAL PROJECTS IN KAZAKHSTAN

Y. P. Shin¹, T. T. Mussabayev¹, M. T. Zholamanova¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research – is to identify alternative methods for stimulating investment in regional projects.

Methodology employs a comparative analysis of financial instruments to assess their strengths and weaknesses, with crowdfunding identified as the most attractive option for SMEs. This approach also enables a comparison of crowdfunding platforms in Kazakhstan with those in other countries. Comprehensive and systematic methods were used to evaluate the current state of crowdfunding development in Kazakhstan, revealing weaknesses that can be addressed through recommendations provided by the study's authors.

Originality / value – the study examines a range of crowdfunding platforms as sources of investment opportunities and explores their potential for creating and developing investment projects in the regions of Kazakhstan compared to other financial instruments.

Findings – the study analyzed innovative financing methods in Kazakhstan, evaluated major crowdfunding platforms, examined current government support measures for small and medium-sized enterprises in Kazakhstan, and developed recommendations for enhancing innovative methods to stimulate investment in regional projects.

Keywords : investments, financial stimulating, crowdfunding, financial support, small and medium businesses.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ Өңірлік жобаларға инвестицияларды қаржылық ынталандыруға инновациялық тәсілдер

Е. П. Шин¹, Т. Т. Мусабаев¹, М. Т. Жоламанова¹

Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – өңірлік жобаларға инвестицияларды ынталандырудың баламалы әдістерін анықтау.

Әдіснамасы – қаржы құралдарын салыстырмалы талдау ШОБ үшін ең тартымды краудфандингті таңдаумен олардың мықты және әлсіз жақтарын бағалауға мүмкіндік берді, сондай-ақ Қазақстанның және басқа елдердің краудфандингтік платформаларын салыстыруға мүмкіндік берді, Қазақстандағы краудфандингтің дамуының ағымдағы жай-күйін бағалаудың кешенді және жүйелі әдістері зерттеу авторлары берген ұсыныстарды ескере отырып, жоюға болатын олардың әлсіз жақтарын анықтады.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – зерттеуде инвестициялық мүмкіндіктердің қайнар көзі ретінде бірқатар краудфандингтік платформалар, сондай-ақ олардың басқа қаржы құралдарымен салыстырғанда Қазақстан өңірлерінде инвестициялық жобаларды құру және дамыту үшін әлеуеті зерделенді.

Зерттеу нәтижелері – Қазақстанды қаржыландырудың инновациялық әдістерін талдау, негізгі краудфандингтік платформаларды талдау және бағалау жүргізілді, Қазақстанда шағын және орта кәсіпкерлікті мемлекеттік қолдаудың ағымдағы әдістері зерттелді, өңірлік жобаларға инвестициялауды ынталандырудың инновациялық әдістерін дамыту бойынша шаралар әзірленді.

Түйін сөздер: инвестициялар, қаржылай ынталандырма, краудфандинг, қаржылық қолдау, шағын және орта бизнес.

ОБ АВТОРАХ

Шин Елена Петровна – докторант PhD, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Экономический факультет, кафедра «Финансы»), Астана, Казахстан, lenashin84@mail.ru, ORCID ID 0000-0002-7681-0419;

Мусабаев Турлыбек Туркпенович – доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Евразийский технологический институт), Астана, Казахстан, eti.enu@mail.ru, ORCID ID 0000-0002-7630-6466;

Жоламанова Макпал Тоқановна – кандидат экономических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Экономический факультет, кафедра «Финансы»), Астана, Казахстан, makpalzh@mail.ru, ORCID ID 0000-0003-1111-0726.

MPHTI: 06.73.15

JEL CLASSIFICATION: H72, H74

DOI:<https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-205-217>

REGIONAL FINANCING: BUDGETARY AND ALTERNATIVE OPPORTUNITIES

N. Satanbekov,¹ Zh. A. Adambekova^{2*}, A. A. Adambekova³

¹ Abay Myrzakhmetov Kokshetau University, Kokshetau, Kazakhstan,

² Caspian University, Almaty, Kazakhstan

³ al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study is to identify the specifics of regional financing by studying the problems of resource provision on both a budgetary and extra-budgetary basis.

Methodology. The study is based on the use of analysis and deduction, which allowed us to identify patterns in the budget process; content analysis, which served as the basis for substantiating the developed methodology for assessing budget sufficiency; statistical research methods: grouping, classification, and visualization of research results using graphs and tables.

The uniqueness of the study lies in the fact that, as a rule, the assessment of budget sufficiency is assessed based on legislative regulations or proprietary methods of various researchers, while the methodology proposed in this study is substantiated taking into account the main practices and minimizes limitations. The

data obtained as a result of collecting and analyzing the issue of municipal bonds using the example of the four largest regions of Kazakhstan made it possible to establish the main features and possible risks of their servicing. The recommendations developed in this study will help expand the range of research in such areas as regional governance, public finance, the effectiveness and level of regional financing, and the achievement of sustainable development goals. The study revealed insufficient independence of regional authorities and management bodies in resolving budget planning issues. This also indicates their incomplete involvement in the budget process as the main administrators of the local budget. The level of budget provision in the regions under study remains not very high. The issue of municipal borrowing requires a more systematic approach to taking into account all potential risks.

Key words: regional financing, budget, municipal bonds, investments, budget withdrawals.

Acknowledgments: This research is funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP19678012 “The Triune Concept of Sustainable Development (ESG): business interests in the context of balanced regional development”).

INTRODUCTION

Regional financing in its essence determines not only the development opportunities of regions, but also the structure of regional products, the standard of living in the region and, mainly, predetermines the success of a particular region. The feature of the development of Kazakhstan's regions, not taking into account large cities of national significance, is that tax sources of financing the regions are significant. On the other hand, subsidy dependence continues to be an important problem in the development of regions. The sustainable development of the country as a whole is formed as a synthesis of the resulting indicator of competitiveness and development efficiency of each region of Kazakhstan separately. In this regard, one of the key issues of public administration always remains the application of a systems approach in the development of measures for the sustainable development of each region and the achievement of the SDGs.

The *objects* of the study were four regions of Kazakhstan, which differ from each other in their economic, social and infrastructural development, but, in general, reflect the overall dynamics of regional development in the country. It should be noted that the contribution of each region to the country's GDP varies. In particular, if West Kazakhstan region generates \$ 10.5 billion, East Kazakhstan region - \$ 9.8, Karaganda region - \$ 18.5, Kyzyl-Orda region - \$ 6.2 billion in a total of \$ 262.6 billion of the country's GRP [1]. For example, the annual income of KazMunayGas JSC for 2023 amounted to \$ 18.2 billion. The figures presented speak for themselves [2]. In fact, the GRP reflects the region's potential to create goods, works and services and, as a result, determines their need for funding sources. In turn, if we study the resources of the regions from the standpoint of regional management goals, we can note a significant imbalance between the selected regions. For example, if in the Karaganda and West Kazakhstan regions the share of tax revenues in the regional budget revenues is 40.7 % and 38.8 %, respectively, then in East Kazakhstan region it is only 33.8%, and in Kyzyl-Orda region only 15 % [3]. The situation with subsidy dependence has remained just as relevant for many years [4]. In particular, according to the results of 2023, the level of subsidies received by the regions continues to be high: in West Kazakhstan region, there are 46 tenge of subsidies per 100 tenge of revenue. Similarly, in East Kazakhstan region this ratio was 48 tenge, in Karaganda region - 45 tenge, in Kyzyl-Orda region 67 tenge to 100 tenge [3]. The presented data substantiate the relevance of this study and the significance of the expected results.

The *objective* of the study is to establish the specifics of regional financing by studying the problems of resource provision both on a budgetary and extra-budgetary basis. The *object* of the study in the framework of this scientific work is the resource potential of four regions of Kazakhstan. The *subject* of the study is the existing approaches to regional financing, allowing to assess the capabilities of regions to expand their sources of sustainable development. To achieve this goal, the main *tasks* are to review publications that reveal the approaches and significance of regional financing, as well as modern trends in the study of alternative funding instruments. The implementation of this study will solve the problem of developing recommendations for expanding sources of financing Kazakhstan's regions. The *practical significance* of the developed recommendations is determined by the fact that it allows all participants in the regional development process to take them

into account when implementing strategic planning and building interregional cooperation in the process of achieving sustainable development goals. The importance of this study is determined by the fact that its results allow stakeholders to use these proposals not only on a regional but also on an international scale. It should also be noted that the recommendations take into account the expectations of the community on the benefits of responsible investment through integrated sustainable management of the region's financial resources.

Materials and methods. Following the methods of scientific knowledge accepted in world research, analysis and deduction, continuous observations, and statistical research methods will be applied: grouping, classification, as well as visualization of research results using graphs, and tables. To substantiate the prepared recommendations, the following plan and stages of the study were defined: 1) based on the methods of analysis, synthesis and comparison, study the main trends in financing four regions of Kazakhstan; 2) which in turn will allow identifying the most actively discussed problems in expanding sources of financing for regional development, through content analysis; 3) develop basic recommendations for alternative sources of budget financing; 4) identify the main obstacles arising in the implementation of these recommendations, clarify aspects of their application by regional governments.

MAIN PART OF THE RESEARCH

It must be recognized that the regional finances of these regions vary greatly in their qualitative and quantitative state. The conducted research has shown that most scientific works devoted to this issue study the following aspects. Thus, in the studies of A. Zeinelgabdin, issues of uniform receipt of tax payments during the financial year in the republican and local budgets are raised, which affects the effective development of budget funds [5]. According to scientists, the main factors that affect the decrease in tax revenues to the budget are: the provision of various benefits; decrease in the number of profitable legal entities; growth of unprofitable taxpayers; a significant amount of overpayment on CIT, which must be returned to business entities at the beginning of the financial year; increase in arrears on CIT. Significant distortions in the budget process are also explained by the fact that the receipt of CIT mainly comes from large taxpayers using the mechanism of advance payments in November-December of the financial year [6]. According to experts, despite efforts to improve interbudgetary relations, transfer tax revenues to regional budgets (CIT for SMEs), support for local self-government by granting the status of district and village budgets, increasing the size of transfers to lower-level budgets, the trends in the uneven development of regional finances continue to grow [7]. The difference in the level of GRP per capita in the regions over the past 10 years has expanded from 9.3 times to 12.6 times in 2023. Every year, the dependence of local budgets is growing: if in 2000 the share of republican budget revenues in state budget revenues was 64 %, then in 2023 this share was 80 %, even taking into account the transfer of part of the CIT to local budgets. Analysts in their studies raise the issue of budgetary sufficiency of the regions. According to the Budget Code of the Republic of Kazakhstan, budgetary sufficiency is understood as the cost of public services per unit of recipients of these services, provided at the expense of the relevant budgets [8]. In the work of L.A. Azisova budget sufficiency is considered as the ratio of incoming budget revenues and expenditures [9]. AERC analysts use their methodology in calculating the budget sufficiency of regions, considering it as the ability of the budget to provide its expenses with its revenues without outside assistance. To calculate budget sufficiency, they used local budget revenues minus transfers from the republican budget as a % of the amount of local budget expenses [7]. The validity of each of the approaches proposed by the authors requires a comprehensive study. Within the framework of this work, the issue of regions' budget sufficiency as the main aspect of regional financing is raised in the context of the tasks of achieving sustainable development goals by the regions of Kazakhstan. The sustainability of regional development in modern studies is assessed from the position of demonstrating the desire of regions to achieve sustainable development goals. This task poses even greater questions for regional governments. On the one hand, this is not only a question of current management of regional development, but also a desire to implement the basic principles of sustainable development into this management. On the other hand, this is the need to provide sufficient resources for all implemented development tasks. From this position, budget sufficiency is understood as the sufficiency of covering local budget costs for sustainable development goals. In this study, the indicator is proposed to be defined as the ratio of the difference between local budget revenues and net transfers to the number of local

budget expenditures minus budget withdrawals (the calculation of the indicator is presented in Table 1 using the example of four regions of Kazakhstan). This methodology formed the basis of the National ESG Rating Methodology when assessing the level of regional commitment to achieving sustainable development goals.

Table 1 – Calculation of budgetary provision of regions of Kazakhstan based on the results of 2023

Indicators	WKR	EKR	Karaganda region	Kyzyl-Orda region
Income, million tenge	453047,3	485874,5	686571,1	597172,6
Net transfers, million tenge	254208,1	307523,9	387780,8	487142,3
Expenses minus withdrawals, million tenge	436448,0	472473,2	668117,5	569253,9
Budget sufficiency, %	45,5	37,7	44,7	19,3

Note: compiled from source [3]

The presented data indicate that the lowest level of budget sufficiency is observed in the Kyzyl-Orda region: out of 100 tenge of regional expenses financed from the local budget, only 19.3 tenge were provided by the region's own revenues (from the remaining at the region's disposal). Thus, direct taxes on oil and gas production go to the National Fund, but the rest, except for VAT, which goes to the republican budget, remains at the disposal of the regions. More precisely, the oil and gas sector in Kazakhstan transfers directly to the National Fund the entire CIT, excess profit tax, mineral extraction tax, rent tax on exports, and additional payments by subsoil users according to the PSA. To provide additional income to the regions, since 2020, revenues from corporate income tax from SMEs (except for large businesses and the oil and gas sector) have been transferred to local budgets. But this did not affect budget sufficiency in any way; it even worsened in 2020 amid quarantine restrictions (Figure 1). Increased local budget expenditures were offset by transfers from the republican budget (Figure 2). By 2022, budget sufficiency had slightly improved in three regions (Figure 1, growth trends from 2020 to 2022 are marked with blue and red lines), including due to the corporate income tax. While the Kyzyl-Orda region remains in a downward trend. The study shows that high centralization of revenues has practically deprived local budgets of the opportunity to solve their regional problems. Of course, the government strives to evenly distribute transfers from the republican budget between the regions to solve various problems, but, according to experts, it is this system that has led to significant regional disparities [6].

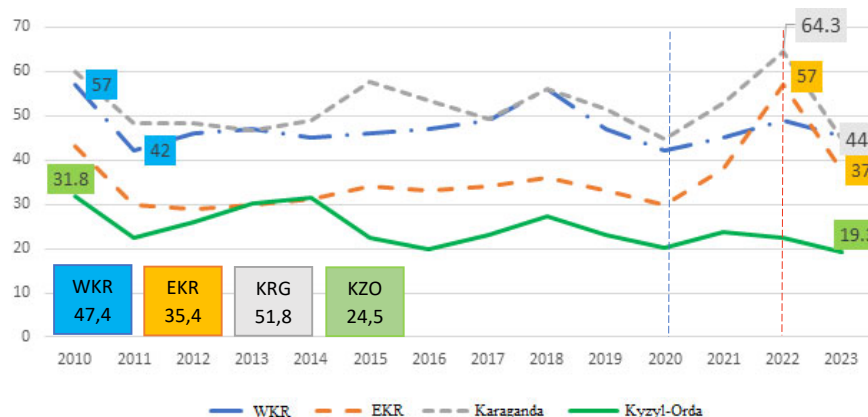

Figure 1 – Budgetary sufficiency of Kazakhstani regions in dynamics for 2010-2023

Note: compiled based on data from the source

The average value for the period in the corresponding area.

Figure 1 – Budgetary sufficiency of Kazakhstani regions in dynamics for 2010-2023

Note: compiled based on data from the source

The average value for the period in the corresponding area.

A study of changes in the budget sufficiency of the selected regions allows us to note that for two regions (East Kazakhstan region and Karaganda region) 2022 was the most comfortable year in terms of resource sufficiency. Although WKR reached its highest value in the study period only in 2010 – 57 % and only in 2018 it was able to get close to this value at 56 %. While in 2023 the level of sufficiency in WKR decreased by 2.7 % compared to the average value for the period. As analysts note, the difference in budget sufficiency in 2022 between donor and subvention regions is huge (on average 50 %) [7]. Over 20 years, only three of the eight donor regions remain. If the current trends persist against the backdrop of geopolitical risks, centralization will expand even further due to the expected reduction in revenues from oil, gas, and metal production, and dependence on transfers from the republican budget will only increase. Given the constant reverse transfers from the National Fund to the budget, the issue of reducing the share of taxes and payments sent to the National Fund by some regions is actively discussed within the scientific and business community. Thus, according to analysts, two of the regions we are studying benefit the most from this exercise: West Kazakhstan region and Kyzylorda region. We will take this proposal as a basis for developing recommendations within the framework of the SF AP19678012 project we are implementing. The general conclusion from the calculations is that the regions (West Kazakhstan region and Kyzylorda region) that have oil and gas fields have a chance to increase their sustainability and solve many regional problems if at least part of the taxes and payments usually sent to the National Fund remain in the regional budget. In particular, the Karachaganak oil and gas condensate field, which is one of the largest fields in the world, is located in West Kazakhstan region. The KPO company annually produces about 12-12.5 million tons of liquid hydrocarbons and has plans to increase production up to 17.5-18.5 billion cubic meters [10]. The local budget of the region mainly receives individual income tax and social tax from the company, other payments and fees are not so significant. The National Fund and the republican budget take everything else in the form of VAT. As a result, transfers from the republican budget make up almost 60 % of the WKR budget expenses. (Figure 2)

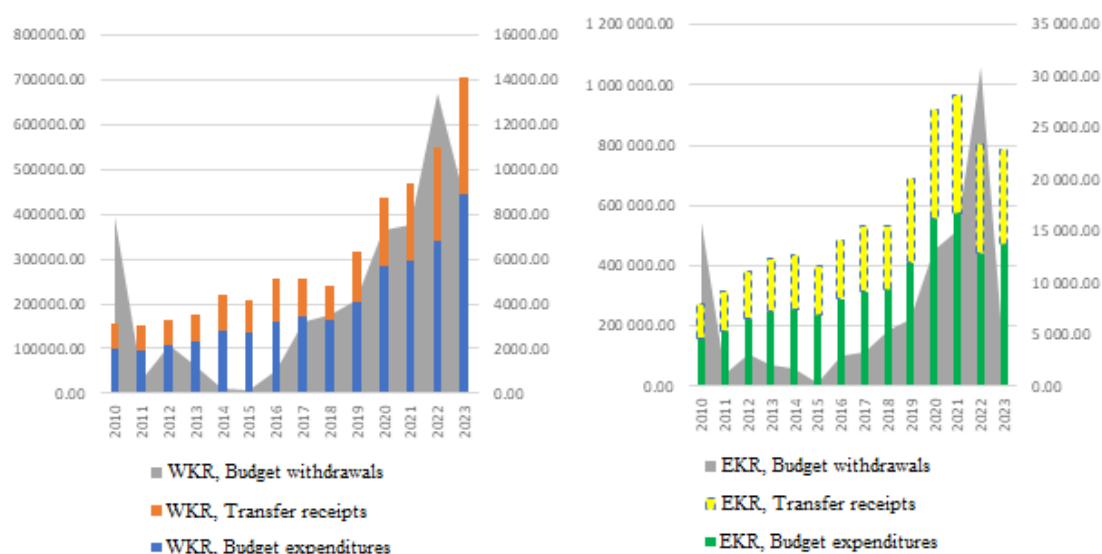

Figure 2 – Trends in changes in subvention dependence of West Kazakhstan, East Kazakhstan, Karaganda and Kyzyl-Orda regions

Note: compiled based on data from the source [3].

A study of trends in changes of subvention dependence of Kazakhstan's four regions in the context of comparing local budget expenditures and received and withdrawn transfers showed the following: comparison of the dynamics of budget withdrawals for the 14 years under study showed similarities between three regions - West Kazakhstan, East Kazakhstan, and Karaganda regions, although the level of budget sufficiency in the regions differs by 1.5 times between Karaganda and East Kazakhstan regions. This indicates that when determining the size of budget withdrawals, practically no features and differences in the development of regions are taken into account. The conclusion suggests that the withdrawal rates are determined as a percentage of local budget expenditures. We observe the situation in Kyzyl-Orda region as an exception to the general picture. Even though the average volume of withdrawals for the period under study is almost the same as that of West Kazakhstan region (4,360 million tenge versus 4,240 million tenge), the level of budgetary provision in this region is the lowest - 19.3 % as of the end of 2023. It should be noted that the maximum volume of oil production at the Kumkol field occurred in the early 2000s and, unfortunately, the Kyzylorda region was unable to fully use the income from hydrocarbon raw materials sterilized directly into the National Fund [7]. According to many indicators of socio-economic development, the region occupies the last place, which is due to the critical level of budgetary provision (Figure 1).

The study showed that differences in development between regions have both objective and subjective reasons. In most studies, the authors note natural, climatic, and geographical differences as objective reasons [11], which in turn determine individual differences in the infrastructural development of regions. Subjective reasons, researchers say, include the uneven distribution of labor and capital, the existing system of interbudgetary relations, and other factors. However, it is important to consider that without balanced development of regions, the integrated development of the entire state is impossible. In this regard, the main task of central and regional authorities and management is to reduce this difference [6].

The lack of resources in local budgets does not allow regions to fully perform direct state functions at the local level. In particular, the problem of the infrastructural state of the regions determines many problems of both industrial development and logistics. Along with this, there are also problems with education (bad conditions of school buildings), health care (lack of modern medical equipment in state medical institutions, doctors), ecology, and water supply. Thus, in terms of coverage of public roads with hard surfaces, the West Kazakhstan region lags behind the national level by 13 % (76 % versus 89 %) [12]. At the same time, only 3 km out of 6.5 thousand km of the entire length of roads in the region are classified as category I (the best). There is nothing to say about roads of regional and district significance. It is precisely investment in road infrastructure of at least regional significance that could increase the economic connectivity of the districts with regional centers. All the studied areas have not very good ecology due to the intensive extraction of hydrocarbons, extraction and processing of non-ferrous copper, and other industries, and therefore they need constant measures to protect the environment [13]. In this regard, the complaints of residents of these areas about poor living conditions in the presence of significant wealth in the depths of these regions seem justified. Hence the need for new sources of economic growth in the regions, and, consequently, income for local budgets. For this, greater financial independence of the regions is necessary in order to independently implement local initiatives (regional growth points) through new investment projects and stimulation of existing businesses.

In this context, the position of the Asian Development Bank in Kazakhstan was outlined with respect to regional investment policy. In particular, it was noted that the policy should be modernized in the direction of taking into account incentive measures for the implementation of projects according to ESG standards. He noted that a certain mechanism for «green projects» can be created, for example, reducing the interest rate on loans or covering part of the projects' costs related to environmental protection [14]. The expansion of ESG investments contributes to the growth of the potential for further investments in the economy. This leads to the creation of new jobs and an undoubted improvement in the quality of life of the population. The study of the role of municipal bonds in the development of national economies and individual regions in recent years has significantly expanded the factor review. Thus, US researchers note the dependence they have identified between the growth of municipal bonds and the aging of the population, as a consequence of the growth of government spending on health care and social security [15]. On the other hand, a whole layer of research is

aimed at studying the relationship between trends in air pollution, and decarbonization trends with the activity of issuing municipal bonds [16]. In addition, some researchers point out that the studies to identify the spatio-temporal relationships between the use of funds received from the issue of green bonds and the positive effects of climate change are not final and exhaustive. The answers to some questions remain open and require more detailed research [17]. Taking into account the current trends in changes in the geopolitical picture in the global economy, all of the above requires the development of a balanced regulation system of sustainable business eco-systems' development both to stimulate domestic production and to activate the export of finished products based on the use of the potential of the middle class. If we focus on Kazakhstani municipal bonds, then, basically, regional governments have stepped up their issuance activities since 2016 (Table 2). Out of the regions studied, in 2001 the first to enter the funding market was the local government of the East Kazakhstan Region with a project that was quite ambitious even by current standards [18].

The possibility of issuing debt securities to attract borrowed funds by local executive bodies in Kazakhstan is a fairly common practice, which is enshrined in the Budget Code of the Republic of Kazakhstan in Articles 209-212 [8]. It should be noted that the regulations define not only the borrowing limits that a local executive body can attract for the relevant financial year. The procedure for making and coordinating funding decisions is also regulated. In addition, by establishing the framework for the amount of expenses on repayment and servicing of the region's debt (which should not exceed an amount equal to 10 % of the local budget revenues for the relevant financial year), the risk appetite of local authorities is regulated.

Table 2 – Issue of municipal bonds in the regions of Kazakhstan

Volume of funds raised, total billion tenge	Issue size, billion tenge	Interest rate, %	Portfolio share by rates	Information about the first issue	Number of issues (available information)	Period of circulation
Issuer - Akimat of West Kazakhstan region						
47,7	From 1,6-8,2	From 0,02-0,35%	32,5%	09.08.2016	11	From 1,8 till 11,92 years
		From 4,25 to 7,1%	67,5%			
Issuer – Akimat of East Kazakhstan region						
117,8	From 0,293 to 24,6	From 0,02-0,35%	49,5%	14.06.2001	31 (plus 2 failed)	From 0,8 till 11,92 years
		From 4,25 to 7,1%	50,5%			
Issuer – Akimat of Karaganda region						
92,5	From 0,200 to 20,3	From 0,02-0,35%	42,9%	08.08.2016	18 (plus 1 failed)	From 2 till 11,92 years
		From 4,25 to 7,1%	57,1%			
Issuer – Akimat of Kyzyl-Orda region						
83,5	From 0,721 to 10,8	From 0,02-0,35%	64,5%	09.08.2016	24	From 1,7 till 11,92 years
		From 4,25 to 7,1%	35,5%			
Note: compiled from data from [18]						

Note: compiled from data from [18]

In general, it should be noted that Kazakhstan's regional governments are actively using the opportunities to attract alternative sources of financing for regional development. Considering that the main activity has been observed over the past 8 years, on average, East Kazakhstan region carries out 3 to 4 issues per year, Kyzyl-Orda region - 3 issues, Karaganda region - 2 to 3 issues per year. For West Kazakhstan region, it was possible to collect data only starting from 2020, and taking this into account, up to 3 issues per year can also be noted here. It should be noted that the corporate sector does not show such emission activity on the stock market of Kazakhstan. Nevertheless, the study showed that the regions borrowed significant amounts at relatively low interest rates - from 0.02 % to 0.35 % per annum. The most economical and successful placement was carried out by the local government of Kyzyl-Orda region - 64.5 %. It should be noted that using the example of EKR, the region was able to attract half of the cheap loans over the past 3 years. The study noted that EKR can be

recognized as a region with a relatively high-risk appetite: the region borrows more often while borrowing relatively small amounts and for relatively short periods.

The issue of municipal bonds is undoubtedly considered the most acceptable alternative source of financing for regional development. Its main advantages are:

- targeted investment,
- acceptable borrowing costs,
- adaptive borrowing period, which can be tied to the term of the investment project,
- transparency of resource attraction and development processes,
- increased responsibility and, as a result, an increase in the level of investment management on the part of regional governments,
- stimulation of the domestic investment market,
- development of support for innovative investment projects for sustainable development of regions.

It is also necessary to pay close attention to the issues of risks that accompany the issue and servicing of municipal borrowing. In particular, in the process of initiating municipal bonds, regions face difficulties in forecasting the regional budget for the period of circulation of bonds due to the opacity of the system of budgetary withdrawals and the transfers themselves. Along with this, possible changes in legislation concerning the redistribution of tax revenues between budget levels take into account budgetary withdrawals. For example, we are talking about possible revisions of tax rates or standards for deductions to the relevant budgets, due to which revenues to the local budget may be insufficient. In addition, the established practice of tax revenues' early collection in the form of prepayment of advance payments on corporate income tax may negatively affect the servicing of bonds. This leads to under-receipt of the regional budget revenue according to the payment schedule, and the formation of significant cash gaps, which complicates the issuer's fulfillment of obligations to pay coupons, repay, and service the debt on bonds. On the other hand, the issuer's right to early redemption of bonds makes it difficult for investors to forecast cash flows associated with the security, creating a refinancing risk. At the same time, the risks of the process of distributing the resources received as a result of funding for investment development and financing projects that are important for the sustainable development of regions remain relevant. The effectiveness of funds invested through municipal bonds may also be one of the issues that is losing significance.

Discussion

Regional financing through the development of budget sources designated by law, as well as the involvement of alternative sources, comes down to two possibilities. Firstly, financial support for sustainable regional development can be implemented by resolving issues of redistributing part of the tax revenues going to the republican budget from regional taxpayers. This proposal has been repeatedly discussed by experts and scientists. Secondly, expanding the powers of local executive bodies and creating public monitoring institutions for managing the region's financial resources. This is by no means a duplicate of the audit control of Maslikhats. Such experience is being implemented in some countries, in particular in France, and Great Britain in the format of local governments on the principles of self-governance. There, along with the central government, local governments have been created at the local level to involve the public in regional governance. They participate in solving pressing problems and thereby make life better for the region's population. According to experts, there should always be a "conflict" between Maslikhats and the local government, which is embedded between the executive and legislative authorities [7]. The first approach is used by us within the framework of this study (project AP19678012), since it sets out the very philosophy of applying this approach in assessing the regional balance of business interests and the region. The methodology for calculating the budgetary sufficiency of the region proposed and tested in this study on the format of four regions of Kazakhstan allows it to be used as the basis for the proposed solutions. The issue of creating public self-government structures requires further research and combines interdisciplinary problems that require further study, analysis, and justification. This requires further research and is recommended to be implemented within the framework of a separate independent project.

Conclusion

In this study, we present a new approach to assessing the budgetary sufficiency of a region, based on a study of current and existing approaches to determining this indicator, taking into account the establishment of the region's potential to achieve sustainable development goals. We developed this methodology to overcome the problems associated with linking data at the regional level for making management decisions when determining the paths and tools for implementing sustainable development goals. This methodology allows us to take into account differences in the use of resources at the regional level and is aimed at creating conditions for the financial independence of the region with a link to its resource capabilities. Our main objectives of the study were to (1) reveal the approaches and significance of regional financing, taking into account modern trends in the development of the national economy of Kazakhstan and its regions and (2) assess the current situation in the use of alternative funding instruments by Kazakhstani regions for regional development purposes. The study of this issue allowed us to establish that the problem of resource provision in the region itself is multifaceted and combines not only issues in the budget mechanism (regarding the relationship between the Republican and local budgets), but also issues of transparency in determining the volume of subventions (both the transfers themselves and budget withdrawals). The application of the proposed and tested study methodology for calculating the budget sufficiency of regions necessitates the adoption of further decisions, also proposed in this study. Revision of the focus of tax payments of regional taxpayers going to the republican budget in favor of local budgets has long been overdue and is argued in this study. All this indicates the advisability of initiating and implementing a separate project to address the multifaceted issues of regional financing.

REFERENCES

1. Bureau of National Statistics. Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Brief results of the socio-economic development of the regions [Electronic resource] // stat.gov.kz [website]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/en/region/> (accessed: 15.07.2024).
2. JSC KazMunayGas. For Investors 2024 [Electronic resource] // kmg.kz [website]. – 2024. – URL: <https://www.kmg.kz/ru/investors/> (accessed: 15.07.2024).
3. Statistical bulletin of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan on 01.07.2023. Execution of local budgets [Electronic resource] // gov.kz [website]. – 2023. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/503077?lang=en> (accessed: 15.07.2024).
4. Адамбекова А.А. Субвенционность регионов Казахстана: инструменты и методы регулирования // Магистраль. 2010. – № 7(117). – С. 56-60.
5. Зейнельгабдин А.Б. Влияние взаимосвязи денежно-кредитных и налогово-бюджетных инструментов на формирование и использование государственных финансовых ресурсов в Республике Казахстан // «Тұран» университетінің хабаршысы» ғылыми журналы. – 2020. – № 2(86). – С. 166-171.
6. Зейнельгабдин А.Б., Мусатаева А.А., Кенесбаева Д.Ж. Модернизация денежно-финансовых инструментов в управлении экономикой в Республике Казахстан // Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Хабаршысының экономика сериясы. – № 2. – 2023. – С. 220-231. – DOI: <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2023-2-220-231>
7. Айгазин Ж. Богатые регионы Казахстана богатеют, а бедные – беднеют // Forbes-Kazakhstan. 29 марта 2018. // forbes.kz [web-сайт]. – URL: https://forbes.kz/articles/pochemu_bogatyie_regionyi_kazakhstana_bogateyut_a_bednyie_bedneyut (accessed: 15.07.2024).
8. Бюджетный Кодекс РК. Кодекс Республики Казахстан от 4 декабря 2008 г. № 95-IV (с учетом дополнений на 05.07.2024) [Electronic resource] // Әділет [website]. – 2024. – URL: <https://adilet.zakon.kz/rus/docs/K080000095> (accessed: 15.07.2024).
9. Азисова Л.А. К вопросу о бюджетной обеспеченности как фактора устойчивого социально-экономического развития территории // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Развитие экономики и менеджмента в современном мире». Воронеж, 2014. С. 349. // izron.ru [website]. – URL: <https://izron.ru/articles/razvitie-ekonomiki-i-menedzhmenta-v-sovremennom-mire-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodn> (accessed: 15.07.2024).

10. КРО. КРО general overview [Electronic resource] // kro.kz [website]. – 2024. – URL: <https://www.kro.kz/en/o-kompanii/obzor-deyatelnosti-kro> (accessed: 15.07.2024).
11. Салимбаева Ш.Д. Анализ экономического содержания расходов бюджета Республики Казахстан // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 4 (часть 2). – С. 246-254.
12. Тукушева А. Минтранспорта запросило миллиард тенге на восстановление дорог в ЗКО после паводков // Курсив. 24 сентября 2024 [Electronic resource] // kz.kursiv.media [website]. – 2024. – URL: <https://kz.kursiv.media/2024-09-24/tksh-dorogi-pavodki-mintransporta/> (accessed: 30.09.2024).
13. Алюбаева А. В Казахстане предлагают проверять бизнес по жалобам граждан // Капитал. 9 февраля 2021 [Electronic resource] // kapital.kz [website]. – 2021. – URL: <https://kapital.kz/business/93296/v-kazakhstane-predlagayut-proveryat-biznes-po-zhalobam-grazhdan.html> (accessed: 15.07.2024).
14. Капитал. Центр деловой информации [Electronic resource] // kapital.kz [website]. – URL: <https://kapital.kz/economic/102138/cto-dolzha-uchityvat-novaya-kontseptsiya-investitsionnoy-politiki.html> (accessed: 15.07.2024).
15. Butler A.W., Yi H. Aging and public financing costs: Evidence from U.S. municipal bond markets // Journal of Public Economics. – Volume 211, July 2022, 104665. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2022.104665>
16. Zhang Y., Cao L., Lan M., Su Zh., Wang K. Air pollution and issuance credit spread of municipal investment bond // Energy Economics. – Volume 139, November 2024, 107866. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2024.107866>
17. Campi M., Peters G.W., Richards K.-A. Shades of green: Unveiling the impact of municipal green bonds on the environment // Franklin Open. – Volume 7, June 2024, 100113. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fraope.2024.100113>
18. KASE. Акимат Восточно-Казахстанской области/Западно-Казахстанской области/Карагадинской области/ Кзыл-Ординской области [Electronic resource] // kase.kz [website]. – URL: <https://kase.kz/ru/is-suers/VK/ZK/KG/KO> (accessed: 15.07.2024).

REFERENCES

1. Bureau of National Statistics. (2024). Brief results of the socio-economic development of the regions. Stat.gov.kz. Retrieved July 15, 2024, from <https://stat.gov.kz/en/region/>
2. JSC KazMunayGas. (2024). For Investors 2024. Kmg.kz. Retrieved July 15, 2024, from <https://www.kmg.kz/ru/investors/>
3. Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan. (2023). Statistical bulletin on 01.07.2023: Execution of local budgets. Gov.kz. Retrieved July 15, 2024, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/503077?lang=en>
4. Adambekova, A. A. (2010). Subvention of Kazakhstan regions: instruments and regulation methods. Magistral', 7(117), 56-60. (in Russian)
5. Zeyneldgabdin, A. B. (2020). Influence of monetary-credit and fiscal-budgetary instruments on the formation and use of state financial resources in the Republic of Kazakhstan. Turan University Bulletin, 2(86), 166-171. (in Russian)
6. Zeyneldgabdin, A. B., Musataeva, A. A., & Kenesbaeva, D. Zh. (2023). Modernization of monetary-financial instruments in economic management of the Republic of Kazakhstan. Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2, 220-231. <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2023-2-220-231> (in Russian)
7. Aygazin, Zh. (2018, March 29). Bogatyie regiony Kazakhstana bogateyut, a bednye – bedneyut [Rich regions of Kazakhstan are getting richer, and poor ones are getting poorer]. Forbes-Kazakhstan. Retrieved July 15, 2024, from https://forbes.kz/articles/pochemu_bogatyie_regionyi_kazakhstana_bogateyut_a_bednyie_bedneyut (in Russian).
8. Budget Code of the Republic of Kazakhstan. (2008, December 4). Code of the Republic of Kazakhstan No. 95-IV (as amended on 05.07.2024). Retrieved July 15, 2024, from <https://adilet.zakon.kz/rus/docs/K080000095> (in Russian).

9. Azizova, L. A. (2014). K voprosu o byudzhetnoy obespechennosti kak faktora ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii [On the issue of budgetary security as a factor of sustainable socio-economic development of the territory]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Development of Economics and Management in the Modern World". Voronezh, p. 349. Retrieved July 15, 2024, from <https://izron.ru/articles/razvitie-ekonomiki-i-menedzhmenta-v-sovremennom-mire-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodn> (in Russian).

10. KPO. (2024). KPO general overview. Retrieved July 15, 2024, from <https://www.kpo.kz/en/o-kompanii/obzor-deyatelnosti-kpo>.

11. Salimbaeva, Sh. D. (2022). Analiz ekonomicheskogo sodержaniya raskhodov byudzheta Respubliki Kazakhstan [Analysis of the economic content of budget expenditures of the Republic of Kazakhstan]. Vestnik Altaiskoi Akademii Ekonomiki i Prava, 4(2), 246–254 (in Russian).

12. Tukasheva, A. (2024, September 24). Mintransporta zaprosilo milliard tenge na vosstanovlenie dorog v ZKO posle pavodkov [The Ministry of Transport requested a billion tenge to restore roads in WKO after floods]. Kursiv. Retrieved September 30, 2024, from <https://kz.kursiv.media/2024-09-24/tksh-dorogi-pavodki-mintransporta/> (in Russian).

13. Alyubaeva, A. (2021, February 9). V Kazakhstane predlagayut proveryat' biznes po zhalobam grazhdan [In Kazakhstan, it is proposed to inspect businesses based on citizen complaints]. Kapital. Retrieved July 15, 2024, from <https://kapital.kz/business/93296/v-kazakhstane-predlagayut-proveryat-biznes-po-zhalobam-grazhdan.html> (in Russian).

14. Kapital. (n.d.). Tsentr delovoy informatsii [Business information center]. Retrieved July 15, 2024, from <https://kapital.kz/economic/102138/chto-dolzha-uchityvat-novaya-kontseptsiya-investitsionnoy-politiki.html> (in Russian).

15. Butler, A. W., & Yi, H. (2022). Aging and public financing costs: Evidence from U.S. municipal bond markets. Journal of Public Economics, 211, 104665. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2022.104665>.

16. Zhang, Y., Cao, L., Lan, M., Su, Zh., & Wang, K. (2024). Air pollution and issuance credit spread of municipal investment bond. Energy Economics, 139, 107866. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2024.107866>.

17. ampi, M., Peters, G. W., & Richards, K.-A. (2024). Shades of green: Unveiling the impact of municipal green bonds on the environment. Franklin Open, 7, 100113. <https://doi.org/10.1016/j.fraope.2024.100113>.

18. KASE. (2024). Akimat Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti / Zapadno-Kazakhstanskoi oblasti / Karagandinskoi oblasti / Kyzyl-Ordinskoi oblasti. Retrieved July 15, 2024, from <https://kase.kz/ru/issuers/VK/ZK/KG/KO> (in Russian).

Өңірлік қаржыландыру: бюджеттік және балама мүмкіндіктер

Н. А. Сатанбеков¹, Ж. А. Адамбекова^{2*}, А. А. Адамбекова³

¹ Абай Мырзахметов атындағы Көкшетау университеті, Көкшетау, Қазақстан

² Каспий университеті, Алматы, Қазақстан

³ Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – бюджеттік және бюджеттен тыс негізде ресурстық қамтамасыз ету мәселелерін зерттеу арқылы өңірлік қаржыландырудың ерекшелігін анықтау.

Әдіснамасы – зерттеу бюджеттік процестегі заңдылықтарды анықтауға мүмкіндік беретін талдау мен дедукцияны қолдану; бюджеттік қамтамасыз етуді бағалаудың әзірленген әдістемесін негіздеуге басты болған талдау мазмұны; зерттеудің статистикалық әдістері: графиктер, кестелер арқылы зерттеу нәтижелерін топтастыру, жіктеу, сондай-ақ визуализациялауға негізделген.

Зерттеудің бірегейлігі, әдетте, бюджетпен қамтамасыз етуді бағалау әр түрлі зерттеушілердің заңнамалық регламенттері немесе авторлық әдістемелері негізінде бағаланады, ал осы зерттеуде ұсынылған әдістеме негізгі тәжірибелерді ескере отырып негізделген және шектеулерді азайтады. Қазақстанның төрт ірі облысының мысалында муниципалдық облигацияларды шығару бойынша деректерді жинау және талдау нәтижесінде алынған мәліметтер оларға қызмет көрсету бойынша негізгі ерекшеліктер мен ықтимал тәуекелдерді анықтауға мүмкіндік берді. Осы зерттеуде әзірленген ұсынымдар өңірлік басқару, мемлекеттік қаржы, Өңірлік қаржыландырудың тиімділігі мен деңгейі, орнықты даму мақсаттарына қол жеткізу сияқты салаларда зерттеулер спектрін кеңейтуге ықпал ететін болады.

Зерттеу барысында бюджеттік жоспарлау мәселелерін шешуде өңірлік билік пен басқару органдарының дербестігінің жеткіліксіздігі анықталды. Бұл сонымен қатар олардың жергілікті бюджеттің негізгі басқарушылары ретінде бюджеттік процеске толық қатыспағанын көрсетеді. Зерттелетін өңірлердегі бюджетпен қамтамасыз ету деңгейі өте жоғары емес болып табылады. Жергілікті қарыз алу мәселесі барлық ықтимал тәуекелдерді есепке алу үшін жүйелі тәсілді қажет етеді.

Түйін сөздер: өңірлік қаржыландыру, бюджет, муниципалдық облигациялар, инвестициялар, бюджеттік алулар.

Алғыс: Зерттеуді Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті қаржыландырады (грант № AP19678012 «Тұрақты дамудың үштік тұжырымдамасы (ESG): өңірлердің теңгерімді дамуы контекстіндегі бизнес мүдделері»).

РЕГИОНАЛЬНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ: БЮДЖЕТНЫЕ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Н. А. Сатанбеков¹, Ж. А. Адамбекова^{2*}, А. А. Адамбекова³

¹ Abay Myrzakhmetov Kokshetau University, Кокшетау, Казахстан

² Caspian University, Алматы, Казахстан

³ КазНУ им аль-Фараби, Алматы, Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования — выявить специфику регионального финансирования путем изучения проблем ресурсного обеспечения как на бюджетной, так и на внебюджетной основе.

Методология. Исследование основано на применении анализа и дедукции, позволивших выявить закономерности в бюджетном процессе; контент анализа, послужившего основой для обоснования разработанной методики оценки бюджетной обеспеченности; статистические методы исследования: группировка, классификация, а также визуализация результатов исследования посредством графиков, таблиц.

Уникальность исследования заключается в том, что, как правило, оценка бюджетной обеспеченности расценивается на основе законодательных регламентов или авторских методик различных исследователей, в то время как предложенная методика в данном исследовании обоснована с учетом основных практик и минимизирует ограничения. Полученные в результате сбора и анализа данных по выпуску муниципальных облигаций на примере четырех крупнейших областей Казахстана, позволило установить основные особенности и возможные риски по их обслуживанию. Разработанные в данном исследовании рекомендации будут способствовать расширению спектра исследований в таких областях, как региональное управление, государственные финансы, эффективность и уровень регионального финансирования, достижение целей устойчивого развития.

В ходе исследования выявлена недостаточная самостоятельность региональных органов власти и управления в решении вопросов бюджетного планирования. Это также свидетельствует об их неполной вовлеченности в бюджетный процесс как основных распорядителей местного бюджета. Уровень бюджетной обеспеченности в исследуемых регионах остается не очень высоким. Вопрос муниципальных заимствований требует более системного подхода к учету всех потенциальных рисков.

Ключевые слова: региональное финансирование, бюджет, муниципальные облигации, инвестиции, бюджетные изъятия.

Благодарность: Исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19678012 «Триединая концепция устойчивого развития (ESG): интересы бизнеса в контексте сбалансированного развития регионов»).

ABOUT THE AUTHORS

Satanbekov Nurlan – Abay Myrzakhmetov Kokshetau University, MSc., email: nurlan1912@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3355-4849>

Adambekova Zhuldyz - Caspian University, Msc., PhD Student, email: juldyz.kd@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9325-5181>*

Adambekova Ainagul - Al-Farabi Kazakh National University doctor of Economic Science Professor Higher School of Economic and Business, email: ainatas0408@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2026-4321>

MPHTI: 06.81.47; 06.81.01; 06.81.25 JEL

Classification: G10; G12; G14

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-217-230>

ANALYZIN THE WORTH OF STOCKS THROUGH FUNDAMENTAL ANALYSIS: INSIGHTS FROM THE KAZAKHSTAN STOCK EXCHANGE (KASE)

Zh. Akinova¹, A. Faizulayev¹, Y. Kabildinova¹

¹KIMEP University, Almaty, Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the article is furnishing recommendations for judicious buy or sell signals conducive to informed investment decisions.

The methodology of this article was based on theoretical and empirical research methods: a comprehensive analysis of the value of Kazakhstan stock market, as well as the the utilization of coefficients derived from a multiple regression analysis and the consideration of key value drivers for the KASE Index, as of November 15, 2023.

Originality/value of the research: Nowadays there exists a multitude of misconceptions surrounding the practices of security selection and fundamental analysis, predominantly emanating from the fallacious belief that the entirety of available information is accurately incorporated into security prices. Nevertheless, fundamental analysis retains its pivotal role in evaluating the financial robustness of securities, particularly within the realm of long-term investment strategies.

Conclusion: Based on the analysis of KASE Index stocks with a focus on Earnings Yield (EY), PE Ratio to Price (PEP ratio) as well as B/P ratio, it was found that KZTO KZ and KEGC KZ shares are fairly priced

and it was also found that KCEL KZ and KAP KZ shares have attractive opportunities for investors in the long term. We believe that the information provided is of practical importance for investors and traders who aim to optimise their decision-making process and overall trading strategy.

Keywords: stock price, undervalued stock, value drivers, earnings yield, price earnings ratio, book value

INTRODUCTION

Eugene Fama presented a hypothesis known as the Efficient Market Hypothesis (EMH) in 1970. According to Fama, an efficient market is one in which prices always completely represent the information on the market [1].

Schleifer discusses these suppositions and suggests that for the Efficient Market Hypothesis (EMH) to be true, investors need to be rational in how they value securities. He also points out that if there are irrational investors, their impact on security prices should balance out. Even if irrational judgments occur, Schleifer argues that rational investors would exploit these opportunities, correcting the effects and bringing prices back to their true value [2].

According to Fama, the implications of the EMH suggest that not only is historical data unimportant, but it is also not worth examining reports or seeking insider information [1]. *This is because any obtainable information is already reflected in the stock price. This is because the stock price is already the reflection of any obtainable information.*

If the Efficient Market Hypothesis holds true, then research on value investing, including stock portfolios with low P/E and P/B ratios, should not yield significantly greater gains. This is because the pricing of these equities is expected to factor in future profits, resulting in no substantial risk-adjusted returns.

Supporters of Behavioral Finance generally agree that if stock prices accurately reflected their intrinsic value, there wouldn't be opportunities for returns. However, their divergence lies in the belief that irrational investors often influence the market, leading to prices that seldom mirror the true value of a company [3].

In the field of behavioral finance, proponents highlight various ways in which investor behavior disrupts the Efficient Market Hypothesis (EMH). Research by Kahneman and Tversky indicates that individuals tend to give extravagant importance to the latest experiences, leading to emotionally charged decisions based on limited data [4]. This phenomenon is evident in the misjudgment of the P/E ratio, where investors project earnings excessively based on recent events. Consequently, stocks with high P/E ratios may be overvalued due to inflated earnings expectations from recent developments, and vice versa for stocks with low P/E ratios [5].

Investors may also display biases in information processing through sample size neglect and representativeness [3]. Chopra et al. found that stock prices for companies with strong recent performance were lowered when earnings reports were released [6]. The debate on why stocks became overvalued stems from applying patterns inferred from too small samples to stocks with the latest favorable results. This resulted in a price surge that was adjusted when an earnings report did not align with the stock's intrinsic value [6].

According to De Bondt and Thaler, alternative behavioral preconception that many investors exhibit is regret avoidance, in which investors lament a stock losing value more if the stock is unusual [5]. This suggests that a stock with a low future predicted performance (for instance, a firm with a low P/E or P/B) outperforms a stock with a high price compared to its book value or earnings. As a result, investors avoid equities with low P/E and P/B ratios, causing them to be underpriced [3].

Numerous instances exist within the body of research wherein both the general populace and investors, in particular, exhibit conduct incongruent with the postulates of the Efficient Market Hypothesis (EMH). The collective findings of these studies consistently suggest the presence of avenues for achieving atypical returns within the stock market [3].

Modern Portfolio Theory (MPT) constitutes a structured framework devised to optimize returns given a specific level of risk or, conversely, to minimize risk for a predetermined level of return [7]. The theory posits that the attainment of such objectives is facilitated through diversification, a strategy aimed at alleviating unsystematic risk inherent in the ownership of a limited number of stocks characterized by significant correlation [7]. Markowitz further delineated the theory into two primary components, the first of which is grounded in a statistical concept [7]. This involves the representation of portfolio returns, comprising multiple stocks,

whereby the expected return of the portfolio is derived by aggregating the product of the weight assigned to stock A and its corresponding expected return, along with the product of the weight designated for stock B and its anticipated return [8].

$$r_p = W_a r_a + W_b r_b \quad (1)$$

where,

r_p – the expected return of a portfolio;

W_i – the weight of each investment in the portfolio;

r_i – the rate of return of each investment in the portfolio.

The alternative idea relates to how investors look at risk, specifically highlighting that they would be willing to take on a certain level of risk if the expected returns are considered satisfactory. To calculate the risk for this portfolio, you would approach it in the following way:

$$\sigma_p = [W_A^2 \sigma_A^2 + W_B^2 \sigma_B^2 + 2W_A W_B \sigma_A \sigma_B \rho_{AB}] \quad (2)$$

where,

σ_p – stands for the portfolio risk;

W_i – the weight of each investment in the asset i;

σ_i – the standard deviation of return of asset i;

ρ_{AB} – the correlation coefficient of returns between the assets.

In this situation, how much risk (represented by the standard deviation, σ) exists in the portfolio depends on the assigned weights to the assets, the individual variance (σ^2) of each asset, and the combination of the standard deviation of the assets along with the correlation coefficient between them (ρ_{AB}). The critical aspect of risk diversification in this framework lies in the interdependence among stocks. The rationale underlying this strategy is that in the event of adverse developments impacting a company or sector, resulting in a decrease in the stock price of a particular asset in the portfolio, the price of another correlated stock in the portfolio will similarly decline. However, if the second stock lacks correlation with the first, it remains unaffected. Essentially, a portfolio characterized by a multitude of stocks exhibiting minimal positive correlation effectively mitigates unsystematic risk [8; 9;].

Arnold asserts that investors perpetually seek shares with the capacity to generate value, implying the necessity for investors to scrutinize the market in order to identify undervalued stocks with the potential for capital appreciation [10]. Graham & Dodd are credited as trailblazers in the realm of value investing theories, contending that investors can meticulously analyze a company's financial statements to discern stocks that are undervalued and merit investment [11].

Underpriced stocks typically display a lower market price in comparison to fundamental metrics such as book value and earnings per share [12]. Value premiums represent the extra returns generated by these undervalued stocks over a specific period [13]. This trend of excess returns has been observed since the 1980s and is expected to continue, given the careful selection of appropriate stocks. In simpler terms, undervalued stocks are expected to provide higher expected returns, a concept initially presented in a key paper titled "Persuasive Evidence of Market Inefficiencies" by Rosenberg, Reid, and Lanstein [14].

Rosenberg et al. noted in their groundbreaking work that stocks trading at lower prices relative to their fundamental value consistently yielded higher risk-adjusted returns, challenging the notion of an efficient market [14]. Fama and French further explored this by analyzing the risk-adjusted returns of US-listed equity securities from 1963 to 1991, discovering that undervalued stocks outperformed market predictions [15]. Over this period, they identified a significant annual value premium of nearly 4.9% associated with undervalued stocks.

Moreover, Fama and French assumed that undervalued stocks are subject to specific systematic risks which are different than other stock types [15]. Consequently, this resulted in formulation of the influential three-factor model for asset pricing, incorporating independent risk. In a subsequent study, Fama and French through

their analysis of the value premium between US stocks and the market from 1926 to 1963, they concluded that with a difference of 2.39 %, US stocks have always outperformed the market in terms of annual returns [16].

Collectively, these findings strongly support the presence of market inefficiencies and underscore the importance of choosing undervalued stocks for investment purposes [17]. Consequently, investing in financial markets is largely rooted in a valuation paradigm. Existing literature extensively documents that stock market valuations serve as reflective indicators of fundamental value drivers, including metrics such as price-earnings ratio (PE ratio), earnings per share (EPS), and book-to-market (BTM) ratio [18; 19; 20].

Fundamentally, the valuation of stock markets predominantly relies on metrics such as PE ratios, EPS, and BTM ratios. These indicators serve as essential tools through which financial experts, professionals, and market participants can intuitively assess the relative valuation of the stock market. The ongoing difficulty lies in distinguishing undervalued stocks from those that are overvalued. Therefore, the main goal of this research was to execute a thorough analysis of stock valuations, applying fundamental indicators across global stock markets. The objective was to identify market signals that are helpful for making investment decisions and managing portfolios.

Recognizing the inherent risks associated with investing in stock markets, the pursuit of undervalued stocks becomes imperative. This study specifically tackles the question: Are there undervalued stock markets? Answering this question not only adds to the current literature on managing portfolios and selecting stocks but also provides practical insights into stock market valuation, marking a significant advancement.

The next sections will outline the theoretical foundations through a literature review, followed by the methodology, results, and a detailed discussion and conclusion.

Literature review. Valuing stock markets entails the use of standardized metrics that investors find valuable for predicting future investment returns. In the past, undervalued securities have proven to be an independent source of risk, offering diversification benefits in portfolio management and risk reduction. Numerous studies, especially on US value premium stocks, have explored market research extensively [21; 22; 23]. Additionally, evidence suggests that anomalies in stock markets tend to diminish or disappear after publication [17; 24].

Thus, forming theories solely based on observations of outperforming undervalued stocks is not central to financial theory and lacks meaningful insight on its own. The value of such observations comes to light when paired with a strong theoretical framework. The synergy of experiential evidence and theory permits financial forecasters to make assumptions about the expected behaviour of financial markets. For instance, the assumption that stocks beginning with the letter «A» will continue to outperform the market based on historical trend has no logical or theoretical basis.

According to Fama and French, supporters of market efficiency theory attribute the superior performance of value stocks over growth stocks to the increased risk associated with value stocks [15]. The theoretical foundation for the High Minus Low factor lies in the principle that riskier investments should yield higher expected returns. These explanations are based on market anomalies, which are models or behaviors in financial markets that diverge from the predictions made by classical financial theories such as the efficient market hypothesis. Through these abnormalities, investors are able to generate additional earnings through the exploitation of incorrect prices or inefficiencies [24].

One significant market anomaly is the value anomaly, where firms with lower price-to-earnings and price-to-book ratios consistently outperform those with higher ratios over time, contradicting the efficient market theory. The momentum anomaly suggests that stocks with recent positive performance are likely to sustain such results in the future, while those that have lagged tend to continue trading unfavorably. Despite the increased risk and volatility associated with smaller firms, small-cap stocks have historically outperformed large-cap stocks over extended periods.

Moreover, substantial empirical evidence supports anomalies in the market concerning the risk-reward relationship, attributing undervalued stock premiums to behavioral factors. In terms of risk considerations, undervalued stocks are prone to crisis situations, heightened susceptibility to uncertainties in future profitability, and greater leverage [25]. Additionally, during distress periods, undervalued stocks exhibit greater risk compared to growth stocks, providing investors with compelling financial incentives to anticipate larger projected profits, acknowledging the assumption of higher risk [26].

Piotroski and So identified significant pricing discrepancies in their assessments, presenting a plausible explanation for the mispricing of value companies [27].

The following table 1 provides a summary of preceding research.

Table 1 – Literature review

Author & year of study	Used model	Time period	Main variables	Results
Eriksson, Forsberg & Gustavsson (2011), [28]	OLS regression	2008 – 2011	FCF (Free cash flow), P/E ratio (price to earnings ratio)	Stock price returns can be predicted using PE ratios.
Wafi, Hassan & Mabrouk (2015), [29]	Qualitative study	2015	DDM (dividend discounted model) and DCM (discounted cash flow method) and RIM (residual income model)	RIM appeared to be a more reliable indicator of stock performance compared to the other models.
Muhammad (2018), [30]	OLS regression	2007 – 2017	Liquidity and profitability ratios	In fundamental analysis, these financial ratios help assess the return of an index.
Daniswara & Daryanto, 2019), [31]	OLS regression	2014 – 2018	Price to Book value ratio, EY (Earnings yield), ROA (return on assets), and ROE (return on equity)	The results showed that EY, P/B ratio, and ROA may be utilized to forecast trading direction.
Tabot (2022), [32]	Multiple regression	2021	EY (Earnings Yield), BTM (book-to- market ratio) and book value per share.	The most of banking companies were undervalued, whereas the majority of companies from consumer goods were overpriced.
Note – developed by authors on the basis of source [28; 29; 30; 31; 32]				

The provided table aims to define valuations grounded in specific fundamental indicators. As discerned from Table 1, it becomes apparent that fundamentals serve a dual purpose, facilitating both the valuation process and the prediction of a security's future worth. Despite the relevance of these observations, it is noteworthy that no prior investigation has delved into fundamental analysis specifically centered on stock market valuation. Therefore, this study is a groundbreaking endeavor to broaden the scope of stock market valuation, making a noteworthy scholarly contribution. The following section details the thorough frameworks used for valuation.

DATA AND METHODOLOGY

This research contains all companies listed on the Kazakhstan Stock Exchange, considers that the entirety of this sample can be regarded as a population, as it encompasses the entire available group.

To reach the goal of this study, which is notably different from previous work, a two-stage plan was used.

In the initial phase of the study, we utilized fundamental value drivers of stock prices, specifically the Price to Earnings ratio (P/E ratio), Earnings per Share (EPS), and book value (BV). These factors were employed to calculate Earnings Yield (EY), PE ratio to Price Relative (PEP ratio), and Book to Market Price Ratio (B/P). These value drivers are widely acknowledged as key components of fundamental analysis [27; 33; 18; 32]. To perform fundamental analysis, we conducted an OLS regression analysis to obtain the coefficients needed. The general regression equation can be expressed as:

$$\text{Stock market price} = \beta_0 + \beta_1 * EY + \beta_2 * PEP \text{ ratio} + \beta_3 * (B/P) + \epsilon \quad (3)$$

where,

Stock market price (P) – The financial performance of companies as expressed by the Price;

β_0 – is the constant parameter;

β_{1-3} – are model coefficients of the independent variables;

ϵ – residual term.

Dependent Variable:

Stock market price (P) denotes the present market value at which the company share of stock of the company is traded. Each publicly-listed company, upon the issuance of its shares, is designated a price – a valuation that ideally mirrors the intrinsic worth of the company. Fluctuations in the stock price are influenced by various factors, encompassing shifts in the broader economy, developments within specific industries, political occurrences, geopolitical events, and environmental changes.

Independent Variables:

Earnings yield (EY) indicates the relationship between earnings per share and the current market price per share. By being the inverse of the Price-Earnings (P/E) ratio, it offers a glimpse into the percentage of a company's earnings per share relative to its market price. This metric holds significance for investment managers in establishing optimal asset allocations, and investors often leverage it to discern the perceived underpricing or overpricing of assets.

Book to market price ratio (B/P) is derived by dividing book value per share by stock price.

P/E ratio to price (PEP ratio) is found by dividing price to earnings by stock price.

All the equities included into KASE Index were chosen to be examined over the period of 2012–2022:

- Bank CenterCredit JSC (CCBN KZ),
- Halyk Savings Bank of Kazakhstan JSC (HSBK KZ),
- Kaspi.KZ JSC (KSPI LI),
- Kazakhstan Electricity Grid Operating Co (KEGC KZ),
- Kazakhtelecom JSC (KZTK KZ),
- KazMunayGas National Co JSC (KMGZ KZ),
- KazTransOil JSC (KZTO KZ),
- KCell JSC (KCEL KZ),
- NAC Kazatomprom JSC (KAP KZ).

All market data were acquired on November 15, 2023, from credible financial market source – Bloomberg Professional service (the Bloomberg Terminal). The primary data sources for this analysis were fundamental value drivers and daily market prices. These value drivers are characteristics that are considered to contribute to a stock's overall success. Determining and concentrating on the primary value drivers for individual equities can therefore improve the success of picking assets from emerging markets.

Empirical Results

Before conducting regression analysis, the model underwent robustness testing, including:

- Multicollinearity test to check for correlation among independent variables (which can lead to biased estimation).

- Autocorrelation test to identify correlated error terms.

- Heteroscedasticity test to examine if the distribution of error terms is not normally distributed.

Initially, the model was established through time series analysis. To ensure the adequacy of both the regression model and the coefficient values, each variable within the model underwent multicollinearity testing. Multicollinearity, which can compromise the robustness of coefficient values and diminish the statistical power of the model, was assessed using the Variance Inflation Factor (VIF).

The correlation matrix in Figure 1 revealed relationships between the dependent and independent variables. For instance, the dependent variable Price showed a positive correlation with the Book to Market Price Ratio (B/P) and a negative correlation with other independent variables, such as Earnings Yield (EY) and PE Ratio to Price Ratio (PEP).

Analyzing the correlation results allows us to understand how variables are influenced by the strength of correlation with independent variables. In Figure 2, the Variance Inflation Factors (VIFs) for the independent variables are presented, starting at a value of 1. A valid VIF typically falls between 1 and 5. In this model, the mean VIF is 1.02, which is below 5 or 10. This indicates the absence of multicollinearity in the model, making it suitable for further investigation purposes.

```
. correl P EY PEP BP
(obs=99)
```

	P	EY	PEP	BP
P	1.0000			
EY	-0.2496	1.0000		
PEP	-0.4457	-0.0323	1.0000	
BP	0.0432	0.1455	-0.0497	1.0000

Figure 1 – Correlation Analysis

Note – developed by the authors

```
. estat vif
```

Variable	VIF	1/VIF
BP	1.02	0.976807
EY	1.02	0.978209
PEP	1.00	0.996885
Mean VIF	1.02	

Figure 2 – Variance Inflationary Factor (VIF)

Note – developed by the authors

Moreover, the GLS panel-data model employs the Wooldridge test, as depicted in Figure 3, to identify autocorrelation, which typically reveals the degree of similarity between time series and a lagged time interval. If the p-value is less than 1%, 5%, or 10%, it indicates the presence of autocorrelation in the model, potentially influencing the dependent variable. In this regression model, the p-value is 0.0000, falling below all suggested thresholds, signifying the existence of autocorrelation in the model.

After all necessary test conducted, it became obvious that there are heteroscedasticity and autocorrelation presented in the model. It means that regression analysis cannot be performed using neither Fixed effect nor Random effect models. In other words, FE or RE is used only if there is no problem in Stationarity, Autocorrelation, multicollinearity, heteroscedasticity tests. In this case only Panel Corrected Standard Errors and Feasible Generalized Least Squares Model are appropriate for regression analysis. This model requires using FGLS model, because number of variables (4) is less than number of time periods (10).

```
. xtserial P EY PEP BP
```

```
Wooldridge test for autocorrelation in panel data
H0: no first order autocorrelation
      F( 1,      8) =      28.034
      Prob > F =      0.0007
```

Figure 3 – Wooldridge test for autocorrelation

Note – developed by the authors

To examine Heteroscedasticity, the Likelihood-ratio test is employed. Typically, in a time series model, there can be notable changes in error variance from the start to the end of the series, implying that the dependent variable Price may vary in value over the given period. The primary issue with heteroscedasticity is that

it introduces bias to the standard error. Figure 4 illustrates the test result. Conversely, homoscedasticity occurs when the error term maintains the same distribution across variables, as shown in Figures 5 and 6.

```
. lrtest hetero homo, df(98)

Likelihood-ratio test                                LR chi2(98) =      48.66
(Assumption: homo nested in hetero)                Prob > chi2 =      1.0000
```

Figure 4 – Heteroscedasticity test

Note – developed by the authors

The results indicate that there is heteroscedasticity nested within homoscedasticity, and the prob > chi2 statistic for the model rejects the null hypothesis, suggesting that all regression coefficients (except the constant term) are zero. In the present model, the p-value for Prob > chi2 is 1.0000.

```
Cross-sectional time-series FGLS regression

Coefficients: generalized least squares
Panels:      heteroskedastic
Correlation: no autocorrelation

Estimated covariances      =          9      Number of obs      =          99
Estimated autocorrelations =          0      Number of groups   =          9
Estimated coefficients      =          4      Time periods       =          11
Log likelihood              = -81.01644      Wald chi2(3)        =          44.74
                                Prob > chi2          =          0.0000
```

	P	Coef.	Std. Err.	z	P> z	[95% Conf. Interval]
EY		-.6591747	.2405561	-2.74	0.006	-1.130656 - .1876934
PEP		-9.308226	1.485274	-6.27	0.000	-12.21931 -6.397142
BP		.0128159	.00951	1.35	0.178	-.0058233 .0314551
_cons		3.421235	.0407366	83.98	0.000	3.341393 3.501078

Figure 5 – Heteroscedasticity test

Note – developed by the authors

```
Cross-sectional time-series FGLS regression

Coefficients: generalized least squares
Panels:      homoskedastic
Correlation: no autocorrelation

Estimated covariances      =          1      Number of obs      =          99
Estimated autocorrelations =          0      Number of groups   =          9
Estimated coefficients      =          4      Time periods       =          11
Log likelihood              = -105.3489      Wald chi2(3)        =          36.99
                                Prob > chi2          =          0.0000
```

	P	Coef.	Std. Err.	z	P> z	[95% Conf. Interval]
EY		-.9508484	.3020633	-3.15	0.002	-1.542882 - .3588153
PEP		-5.299333	1.008009	-5.26	0.000	-7.274995 -3.323672
BP		.0078381	.0112488	0.70	0.486	-.0142091 .0298853
_cons		3.549746	.0950488	37.35	0.000	3.363454 3.736038

Figure 6 – FGLS Regression Analysis

Note – developed by the authors

According to Table 2, the CCBN has the greatest Earnings yields, implying that investors have a strong possibility of receiving a larger return than the risk-free asset. It is also clear that the book values of CCBN and KZTK are substantially greater than the stock prices with the lowest in the KZTO and KSPI. These matrices are vital pieces of data that offer insight into relative values. So, it can be concluded that CCBN KZ, HSBK KZ, KZTK KZ, and KMGZ KZ have higher earnings yield relative to other Kazakhstani stocks. The stocks of companies like CCBN KZ, KZTK KZ, KMGZ KZ, KEGC KZ, and HSBK KZ demonstrate high P/B ratios, which indicates that these stocks are overvalued. In terms of the remaining representatives of the KASE Index, these stocks have a lower P/B ratio, which could mean that the stocks are undervalued. In terms of the PEP ratio, KEGC KZ, KZTO KZ, and KSPI LI exhibit higher P/E ratios, indicating that their stock prices are high relative to earnings, potentially signaling overvaluation. On the other hand, the remaining stocks with low P/E ratios suggest that their current stock prices are low compared to earnings. These stocks could present promising investment opportunities as potentially undervalued stocks.

Table 2 – Output of Value Drivers of stocks from KASE Index for 2022

Ticker	Earnings yield (EY)	PE ratio to price relative (PEP ratio)	Book to market price ratio (B/P)
KCEL KZ	13,6%	0,6%	46,6%
CCBN KZ	164,4%	0,2%	307,9%
KAP KZ	9,8%	0,1%	36,8%
HSBK KZ	40,9%	2,0%	141,4%
KZTO KZ	0,03%	0,007%	1,2%
KMGZ KZ	22,8%	0,05%	175,9%
KSPI LI	10,0%	0,04%	14,1%
KEGC KZ	6,2%	0,9%	150,6%
KZTK KZ	34,7%	0,009%	204,0%

The outcomes from the FGLS panel-data model in Figure 6 reveal that an increase in the PE ratio to price relative (PEP ratio) has a negative impact on Price. This implies that a higher Price to Earnings Ratio (P/E) in relation to Share Price might result in a decrease in stock market price. Similarly, Earnings Yield (EY) is found to have a negative correlation with stock market price, indicating that a higher stock price adversely affects Earnings Yield (EY) unless Earnings per Share (EPS) is sufficiently high. In terms of Book to market price ratio (B/P), it is positively related to stock market price. When investors are positive about the company and consider that the company will perform well in the future, they might value such stocks higher. However, this optimism can put pressure on the company to meet big financial goals. Sometimes, the high stock price doesn't match how well the company is actually doing, which could lead to worries about a market bubble forming.

CONCLUSION

In summary, the analysis of KASE Index stocks, focusing on Earnings Yield (EY), PE Ratio to Price (PEP ratio), and Book to Market Price Ratio (B/P), offers valuable insights for market participants. The current data highlights the relatively high pricing of KZTO KZ and KEGC KZ stocks, while KCEL KZ and KAP KZ stocks present appealing opportunities for long-term investors. This information carries practical implications for traders and investors seeking to optimize their decision-making and overall trading strategy.

The identified signals act as a guide for navigating the stock market, aiding in the strategic identification of optimal entry and exit points for trades. For example, recognizing undervalued stocks, like KCEL KZ and KAP KZ, may present favorable buying opportunities. This insight holds particular relevance for value investors, suggesting a potential advantage in allocating more capital to these undervalued stocks, given their demonstrated robust growth potential compared to counterparts.

In practice, integrating these findings into investment strategies has the potential to enhance portfolio performance and contribute to more informed and strategic decision-making. Long-term investors can use the

identified signals to align their portfolios with stocks displaying strong growth potential. The study underscores the significance of conducting sector-specific valuation analyses for different markets, providing a practical roadmap for future research endeavors. Additionally, adopting a comprehensive approach that combines quantitative metrics with qualitative insights, such as industry analysis, historical earnings growth, and an assessment of the debt landscape, offers a more complete understanding of international stock markets, thereby increasing the practical utility of research outcomes.

REFERENCES

1. Fama, E.F. Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work // *Journal of Finance*. – 1970. – Vol. 25. – No. 2. – P. 383-417.
2. Shleifer, A. *Inefficient Markets: An Introduction to Behavioral Finance*. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
3. Bodie, Z., Kane, A., Marcus, A.J. *Investments and Portfolio Management*. – 9th ed. – Singapore: McGraw Hill, 2011.
4. Kahneman, D., Tversky, A. On the Psychology of Prediction // *Psychology Review*. – 1973. – Vol. 80. – P. 237-251.
5. De Bondt, W.M., Thaler, R.H. Do Security Analysts Overreact? // *American Economic Review*. – 1990. – Vol. 80. – No. 2. – P. 52-57.
6. Chopra, N., Lakonishok, J., Ritter, J.R. Measuring Abnormal Performance: Do Stocks Overreact? // *Journal of Financial Economics*. – 1992. – Vol. 31. – No. 2. – P. 235-268.
7. Markowitz, H. Portfolio Selection // *The Journal of Finance*. – 1952. – Vol. 7. – No. 1. – P. 77-91.
8. Ogden, J., Jen, F., O'Connor, P. *Advanced Corporate Finance: Policies and Strategies*. – New Jersey: Prentice Hall, 2003.
9. Brealey, R., Myers, S., Allen, F. *Corporate Finance*. – 8th ed. – McGraw-Hill, 2006.
10. Arnold, G. *Corporate Financial Management*. – 4th ed. – Pearson Education Limited, 2008.
11. Graham, B., Dodd, D.L. *Security Analysis*. – New York, NY, United States: McGraw-Hill, 1934.
12. Piotroski, J.D. Value Investing: The Use of Historical Financial Statement Information to Separate Winners from Losers // *Journal of Accounting Research*. – 2000. – Vol. 38. – P. 1-41. <https://doi.org/10.2307/2672906>.
13. Ying, Q., Tahir, Y., Qurat, U.A., Yasmeen, A., Shahid, R.M. Stock investment and excess returns: A critical review in the light of the efficient market hypothesis // *Journal of Risk and Financial Management*. – 2019. – Vol. 12. – No. 2. – P. 1-22.
14. Rosenberg, B., Reid, K., Lanstein, R. Persuasive Evidence of Market Inefficiency // *Journal of Portfolio Management*. – 1985. – Vol. 11. – P. 18-28.
15. Fama, E., French, K. The Cross-section of Expected Stock Returns // *Journal of Finance*. – 1992. – Vol. 47. – P. 427-465.
16. Fama, E., French, K. Forecasting Profitability and Earnings // *The Journal of Business*. – 2000. – Vol. 73. – No. 2. – P. 161-175.
17. Enow, S.T. Investigating The Weekend Anomaly and Its Implications: Evidence from International Financial Markets // *Journal of Accounting, Finance and Auditing Studies*. – 2022. – Vol. 8. – No. 4. – P. 322-333.
18. Suzana, B., Sinisa, B., Zoran, I. Strategy of stock valuation by fundamental analysis // *Skopje*. – 2013. – Vol. 4. – No. 1. – P. 45-51.
19. Herawati, A., Putra, A. The Influence of Fundamental Analysis on Stock Prices: The Case of Food and Beverage Industries // *European Research Studies Journal*. – 2018. – Vol. 21. – No. 3. – P. 316-326.
20. Sharma, L., Patil, P., Choudhari, S. Fundamental & Technical Analysis of Stock for Beginners // *International Journal of Innovative Science and Research Technology*. – 2021. – Vol. 6. – No. 5. – P. 1334-1339.
21. Jeong, J., Lee, Y., Mukherji, S. Do Dow Stocks Offer a Value Premium? // *The Journal of Wealth Management*. – 2009. – Vol. 12. – No. 3. – P. 95-103.

22. Athanassakos, G. Value versus Growth Stock Returns and the Value Premium: The Canadian Experience 1985–2005 // *Canadian Journal of Administrative Sciences*. – 2009. – Vol. 26. – P. 109-121.
23. Bevanda, L.M., Arnaut – Berilo, A.Z.A. Performance of Value and Growth Stocks in the Aftermath of the Global Financial Crisis // *Business Systems Research*. – 2021. – Vol. 12. – No. 2. – P. 268-283.
24. Enow, S.T. Modelling Stock Market Prices Using the Open, High and Closes Prices. Evidence from International Financial Markets // *International Journal of Business and Economic Sciences Applied Research*. – 2023. – Vol. 15. – No. 3. – P. 52-59.
25. Chen, N., Zhang, F. Risk and Return of Value Stocks // *The Journal of Business*. – 1998. – Vol. 71. – No. 4. – P. 501-535. <https://doi.org/10.1086/209755>.
26. Zhang, L. The value premium // *The Journal of Finance*. – 2005. – Vol. 60. – No. 1. – P. 67-103. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2005.00725.x>.
27. Piotroski, J.D., So, E.C. Identifying Expectation Errors in Value/Glamour Strategies: A Fundamental Analysis Approach // *The Review of Financial Studies*. – 2012. – Vol. 25. – No. 9. – P. 2841-2875. <http://www.jstor.org/stable/23263573>.
28. Eriksson, P., Forsberg, T., Gustavsson, N. Fundamental Stock Analysis. A study of the fundamental analysis for practical use at the Swedish Stock Exchange. – Unpublished bachelor's dissertation, University of Jonkoping, 2011.
29. Wafi, A.S., Hassan, H., Mabrouk, A. Fundamental analysis models in financial markets – review study // *Procedia Economics and Finance*. – 2015. – Vol. 30. – P. 939-947. [https://doi.org/10.1016/s2212-5671\(15\)01344-1](https://doi.org/10.1016/s2212-5671(15)01344-1).
30. Muhammad, S. The Relationship Between Fundamental Analysis and Stock Returns Based on the Panel Data Analysis; Evidence from Karachi Stock exchange (KSE) // *Research Journal of Finance and Accounting*. – 2018. – Vol. 9. – No. 3. – P. 84-96.
31. Daniswara, H.P., Daryanto, W.M. Earnings per share (eps), price book value (PBV), return on asset (ROA), return on equity (ROE), and Indeks Harga Saham Gabungan (IHSG) effect on stock return // *South East Asia Journal of Contemporary Business, Economics and Law*. – 2019. – Vol. 20. – No. 1. – P. 11-27.
32. Tabot, E.S. Fundamental analysis from value drivers: the case of banking, industrial, consumer goods, healthcare and tech firms listed on the Johannesburg stock exchange // *Academy of Accounting and Financial Studies Journal*. – 2022. – Vol. 26. – No. 4. – P. 1-11.
33. Bentes, S.R., Navas, R. The Fundamental Analysis: An Overview // *Int. J Latest Trends Fin. Eco. Sc.* – 2013. – Vol. 13. – No. 1. – P. 389-393.

REFERENCES

1. Fama, E. F. (1970). Efficient capital markets: A review of theory and empirical work. *Journal of Finance*, 25(2), 383–417. Blackwell Publishing for the American Finance Association.
2. Shleifer, A. (2000). Inefficient markets: An introduction to behavioral finance. Oxford University Press.
3. Bodie, Z., Kane, A., & Marcus, A. J. (2011). Investments and portfolio management (9th ed.). McGraw Hill.
4. Kahneman, D., & Tversky, A. (1973). On the psychology of prediction. *Psychological Review*, 80, 237–251.
5. De Bondt, W. M., & Thaler, R. H. (1990). Do security analysts overreact? *American Economic Review*, 80(2), 52–57.
6. Chopra, N., Lakonishok, J., & Ritter, J. R. (1992). Measuring abnormal performance: Do stocks overreact? *Journal of Financial Economics*, 31(2), 235–268.
7. Markowitz, H. (1952). Portfolio selection. *Journal of Finance*, 7(1), 77–91.
8. Ogden, J., Jen, F., & O'Connor, P. (2003). Advanced corporate finance: Policies and strategies. Prentice Hall.
9. Brealey, R., Myers, S., & Allen, F. (2006). Corporate finance (8th ed.). McGraw-Hill.
10. Arnold, G. (2008). Corporate financial management (4th ed.). Pearson Education.
11. Graham, B., & Dodd, D. L. (1934). Security analysis. McGraw-Hill.
12. Piotroski, J. D. (2000). Value investing: The use of historical financial statement information to separate winners from losers. *Journal of Accounting Research*, 38, 1–41. <https://doi.org/10.2307/2672906>

13. Ying, Q., Tahir, Y., Qurat, U. A., Yasmeen, A., & Shahid, R. M. (2019). Stock investment and excess returns: A critical review in the light of the efficient market hypothesis. *Journal of Risk and Financial Management*, 12(2), 1–22.
14. Rosenberg, B., Reid, K., & Lanstein, R. (1985). Persuasive evidence of market inefficiency. *Journal of Portfolio Management*, 11, 18–28.
15. Fama, E., & French, K. (1992). The cross-section of expected stock returns. *Journal of Finance*, 47, 427–465.
16. Fama, E., & French, K. (2000). Forecasting profitability and earnings. *Journal of Business*, 73(2), 161–175.
17. Enow, S. T. (2022). Investigating the weekend anomaly and its implications: Evidence from international financial markets. *Journal of Accounting, Finance and Auditing Studies*, 8(4), 322–333.
18. Suzana, B., Sinisa, B., & Zoran, I. (2013). Strategy of stock valuation by fundamental analysis. *Skopje*, 4(1), 45–51.
19. Herawati, A., & Putra, A. (2018). The influence of fundamental analysis on stock prices: The case of food and beverage industries. *European Research Studies Journal*, 21(3), 316–326.
20. Sharma, L., Patil, P., & Choudhari, S. (2021). Fundamental & technical analysis of stock for beginners. *International Journal of Innovative Science and Research Technology*, 6(5), 1334–1339.
21. Jeong, J., Lee, Y., & Mukherji, S. (2009). Do Dow stocks offer a value premium? *Journal of Wealth Management*, 12(3), 95–103.
22. Athanassakos, G. (2009). Value versus growth stock returns and the value premium: The Canadian experience 1985–2005. *Canadian Journal of Administrative Sciences*, 26, 109–121.
23. Bevanda, L. M., & Arnaut-Berilo, A. Z. A. (2021). Performance of value and growth stocks in the aftermath of the global financial crisis. *Business Systems Research*, 12(2), 268–283.
24. Enow, S. T. (2023). Modelling stock market prices using the open, high, and close prices: Evidence from international financial markets. *International Journal of Business and Economic Sciences Applied Research*, 15(3), 52–59.
25. Chen, N., & Zhang, F. (1998). Risk and return of value stocks. *Journal of Business*, 71(4), 501–535. <https://doi.org/10.1086/209755>
26. Zhang, L. (2005). The value premium. *Journal of Finance*, 60(1), 67–103. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2005.00725.x>
27. Piotroski, J. D., & So, E. C. (2012). Identifying expectation errors in value/glamour strategies: A fundamental analysis approach. *Review of Financial Studies*, 25(9), 2841–2875. <http://www.jstor.org/stable/23263573>
28. Eriksson, P., Forsberg, T., & Gustavsson, N. (2011). Fundamental stock analysis: A study of the fundamental analysis for practical use at the Swedish Stock Exchange [Unpublished bachelor's dissertation]. University of Jönköping.
29. Wafi, A. S., Hassan, H., & Mabrouk, A. (2015). Fundamental analysis models in financial markets: Review study. *Procedia Economics and Finance*, 30, 939–947. [https://doi.org/10.1016/s2212-5671\(15\)01344-1](https://doi.org/10.1016/s2212-5671(15)01344-1)
30. Muhammad, S. (2018). The relationship between fundamental analysis and stock returns based on the panel data analysis: Evidence from Karachi Stock Exchange (KSE). *Research Journal of Finance and Accounting*, 9(3), 84–96.
31. Daniswara, H. P., & Daryanto, W. M. (2019). Earnings per share (EPS), price book value (PBV), return on asset (ROA), return on equity (ROE), and Indeks Harga Saham Gabungan (IHSG) effect on stock return. *South East Asia Journal of Contemporary Business, Economics and Law*, 20(1), 11–27.
32. Tabot, E. S. (2022). Fundamental analysis from value drivers: The case of banking, industrial, consumer goods, healthcare, and tech firms listed on the Johannesburg Stock Exchange. *Academy of Accounting and Financial Studies Journal*, 26(4), 1–11.
33. Bentes, S. R., & Navas, R. (2013). The fundamental analysis: An overview. *International Journal of Latest Trends in Finance and Economic Sciences*, 13(1), 389–393.

ІРГЕРЛІ ТАЛДАУ АРҚЫЛЫ АКЦИЯЛАРДЫҢ ҚҰНЫН ТАЛДАУ: ҚАЗАҚСТАН ҚОР БИРЖАСЫНЫҢ МӘЛІМЕТТЕРІ (KASE)

Ж. Әкінова¹, А. Файзулаев¹, Е. Кабильдинова¹

¹КИМЭП Университеті, Алматы, Қазақстан

АНДАТПА

Мақаланың мақсаты – негізделген инвестициялық шешімдерге ықпал ететін ақылға қонымды сатып алу немесе сату сигналдары бойынша ұсыныстар беру.

Осы *мақаланың әдіснамасы* теориялық және эмпирикалық зерттеу әдістеріне негізделді: Қазақстандық қор нарығының құнын жан-жақты талдау, сондай-ақ бірнеше регрессиялық талдаудан алынған коэффициенттерді пайдалану және KASE Индексі үшін негізгі құндылық факторларын қарастыру, 2023 жылғы 15 қарашадағы жағдай бойынша.

Зерттеудің өзіндік бірегейлігі/құндылығы – қазіргі уақытта қауіпсіздікті таңдау және іргелі талдау тәжірибесіне қатысты көптеген қате түсініктер бар, олар негізінен қолда бар ақпараттың барлығы қауіпсіздік бағаларына дәл енгізілген деген қате сенімнен туындайды. Дегенмен, іргелі талдау бағалы қағаздардың қаржылық тұрақтылығын бағалаудағы, әсіресе ұзақ мерзімді инвестициялық стратегиялар шеңберіндегі негізгі рөлін сақтайды.

Зерттеу нәтижелері – кірістілікке (EY), РЕ-Дің Бағаға Қатынасына (PER коэффициенті), Сондай-ақ В/Р коэффициентіне баса назар аударып, KASE Индекстік акцияларын талдау негізінде KZTO KZ және KEGC KZ акциялары әділ бағаланғаны анықталды, сонымен қатар KCEL KZ және KAP KZ акциялары ұзақ мерзімді перспективада инвесторлар үшін тартымды мүмкіндіктерге ие екендігі анықталды. Ұсынылған ақпарат шешім қабылдау процесін және жалпы сауда стратегиясын оңтайландыруға ұмтылатын инвесторлар мен трейдерлер үшін практикалық маңызды деп санаймыз.

Түйін сөздер: акциялардың бағасы, бағаланбаған акциялар, құн факторлары, кірістіліктің кірістілігі, бағалық кірістіліктің арақатынасы, баланстық құн

АНАЛИЗ СТОИМОСТИ АКЦИЙ С ПОМОЩЬЮ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО АНАЛИЗА: ИНФОРМАЦИЯ ОТ КАЗАХСТАНСКОЙ ФОНДОВОЙ БИРЖЫ (KASE)

Ж. Акинова¹, А. Файзулаев¹, Е. Кабильдинова¹

¹Университет КИМЭП, Алматы; Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – подготовка рекомендаций для обоснованных сигналов на покупку или продажу, способствующих принятию обоснованных инвестиционных решений.

Методологией данной статьи послужили теоретические и эмпирические методы исследования: комплексный анализ стоимости казахстанского фондового рынка, а также использование коэффициентов, полученных в результате множественного регрессионного анализа и рассмотрение ключевых факторов стоимости для индекса KASE по состоянию на 15 ноября 2023 года.

Оригинальность/ценность исследования – в настоящее время вокруг практики выбора ценных бумаг и фундаментального анализа существует множество заблуждений, в основном проистекающих из ошибочной веры в то, что вся доступная информация точно учитывается в ценах на ценные бумаги. Тем не менее фундаментальный анализ сохраняет свою ключевую роль в оценке финансовой устойчивости ценных бумаг, особенно в сфере долгосрочных инвестиционных стратегий.

Результаты исследования – на основе анализа акций с акцентом на доходность (EY), соотношение PE к цене (PEP), а также соотношение к рыночной цене (B/P), была выявлена достаточно высокая цена за акции KZTO KZ и KEGC KZ, и также было выявлено что акции KCEL KZ и KAP KZ имеют привлекательные возможности для инвесторов в долгосрочной перспективе. Мы считаем, что предоставленная информация имеет практическое значение для инвесторов и трейдеров, которые имеют цель оптимизировать процесс принятия решений и общую торговую стратегию.

Ключевые слова - цена акций, недооцененные акции, факторы стоимости, доходность, соотношение цены и дохода, балансовая стоимость.

ОБ АВТОРАХ

Akinova Zhanar – KIMEP University, Almaty, Kazakhstan, email: zhanar.akinova@kimep.kz, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4066-8281>

Faizulayev Alimshan – PhD in Finance, KIMEP University, Almaty, Kazakhstan, email: a.faizulayev@kimep.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0212-0538>

Kabildinova Yelara – Bachelor of Accounting and Audit, KIMEP University, Almaty, Kazakhstan, email: yelara.kabildinova@kimep.kz, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9839-9066>

MPHTI: 06.35.31

JEL Classification: M41

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-230-241>

ИНТЕГРАЦИЯ БУХГАЛТЕРСКИХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ: ПРЕИМУЩЕСТВА И ВЫЗОВЫ

А. К. Низамдинова¹, Н. Ш. Сырлыбаева¹, А. А. Юферова¹

¹Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – изучении процесса интеграции бухгалтерских и управленческих информационных систем в Республике Казахстан.

Методология – эмпирический и статистический анализы.

Оригинальность / ценность исследования – оригинальность и ценность данного научного исследования заключаются в анализе, основанном на междисциплинарном подходе и конкретизации исследования, в рамках условий Республики Казахстан. В современном мире динамика развития цифровой экономики, а также важность внедрения бухгалтерских и управленческих информационных систем в практические бизнес-процессы становится релевантной темой для исследований. Тем не менее в Республике Казахстан на текущий момент проведено и опубликовано недостаточно исследований, которые бы в полной мере анализировали данный процесс. Представленное исследование восполняет данный пробел в информационной базе научного сообщества, предлагая системный анализ преимуществ и вызовов, с которыми сталкиваются коммерческие компании в Республике Казахстан при интеграции бухгалтерских и управленческих систем.

Результаты исследования – представленное научное исследование демонстрирует, что внедрение бухгалтерских и управленческих информационных систем в коммерческих организациях Республики Казахстан обладает значительным потенциалом влияния на улучшение показателей эффективности и продуктивности. Проведенный в ходе исследования, анализ данных позволил выявить, что интеграция

цифровых продуктов для бухгалтерии и управляющего менеджмента способствует повышению контроля над финансовыми потоками и информационными потоками, улучшению точности отчетности и ускорению принятия управленческих решений. В рамках данного научного исследования были выявлены основные проблемы, с которыми сталкиваются организации при осуществлении непосредственного внедрения информационных систем в свои бизнес-процессы. На основании всех полученных результатов были сформулированы конкретные рекомендации, направленные на нивелирование влияния потенциальных проблем, а также на развитие коммерческого успеха, продуктивности и удержании конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: интеграция информационных систем, бухгалтерский учет, управленческая отчетность, эффективность управления, казахстанские предприятия.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность представленного научного исследования обусловлена тенденциями в сфере цифровой трансформации казахстанской экономики, а также повышением важности роли внедренных информационных систем в менеджмент организаций. С 2020 года в Республике Казахстан наблюдается значительный рост интеграции информационных технологий в коммерческих и некоммерческих организациях. Согласно данным Бюро Национальной статистики Республики Казахстан, за последние пять лет объем цифровых решений в сфере менеджмента и бухгалтерских операциях увеличился на 35% [1]. Данный факт свидетельствует о том, что значительно увеличился спрос на эффективные и современные системы контроля и управления базами данных. Тем не менее, важно учесть, что несмотря на рост числа интегрируемых цифровых решений в бизнес-среду, общее внедрение бухгалтерских и управленческих информационных систем в Республике Казахстан, на момент написания данной статьи, остается недостаточно изученной темой, особенно в контексте локальных казахстанских компаний.

Постановление правительства Республики Казахстан «Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023 - 2029 годы», утвержденное от 28 марта 2023 года, предусматривает достижение показателя в 90% автоматизации бухгалтерского учета и финансового управления в крупных и средних компаниях к 2023 году [2]. Следует отметить, что на момент написания данной статьи уровень интеграции подобных цифровых систем составляет около 45%, что указывает на потенциал для непосредственного улучшения и внедрения инновационных решений [2].

Кроме того, согласно данным Международного банка, организации, которые успешно осуществили внедрение бухгалтерских и управленческих систем, продемонстрировали в своих отчетах увеличение производительности труда в среднем на 20%, а также снижение операционных издержек [3]. На основании всего вышеперечисленного можно утверждать, что тематика данного исследования актуальна и имеет потенциал дальнейшего развития, в силу повышенного интереса к данному направлению в мировой практике менеджмента.

Обзор литературы. В процессе написания данного исследования особое внимание было уделено анализу использованных научных источников, посвященных интеграции бухгалтерских и управленческих информационных систем. Исследования таких авторов, как А. П. Егоршин и И. А. Иванова [3], в работах «Эффективный менеджмент организации» и «Менеджмент», предоставили фундаментальную базу теоретических знаний для понимания роли и значения интеграции в современных условиях цифровой трансформации. Данные научные труды содержат детальный анализ стратегий управления и координации процессов.

Исследования таких известных и рецензируемых международных авторов, таких как McAfee и Montealegre [4-6], позволили проанализировать актуальные примеры использования интеграционных технологий на примере других стран, что позволило осуществить анализ аналогичных кейсов с Республикой Казахстан. Например, работа Montealegre (2002) достоверно описывает модель развития цифровых компетенций, что представляет практический интерес для оценки готовности казахстанских предприятий к интеграции бухгалтерских и управленческих информационных систем. В дополнение

к этому, публикации М. Портера [7] предоставили теоретическую основу для анализа конкурентных преимуществ инновационных внедрений в трудовую деятельность организаций.

На основе прочих источников из СНГ [8-16] удалось определить дополнительные методические подходы к цифровому менеджменту, в рамках тематики данной статьи, а также изучить влияние интеграции на оптимизацию бизнес-процессов. Например, такие научные работы как труды Корговой и Латфуллина [11; 15] были наиболее полезны для понимания организационной структуры, необходимой для успешного внедрения бухгалтерских и управленческих информационных систем.

Основные положения исследования:

1. Анализ проблем интеграции систем. Проведенное научное исследование продемонстрировало, что казахстанские компании сталкиваются с рядом организационных проблем в координации бухгалтерских и управленческих данных между подразделениями, что ведет к снижению эффективности менеджмента.

2. Влияние интеграции на точность и эффективность. Внедрение бухгалтерских и управленческих информационных систем повышает качество отчетности и оперативность управленческих решений, и планирование, что в свою очередь приводит к росту операционной эффективности.

3. Практическое влияние на компании. Примеры казахстанских организаций, таких как «КазМунайГаз» и «Казакхтелеком», продемонстрировали что интеграция систем улучшает координацию и повышает рентабельность коммерческой деятельности организаций, подтверждая тем самым значимость внедрения информационных систем в бухгалтерию и системы менеджмента организаций в Республике Казахстан.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании были применены два ключевых метода проведения анализа: эмпирический и статистический. Представленные методы были выбраны с учетом ограниченности доступа базам данным казахстанских предприятий, в рамках охвата всего Казахстана, что повлияло на фокусировку на анализе общедоступной информации и статистических данных.

Эмпирический анализ в представленном исследовании был применен в рамках изучения теоретических и практических аспектов внедрения бухгалтерских и управленческих информационных систем в практическую деятельность организаций. За счет данного метода исследования был проведен подробный обзор научной литературы и открытых источников. Основной фокус использования данного метода был обращен в сторону анализа релевантных кейсов успешного проведения интеграции систем в коммерческих компаниях Республики Казахстан, что позволило выявить закономерности и факторы, влияющие на эффективность представленного процесса внедрения. Эмпирический метод проведения исследования был применен наиболее эффективно в условиях ограниченного доступа к внутренним бизнес-процессам организаций, так как он опирался на публично доступные данные и достоверные рецензируемые источники.

В свою очередь, статистический анализ был применен в данном исследовании, посредством систематизации и последующей интерпретации статистических показателей интегрирования представленных информационных систем в компаниях. Анализируемая данным методом информация характеризовала уровень автоматизации процессов управления и бухгалтерского учета, эффективности производственных процессов в организациях. В рамках применения данного метода удалось выявить ключевые тренды, а также проанализировать корреляцию между уровнем интеграции систем и показателями эффективности компаний.

Учитывая всю представленную информацию о методах проведения исследования можно утверждать, что использование общедоступной статистики совместно с эмпирическим анализом достоверных научных публикаций о казахстанских компаниях обеспечило высокий уровень точности выводов, в рамках физических ограничений на участие в непосредственной практической деятельности в организациях.

В ходе анализа актуальных подходов к интеграции бухгалтерских и управленческих информационных систем, удалось определить важные теоретические алгоритмы и решения, применяемые организа-

циями на практике как в международных компаниях, так и в казахстанских. Данный этап анализа стал отправной точной исследования преимуществ и вызовов, в котором внимание фокусировалось на том, как интеграция таких систем позволяет улучшить координацию между различными подразделениями организаций, а также повысить контроль и прозрачность финансовых операций и ускорить принятия управленческих решений.

Первым шагом стало исследование теоретических основ проведения внедрения представленных систем, основанных на концепции корпоративных информационных систем (ERP-систем). Данные корпоративные системы, применяемые в компаниях по всему миру, позволяют комплексно управлять базами данных, тем самым, позволяя организациям объединить различные модули – от бухгалтерского учета до планирования ресурсов и управления персоналом, в рамках единого корпоративного интерфейса [4].

При анализе реальных кейсов, описанных в научных трудах, было выявлено, что коммерчески успешные организации в первую очередь ориентируются на эксплуатацию SMART-платформ, таких как SAP и Oracle, которые способны опционально настраивать системы с учетом специфических потребностей конкретных организаций [4]. В рамках рассмотрения организаций в Республике Казахстан, было выявлено, что подобные практические решения не имеют широкого распространения, тем не менее в ряде крупных компаний, таких как «КазМунайГаз» и «Казахтелеком», на момент написания данного исследования ведется активная интеграция ERP-систем для объединения вышеописанных бухгалтерских и управленческих функций менеджмента [2,8].

В ходе исследования теоретических данных о цифровизации компаний в Республике Казахстан, удалось проанализировать не только ограниченную информацию из отечественных источников, но и систематизировать данные от научных деятелей СНГ, что позволило повысить охват и точность данного анализа. Ниже представлена таблица 1, которая отражает важнейшие показатели уровня цифровизации и автоматизации процессов в казахстанских компаниях.

Таблица 1 – Показатели цифровизации и автоматизации организаций в Республике Казахстан

№	Показатель	Среднее значение, %
1	Доля компаний, использующих ERP-системы	45
2	Доля компаний с полностью автоматизированным бухгалтерским учетом	55
3	Доля компаний с частично автоматизированным управленческим учетом	40
4	Уровень автоматизации процессов финансового планирования и бюджетирования	35
5	Доля компаний, использующих облачные технологии для бухгалтерии и управления	50
6	Доля компаний, внедривших системы электронного документооборота	60
7	Уровень автоматизации процессов отчетности перед государственными органами	70
8	Средний уровень автоматизации процессов в малом и среднем бизнесе	30
9	Средний уровень автоматизации процессов в крупных компаниях	65
Примечание – составлено авторами на основе [8-10]		

Одним из ключевых выводов по завершению исследования теоретических и практических аспектов внедрения бухгалтерских и управленческих информационных систем стало то, что успешное интегрирование данных систем в бизнес-процессы компаний требует от управляющего персонала, заинтересованного в данных процессах, не только технической оснащенности структуры компании, но и общей реструктуризации действующих бизнес-процессов с учётом дальнейшего развития интерфейсной составляющей. Данная особенность связана с тем, что в рамках интегрирования сложных бухгалтерских и управленческих систем, типа ERP, что подобные действия требуют создания единой информационной базы данных, которая при интегрировании инноваций будет поддерживать не только финансовые и информационные потоки, но и весь управленческий цикл организации [5].

В продолжении исследования удалось выявить фундаментальные преимущества описываемой интеграции бухгалтерских и управленческих систем для казахстанских предприятий, на основании

исследования аналогичных кейсов, описанных в трудах авторов из СНГ, что в рамках аналогичности коммерческих составляющих позволяет систематизировать данные для Республики Казахстан.

Интеграция бухгалтерских и управленческих информационных систем, как было описано ранее, может осуществить усиление организаций в Республике Казахстан, которые пока еще не осуществили данный стратегический шаг, посредством привнесения в свои бизнес-процессы следующих преимуществ:

1. Повышение точности и прозрачности финансового учета. Данное преимущество является фундаментальным, в рамках описания представленных систем, за счет того, что внедрение бухгалтерских информационных систем обеспечивает полную или частичную автоматизацию актуальных бухгалтерских операций в единой корпоративной базе данных. Данное условие интегрирования таких систем указывает на то, что подобный шаг значительно сокращает вероятность ошибок, вызванных человеческим фактором, а также улучшает общее качество и точность финансовой отчетности. Важно учесть, что интерфейсная составляющая подобных систем позволяет повысить общий уровень прозрачности финансовых потоков, в рамках анализа отчетности и осуществления контроля данных компании перед внутренними и внешними пользователями информационной базы [6].

2. Сокращение операционных издержек. Данное преимущество, вызвано в первую очередь аспектом автоматизации информационной системы, увеличивающего скорость и точность выполнения операционных процессов, а также общее снижение количества ручного труда, что в свою очередь минимизирует риски, повышает качество работы, а также позволяет оптимизировать трудовые ресурсы на выполнение базовой отчетной работы [6].

3. Ускорение принятия управленческих решений. Представленное преимущество внедрения в организацию управленческих и бухгалтерских информационных систем напрямую сказывается на скорости ответа менеджмента компаний на изменения внешней или внутренней среды, так как программное обеспечение позволяет в оперативном порядке осуществлять сбор, анализ и предоставление результатов отчетности лицам, принимающим управленческие решения. Данное преимущество информационных систем крайне важно для рынков с быстрой динамикой изменений, таких как банковский сектор и ритейл, где требуется мгновенная реакция менеджмента [6].

4. Улучшение координации между отделами. В данном случае это преимущество, является современной необходимостью, для крупных компаний, которые хотят повысить показатели эффективности своих подразделений, а также улучшить контролируемость бизнес-процессов в организациях, так как информационные системы, описываемые в данном исследовании, позволяют объединить бухгалтерские и управленческие базы данных, с целью устранения информационных разрывов между финансовыми и нефинансовыми подразделениями компании. Данная особенность и преимущество способствует повышению качества взаимодействия между различными отделами компании [7].

5. Повышение конкурентоспособности. Последнее преимущество бухгалтерских и управленческих информационных систем, которые казахстанские компании могли бы интегрировать, обосновывается тем, что успешные в коммерческом плане организации уже осуществившие внедрение данных информационных технологий в свою трудовую деятельность, получают преимущество на рынке за счет повышения скорости и точности своих действий как в бухгалтерской сфере, так и в сфере менеджмента и планирования [7].

Для наглядности преимуществ и показателей усиления, за счет описываемых информационных систем была создана таблица 2, на основании систематизации, полученной в ходе исследования научных источников информации.

Как видно из таблицы 2, указанные характеристики преимуществ отражают потенциальные возможности прироста описываемых ранее характеристик от внедрения бухгалтерских и управленческих систем.

Далее было решено оценить влияние интеграции представленных информационных систем на показатели эффективности казахстанских компаний. Следует отметить, что данный этап исследования подразумевал поиск альтернативных источников информации, так как в Казахстане не было

обнаружено достаточно научной литературы, для проведения научных изысканий, в связи с чем было принято решение систематизировать данные от авторов из СНГ, посредством поиска совпадений условий организаций, а также определения тех предприятий, которые достоверно описали процесс интегрирования информационных систем, ведя свою деятельность в Республике Казахстан, то есть являясь международными организациями, касающимися бизнес-сферы страны.

Таблица 2 – Характеристики преимуществ интегрирования бухгалтерских и управленческих информационных систем в деятельность организаций

№	Преимущество	Характеристика
1	Повышение точности и прозрачности учета	90% уменьшение ошибок в отчетности
2	Сокращение операционных издержек	25% снижение затрат на административные процессы
3	Ускорение принятия управленческих решений	35% сокращение времени на принятие решений
4	Улучшение координации между отделами	40% улучшение взаимодействия между подразделениями
5	Повышение конкурентоспособности	30% рост гибкости и адаптации к рыночным условиям
Примечание – составлено авторами на основе [6-9]		

Важно учесть, что внедрение бухгалтерских и управленческих информационных систем оказывает значительное влияние на ключевые показатели эффективности и производительности коммерческих организаций, как тех, кто производит товары, так и тех, кто оказывает услуги. В рамках таблицы 3 были указаны основные показатели, характеризующие эффективность работы.

Таблица 3 – Средние оценочные показатели потенциального влияния на базовые характеристики казахстанских компаний после интеграции бухгалтерских и управленческих информационных систем, %

№	Показатель	Влияние на эргономику	Влияние на эффективность контроля финансового потока	Влияние на точность отчетности бухгалтерии	Влияние на эффективность управленческих решений
1	Ускорение обработки данных	30	25	35	20
2	Снижение временных затрат	40	20	15	25
3	Повышение уровня автоматизации	25	30	40	30
4	Уменьшение ошибок и неточностей	20	35	50	15
5	Повышение прозрачности и доступности данных	35	40	30	40
6	Увеличение скорости принятия решений	20	25	20	50
7	Оптимизация затрат на администрирование	25	30	25	20
Примечание – составлено авторами на основе [10-12]					

Как видно из таблицы 3, значительность влияния указанных показателей на бизнес-системы организаций, которые могут интегрировать информационные системы в Республике Казахстан, была рассчитана, на основании ранее указанных аналогов, посредством выделения характерных условий ведения бизнеса и систематизации показателей до и после внедрения. На основании результатов проведенной статистической работы можно сделать вывод о том, что компании могут суммарно значительно усилить показатели своей эффективности, посредством подготовки и непосредственного внедрения подпадающих под конкретные потребности информационных систем.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

В ходе представленного научного исследования была определена актуальность и важность тематики статьи для современных казахстанских предприятий. На основании проведенного эмпирического и статистического анализов текущего уровня цифровизации и автоматизации в Республике Казахстан

было определено, что большинство локальных организаций сталкивается с рядом вызовов при осуществлении интегрирования информационных систем для бухгалтерии и менеджмента.

Определяя потенциальные преимущества, а также оценочные характеристики влияния на казахстанские компании было принято решение создать список рекомендаций, по осуществлению непосредственного интегрирования бухгалтерских и управленческих решений в организациях в Республике Казахстан.

Для осуществления создания списка рекомендаций были проанализированы как отечественные, так и зарубежные источники, в ходе исследования которых было определено несколько проблем, с которыми сталкиваются организации при внедрении указанных информационных систем. Данные проблемы относятся как к подвиду как технических, так и организационных. В число данных проблем входят [13-16]:

1. Недостаток квалифицированных специалистов;
2. Высокие затраты на внедрение;
3. Соппротивление персонала изменениям;
4. Сложность адаптации систем к специфике бизнеса;
5. Низкий уровень цифровой культуры в компании;
6. Неэффективная координация между отделами.

Данные проблемы являются довольно релевантными для отдельных аспектов сферы менеджмента для компаний по всему миру, тем не менее для сферы интегрирования бухгалтерских и управленческих информационных систем они обладают уникальными показателями влияния. Для наглядности характеристик влияния данных проблемы была создана таблица 4.

Таблица 4 – Показатели влияния выявленных проблем на коммерческую эффективность

№	Проблема	Влияние на коммерческую эффективность, %	Описание влияния
1	Недостаток квалифицированных специалистов	20	Увеличение времени на внедрение, повышение расходов на обучение персонала
2	Высокие затраты на внедрение	25	Замедление возврата инвестиций, снижение маржинальности
3	Соппротивление персонала изменениям	15	Снижение производительности, увеличение сроков адаптации
4	Сложность адаптации систем к специфике бизнеса	10	Дополнительные затраты на кастомизацию, увеличение рисков неудачного внедрения
5	Низкий уровень цифровой культуры	20	Затруднение внедрения, необходимость дополнительного обучения
6	Неэффективная координация между отделами	15	Увеличение временных и финансовых затрат на синхронизацию процессов
Примечание – составлено авторами на основе [8,13-16]			

Для решения указанных проблем и нивелирования степени их влияния, при интегрировании информационных систем требуется проведение корректной и точной работы по внедрению информационных систем в казахстанских организациях. Для осуществления данной работы, а также максимизации приобретения описанных ранее преимуществ был создан список рекомендаций, в число которых вошли:

В первую очередь, требуется осуществить повышение квалификации специалистов, ответственных за интегрирование и работу с информационными системами, что является одним из важнейших условий эффективной интеграции. Казахстанские компании должны организовать регулярные тренинги для сотрудников, с целью освоения навыков работы с интегрированными системами. Также важно учесть возможность коллаборирования с национальными образовательными учреждениями, такими как ВУЗ-ы информационных технологий, для подготовки квалифицированных специалистов, способных управлять и поддерживать интегрированные решения на практике [13].

Второй важной рекомендацией является планирование бюджета на внедрение. Подробное планирование стратегически важных финансовых ресурсов компании, включая непосредственные издержки на обучение сотрудников и техническую поддержку информационных систем и оборудования, позволяет избежать непредвиденных расходов и обеспечивает плавный процесс интеграции [13].

Также важной рекомендацией, основанной на изучении аналогичных кейсов из международной практики, является такая сфера менеджмента как управление изменениями, которая является фундаментальной для минимизации сопротивления сотрудников нововведениям. Для осуществления данной рекомендации казахстанским компаниям следует разработать специальную программу управления изменениями, включающую регулярное информирование сотрудников о преимуществах новой системы и о том, как она поможет улучшить их повседневную работу. Непосредственное вовлечение сотрудников организации в процесс интегрирования интерфейса и базы данных поможет снизить напряженность среди персонала и повысить заинтересованность, создавая тем самым условия добровольного корпоративного следования трендам и инновациям [14].

Кастомизация систем также является важной составляющей цикла внедрения, которая должна быть учтена управляющим менеджментом казахстанских компаний, в рамках рекомендованных мер, так как локализаций конкретных информационных систем под требования компаний является ключевым элементом эффективной интеграции. В данном аспекте менеджменту организаций важно выбирать поставщиков программного обеспечения, которые предоставляют услуги по адаптации своего цифрового продукта под клиента. Таким образом перед непосредственным внедрением бухгалтерских и управленческих систем рекомендуется осуществить анализ потребностей компании и адаптировать отдельные элементы под операционные процессы трудовой деятельности, что обеспечить максимальную эффективность использования цифрового продукта [8].

Завершающей рекомендацией в данном исследовании является проведение мониторинга и оценки эффективности интеграции информационных систем. В данном направлении требуется создать и осуществить внедрение на уровне менеджмента организации, что позволит оперативно определять и корректировать возможные проблемы информационного обеспечения бухгалтерии и инструментов управления. В данном случае, непосредственное использование аналитики для проведения оценки влияния внедрения информационных систем на ключевые показатели продуктивности бизнес-процессов потенциально позволит постоянно улучшать и оптимизировать конкретные процессы, тем самым обеспечивая стабильное развитие организации и сохранение конкурентного преимущества на рынке [15,16].

Все представленные рекомендации потенциально позволят казахстанским компаниям эффективно осуществить интегрирование бухгалтерских и управленческих информационных системы, повысив тем самым свою коммерческую эффективность.

На основании полученных результатов можно утверждать, что непосредственное интегрирование бухгалтерских и управленческих информационных систем в казахстанские компании представляет перспективное стратегическое направление развития организаций, которые стремятся улучшить свои показатели конкурентоспособности на рынке и улучшить эффективность действующих бухгалтерских и управленческих процессов. Также важно отметить, что полученные результаты доказывают, что своевременная и корректная реализация предложенных рекомендаций позволяет организациям нивелировать большинство проблем, связанных с внедрением систем, и достичь коммерческой успешности, в условиях динамики современного казахстанского рынка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный сайт Бюро Национальной статистики Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Gov.kz [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/> (дата обращения 3.09.2024).
2. Официальный сайт Информационно-правовой системы нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет» [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (дата обращения 3.09.2024).

3. Акулов В. Б. Финансовый менеджмент: учебное пособие / В. Б. Акулов. – 7-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2024. – 264 с.
4. McAfee A. (2014). Do you have too much IT? Sloan Management Review. – № 45(3). – P. 18-22.
5. McAfee A. (2016). Mastering the three worlds of information technology. Harvard Business Review. – № 84(11). – P. 141-150.
6. Montealegre, R. (2002). A process model of capability development: Lessons from the electronic commerce strategy at Bolsa de Valores de Guayaquil. Organization Science. – № 13(5). – P. 514-531. – DOI: 10.1287/orsc.13.5.514.7808
7. Porter M., Millar V. (2014, July-August). How information gives you competitive advantage. Harvard Business Review. – № 4 (63). – P. 149-160.
8. Финансовый менеджмент: проблемы и решения: учебник для вузов / Бобылева А. З. [и др.] / под редакцией А. З. Бобылевой. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 795 с.
9. Егоршин А. П. Эффективный менеджмент организации: учебное пособие / А. П. Егоршин. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 388 с.
10. Иванова И. А. Менеджмент: учебник и практикум для вузов / И. А. Иванова, А. М. Сергеев. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 327 с.
11. Коргова М. А. Менеджмент организации: учебное пособие для академического бакалавриата / М. А. Коргова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 206 с.
12. Коргова М. А. Менеджмент. История менеджмента: учебное пособие для среднего профессионального образования / М. А. Коргова, А. М. Салогуб. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 167 с.
13. Коргова М. А. Менеджмент. Управление организацией: учебное пособие для среднего профессионального образования / М. А. Коргова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 206 с.
14. Коротков, Э. М. Менеджмент: учебник для вузов / Э. М. Коротков. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 566 с.
15. Менеджмент: организационное поведение: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Г. Р. Латфуллин [и др.] / под редакцией Г. Р. Латфуллина, О. Н. Громовой, А. В. Райченко. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 290 с.
16. Менеджмент: практико-ориентированный подход: учебник / под ред. Ю. А. Романовой. – 2-е изд. – Москва: Дашков и К, 2022. – 410 с.

REFERENCES

1. Ofitsial'nyi sait Byuro Natsional'noi statistiki Respubliki Kazakhstan. Retrieved September 3, 2024, from <https://stat.gov.kz/ru/> (In Russian)
2. Ofitsial'nyi sait Informatsionno-pravovoi sistemy normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan "Adilet". Retrieved September 3, 2024, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (In Russian)
3. Akulov, V. B. Finansovyi menedzhment: uchebnoe posobie / V. B. Akulov. – 7-е изд., стер. – Moskva : FLINTA, 2024. – 264 s. (In Russian)
4. McAfee, A. (2014). Do you have too much IT? Sloan Management Review, 45(3), 18-22. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1234567>
5. McAfee, A. (2016). Mastering the three worlds of information technology. Harvard Business Review, 84(11), 141-150. <https://doi.org/10.2139/ssrn.7654321>
6. Montealegre, R. (2002). A process model of capability development: Lessons from the electronic commerce strategy at Bolsa de Valores de Guayaquil. Organization Science, 13(5), 514-531. <https://doi.org/10.1287/orsc.13.5.514.7810>
7. Porter, M., & Millar, V. (2014, July-August). How information gives you competitive advantage. Harvard Business Review, 149-160. <https://doi.org/10.2139/ssrn.7894561>

8. Bobyleva, A. Z. (Red.). Finansovyi menedzhment: problemy i resheniya: uchebnik dlya vuzov. – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 795 s. (In Russian)
9. Egorshin, A. P. Effektivnyi menedzhment organizatsii: uchebnoe posobie / A. P. Egorshin. – Moskva : INFRA-M, 2023. – 388 s. (In Russian)
10. Ivanova, I. A., & Sergeev, A. M. Menedzhment: uchebnik i praktikum dlya vuzov. – 2-e izd. – Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 327 s.
11. Korgova, M. A. Menedzhment organizatsii: uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata. – 3-e izd., ispr. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 206 s. (In Russian)
12. Korgova, M. A., & Salogub, A. M. Menedzhment. Istoriya menedzhmenta: uchebnoe posobie dlya srednego professional'nogo obrazovaniya. – 3-e izd., ispr. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 167 s. (In Russian)
13. Korgova, M. A. Menedzhment. Upravlenie organizatsiei: uchebnoe posobie dlya srednego professional'nogo obrazovaniya. – 3-e izd., ispr. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 206 s. (In Russian)
14. Korotkov, E. M. Menedzhment: uchebnik dlya vuzov. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2023. – 566 s. (In Russian)
15. Latfullin, G. R., Gromova, O. N., & Raichenko, A. V. (Red.). Menedzhment: organizatsionnoe povedenie: uchebnik i praktikum dlya srednego professional'nogo obrazovaniya. – Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 290 s. (In Russian)
16. Romanova, Yu. A. (Red.). Menedzhment: praktiko-orientirovannyi podkhod: uchebnik. – 2-e izd. – Moskva : Dashkov i K, 2022. – 410 s. (In Russian)

INTEGRATION OF ACCOUNTING AND MANAGEMENT INFORMATION SYSTEMS: ADVANTAGES AND CHALLENGES

A. K. Nizamdinova¹, N. Sh. Syrlybayeva¹, A. A. Yuferova¹

¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research. Study of the process of integration of accounting and management information systems in the Republic of Kazakhstan.

Methodology – empirical and statistical analyses.

Originality / value. The originality and value of this scientific research lies in the analysis based on an interdisciplinary approach and specificity of the study, within the framework of the conditions of the Republic of Kazakhstan. In the modern world, the dynamics of the digital economy, as well as the importance of implementing accounting and management information systems in practical business processes becomes a relevant topic for research. Nevertheless, not enough research has been conducted and published in the Republic of Kazakhstan to fully analyse this process. The presented study fills this gap in the information base of the scientific community by offering a systematic analysis of the advantages and challenges faced by commercial companies in the Republic of Kazakhstan in integrating accounting and management systems.

Findings. The presented research demonstrates that the introduction of accounting and management information systems in commercial organisations of the Republic of Kazakhstan has a significant potential to influence the improvement of efficiency and productivity indicators. The data analysed in the course of the study revealed that the integration of digital products for accounting and management management management contributes to increased control over financial flows and information flows, improved accuracy of reporting and accelerated management decision-making. This research study identified the main challenges faced by

organisations in directly implementing information systems into their business processes. Based on all the findings, specific recommendations have been formulated aimed at levelling the impact of potential problems, as well as developing commercial success, productivity and retention of competitive advantage.

Keywords: integration of information systems, accounting, management reporting, management efficiency, Kazakhstani enterprises.

БУХГАЛТЕРЛІК ЕСЕП ЖӘНЕ БАСҚАРУ АҚПАРАТТЫҚ ЖҮЙЕЛЕРІН ИНТЕГРАЦИЯЛАУ: АРТЫҚШЫЛЫҚТАРЫ МЕН МІНДЕТТЕРІ

А. К. Низамдинова¹, Н. Ш. Сырлыбаева¹, А. А. Юферова¹

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. Қазақстан Республикасындағы бухгалтерлік есеп пен басқарудың ақпараттық жүйелерінің интеграциялану процесін зерттеу.

Әдіснамасы. Эмпирикалық және статистикалық талдаулар.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Бұл ғылыми зерттеудің өзіндік ерекшелігі мен құндылығы пәнаралық көзқарасқа негізделген талдау және Қазақстан Республикасының жағдайында зерттеудің нақтылануында. Заманауи әлемде цифрлық экономиканың даму серпіні, сондай-ақ есеп пен басқарудың ақпараттық жүйелерін практикалық бизнес-процестерге енгізудің маңыздылығы зерттеудің өзекті тақырыбына айналуға алауда. Алайда, Қазақстан Республикасында қазіргі уақытта бұл процесті толық талдайтын жеткілікті зерттеулер жүргізіліп, жарияланған жоқ. Ұсынылған зерттеу бухгалтерлік есеп пен менеджмент жүйелерін интеграциялау кезінде Қазақстан Республикасындағы коммерциялық компаниялар кездесетін артықшылықтар мен қиындықтарды жүйелі талдауды ұсына отырып, ғылыми қоғамдастықтың ақпараттық базасындағы осы олқылықты толтырады.

Зерттеу нәтижелері. Ұсынылған ғылыми зерттеулер Қазақстан Республикасының коммерциялық ұйымдарында бухгалтерлік есеп пен басқарудың ақпараттық жүйелерін енгізу тиімділік пен өнімділік көрсеткіштерін жақсартуға әсер етудің маңызды әлеуеті бар екенін көрсетеді. Зерттеу барысында жүргізілген деректерді талдау бухгалтерлік есеп пен басқаруға арналған цифрлық өнімдерді біріктіру қаржылық ағындар мен ақпарат ағындарын бақылауды арттыруға, есеп берудің дәлдігін жақсартуға және басқару шешімдерін қабылдауды жеделдетуге көмектесетінін анықтады. Осы ғылыми зерттеу шеңберінде ұйымдардың бизнес-процестеріне ақпараттық жүйелерді тікелей енгізу кезінде кездесетін негізгі проблемалар анықталды. Барлық алынған нәтижелер негізінде ықтимал проблемалардың әсерін теңестіруге, сондай-ақ коммерциялық табысты, өнімділікті дамытуға және бәсекелестік артықшылықтарды сақтауға бағытталған нақты ұсынымдар тұжырымдалды.

Түйін сөздер: ақпараттық жүйелерді біріктіру, бухгалтерлік есеп, басқару есебі, басқару тиімділігі, қазақстандық кәсіпорындар.

ОБ АВТОРАХ

Низамдинова Арзигуль Камирдиновна – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры «Финансы и учет», Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, email: anizamdinova@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-3507-5216

Сырлыбаева Назгуль Шенгельбаевна – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры «Финансы и учет», Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, email: adilet-75@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-6010-1573

Юферова Анна Андреевна – магистрант 2 курса по специальности «Учет и аудит», Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, email: yuferova_2024@mail.ru, ORCID ID: 0009-0007-3271-6678

МРНТИ: 06.73.35

JEL Classification: G12; C10

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-241-253>

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА КАЗАХСТАНСКИЙ ФОНДОВЫЙ РЫНОК

А. О. Мауленов¹, Е. Оразбек^{1*}

¹Международный Университет Информационных Технологий, Алматы, Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования. Выявить внутренние и внешние факторы, а также оценить их воздействие на динамику казахстанского фондового рынка.

Методология исследования. В работе применялись сравнительный анализ, множественный регрессионный анализ и факторный анализ. Внутренние факторы включали в себя реальные показатели роста ВВП, уровень инфляции и курс национальной валюты. Внешние факторы были представлены мировыми ценами на нефть, курсом российского рубля и российским фондовым индексом.

Оригинальность/ценность исследования. Исследование предоставляет ценную информацию о динамике фондового рынка Казахстана и его зависимости от ключевых макроэкономических показателей. Эти данные могут быть использованы для улучшения методов прогнозирования и принятия решений на рынке, что важно для инвесторов и аналитиков.

Результаты исследования. Исходя из уровня волатильности и средней доходности, весь анализируемый период был разделен на три субпериода: благоприятный или период быстрого роста рынка, неблагоприятный или период спада, и период умеренной благоприятности, или восстановления рынка. Результаты анализа показали, что значительное влияние на казахстанский фондовый рынок оказывают уровень инфляции и российский фондовый индекс. Инфляция имеет наибольшее влияние, способствуя росту индекса при увеличении её уровня. Российский фондовый индекс также имеет значительное влияние, демонстрируя высокую корреляцию с индексом KASE. В то же время, курс национальной валюты и мировые цены на нефть показали слабое влияние на фондовый рынок Казахстана. Построена корреляционная матрица доходностей основных мировых фондовых индексов.

Ключевые слова: доходность рынка, корреляционная матрица, коэффициенты регрессии, коэффициент вариации.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы

В условиях высокой волатильности мировых финансовых рынков прогнозирование поведения казахстанского фондового рынка достаточно сложная задача [1]. Необходимо учитывать множество рыночных факторов, такие как, макроэкономические и политические, оказывающие влияние на казахстанский фондовый рынок. Как правило, для прогнозирования финансовых рынков, аналитики и инвесторы используют в основном фундаментальный анализ или же технический анализ с применением различных статистических методов. Существуют множество количественных методов прогнозирования финансового рынка, такие как, модели временных рядов, включая ARIMA [2] и GARCH [3]

скользящие средние (МА) [4], методы машинного обучения на основе нейронных сетей [5], линейная [6] и нелинейная регрессия [7], а также методы главных компонент (РСА) [8] и так далее.

Рассмотрим развитие казахстанского фондового рынка в период с 2001 по 2023 годы, используя индекс KASE [9] в качестве основного индикатора его состояния. В целом, динамика индекса за этот период показывает положительный тренд: средняя годовая доходность составляет около 32%. Однако стоит отметить, что рынок KASE характеризуется значительной волатильностью, достигающей примерно 76% в год. Коэффициент вариации показывающая относительную меру риска составляет 2,36 раза. Это все характеризует рынок KASE как агрессивный и только развивающийся рынок. Линия тренда показывающая зависимость индекса по годам имеет положительный коэффициент в размере 131,9 (см. рисунок 1). Это означает что в среднем за данный период казахстанский фондовый рынок изменялся на 131,9 пункта в год.

За последние четыре года наблюдается положительная динамика объемов торгов, что указывает на устойчивый рост интереса к казахстанскому фондовому рынку со стороны участников финансового сектора, включая как физических, так и юридических лиц.

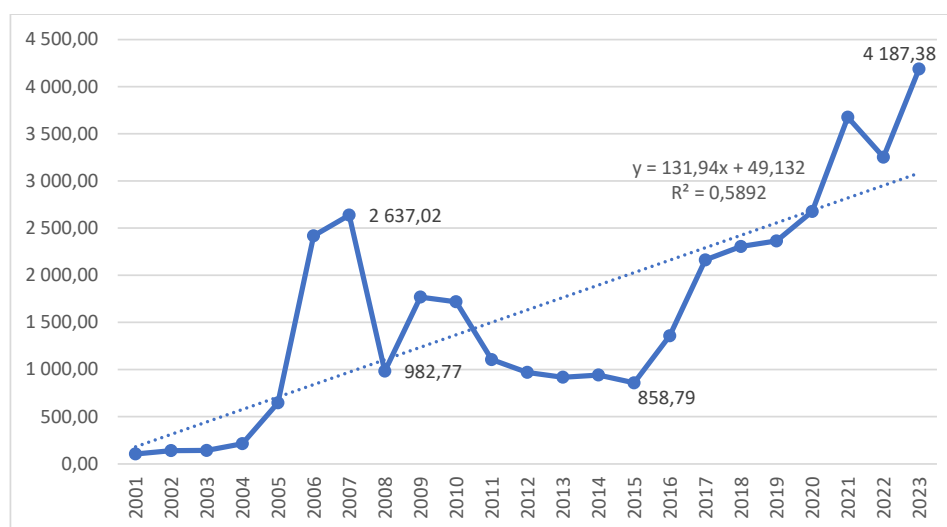

Рисунок 1 – Динамика индекса KASE с 2001 по 2023 годы

Примечание – составлено автором на основе источника [10]

В зависимости от степени волатильности рынка и средней доходности весь рассматриваемый период можно разделить на три субпериода:

- самый благоприятный или период бурного роста рынка – это с 2001 по 2007 годы, средняя доходность за данный период составляет 82,5% в год, что намного выше средней доходности за весь анализируемый период. Максимальная доходность в размере 279,06% годовых приходится на 2006 год, а индекс KASE достигает своего максимального значения 2637,02 пункта в 2007 году. (см.рисунок 2)

- неблагоприятный период или фаза спада рынка охватывал 2008-2015 годы, в течение которых средняя доходность была отрицательной и составляла -4,21%. Самым тяжелым годом для фондового рынка стал 2008 год, когда индекс показал значительное снижение на -62,78%, что в основном было вызвано глобальным финансово-экономическим кризисом, вызванным ипотечным кризисом в США в 2007-2008 годах.

- период умеренной благоприятности или восстановления рынка длился с 2016 по 2023 годы, в течение которого средняя доходность составляла около 23,5%. Особого внимания заслуживает 2020 год, когда, несмотря на начало пандемии COVID-19, индекс KASE вырос на 13,41%.

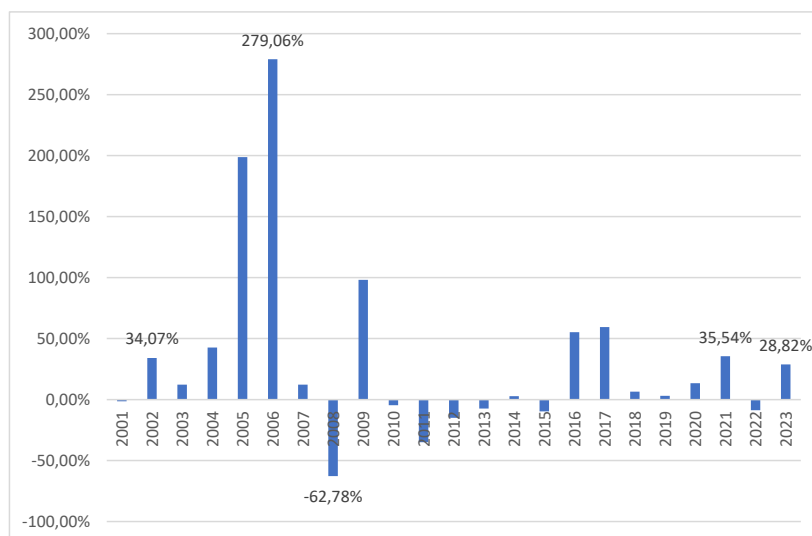

Рисунок 2 – Доходность индекса KASE с 2001 по 2023 годы

Примечание – составлено автором на основе источника [10]

Обзор литературы. Существует значительное количество научных работ российских и зарубежных исследователей, посвященных анализу влияния различных макроэкономических факторов на фондовые рынки. Например, в исследовании Е.А. Федоровой [11] была применена эконометрическая модель EGARCH для оценки воздействия различных факторов на российский фондовый рынок. В качестве ключевых переменных рассматривались ВВП, курс доллара США, соотношение курсов евро/доллар, сальдо движения капитала и мировая цена на нефть марки Brent. Анализ показал сильную зависимость динамики индекса ММВБ от изменений цены на нефть и курса доллара США. Другое исследование Е.А. Федоровой [12] рассматривало влияние фондовых рынков США, Китая, Германии и индекса волатильности на российский рынок в период с января 2000 года по октябрь 2012 года. Результаты показали, что длительной зависимости российского фондового рынка от динамики развитых стран, таких как США и Германия, в относительно стабильные периоды не наблюдалось.

В работе И.Я. Лукасевича [13] были проанализированы взаимосвязи между российским фондовым рынком и фондовыми рынками ведущих мировых экономик на протяжении последних 15 лет, в преддверии мировой рецессии. В исследовании использовались ежедневные данные фондовых индексов США, Германии, Великобритании, Японии, Китая и России за период с февраля 2007 по 24 апреля 2020 года, что составило 3450 наблюдений. Было установлено, что российский рынок испытывает наибольшее влияние со стороны европейского, при этом его связь с азиатскими рынками оказалась слабее.

В исследовании Ракеша Кумара [14], основанном на среднемесячных данных с января 2001 по май 2013 года по 12 макроэкономическим переменным, был применен факторный анализ для выделения ключевых факторов, влияющих на состояние фондового рынка Индии. Метод главных компонент, с использованием ортогонального вращения, выявил три ключевых фактора, которые были обозначены как «Макросреда», «Производственные показатели» и «Учетные ставки», при этом производственные показатели оказались наиболее значимыми для фондового рынка.

В статье Каана Селеби и Микаэла Хонига [15] было исследовано влияние макроэкономических факторов, доходности государственных облигаций Германии, настроений инвесторов и других опережающих индикаторов на фондовый индекс DAX 30 в период с 1991 по 2018 год. На основе данных по 24 факторам, собранных за 27 лет, авторы установили, что такие индикаторы, как составной опережающий индекс OECD, индекс экспортных ожиданий IFO, индекс экспортного климата, индекс потребительских цен (CPI) и доходность 3-летних государственных облигаций Германии, оказывают отсроченное влияние на доходность акций.

В рамках исследования Джанера Демира [16] была предпринята попытка проанализировать воздействие отдельных макроэкономических факторов на индекс BIST-100 за период с первого квартала 2003 по четвертый квартал 2017 года. Результаты теста границ ARDL показали, что экономический рост, относительная стоимость национальной валюты, портфельные инвестиции и прямые иностранные инвестиции способствуют росту индекса, тогда как процентные ставки и цены на нефть оказывают отрицательное влияние на фондовый рынок.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология

В качестве внутренних факторов возьмем такие переменные как реальный рост ВВП, инфляцию и курс национальной валюты, внешними факторами будут выступать такие переменные как мировые цены на нефть, курс российского рубля и российский фондовый индекс. Для оценки влияния внутренних и внешних факторов на казахстанский фондовый рынок будет использована следующая линейная регрессионная модель:

$$KASE_index = \beta_0 + \beta_1 \cdot GDP_growth + \beta_2 \cdot Inflation + \beta_3 \cdot USD_KZT + \beta_4 \cdot USD_RUB + \beta_5 \cdot MICEX_index + \beta_6 \cdot Brent_oil$$

где

KASE_index – фондовый индекс KASE или зависимая переменная;

GDP_growth – реальный рост ВВП (%);

Inflation – ставка инфляции (%);

USD_KZT – курс доллара по отношению к тенге;

USD_RUB – курс доллара по отношению к рублю;

MICEX_index – фондовый индекс ММВБ;

Brent_oil – цены на нефть марки Brent;

$\beta_0, \beta_1, \beta_2, \beta_3, \beta_4, \beta_5, \beta_6$ – соответствующие коэффициенты регрессии для оценки модели.

Также для прогнозирования значения индекса KASE на последующие годы будем применять модель временного ряда AR (autoregressive model). Модель AR(p) порядка p записывается следующим образом:

$$y_t = c + \varphi_1 y_{t-1} + \varphi_2 y_{t-2} + \dots + \varphi_p y_{t-p} + \epsilon_t$$

где

y_t – текущее значение временного ряда в момент t ;

$\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_p$ – коэффициенты авторегрессии, которые определяют влияние предыдущих значений;

c – константа;

ϵ_t – случайная ошибка или «шум» в момент времени t , которая имеет нулевое

Результаты и обсуждение

Результаты оценки модели представлены в следующей таблице 1:

Коэффициент детерминации R-квадрат модели составляет 0,857. Это говорит о том, что данные факторы на 85,7% объясняют изменение фондового индекса KASE и подтверждает высокое качество модели. Согласно данной таблице, наибольшее влияние на казахстанский фондовый рынок оказывает

фактор инфляции. Коэффициент при нем составляет самое высокое значение из всех коэффициентов – это 79,38, т.е. при увеличении ставки инфляции на 1 процент, индекс KASE увеличивается на 79,38 пункта. При высоких инфляционных ожиданиях мы можем наблюдать высокий рост индекса и соответственно высокий уровень доходности индекса. Действительно, в 2016 году инфляция была высокой и составляла 14,6%, в то время как доходность индекса показала в том же году 55,25% годовых, т.е. тоже очень высокая. Также инфляция была высокой в 2021 и 2022 годах, она колебалась от 13% до 17,70%, а доходность индекса в этот период составляла 35,54%. Значение p модели составляет 0,029, что намного ниже 0,05 и это показывает высокую значимость данного фактора.

Таблица 1 – Результаты оценки модели

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
У-пересечение	-876,3303194	863,3680926	-1,015013558	0,326192783
Реальный рост ВВП	33,1297908	41,40802875	0,800081332	0,436152252
Уровень инфляции	79,38018234	32,89893958	2,41284927	0,029084742
Курс USD/KZT	2,404487035	3,217110419	0,747405815	0,466374553
Курс USD/RUB	-20,66867416	21,08761093	-0,980133512	0,342565084
Индекс ММВБ	0,996840583	0,235792455	4,227618655	0,00073099
Цены на нефть Brent	3,273691061	5,287172528	0,619176137	0,545090365
Примечание – составлено автором на основе источника [17], [18]				

Реальный рост ВВП выступает в качестве ключевого внутреннего фактора, оказывающего значительное положительное влияние на казахстанский фондовый рынок. Согласно модели, коэффициент этого фактора равен 33,12, что означает, что при увеличении ВВП на 1%, фондовый индекс в среднем возрастает на 33,12 пункта. Это подтверждается динамикой за период 2001–2007 годов, когда фондовый индекс вырос с 104,78 до 2637,02 пункта, что эквивалентно почти 25-кратному увеличению. В то время среднегодовая доходность индекса составляла 82,5%, а экономика Казахстана росла высокими темпами — от 9,3% до 13,5% в год. В противоположность этому, в период спада рынка с 2008 по 2015 годы индекс снизился до 858 пунктов, при этом среднегодовая доходность была отрицательной (-4,21%), а экономический рост замедлился до 1,2% в год по сравнению с 7,4% в предыдущие годы.

Также наибольшее влияние на казахстанский фондовый рынок оказывает индекс ММВБ, т.е. российский фондовый рынок. Коэффициент регрессии при данном факторе составляет 0,9968, т.е. почти единица, это означает что при увеличении индекса ММВБ на 1 пункт, индекс KASE тоже увеличивается на почти 1 пункт. Конечно же Россия оказывает огромное влияние на экономику Казахстана, так согласно статистике, импорт Казахстана в 2022 году составил 50,9 млрд.долл. и из них 35,1% импорта приходится на Россию [18].

Коэффициент корреляции между тенге и российским рублем очень высокий и составляет 0,95, т.е. показывает сильную зависимость казахстанского тенге от российского рубля (см.таблицу 2.) Согласно модели, влияние курса российского рубля на казахстанский фондовый рынок является значительным, при этом коэффициент регрессии имеет отрицательное значение (-20,66). Это означает, что при ослаблении рубля на 1 рубль относительно доллара, индекс KASE может снизиться на 20,66 пункта.

Факторы, такие как курс национальной валюты тенге и цены на нефть, оказывают слабое влияние на казахстанский фондовый рынок. Коэффициенты этих факторов составляют 2,40 и 3,27 соответственно, что означает, что при росте цены на нефть марки Brent на 1 доллар индекс KASE может увеличиться лишь на 3,27 пункта. Безусловно, мировые цены на нефть и металлы как основной главный внешний фактор оказывает огромное влияние на казахстанскую экономику, поскольку национальная экономика имеет сырьевую направленность, и мы все еще зависим от данных внешних факторов. Так, согласно статистике, экспорт Казахстана в 2022 году составил 84,6 млрд.долл. и 75,23% всего экспорта приходится на такие категории товаров как топливно-энергетические и металлы, и изделия из них [18].

Таблица 2 – Корреляционная матрица взаимосвязи факторов

	Индекса KASE	Реальный рост ВВП	Уровень инфляции	Курс USD/KZT	Курс USD/RUB	Индекс ММББ	Цены на нефть Brent
Индекса KASE	1,0000	-0,4411	0,4685	0,6610	0,5516	0,8628	0,4084
Реальный рост ВВП	-0,4411	1,0000	-0,3137	-0,6372	-0,6994	-0,6140	-0,1678
Уровень инфляции	0,4685	-0,3137	1,0000	0,3840	0,3028	0,2710	0,0091
Курс USD/KZT	0,6610	-0,6372	0,3840	1,0000	0,9504	0,7994	-0,0341
Курс USD/RUB	0,5516	-0,6994	0,3028	0,9504	1,0000	0,7536	-0,1056
Индекс ММББ	0,8628	-0,6140	0,2710	0,7994	0,7536	1,0000	0,3485
Цены на нефть Brent	0,4084	-0,1678	0,0091	-0,0341	-0,1056	0,3485	1,0000
Примечание – составлено автором на основе источника [17], [18]							

В следствии значительного обесценения российского рубля в 2014-2015 годах с 33 рублей до 73 рублей за один доллар, в процентном соотношении это будет почти на 122%, в Казахстане за данный период тоже произошла масштабная девальвация национальной валюты в всю историю развития казахстанской валюты, так, например, тенге к по отношению к доллару ослабел с 154 тенге до 340 тенге или на 120,66%. Что касается фондового рынка, то индекс KASE в 2015 году показал отрицательную доходность в размере (-9,76%), т.е. снизился с 941 пункта до 858 пункта. Стоит также отметить период с 2020 по 2022 годы, когда произошла значительная девальвация национальной валюты: курс тенге по отношению к доллару ослабел с 383 до 462 тенге, что составляет 20,81%.

Однако, фондовый индекс в этот период показал существенный рост и доходность составила 13,41% годовых в 2020 году и 35,54% годовых в 2021 году. В целом, за весь анализируемый период мы видим разнонаправленную динамику влияния национальной валюты тенге на казахстанский фондовый рынок в которой построенная модель подтверждает данные факты.

По сравнению с основными мировыми фондовыми рынками казахстанский фондовый рынок выглядит весьма привлекательным с точки зрения доходности и риска, среди всех рынков, доходность индекса KASE самая высокая и составляет 32,19% годовых, в то время как средняя доходность по ММББ и S&P 500 составляет 19,73% и 8,6% годовых соответственно (см.таблицу 3).

Таблица 3 – Сравнение доходности и риска по основным мировым фондовым индексам

	Индекс KASE	Индекс ММББ	S&P 500	Индекс Nikkei 225	Индекс FTSE 100	Индекс DAX	Индекс CAC 40
Средняя доходность	32,19%	19,73%	8,60%	4,72%	1,14%	5,29%	1,60%
Стандартное отклонение	75,98%	41,20%	18,22%	21,61%	13,62%	21,07%	18,62%
Коэффициент вариации	2,36	2,09	2,12	4,58	11,92	3,99	11,61
Примечание – составлено автором на основе источника [17]							

Также коэффициент вариации как мера относительного уровня риска по KASE составляет 2,36, что на немного выше, чем по российскому и американскому рынку. Европейские индексы, такие как, британский FTSE, немецкий DAX и французский CAC 40 с 2001 по 2020 годы показали крайне низкую среднюю доходность – 1,14%, 5,29% и 1,60% годовых соответственно, при этом с высоким уровнем

риска (см. рисунок 3). Надо заметить, что коэффициенты вариации по данным индексам весьма высокие, от 4 до 11,5.

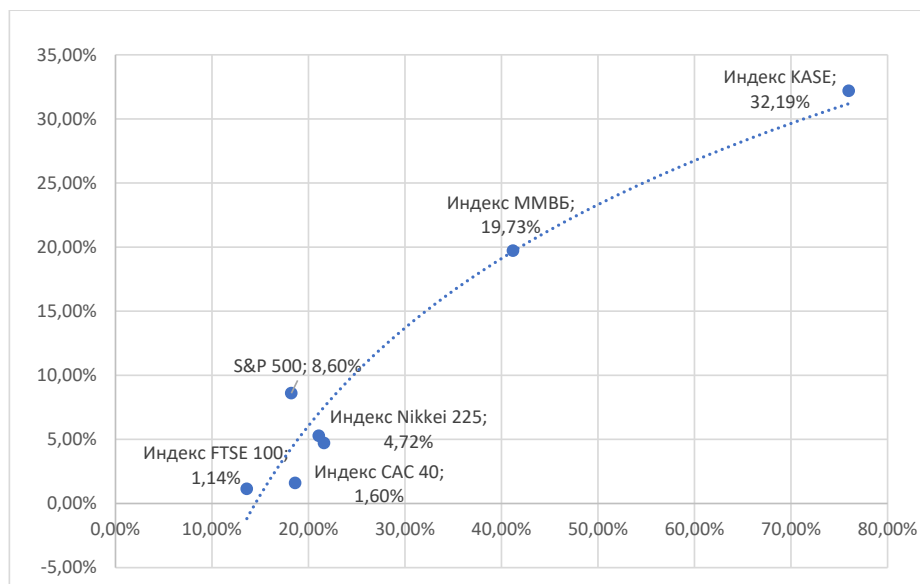

Рисунок 3 – Зависимость доходности от уровня риска по основным мировым фондовым индексам

Примечание – составлено автором на основе источника [17]

Таблица 4 – Корреляционная матрица доходностей основных фондовых индексов

	Индекс KASE	Индекс MMBБ	S&P 500	Индекс Nikkei 225	Индекс FTSE 100	Индекс DAX	Индекс CAC 40
Индекс KASE	1,0000	0,5986	0,2415	0,3322	0,4657	0,3844	0,4645
Индекс MMBБ	0,5986	1,0000	0,3769	0,3586	0,4765	0,4372	0,4548
S&P 500	0,2415	0,3769	1,0000	0,7866	0,7884	0,8574	0,8457
Индекс Nikkei 225	0,3322	0,3586	0,7866	1,0000	0,7060	0,8007	0,8032
Индекс FTSE 100	0,4657	0,4765	0,7884	0,7060	1,0000	0,8784	0,8946
Индекс DAX	0,3844	0,4372	0,8574	0,8007	0,8784	1,0000	0,9141
Индекс CAC 40	0,4645	0,4548	0,8457	0,8032	0,8946	0,9141	1,0000

Примечание – составлено автором на основе источника [17]

Наиболее слабое влияние оказывает американский и японский рынок, коэффициенты корреляции между ними слабые и составляют 0,2414 и 0,3322 соответственно. Данная корреляционная матрица доходностей будет весьма полезной при составлении глобального диверсифицированного портфеля ценных бумаг для розничных и институциональных инвесторов.

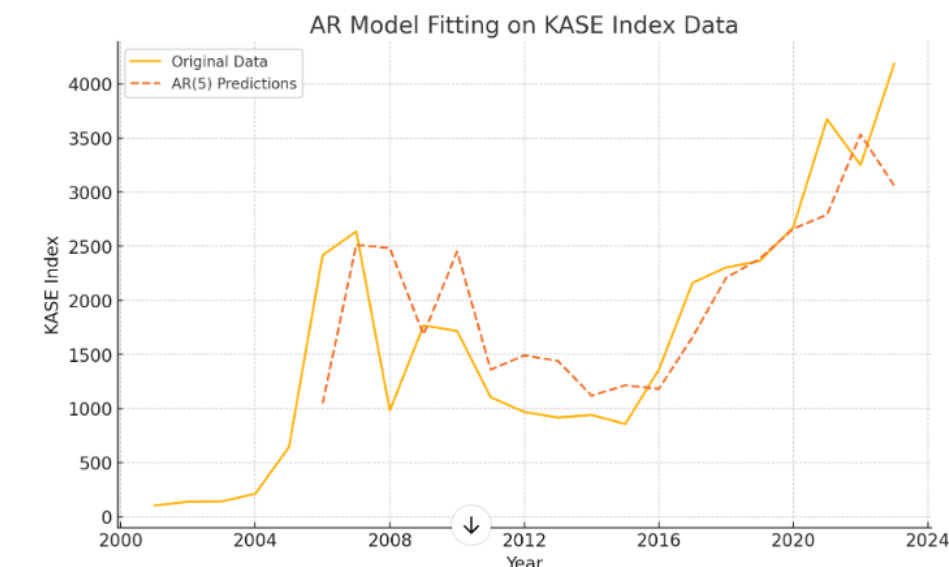

Рисунок 4 – Подгонка модели AR к данным индекса KASE

Примечание – составлено автором на основе источника [17]

График выше показывает, как модель AR(5) описывает временной ряд индекса KASE. Можно заметить, что модель улавливает общую тенденцию, но могут быть расхождения в точности предсказания, особенно для нестабильных периодов.

Таблица 5 – Результаты оценки модели AR

	Коэффициенты авторегрессии	Стандартная ошибка	z	P > z
c – константа (y- пересечение)	508,4254	426,412	1,192	0,233
$y_t - 1$	0,8652	0,27	3,205	0,001
$y_t - 2$	-0,2218	0,354	-0,627	0,531
$y_t -$	0,4345	0,374	1,162	0,245
$y_t - 4$	-0,1952	0,378	-0,517	0,605
$y_t - 5$	-0,0638	0,292	-0,219	0,827

Примечание – составлено автором на основе источника [17]

Значение тестовой статистики составляет (-0,779). Это значение выше критических значений для всех уровней значимости (1%, 5%, и 10%), что указывает на то, что временной ряд не является стационарным. Это значит, что ряд мог бы нуждаться в дополнительной предобработке, например, дифференцировании, для приведения его к стационарности. Был выбран порядок $p = 5$ на основе минимального значения информационного критерия Акаике (AIC). Это означает, что текущее значение индекса KASE зависит от его значений за предыдущие 5 периодов. Константа модели, равная примерно 508,43, показывает среднее значение ряда при условии стационарности. Коэффициент при $y_t - 1$ (0,8652) — значимый ($p < 0,05$) и положительный, что указывает на сильное влияние индекса предыдущего года. Остальные коэффициенты при $(y_{t-2} - y_{t-5})$ имеют большие стандартные ошибки и высокие значения p, что делает их незначимыми. Средняя абсолютная процентная ошибка модели (MAPE) составляет 30,96 процентов.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

На основе собранных данных об экономике и фондовом рынке Казахстана за период с 2001 по 2023 годы можно сделать несколько ключевых выводов о влиянии различных внутренних и внешних факторов на фондовый рынок:

- Исходя из уровня волатильности и средней доходности, весь период был разделен на три фазы: с 2001 по 2007 годы – период активного роста, с 2008 по 2015 годы – период спада, и с 2016 по 2023 годы – фаза восстановления. Период восстановления подчеркивает важность разработки более устойчивых стратегий управления финансовыми портфелями на казахстанском фондовом рынке.

- Рост ВВП положительно влияет на казахстанский фондовый рынок, так как указывает на экономический рост, что усиливает доверие и активность инвесторов. Согласно модели, ожидаемый рост ВВП на 1% приводит к увеличению фондового индекса на 33,12 пункта, что делает этот показатель важным инструментом для прогнозирования рынка.

- Высокая инфляция оказывает негативное влияние на фондовый рынок Казахстана, снижая покупательную способность и способствуя росту процентных ставок. Однако коэффициент регрессии в модели показывает, что при увеличении инфляции на 1%, индекс KASE может вырасти на 79,38 пункта, что может свидетельствовать о том, что инфляционные ожидания уже учтены в ценах акций, делая инфляцию индикатором для краткосрочных инвестиций.

- Ослабление национальной валюты (тенге) по отношению к доллару оказывает неблагоприятное влияние на фондовый рынок, так как снижает стоимость активов в местной валюте. Влияние тенге на фондовый рынок минимально, с коэффициентом регрессии 2,40, что говорит о том, что курсовая динамика не оказывает значительного воздействия на рынок.

- Стабильный или укрепляющийся российский рубль положительно сказывается на казахстанском фондовом рынке благодаря тесным экономическим связям между странами. Ослабление рубля на 1 рубль может привести к снижению индекса KASE на 20,66 пункта, что делает динамику курса рубля важным фактором для стратегического планирования.

- Рост российского фондового рынка также положительно влияет на казахстанский рынок. Коэффициент корреляции между индексами KASE и ММВБ составляет 0,8628, что указывает на сильную взаимосвязь между рынками, и позволяет прогнозировать казахстанский рынок на основе российских тенденций.

- Высокие цены на нефть оказывают положительное влияние на экономику Казахстана и, как следствие, на фондовый рынок. Коэффициент корреляции между индексом KASE и ценами на нефть марки Brent составляет 0,4084, что указывает на умеренную зависимость. Инвесторы могут использовать данные о российском рынке и мировых ценах на нефть для прогнозирования изменений на казахстанском рынке.

- На основе модели AR (5) сделан прогноз значения индекса KASE на следующий 2024 год, и оно составляет 4 333,96 пункта.

Для дальнейших исследований предлагается обратить внимание на следующие направления: Исследование применения методов машинного обучения и нейронных сетей для повышения точности прогнозов на фондовом рынке; Анализ влияния политических событий и регуляторных изменений на казахстанский фондовый рынок для выявления дополнительных факторов; Изучение влияния глобальных экономических событий, таких как мировые кризисы и изменения в торговой политике, на фондовый рынок Казахстана; Исследование влияния отдельных секторов экономики, таких как энергетика и металлургия, на индекс KASE для разработки более эффективных стратегий диверсификации портфелей.

Результаты исследования показали, что как внутренние макроэкономические факторы, так и внешние, играют значимую роль в динамике фондового рынка Казахстана. Наибольшее влияние среди внешних факторов оказывают российский фондовый рынок и мировые цены на нефть, а также изменения на глобальных финансовых рынках. Применение количественных методов, таких как регрессионный анализ и модели временных рядов, помогает точнее оценить влияние этих факторов и определить

ключевые детерминанты колебаний рынка. Эти выводы могут быть полезны для инвесторов и аналитиков при принятии инвестиционных решений. В целом, исследование подчеркивает важность комплексного подхода, учитывающего как внутренние, так и внешние факторы, для анализа и прогнозирования фондового рынка Казахстана.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Arynova Z., Galieva A., Sadu Zh. Kazakhstan securities market: basic parameters and development trends // *Bulletin of the Kazakh University of Economics, Finance and International Trade*. – 2022. – No. 3 (48). – P. 206. – DOI 10.52260/2304-7216.2022.3(48).26.
2. Box G. E. P., Jenkins G. M. *Time Series Analysis: Forecasting and Control*. 2nd ed. San Francisco: Holden-Day, 1976. – 575 p.
3. Федорова Е.А., Бузлов Д.А. Прогнозирование фондового рынка Российской Федерации с помощью GARCH-моделирования // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. – 2013. – №16.
4. Kouaissah N., Orlandini D., Ortobelli S., Tichý T. Theoretical and Practical Motivations for the Use of the Moving Average Rule in the Stock Market // *IMA Journal of Management Mathematics*. – 2020. – Vol. 31, No. 1.
5. Shahbaz P., Ahmad B., Atani Reza E., Moghaddam Jalal J. Stock market forecasting using artificial neural networks // *European Online Journal of Natural and Social Sciences*. – 2014. – Vol. 2, No. 3(s). – P. 2404-2411.
6. Носков С. И. Метод смешанного оценивания параметров линейной регрессии: особенности применения // *Вестник ВГУ. Серия: Системный анализ и информационные технологии*. – 2021. – №1. – С. 126-132.
7. Давнис В. В., Добрина М. В. Ранговый портфельный анализ // *Современная экономика: проблемы и решения*. – 2019. – №3. – С. 21-36.
8. Галустян М. Ж. Использование метода главных компонент при отборе факторов для прогнозирования фондового рынка России // *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*. – 2016. – №2-1.
9. Kerimbek G., Mahfudz A., Yerkhanova B. The main problems and ways of development of the exchange market of the Republic of Kazakhstan // *Kyzylorda University named after Korkyt Ata*. – 2023. – №3 (3).
10. Информация по историческим данным KASE [Электронный ресурс] // *Investing.com* [web-сайт]. – URL: <https://ru.investing.com/indices/kase-historical-data> (дата обращения 10.08.2024)
11. Федорова Е.А. Влияние макроэкономических факторов на фондовый рынок России // *Проблемы прогнозирования*. – 2010. – № 2. – С. 78–83
12. Федорова Е.А. Оценка влияния фондовых рынков США, Китая и Германии на фондовый рынок России // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2013. – №47 (350).
13. Лукасевич И. Я. Исследование зависимостей и оценка влияния мировых фондовых рынков на фондовый рынок России // *Экономика. Налоги. Право*. – 2020. – №4.
14. Kumar R. The effect of macroeconomic factors on Indian stock market performance: a factor analysis approach // *Journal of Economics and Finance*. – 2013. – Vol. 1, No. 3. – Pp. 14-21.
15. Celebi K., Hönig M. The Impact of Macroeconomic Factors on the German Stock Market: Evidence for the Crisis, Pre- and Post-Crisis Periods // *International Journal of Financial Studies*. – 2019. – Vol. 7, No. 2. – DOI: 10.3390/ijfs7020018.
16. Demir C. Macroeconomic Determinants of Stock Market Fluctuations: The Case of BIST-100 // *Economies*. 2019. – Vol. 7, No. 1. – P. 8. – DOI: <https://doi.org/10.3390/economies7010008>.
17. Информация по рынкам [Электронный ресурс] // *Investing.com* [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://ru.investing.com/markets/> (дата обращения 10.08.2024)
18. Информация по экономике [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [web-сайт]. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/> (дата обращения 10.08.2024)

REFERENCES

1. Arynova, Z., Galieva, A., & Sadu, Zh. (2022). Kazakhstan securities market: basic parameters and development trends. *Bulletin of the Kazakh University of Economics, Finance and International Trade*, 3(48), 206. [https://doi.org/10.52260/2304-7216.2022.3\(48\).26](https://doi.org/10.52260/2304-7216.2022.3(48).26)
2. Box, G. E. P., & Jenkins, G. M. (1976). *Time Series Analysis: Forecasting and Control* (2nd ed.). San Francisco: Holden-Day.
3. Fedorova, E. A., & Buzlov, D. A. (2013). Prognozirovanie fondovogo rynka Rossiyskoy Federatsii s pomoshch'yu GARCH-modelirovaniya. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*, (16).
4. Kouaissah, N., Orlandini, D., Ortobelli, S., & Tichý, T. (2020). Theoretical and practical motivations for the use of the moving average rule in the stock market. *IMA Journal of Management Mathematics*, 31(1).
5. Shahbaz, P., Ahmad, B., Atani Reza, E., & Moghaddam Jalal, J. (2014). Stock market forecasting using artificial neural networks. *European Online Journal of Natural and Social Sciences*, 2(3s), 2404-2411.
6. Noskov, S. I. (2021). Metod smeshannogo otsenivaniya parametrov lineynoy regressii: osobennosti primeneniya. *Vestnik VGU. Seriya: Sistemnyy analiz i informatsionnye tekhnologii*, (1), 126-132.
7. Davnis, V. V., & Dobrina, M. V. (2019). Rangovyy portfel'nyy analiz. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya*, (3), 21-36.
8. Galustyan, M. Zh. (2016). Ispol'zovanie metoda glavnnykh komponent pri otbore faktorov dlya prognozirovaniya fondovogo rynka Rossii. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, (2-1).
9. Kerimbek, G., Mahfudz, A., & Yerkhanova, B. (2023). The main problems and ways of development of the exchange market of the Republic of Kazakhstan. *Kyzylorda University Named After Korkyt Ata*, 3(3).
10. Information about historical data of KASE // Investing.com. Retrieved August 10, 2024 from URL: <https://ru.investing.com/indices/kase-historical-data>
11. Fedorova, E. A. (2010). Vliyanie makroekonomicheskikh faktorov na fondovyy rynek Rossii. *Problemy prognozirovaniya*, № 2, 78–83.
12. Fedorova, E. A. (2013). Otsenka vliyaniya fondovykh rynkov SSHA, Kitaya i Germanii na fondovyy rynek Rossii. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 47(350).
13. Lukasevich, I. Ya. (2020). Issledovanie zavisimostey i otsenka vliyaniya mirovykh fondovykh rynkov na fondovyy rynek Rossii. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, (4).
14. Kumar, R. (2013). The effect of macroeconomic factors on Indian stock market performance: A factor analysis approach. *Journal of Economics and Finance*, 1(3), 14-21.
15. Celebi, K., & Hönig, M. (2019). The impact of macroeconomic factors on the German stock market: Evidence for the crisis, pre- and post-crisis periods. *International Journal of Financial Studies*, 7(2). <https://doi.org/10.3390/ijfs7020018>
16. Demir, C. (2019). Macroeconomic determinants of stock market fluctuations: The case of BIST-100. *Economies*, 7(1), 8. <https://doi.org/10.3390/economies7010008>
17. Information about market. (n.d.). Retrieved August 10, 2024 from URL: <https://ru.investing.com/markets/>
18. Information about economics. (n.d.). Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. Retrieved August 10, 2024 from URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/>

ASSESSMENT OF THE INFLUENCE OF INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS ON THE KAZAKHSTAN STOCK MARKET

A. O. Maulenov ¹, E. Orazbek ^{1*}

International University of Information Technologies, Almaty, Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of this study is to identify internal and external factors and assess their impact on the dynamics of the Kazakhstan stock market.

Research methodology. The work used comparative analysis, multiple regression analysis and factor analysis. Internal factors included real GDP growth rates, inflation rate and the national currency exchange rate. External factors were represented by world oil prices, the Russian ruble exchange rate and the Russian stock index.

Originality/value of the study. The study provides valuable information on the dynamics of the Kazakhstan stock market and its dependence on key macroeconomic indicators. These data can be used to improve forecasting methods and decision-making in the market, which is important for investors and analysts.

Research results. Based on the level of volatility and average yield, the entire analyzed period was divided into three sub-periods: favorable or a period of rapid market growth, unfavorable or a period of decline, and a period of moderate favorability or market recovery. The results of the analysis showed that the inflation rate and the Russian stock index have a significant impact on the Kazakhstan stock market. Inflation has the greatest impact, contributing to the growth of the index when its level increases. The Russian stock index also has a significant impact, demonstrating a high correlation with the KASE index. At the same time, the national currency rate and world oil prices showed a weak impact on the Kazakhstan stock market. A correlation matrix of returns of the main world stock indices was constructed.

Keywords: market returns, correlation matrix, regression coefficients, variation coefficient.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚОР НАРЫҒЫНА ІШКІ ЖӘНЕ СЫРТҚЫ ФАКТОРЛАРДЫҢ ӘСЕРІН БАҒАЛАУ

A. O. Мауленов ¹, Е. Оразбек^{1*}

¹Халықаралық Ақпараттық Технологиялар Университеті, Алматы, Қазақстан

АНДАТПА

Бұл зерттеудің мақсаты ішкі және сыртқы факторларды анықтау және олардың қазақстандық қор нарығының динамикасына әсерін бағалау болып табылады.

Зерттеу әдіснамасы. Жұмыста салыстырмалы талдау, көп регрессиялық талдау және факторлық талдау қолданылды. Ішкі факторларға нақты ЖІӨ өсу қарқыны, инфляция деңгейі және ұлттық валюта бағамы кірді. Сыртқы факторларды мұнайдың әлемдік бағасы, Ресей рублінің бағамы және Ресей қор индексі көрсетті.

Зерттеудің бірегейлігі/құндылығы. Зерттеу қазақстандық қор нарығының динамикасы және оның негізгі макроэкономикалық көрсеткіштерге тәуелділігі туралы құнды ақпарат береді. Бұл деректерді болжау әдістерін және нарықта шешім қабылдауды жақсарту үшін пайдалануға болады, бұл инвесторлар мен талдаушылар үшін маңызды.

Зерттеу нәтижелері. Құбылмалылық деңгейі мен орташа кірістілік негізінде бүкіл талданатын кезең үш шағын кезеңге бөлінді: қолайлы немесе нарықтың жылдам өсу кезеңі, қолайсыз немесе құлдырау кезеңі және қалыпты қолайлылық немесе нарықты қалпына келтіру кезеңі. Талдау нәтижелері инфляция деңгейі мен ресейлік қор индексінің қазақстандық қор нарығына айтарлықтай әсер ететінін көрсетті. Инфляция ең үлкен әсер етеді, оның деңгейі көтерілген кезде индекстің өсуіне ықпал етеді. Ресей қор индексі де айтарлықтай әсер етіп, KASE индексімен жоғары корреляцияны көрсетеді. Бұл ретте ұлттық валюта бағамы мен мұнайдың әлемдік бағасы қазақстандық қор нарығына әлсіз әсер етті. Негізгі әлемдік қор индекстерінің кірістерінің корреляциялық матрицасы құрылды.

Түйін сөздер: нарықтық кірістер, корреляциялық матрица, регрессия коэффициенттері, вариация коэффициенті.

ОБ АВТОРАХ

Мауленов Аскар Онласынович – ассоциированный профессор, PhD, кафедра Экономики и Бизнеса Международный Университет Информационных Технологий, Алматы, Республика Казахстан, email: a.maulenov@iitu.edu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-0095>

Оразбек Елмар – сеньор-лектор, м.э.н, кафедра Экономики и Бизнеса, Международный Университет Информационных Технологий, Алматы, Республика Казахстан, email: shikahoho@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8837-3909>

МРНТИ: 06.73.15

JEL Classification: H71

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-6-253-270>

АНАЛИЗ МЕТОДИК ОЦЕНКИ НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Д. К. Байгазина^{1*}, Л. А. Омарбакиев¹, Е. М. Туриспаев²

¹Университет Туран, Алматы, Казахстан

²КазНУ имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Выделить основные методики, позволяющие всесторонне оценить налоговый потенциал региона на примере Восточно-Казахстанской области, что позволит обеспечить комплексный анализ факторов, влияющих на формирование доходной части местного бюджета для устойчивого развития региона.

Методология. В ходе исследования было использовано разнообразие методов: статистический анализ для обработки данных, характеризующих налоговую базу региона и динамику налоговых поступлений, экономико-математическое моделирование для прогнозирования налогового потенциала и сравнительный анализ для сопоставления методик оценки налогового потенциала в регионе. Проведен литературный обзор научных трудов по теме исследования, который позволил изучить вопросы оценки налогового потенциала в различных регионах Казахстана и за рубежом, а также выделить основные методики, используемые для комплексной оценки факторов, влияющих на формирование доходной части бюджета Восточно-Казахстанской области.

Оригинальность/ценность исследования заключается в проведении сравнительной характеристики расчетов по существующим методикам, и выделении наиболее интегрированного подхода к оценке

налогового потенциала региона, что особенно важно для оптимизации налоговой политики Восточно-Казахстанской области. Исследование учитывает не только региональные особенности экономики, но и возможность адаптации передовых методик налогового потенциала в отношении Восточно-Казахстанской области, которые могут стать фундаментальной основой для эффективного управления налоговыми ресурсами в масштабах региона.

Результаты исследования. Определены основные факторы, влияющие на формирование налогового потенциала Восточно-Казахстанской области, включая экономическую активность, отраслевую структуру и демографические показатели. Установлено, что применение комплексного подхода к оценке налогового потенциала позволяет более точно прогнозировать доходы и оптимизировать налоговую политику региона. Даны практические рекомендации по повышению эффективности использования налогового потенциала Восточно-Казахстанской области. Обоснована необходимость адаптации наиболее эффективных методик оценки налогового потенциала для прогнозирования налоговых поступлений и разработки налоговой политики в регионе, способствующей устойчивому развитию Восточно-Казахстанской области.

Ключевые слова: налоговый потенциал, регион, бюджет, методика, оптимизация, налоговая политика.

ВВЕДЕНИЕ

Налоги – сложное и многогранное явление, сочетающее в себе множество политико-правовых и социально-экономических аспектов. Система налогообложения формируется на основе поиска баланса между интересами государства и налогоплательщиков, что способствует развитию экономики страны и ее регионов. Кроме того, разные регионы имеют разный налоговый потенциал, который зависит от таких факторов, как численность населения, инвестиционный климат, уровень развития промышленности и инфраструктуры. Оценка налогового потенциала региона может осуществляться количественно с помощью различных методов анализа и прогнозирования [1].

В соответствии с казахстанским законодательством налоговый потенциал региона – это максимально возможная сумма поступлений налогов и других обязательных платежей в бюджет, рассчитываемая для определения объемов доходов региона при установлении размеров трансфертов общего характера на трехлетний период [2]. Назрела необходимость разработки единой методики определения налогового потенциала региона на государственном уровне [3]. Разработка единой методики определения налогового потенциала региона на государственном уровне позволит создать более объективную и прозрачную систему оценки финансовых возможностей регионов. Это необходимо для справедливого распределения межбюджетных трансфертов и эффективного планирования региональных программ развития. Единая методология должна учитывать особенности каждого региона, такие как демографические данные, экономическая активность, структура промышленности и инвестиционный потенциал, чтобы избежать чрезмерной централизации и уравнивания. Внедрение такой системы повысит уровень взаимодействия между центральной властью и регионами, создаст условия для равномерного экономического роста и стабильного наполнения бюджетов всех уровней.

В качестве основы при оценке налогового потенциала бюджетов областей, городов республиканского значения и столицы на плановый период используется налоговый потенциал, рассчитанный на текущий финансовый год [4]. В этом случае применяется разнообразие методов расчета оценки налогового потенциала по текущему финансовому году. Удельный вес фактических поступлений за определенный период в отчетном финансовом году рассчитывается по формуле:

$$P_{\text{оц}} = P_{\text{фт}} / U_{\text{отч}}, \quad (1)$$

где, $P_{\text{оц}}$ – налоговый потенциал по текущему финансовому году;

$P_{\text{фт}}$ – фактические поступления за определенный период по текущему финансовому году;

$U_{\text{отч}}$ – удельный вес аналогичного периода в отчетном финансовом году, % [4].

Такой подход позволяет учитывать актуальные экономические показатели и финансовое положение региона, а также возможные изменения в налоговой базе. Кроме того, расчет на основе текущего года позволит скорректировать прогноз с учетом динамики поступлений налогов и иных доходов, влияющих на формирование бюджетов. Данный метод обеспечивает четкое планирование и позволяет прогнозировать доходную часть региональных бюджетов с учетом текущих экономических условий.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости разработки новых подходов к оценке налогового потенциала регионов. Это важно для повышения точности прогнозов и справедливого распределения бюджетных средств. Таким образом, в исследовании обозначены актуальные проблемы, связанные с неравномерным распределением ресурсов между регионами и недостаточной эффективностью существующих методов оценки. Рекомендации могут включать меры по совершенствованию методов анализа налоговой базы, внедрению новых технологий прогнозирования и учета региональных особенностей, способствующих повышению финансовой устойчивости регионов и стимулированию их экономического роста.

Обзор литературы. Согласно Щербакову К.А. [5] оценка налогового потенциала - необходимый этап в системе налогового планирования, основанный на информации об уровне потенциальных доходов. В исследовании Зотикова Н.З. [6] подчеркивается необходимость стимулирования экономического развития территорий налоговыми инструментами, позволяющими эффективно формировать и расширять налоговый потенциал регионов и муниципалитетов. В частности, он делает акцент на использовании налоговых льгот и стимулов для привлечения инвестиций, развития инфраструктуры и поддержки местного бизнеса. Это позволяет не только увеличить налоговые поступления, но и создать благоприятную экономическую среду, способствующую росту и диверсификации региональной экономики. Автор также отмечает важность регулярного мониторинга и корректировки налоговой политики в зависимости от изменений экономической ситуации, что поможет обеспечить долгосрочную финансовую устойчивость и развитие территорий.

В исследовании Phesa M. [7] отмечает, что соблюдение налогового законодательства является ключевым фактором экономического развития, поскольку отдельные налогоплательщики вносят значительный вклад в общий объем налоговых поступлений. Таким образом, для того чтобы политики и налоговые органы могли разрабатывать и внедрять эффективную налоговую политику и стратегии, необходимо чтобы они понимали нюансы налоговых знаний и поведения отдельных налогоплательщиков.

Согласно точке зрения соавторов в исследовании Minh Ha N. [8] налогообложение, которое также стало серьезной проблемой практически для всех стран мира, может помочь снизить экономическую конкурентоспособность. Соединенные Штаты - единственная страна, которая в одностороннем порядке контролирует глобализацию Интернета. В исследовании Орловой В.А. [9] подчеркивается, что стратегия управления налоговым потенциалом регионов тесно увязана с экономической и социальной стратегией и направлена на решение задач, связанных с дальнейшим развитием национальной налоговой системы для обеспечения налоговой безопасности регионов. Кроме того, успешное управление налоговым потенциалом предполагает постоянный мониторинг изменений в законодательстве и адаптацию налоговой политики к новым экономическим условиям. Основной упор делается на повышение прозрачности налогового администрирования, оптимизацию налоговых льгот и устранение межрегиональных дисбалансов, что в итоге способствует укреплению финансовой устойчивости регионов и поддержанию их социально-экономической стабильности.

Исследователи Джурахонзода Б.Д. и Баротов А.Х. [10], на основе определения уровня взаимосвязи между макроэкономическими показателями и налоговым потенциалом можно разработать новые методы оценки налогового потенциала, которые позволят учитывать не только текущие экономические условия, но и прогнозировать возможные изменения налоговой базы регионов, что важно для долгосрочного планирования. В результате это создаст основу для более гибкой и адаптивной налоговой политики, способной оперативно реагировать на изменения макроэкономической среды. Кроме того, подобные методы помогут выявить скрытые резервы налогового потенциала, что будет способствовать повышению эффективности налоговых сборов и улучшению распределения налоговой нагрузки между хозяйствующими субъектами.

В исследовании Баташева Р.В. и соавторов [11] подчеркивается, что при рассмотрении налогового потенциала в рамках категории «tax potential» его необходимо рассматривать как совокупность структурных факторов, которые направлены на мобилизацию налоговых доходов с учетом фактически сложившихся условий на конкретном этапе развития территории. Иными словами, в рамках данного подхода налоговый потенциал – это максимальный объем обоснованных налоговых поступлений в государственный бюджет, который может быть обеспечен установившимися характеристиками экономического развития.

В работе Богданова Г.Г. [12] отмечается, что основными факторами, способствующими формированию налогового потенциала региона, являются высокие показатели экономической активности, эффективное налоговое администрирование и привлечение значительных объемов инвестиций. Стимулирование инновационной деятельности и поддержка малого и среднего бизнеса также способствуют увеличению налоговой базы региона. Эффективное взаимодействие региональных властей и бизнес-сообщества позволяет создать условия для устойчивого экономического роста, что, в свою очередь, укрепляет налоговый потенциал. Немаловажным фактором является и социальная стабильность, поскольку высокий уровень занятости и доходов населения способствует увеличению поступлений в бюджет за счет личных и потребительских налогов.

В исследовании Фазлиева Т.А. и Михайлова Л.В. [13] налоговый потенциал региона является не только составляющей социально-экономического потенциала региона, но и входит в состав финансового потенциала региона, а в некоторых аспектах может пересекаться с бюджетным потенциалом. Взаимодействие налогового и бюджетного потенциалов проявляется в способности региона обеспечивать свои расходные обязательства за счет собственных доходов, снижая зависимость от межбюджетных трансфертов. При этом налоговый потенциал тесно связан с инвестиционным климатом, уровнем экономической активности и эффективностью налогового администрирования, что делает его ключевым фактором устойчивого финансового развития региона.

Таким образом, в работах, представленных в различных исследованиях и отчетах, подчеркивается важность комплексного подхода к оценке и использованию налогового потенциала региона. При этом все они отмечают, что для эффективного управления финансовыми ресурсами и обеспечения устойчивого развития региона необходимо учитывать как внутренние факторы, такие как экономическая активность и налоговое администрирование, так и внешние, включая инвестиционный климат и социальные условия.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка налогового потенциала играет ключевую роль в процессе налогового планирования. В условиях современной экономики, где наблюдаются относительно низкие цены на основные экспортные товары Казахстана, точная оценка налогового потенциала имеет особое значение. Успех реализации бюджетной политики и способность обеспечить оптимальную сбалансированность государственного бюджета напрямую зависят от уровня точности оценки бюджетных доходов. Правильная оценка налогового потенциала также способствует процессу выравнивания бюджетной обеспеченности, предоставляя регионам с объективно низким уровнем налоговой базы возможность получать дополнительные финансовые ресурсы из государственного бюджета [14].

В современных условиях эффективное планирование и прогнозирование доходов бюджета требует использования различных методов оценки налогового потенциала на основе показателей экономического дохода. Данные методы позволяют более точно определить способность регионов формировать налоговую базу, что важно для выработки сбалансированной налоговой и бюджетной политики. Исходные данные для расчетов доступны на открытых информационных ресурсах, в том числе на официальных сайтах Министерства национальной экономики Республики Казахстан и Министерства финансов Республики Казахстан, что обеспечивает прозрачность и доступность информации для анализа. Выбор методики оценки налогового потенциала региона зависит от таких факторов, как достоверность данных о финансовых потоках региона, доступность показателей, отражающих его экономическое

развитие, сопоставимость полученных оценок, относительная простота расчетов, а также взаимосвязь результатов с ресурсным потенциалом региона и его стратегические направления развития [15].

В настоящее время существует несколько классификаций методов оценки налогового потенциала, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки. Одна из наиболее распространенных классификаций делит методы на прямые и косвенные. Прямые методы основаны на анализе показателей, непосредственно связанных с формированием налоговых доходов региона. В то время как косвенные методы включают в расчет более широкие показатели экономической деятельности региона, что позволяет учесть влияние самых разных факторов на налоговую базу [16].

Наиболее распространенными являются следующие методы оценки налогового потенциала:

- аддитивные методы: расчетный метод репрезентативной налоговой системы (РНС) и метод РНС с использованием регрессионного анализа;
- методы прямого счета, которые базируются на показателях налоговых баз по каждому виду налогов;
- методы, основанные на фактических налоговых поступлениях.

Суть метода РНС заключается в оценке потенциальных налоговых доходов, которые могли бы быть получены регионом или муниципальным образованием при условии среднего уровня налоговой активности и использования средних налоговых ставок. Процесс расчета по методу РНС включает определение всех статей налоговых поступлений для местного и регионального бюджета, а также анализ состава и величины показателей налоговой базы по каждому налогу и репрезентативной, то есть средней, ставки налогообложения [16].

В казахстанском законодательстве отмечается, что при оценке налогового потенциала бюджетов областей, городов республиканского значения и столицы на планируемый период, в качестве базы используется налоговый потенциал текущего финансового года. Методы расчета налоговых поступлений (налогового потенциала) варьируются в зависимости от того, какие данные принимаются за основу при прогнозировании будущих налоговых доходов [4].

В Казахстане для налогов и других обязательных платежей в бюджет, для которых основой прогнозирования является налоговая база или макроэкономические показатели, связанные с фактической базой или влияющие на ее величину, расчет оценки налоговых поступлений за текущий финансовый год может производиться следующими методами:

1) первый метод прямого расчета налоговых поступлений осуществляется путем применения налоговых ставок к соответствующим налоговым базам по следующей формуле:

$$P_{\text{оц}} = NB * S, \quad (2)$$

где, $P_{\text{оц}}$ – оценка поступлений доходов за текущий финансовый год;

NB – налоговая база;

S – процент или фиксированная величина, которая применяется к налоговой базе для расчета суммы налога, подлежащего уплате;

2) второй метод оценки налоговых поступлений, исходя из макроэкономических показателей и эффективной ставки, осуществляется по следующей формуле:

$$P_{\text{оц}} = MP * S_{\text{отч}}, \quad (3)$$

$$S_{\text{отч}} = P_{\text{отч}} / MP_{\text{отч}} * 100\%, \quad (4)$$

где, $P_{\text{оц}}$ – оценка поступлений доходов за текущий финансовый год;

MP – параметры макроэкономических показателей для оценки налоговых поступлений за текущий финансовый год;

$S_{\text{отч}}$ – налоговая ставка, применяемая с учетом всех действующих налоговых льгот, вычетов и других корректировок, %;

$P_{отч}$ – сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет в течение указанного периода;
 $MP_{отч}$ – параметры макроэкономических показателей за отчетный финансовый год, которые позволяют оценить экономическую ситуацию и ее влияние на налоговые поступления, что важно для прогнозирования и планирования бюджетных ресурсов;

3) третий метод оценки доли фактических налоговых поступлений за определенный период в отчетном финансовом году может быть использован по следующей формуле:

$$P_{оц} = P_{ф}(тек)/U_{отч}, \quad (5)$$

$$U_{отч} = P_{ф}(отч)/P_{отч} * 100, \quad (6)$$

где, $P_{оц}$ – оценка поступлений за текущий финансовый год;

$P_{ф}(тек)$ – фактические налоговые поступления за текущий финансовый год;

$U_{отч}$ – удельный вес аналогичного периода за текущий финансовый год, %;

$P_{ф}(отч)$ – сумма налоговых поступлений, полученных за тот же период времени в предыдущем отчетном финансовом году;

$P_{отч}$ – общая сумма налоговых и иных обязательных платежей, которые фактически поступили в бюджет за весь отчетный период;

4) четвертый метод расчета среднемесячных налоговых поступлений за определенный период в текущем финансовом году можно описать следующим образом:

$$P_{оц} = P_{ф}(тек) / K_{ф}(тек) * 12, \quad (7)$$

где, $P_{оц}$ – оценка поступлений за текущий финансовый год;

$P_{ф}(тек)$ – фактические налоговые поступления за текущий финансовый год;

$K_{ф}(тек)$ – количество месяцев в определенном периоде текущего финансового года в зависимости от длительности рассматриваемого периода;

12 – количество месяцев за год;

5) пятый метод расчета путем индексации фактических поступлений за отчетный финансовый год на уровень инфляции может быть выражен следующей формулой:

$$P_{оц} = P_{отч} * (100\% + I_{отч}), \quad (8)$$

где, $P_{оц}$ – оценка поступлений доходов за текущий финансовый год;

$P_{отч}$ – сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет в течение указанного периода;

$I_{отч}$ – уровень инфляции за текущий финансовый год, %;

6) шестой метод расчета налоговых поступлений основан на среднем расчете годового темпа роста доходов, который применяется на основе данных не менее чем за три года или за весь доходный период, если он составляет менее трех лет. Формула данного метода выглядит следующим образом:

$$P_{оц} = P_{отч} * T_{гсрд}, \quad (9)$$

$$T_{гсрд} = (T_{отч}(1год) + T_{отч}(2год) + T_{отч}(3год))/3, \quad (10)$$

где, $P_{оц}$ – оценка поступлений доходов за текущий финансовый год, рассчитанная по формуле 1 [4];

$P_{отч}$ – сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет в течение указанного периода;

$T_{гсрд}$ – среднегодовой темп роста доходов за трехлетний период, %;

$T_{отч}(1год)$ – темп роста поступлений первого года по отношению к предыдущему периоду, %;

$T_{отч}(2год)$ – темп роста поступлений второго года по отношению к предыдущему периоду, %;

$T_{отч}(3год)$ – темп роста поступлений третьего года по отношению к предыдущему периоду, %;

7) седьмой метод оценки налоговых поступлений путем экстраполяции предполагает использование существующих данных для прогнозирования будущих значений. Формула данного метода выглядит следующим образом:

$$P_{\text{оц}} = P_{\text{от}} + S_{\text{срд}}, \quad (11)$$

$$S_{\text{срд}} = ((S_{\text{отч}}(1 \text{ год}) - S_{\text{отч}}(\text{пред.год})) + (S_{\text{отч}}(2 \text{ год}) - S_{\text{отч}}(1 \text{ год})) + (S_{\text{отч}}(3 \text{ год}) - S_{\text{отч}}(2 \text{ год}))) / 3, \quad (12)$$

где, $P_{\text{оц}}$ – оценка поступлений доходов за текущий финансовый год, рассчитанная по формуле 1 [4];

$P_{\text{отч}}$ – сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет в течение указанного периода;

$S_{\text{срд}}$ – средняя сумма прироста доходов за три года,

$S_{\text{отч}}(\text{пред.год})$ – сумма поступлений года, предшествующего первому году при наличии данных о доходах за предыдущий период;

$S_{\text{отч}}(1\text{год})$ – сумма поступлений первого года, предшествующего второму году при наличии данных о доходах за второй и третий годы;

$S_{\text{отч}}(2\text{год})$ – сумма поступлений второго года, предшествующего третьему году при наличии данных о доходах за третий год и приросте между вторым и третьим годами;

$S_{\text{отч}}(3\text{год})$ – сумма поступлений третьего года, предшествующего текущему финансовому году при наличии данных о доходах за текущий финансовый год и приросте доходов за предыдущие годы.

При оценке налоговых поступлений за текущий финансовый год исключаются разовые платежи, которые не носят систематического характера и не зависят от производственной деятельности. К таким платежам относятся, например, значительные ежегодные перерасчеты, вызванные временными факторами (изменение цен, структурные изменения), а также суммы, доначисленные в результате налоговых проверок. В расчетах использованы данные, предоставленные уполномоченными органами.

Чтобы оценить, какой из методов более точно отражает налоговый потенциал Восточно-Казахстанской области, необходимо учесть несколько факторов: экономические условия региона, доступность данных и специфику налогообложения. Проанализируем каждый метод в контексте данного региона (Таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ методов оценки налоговых поступлений для Восточно-Казахстанской области

Метод расчета	Описание	Преимущества	Недостатки	Применимость для ВКО
Метод прямого расчета налоговых поступлений	Фиксированные ставки к налоговым базам	Прост, стабильные базы и ставки	Не учитывает изменения	При стабильных условиях
Метод оценки по макроэкономическим показателям и эффективной ставке	Учитывает макроэкономику и льготы	Гибкий, учитывает изменения	Требуется качественных данных	При наличии надежных данных
Метод доли фактических налоговых поступлений	Основан на фактических данных	Прост, стабильные данные	Не учитывает изменения	При стабильных условиях и данных
Метод расчета среднемесячных налоговых поступлений за определенный период	Основан на среднемесячных	Прост для прогнозирования	Не учитывает сезонность	При стабильных поступлениях
Метод индексации на уровень инфляции	Учитывает инфляцию	Учитывает изменения цен	Не учитывает другие факторы	При значительной инфляции
Метод расчета налоговых поступлений, основанный на среднем расчете годового темпа роста доходов	Учитывает долгосрочные тренды	Учитывает долгосрочные изменения	Менее подходит для быстрых изменений	При стабильных долгосрочных трендах
Метод экстраполяции	Использует существующие данные	Учитывает тренды и сезонность	Менее точен при резких изменениях	При стабильных и предсказуемых данных
Примечание – составлено на основе источника [4]				

Для анализа и оценки методов расчета налогового потенциала сгенирируем данные о налоговых поступлениях за последние 3 года (2020–2023 годы) из официальных источников государственной и региональной статистики Восточно-Казахстанской области (Таблица 2).

Таблица 2 – Динамика поступлений налогов и платежей по Республики Казахстана и Восточно-Казахстанской области в Национальный фонд за 2020–2023 годы, млрд тенге

Показатели	2020	2021	2022	2023	Изм. Абсолют. млрд тенге	Изм. Относ., %
Поступления налогов и платежей Республика Казахстан в целом, млрд тенге	9753,9	11369,7	15776,4	18912,2	9158,3	193,9%
Темпы роста объема поступлений и налогов по РК, %	100,0%	116,6%	138,8%	119,9%	0,199	119,9%
Поступления налогов и платежей Восточно-Казахстанская область, млрд тенге	543,5	413,4	511,6	441,7	-101,8	81,3%
Темпы роста объема поступлений и налогов Восточно-Казахстанская область, %	100,0%	76,1%	123,8%	86,3%	-0,137	86,3%
Примечание – составлено на основе источника [4]						

Так, согласно данным таблицы 2 объем налоговых поступлений по стране имеет динамику роста в период 2020–2023 гг. на 9158,3 млрд. тенге или 93,9%, тогда как по Восточно-Казахстанской области отмечается в 2021 и 2023 году сокращение динамики роста за счет чего общий темп роста за период сократился.

Снижение динамики роста налоговых поступлений в Восточно-Казахстанской области в 2023 году обусловлено несколькими факторами. Во-первых, снижение цен на экспортные товары. В 2023 году наблюдалось снижение цен на основные экспортные товары Казахстана, такие как алюминий (на 16,8%), цинк (на 24%), свинец (на 0,8%) и медь (на 3,8%), что в целом привело к уменьшению доходов предприятий, занимающихся добычей и переработкой этих ресурсов, что, в свою очередь, снизило налоговые поступления от них. Во-вторых, сокращение объемов производства и экспорта. Некоторые крупные предприятия, такие как Казцинк, столкнулись с уменьшением объемов добычи и производства, а также с увеличением логистических издержек из-за геополитической ситуации, что негативно сказалось на их финансовых показателях и, соответственно, на суммах уплачиваемых налогов. В-третьих, снижение объемов импорта из стран ЕАЭС. В 2023 году объем импорта из стран ЕАЭС уменьшился на 9,3%, что привело к снижению поступлений от налогов на импорт. Это могло повлиять на общие налоговые поступления региона, учитывая его торговые связи. В-четвертых, увеличение числа налоговых правонарушений. В Казахстане зафиксирован рост числа правонарушений в области налогообложения, включая уклонение от уплаты налогов и сокрытие доходов. Это также могло негативно повлиять на динамику налоговых поступлений в регионе. Указанные факторы в своей совокупности привели к замедлению роста налоговых поступлений в Восточно-Казахстанской области в 2023 году.

Налоговый потенциал в Казахстане рассчитывается на основе данных о ВРП, налоговых базах, ставках налогов и коэффициентах собираемости. Такой подход позволяет учитывать как экономическую активность региона, так и эффективность налогового администрирования.

Анализ налогового потенциала регионов Казахстана за 2020–2023 годы свидетельствует о наличии значительных различий в объемах налоговых поступлений, обусловленных экономической специализацией и уровнем развития каждой области. Основными тенденциями периода 2020-2023 гг. являются:

- доминирование нефтегазового сектора. Так, западные регионы, такие как Атырауская и Мангистауская области, остаются ведущими по налоговым поступлениям благодаря крупным нефтегазовым проектам. Компании, действующие в этих областях, вносят значительный вклад в государственный бюджет.

– промышленное развитие. Регионы с развитой обрабатывающей промышленностью, такие как Карагандинская и Восточно-Казахстанская области, демонстрируют стабильные налоговые поступления, обусловленные деятельностью металлургических и машиностроительных предприятий.

– агропромышленный комплекс. Северо-Казахстанская и Костанайская области, с их развитым сельским хозяйством, вносят существенный вклад в налоговые поступления, особенно в части налогов, связанных с агропромышленным сектором.

– город Алматы: Будучи финансовым и деловым центром страны, Алматы обеспечивает значительные налоговые поступления, особенно в сферах торговли, услуг и финансов.

Налоговый потенциал регионов Казахстана в 2020–2023 годах определялся сочетанием природных ресурсов, уровнем промышленного развития и эффективностью реализации государственных программ.

Сгенирируем данные для расчёта налогового потенциала Восточно-Казахстанской области на основе второго метода оценки налоговых поступлений (Таблица 3)

Таблица 3 – Данные для расчета налогового потенциала Восточно-Казахстанской области на основе второго метода оценки налоговых поступлений

Параметры макроэкономических показателей и сумма налоговых платежей	2020	2021	2022	2023
Валовой внутренний продукт Казахстана, млрд. тенге	70649,0	83951,5	103765,5	119442,3
Объем промышленного производства по стране, млрд. тенге	27192,1	33829,9	41741,2	43301,9
Сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет в течение периода по стране, млрд. тенге	9753,9	11369,7	15776,4	18912,2
Итого МРотч по стране, млрд. тенге	107595,0	129151,1	161283,1	181656,4
Валовой региональный продукт, млрд. тенге	4605,5	3227,6	3916,8	4636,2
Объем промышленного производства, млрд. тенге	2400,3	2763,4	2217,6	2319,9
Сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет в течение указанного периода в Восточно-Казахстанской области, млрд. тенге	543,5	413,4	511,6	441,7
Итого МР _{отч} по региону, млрд. тенге	7549,3	6404,4	6646,0	7397,8
Примечание – составлено на основе источника [4]				

Рассчитаем налоговый потенциал Восточно-Казахстанской области на основе второго метода, опираясь на данные таблицы 2 и таблицы 3. Произведем расчет налогового потенциала по методу оценки налоговых поступлений, исходя из макроэкономических показателей и эффективной ставки таблица 4

Таблица 4 – Расчет налогового потенциала по методу оценки налоговых поступлений, исходя из макроэкономических показателей и эффективной ставки (второй метод) по Восточно-Казахстанской области

Показатели	2020	2021	2022	2023
Ротч – сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет, млрд. тенге	543,5	413,4	511,6	441,7
МРотч – параметры макроэкономических показателей за отчетный финансовый год, млрд. тенге	7549,3	6404,4	6646,0	7397,8
Эффективная налоговая ставка по стране, %	20,0%	23,8%	25,03%	29,5%
Эффективная налоговая ставка $\text{Сотч} = \text{Ротч} / \text{МРотч} * 100\%$ по , % региональный уровень	7,20%	6,45%	7,70%	5,97%
МР – параметры макроэкономических показателей для оценки налоговых поступлений за текущий финансовый год, млрд. тенге	4605,5	3227,6	3916,8	4636,2
Ротч = МР * Сотч (региональная) млрд. тенге	331,6	297,3	248,5	233,9
Ротч = МР * Сотч (страновая) млрд. тенге	921,1	768,16	980,37	1367,67
Примечание – составлено на основе источника [4]				

Так, очевидно, что применение данного метода в значительной степени занизило показатели налогового потенциала региона при эффективной налоговой ставке регионального уровня. При этом, при условии применения эффективной налоговой ставки странового уровня показатели налогового потенциала значительно выше фактически поступивших в бюджет налогов.

Рассчитаем налоговый потенциал при помощи третьего метода оценки доли фактических налоговых поступлений за определенный период в отчетном финансовом году (таблица 5).

Таблица 5 – Расчет налогового потенциала по оценке доли фактических налоговых поступлений за определенный период в отчетном финансовом году (третий метод)

Показатели	2020	2021	2022	2023
Рф(отч) – сумма налоговых поступлений, полученных за тот же период времени в предыдущем отчетном финансовом году	351,2	543,5	413,4	511,6
Рф(тек) – фактические налоговые поступления за текущий финансовый год	543,5	413,4	511,6	441,7
Ротч – общая сумма налоговых и иных обязательных платежей, которые фактически поступили в бюджет за весь отчетный период	351,2	894,7	956,9	925
Уотч = Рф(отч)/Ротч – удельный вес аналогичного периода за текущий финансовый год, %	154,76%	46,21%	53,46%	47,75%
Роц = Рф(тек)/Уотч – оценка поступлений за текущий финансовый год	351,2	894,7	956,9	925,0
Примечание – составлено на основе источника [4]				

Произведем расчет по методу индексации фактических поступлений за отчетный финансовый год на уровень инфляции в таблице 6.

Таблица 6 – Расчет налогового потенциала при помощи индексации фактических поступлений за отчетный финансовый год на уровень инфляции (пятый метод)

Показатели	2020	2021	2022	2023
Ротч – сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет в течение указанного периода	543,5	413,4	511,6	441,7
I _{отч} – Уровень инфляции за текущий финансовый год	7,50%	8,40%	20,4	10,1
Р _{отч} = Р _{отч} * (100% + I _{отч}) – оценка поступлений доходов за текущий финансовый год	377,5*	589,1	8846,7	5678,7
Примечание – сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет в 2019 году - 351,2 млрд. тенге				

Рассчитаем налоговый потенциал Восточно-Казахстанской области по шестому методу расчета налоговых поступлений, который основан на среднем расчете годового темпа роста доходов таблица 7

Таблица 7 – Расчет налогового потенциала основанного на среднем расчете годового темпа роста доходов (шестой метод)

Показатели	2020	2021	2022	2023
Ротч – сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет в течение указанного периода	543,5	413,4	511,6	441,7
Тгсрд – среднегодовой темп роста доходов за трехлетний период, %	100%	99,9%	95,4%	95,4%
Роц = Ротч * Тгсрд,	543,50	412,99	488,07	421,38
Примечание – составлено на основе источника [4]				

Седьмой метод предполагает оценку налоговых поступлений путем экстраполяции с использованием существующих данных для прогнозирования будущих значений. Произведем расчеты в таблице 8.

Таблица 8 – Расчет налогового потенциала путем экстраполяции с использованием существующих данных для прогнозирования будущих значений (седьмой метод)

Показатели	2020	2021	2022	2023
Ротч – сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет в течение указанного периода	543,5	413,4	511,6	441,7
Сотч(пред.год) – сумма поступлений года, предшествующего первому году при наличии данных о доходах за предыдущий период;	312,6	289,9	351,3	543,5
Сотч(1год) – сумма поступлений первого года, предшествующего второму году при наличии данных о доходах за второй и третий годы;	289,9	351,3	543,5	413,4
Сотч(2год) – сумма поступлений второго года, предшествующего третьему году при наличии данных о доходах за третий год и приросте между вторым и третьим годами;	351,3	543,5	413,4	511,6
Сотч(3год) – сумма поступлений третьего года, предшествующего текущему финансовому году при наличии данных о доходах за текущий финансовый год и приросте доходов за предыдущие годы.	543,5	413,4	511,6	441,8
Ссрд – средняя сумма прироста доходов за три года, $Sсрд = ((Sотч(1 год) - Sотч(пред.год)) + (Sотч(2 год) - Sотч(1 год)) + (Sотч(3 год) - Sотч(2 год))) / 3$	230,9	123,6	160,3	-101,7
Ротс = Рот + Ссрд	774,4	537,0	671,9	340,0
Примечание – составлено на основе источника [4]				

Так, очевидно, что расчет по данному методу в значительной степени превышает данные фактических поступлений налогов в бюджет Восточно-Казахстанской области.

Произведем сравнение полученных результатов расчетов по разным методам, для наглядности данные сведем в единую таблицу 9.

Таблица 9 – Сравнительные данные по расчету налогового потенциала разными методами

Период	Второй метод оценки налоговых поступлений (эффективная ставка регионального уровня)	Второй метод оценки налоговых поступлений (эффективная ставка странового уровня)	Третий метод	Пятый метод	Шестой метод	Седьмой метод	Сумма налоговых платежей, фактически поступивших в бюджет в указанном периоде
2020	331,6	921,1	351,2	377,5	543,50	774,4	543,5
2021	297,3	768,16	894,7	589,1	412,99	537,0	413,4
2022	248,5	980,37	956,9	8846,7	488,07	671,9	511,6
2023	233,9	1367,67	925,0	5678,7	421,38	340,0	441,7
Примечание – составлено на основе источника [4]							

Для более глубокого анализа и прогнозирования налогового потенциала региона важно и необходимо применять экономико-математическое моделирование. Такой подход, учитывающий динамику экономических факторов и структуру налоговых поступлений, позволит повысить точность прогнозов, оптимизировать налоговую политику, снизить риски при бюджетном планировании и обеспечить более эффективное управление региональными финансами. Для Восточно-Казахстанской области (ВКО), с ее богатыми природными ресурсами и развитой промышленностью, использование таких моделей особенно актуально. Экономико-математическое моделирование в этом контексте может включать анализ

ресурсного потенциала, оценку влияния природных ресурсов, таких как металлы и углеводороды, на налоговые поступления, а также учет колебаний мировых цен на ресурсы и их влияния на бюджет региона.

Оценка промышленного производства и его влияния на налоговые поступления также важна, включая данные о производственных мощностях, объемах экспорта и других показателях. Прогнозирование экономического роста и его влияния на налоговые поступления позволяет нам учитывать сценарии изменений в производстве, потреблении и инвестициях. Анализ налоговой политики помогает оценить влияние различных налоговых ставок и форматов налогообложения на доходы региона. Учет макроэкономических факторов, таких как инфляция, процентные ставки и колебания валютных курсов, важен для интеграции в модель. Сценарное планирование позволяет разрабатывать и анализировать различные сценарии экономического развития, чтобы понять, как различные факторы могут повлиять на налоговые поступления в будущем.

Наконец, постоянный мониторинг и обновление модели, основанные на новых данных и изменениях в экономической среде, позволяют нам поддерживать ее актуальность и точность. Применение экономико-математического моделирования в Восточно-Казахстанской области позволит более эффективно планировать бюджет, принимать обоснованные решения по налоговой политике и лучше управлять финансовыми ресурсами региона.

Ключевые факторы для моделирования налогового потенциала Восточно-Казахстанской области (ВКО), играющие решающую роль в разработке точных и надежных прогнозов приведены далее (Таблица 10).

Таблица 10 – Ключевые факторы для моделирования налогового потенциала Восточно-Казахстанской области

Категория факторов	Примеры факторов	Описание
Экономические	Объем промышленного производства, цены на сырье, инвестиции, ВРП	Характеризуют общее состояние экономики региона
Демографические	Численность населения, занятость, уровень образования	Отражают трудовые ресурсы и потребительский спрос
Инфраструктурные	Развитость транспортной и энергетической инфраструктуры, наличие специальных экономических зон	Влияют на привлекательность региона для бизнеса
Институциональные	Налоговое законодательство, эффективность государственного управления, коррупция	Определяют условия ведения бизнеса и налоговую дисциплину
Примечание – составлено на основе источника [14]		

Увязка этих ключевых факторов с моделированием налогового потенциала позволяет получить более полную и точную картину будущих налоговых поступлений, что способствует более эффективному управлению финансами региона и принятию обоснованных решений в области налоговой политики.

Разработка и применение комплексного подхода к оценке налогового потенциала региона действительно важны для оптимизации налоговой политики. Такой подход позволяет учитывать множество факторов, влияющих на налоговые поступления, и способствует более точному прогнозированию. Это особенно важно для Восточно-Казахстанской области, учитывая ее уникальные экономические и социальные условия. Вот несколько ключевых аспектов, которые следует учитывать при применении комплексного подхода.

Во-первых, необходимо проанализировать структуру экономики, оценив различные секторы экономики региона и их вклад в налоговые поступления. Это поможет определить ключевые источники дохода и области с потенциалом роста. Во-вторых, при изучении населения, его структуры и уровня жизни важно учитывать демографические и социальные факторы, поскольку социальные и демографические изменения могут существенно повлиять на налоговые поступления. В-третьих, необходимо

провести оценку инвестиционного климата, проанализировав инвестиционные потоки и их влияние на налоговые поступления. Инвестиции в инфраструктуру и новые предприятия могут помочь увеличить налоговые поступления. В-четвертых, важно провести анализ налоговой политики, оценив текущие налоги и их влияние на бизнес и общественность. Оптимизация налоговой системы может помочь улучшить деловой климат и увеличить налоговые поступления. В-пятых, необходимо разработать прогнозы и модели на основе собранных данных, чтобы оценить возможные сценарии и подготовиться к потенциальным изменениям. Наконец, важно взаимодействовать с бизнесом и обществом, принимая во внимание их мнения и предложения, чтобы формировать более сбалансированную и эффективную налоговую политику. Эти шаги помогут Восточно-Казахстанской области создать более эффективную и справедливую налоговую систему, способствующую экономическому росту и повышению качества жизни населения.

В условиях постоянно меняющейся экономической ситуации внедрение современных подходов к оценке налогового потенциала становится ключевым элементом управления финансовыми ресурсами региона. Это позволит более точно определять источники доходов, принимать обоснованные решения по корректировке налоговых ставок и льгот, оптимизировать бюджетную политику. При адаптации методов следует учитывать специфику региона, его экономическую структуру, демографические и социальные характеристики, а также перспективы инвестиционной деятельности. Кроме того, использование таких методов создаст основу для долгосрочного планирования, что поможет не только стабилизировать налоговые поступления, но и будет способствовать росту предпринимательской активности и привлечению новых инвестиций. Эффективная налоговая политика, основанная на точных прогнозах, станет важным инструментом в достижении устойчивого развития, укреплении экономической базы региона и повышении качества жизни населения Восточно-Казахстанской области.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Исследование подтвердило ключевую роль оценки налогового потенциала в эффективном налоговом планировании и прогнозировании. В условиях нестабильности цен на основные экспортные товары Казахстана точная оценка налогового потенциала становится важным фактором обеспечения сбалансированности государственного бюджета. Правильная оценка помогает выровнять бюджетную обеспеченность, позволяя регионам с низким уровнем налоговой базы получать дополнительные финансовые ресурсы.

Изучение методов оценки налогового потенциала показало, что выбор оптимального подхода зависит от экономических, социальных и институциональных особенностей региона. Среди рассмотренных методов выделяют прямой и косвенный подходы. Прямые методы, такие как расчет налоговой базы на основе репрезентативной налоговой системы, обеспечивают высокую точность прогнозов, но требуют подробных данных о налоговой базе. Косвенные методы, основанные на макроэкономических показателях, позволяют учитывать более широкий спектр экономических факторов.

Практические предложения и рекомендации по оценке налогового потенциала Восточно-Казахстанской области (ВКО) основаны на необходимости внедрения метода, учитывающего динамику макроэкономических показателей и эффективную ставку налогообложения. Применение такого подхода позволит более точно прогнозировать налоговые поступления и обеспечит гибкость в условиях нестабильной экономической конъюнктуры, особенно с учетом колебаний цен на металлы и углеводороды, которые являются важными составляющими экономики региона.

Прежде всего, для повышения точности прогнозов необходимо создать эффективную систему сбора и анализа данных. Рекомендуется регулярно обновлять информацию о состоянии экономики региона, включая показатели промышленного производства, объемы экспорта, инвестиционные потоки и инфляцию. Особое внимание следует уделять макроэкономическим показателям, поскольку их изменения оказывают непосредственное влияние на налоговую базу. Это позволит своевременно корректировать налоговую политику и принимать обоснованные решения в процессе бюджетного планирования.

Вторым важным шагом является разработка экономико-математического моделирования, которое

позволит учесть сложные взаимосвязи между различными экономическими факторами. Восточно-Казахстанская область обладает уникальными ресурсами, и для того, чтобы адекватно оценить налоговый потенциал, необходимо учитывать их влияние на доходы бюджета. Модели должны включать не только текущие данные, но и прогнозы цен на ресурсы, изменения налоговых ставок и других факторов, влияющих на налоговые поступления. Такой подход создаст основу для долгосрочного планирования и снизит риски в случае внезапных изменений в экономике.

Третья рекомендация касается улучшения сотрудничества между государственными органами, бизнесом и обществом. Важным аспектом налогового планирования является получение обратной связи от бизнеса, которая может предложить более эффективные способы формирования налоговой базы, а также указать на препятствия, снижающие налоговые поступления. Внедрение практики обсуждения налоговой политики с представителями бизнеса позволит создать более прозрачную и справедливую систему налогообложения, что, в свою очередь, повысит уровень доверия и увеличит поступления в бюджет.

Также важно постоянно отслеживать налоговую политику и ее влияние на экономику региона. Восточно-Казахстанская область, с ее зависимостью от экспорта сырьевых товаров, нуждается в гибком налоговом регулировании, которое будет учитывать изменения на международных рынках. Регулярный пересмотр налоговых ставок и налоговых условий, основанный на анализе макроэкономической ситуации, позволит свести к минимуму риски снижения доходов и сохранить стабильность бюджета.

Кроме того, следует развивать инвестиционный климат в регионе. Привлечение новых инвесторов поможет диверсифицировать экономику и увеличить налогооблагаемую базу. Для этого необходимо совершенствовать инфраструктуру, создавать благоприятные условия для ведения бизнеса и разрабатывать меры поддержки ключевых отраслей экономики. Это будет способствовать устойчивому экономическому росту и увеличению доходов регионального бюджета.

Таким образом, комплексный подход к оценке налогового потенциала, основанный на использовании макроэкономических показателей и экономико-математического моделирования, позволит Восточно-Казахстанской области не только более точно прогнозировать налоговые поступления, но и эффективно управлять финансовыми ресурсами региона.

Для дальнейшего роста налоговых поступлений как в области, так и по стране в целом рекомендуется:

- диверсификация экономики. Снижение зависимости от сырьевого сектора путем развития обрабатывающей промышленности и сферы услуг.
- поддержка малого и среднего бизнеса. Создание благоприятных условий для предпринимательства, что приведет к расширению налоговой базы.
- инвестиции в инфраструктуру. Улучшение транспортной и социальной инфраструктуры для привлечения инвестиций и стимулирования экономической активности в регионах.

Приведенные меры помогут сбалансировать налоговый потенциал между регионами и обеспечить устойчивое развитие экономики Казахстана.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баснукаев М. Налоговый потенциал региона – основополагающее звено в формировании бюджета // III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и её регионов в современных условиях», посвящённая 50-летию создания экономического факультета. – Грозный, 27–28 мая 2022 г. – С. 141-149. – DOI: 10.36684/62-2022-3-141-149.

2. Закон Республики Казахстан от 28 ноября 2014 года № 257-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам налогообложения» (с изменениями по состоянию на 30.11.2016 г.) [Электронный ресурс] // Юрист [web-сайт]. – 2016. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31635480&pos=1;-16#pos=1;-16 (дата обращения: 25.08.2024 г.).

3. Зотиков Н.З. Налоговый потенциал регионов как основа бюджетной системы // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2024. – № 5(235). – С. 62-74.
4. Приказ и.о. Министра национальной экономики Республики Казахстан от 21 января 2015 года № 34 «Об утверждении Методики прогнозирования поступлений бюджета» [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. – 2015. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500010322> (дата обращения: 25.08.2024 г.).
5. Щербakov К.А. Повышение налогового потенциала региона: пути и механизмы // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2024. – № 4. – С. 93-97. – DOI: 10.47576/2949-1894.2024.4.4.011.
6. Зотиков Н.З. Налоговый потенциал муниципальных образований как основа региональных бюджетов // Вестник университета. – 2024. – № 7. – С. 151-161. – DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-7-151-161>.
7. Phesa M. Tax knowledge and tax behaviour of individual taxpayers in South Africa: A scoping review // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2024. – Vol. 14. – P. 299-316. – DOI: 10.32479/ijefi.16149.
8. Minh Ha N., Phuong Trang T.T., Vuong P.M. Relationship between tax avoidance and institutional ownership over business cost of debt // Cogent Economics & Finance. – 2022. – № 10(1). – DOI: <https://doi.org/10.1080/23322039.2022.2026005>.
9. Орлова В.А. Стратегия управления налоговым потенциалом регионов как фактор обеспечения экономической безопасности // Торговля и рынок. – 2023. – № 4(68). – С. 86-95.
10. Джурахонзода Б.Д., Баротов А.Х. Сравнительный анализ методов определения и оценки налогового потенциала региона // Экономика Таджикистана. – 2023. – № 3. – С. 188-195.
11. Баташев Р.В., Дашаев Х.С., Исраилов К.М. Подходы к определению налогового потенциала // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 11-1(105). – С. 61-65. – DOI: 10.24412/2411-0450-2023-11-1-61-65.
12. Богданов Г. Г. Особенности формирования налогового потенциала Северо-Западного ФО // Вестник евразийской науки. – 2024. – № 3. – С. 12.
13. Фазлиев Т.А., Михайлова Л. В. Налоговый потенциал регионов России // Обществознание и социальная психология. – 2022. – № 12-2(42). – С. 424-428.
14. Казбекова Ж.Б., Калмакова Д.Т. Методы оценки налогового потенциала: преимущества и недостатки // Вестник КазНУ. Серия экономическая. – 2016. – № 2(114). – С. 222-228.
15. Калина О.В., Оскорков Р.В. Налоговый потенциал территорий: теория и методы оценки. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2007. – 213 с.
16. Рощупкина В.В. Совершенствование методики оценки налогового потенциала региона: дисс ... канд. экон. наук. – Ставрополь, 2007. – С. 197.
17. Динамика поступлений налогов и платежей в государственный бюджет [Электронный ресурс] // Портал услуг и сервисов органов государственных доходов КГД МФ Республики Казахстан [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://www.astana.kgd.gov.kz/ru/content/dinamika-postupleniy-nalogov-i-platezhey-v-gosudarstvennyy-byudzhets-1> (дата обращения: 30.12.2024).
18. Национальные счета. Валовой региональный продукт [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [web-сайт]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/> (дата обращения: 30.12.2024).

REFERENCES

1. Basnukaev, M. N. (2022). Nalogovyj potencial regiona – osnovopolagayushchee zveno v formirovanii byudzheta [The Tax Potential of the Region as a Fundamental Element in Budget Formation]. III Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem «Social'no-ekonomicheskie i finansovye aspekty razvitiya Rossijskoj Federacii i eyo regionov v sovremennyh usloviyah», posvyashchennaya 50-letiyu sozdaniya ekonomicheskogo fakul'teta, 141-149. DOI: 10.36684/62-2022-3-141-149. (In Russian).

2. Zakon Respubliki Kazakhstan (2014). Ot 28 noyabrya 2014 goda № 257-V «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam nalogooblozheniya» [On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Taxation Issues] (s izmeneniyami po sostoyaniyu na 30.11.2016 g.). Yurist. Retrieved August 25, 2024, from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31635480&pos=1;-16#pos=1;-16 (In Russian).
3. Zotikov, N.Z. (2024). Nalogovyj potencial regionov kak osnova byudzhetoj sistemy [The Tax Potential of Regions as the Basis of the Budget System]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, (5)235, 62-74. (In Russian).
4. Prikaz i.o. Ministra nacional'noj ekonomiki Respubliki Kazakhstan (2015). Ot 21 yanvarya 2015 goda № 34 «Ob utverzhdenii Metodiki prognozirovaniya postuplenij byudzheta» [On Approval of the Methodology for Budget Revenue Forecasting]. Ədilet. Retrieved August 25, 2024, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500010322> (In Russian).
5. Shcherbakov, K.A. (2024). Povyshenie nalogovogo potenciala regiona: puti i mekhanizmy [Increasing the Tax Potential of the Region: Paths and Mechanisms]. Innovacionnaya ekonomika: informaciya, analitika, prognozy, (4), 93-97. DOI: 10.47576/2949-1894.2024.4.4.011. (In Russian).
6. Zotikova, N.Z. (2024). Nalogovyj potencial municipal'nyh obrazovanij kak osnova regional'nyh byudzhetoj [The Tax Potential of Municipal Entities as the Basis of Regional Budgets]. Vestnik universiteta, (7), 151–161. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-7-151-161> (In Russian).
7. Phesa, M. (2024). Tax Knowledge and Tax Behaviour of Individual Taxpayers in South Africa: A Scoping Review. International Journal of Economics and Financial Issues, 14, 299–316. DOI: 10.32479/ijefi.16149.
8. Minh Ha, N., Phuong Trang, T.T., & Vuong, P.M. (2022). Relationship between Tax Avoidance and Institutional Ownership over Business Cost of Debt. Cogent Economics & Finance, 10(1). DOI: <https://doi.org/10.1080/23322039.2022.2026005>.
9. Orlova, V.A. (2023). Strategiya upravleniya nalogovym potencialom regionov kak faktor obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti [Strategy for Managing the Tax Potential of Regions as a Factor in Ensuring Economic Security]. Torgovlya i rynek, 4(68), 86–95. (In Russian).
10. Dzhrakhonzoda, B.D., & Barotov, A.Kh. (2023). Sravnitel'nyj analiz metodov opredeleniya i ocenki nalogovogo potenciala regiona [Comparative Analysis of Methods for Determining and Assessing the Tax Potential of the Region]. Ekonomika Tadzhikistana, (3), 188–195. (In Russian).
11. Batashov, R.V., Dashaev, Kh.S., & Israilov, K.M. (2023). Podhody k opredeleniyu nalogovogo potenciala [Approaches to Determining Tax Potential]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika, 11-1(105), 61–65. DOI: 10.24412/2411-0450-2023-11-1-61-65. (In Russian).
12. Bogdanov, G.G. (2024). Osobennosti formirovaniya nalogovogo potenciala Severo-Zapadnogo FO [Features of the Formation of the Tax Potential of the Northwest Federal District]. Vestnik evrazijskoj nauki, (3), 12. (In Russian).
13. Fazliev, T.A., & Mikhailova, L.V. (2022). Nalogovyj potencial regionov Rossii [Tax Potential of the Regions of Russia]. Obshchestvoznanie i social'naya psihologiya, 12-2(42), 424–428. (In Russian).
14. Kazbekova, Zh.B., & Kalmakova, D.T. (2016). Metody ocenki nalogovogo potenciala: preimushchestva i nedostatki [Methods for Assessing Tax Potential: Advantages and Disadvantages]. Vestnik KazNU. Seriya ekonomicheskaya, 2(114), 222–228. (In Russian).
15. Kalina, O.V., & Oskorkov, R.V. (2007). Nalogovyj potencial territorij: teoriya i metody ocenki [Tax Potential of Territories: Theory and Methods of Assessment]. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj politekhnicheskij universitet, 213 pp. (In Russian).
16. Roschupkina, V.V. (2007). Sovershenstvovanie metodiki ocenki nalogovogo potenciala regiona [Improving the Methodology for Assessing the Tax Potential of the Region]. (Doctoral dissertation). Stavropol'. 197 pp. (In Russian).
17. Nalogi i platezhi Vostochno-Kazahstanskoj oblasti. (2024). Nalogi i platezhi Vostochno-Kazahstanskoj oblasti [Taxes and Payments of the East Kazakhstan Region]. Byuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskemu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. Retrieved August 23, 2024, from <https://stat.gov.kz/ru/> (In Russian).

18. Nacionalnye scheta. Valovoj regionalnyj produkt. (2024). [National Accounts. Gross Regional Product]. Byuro nacionalnoj statistiki Agentstva po strategicheskemu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. Retrieved August 23, 2024, from <https://stat.gov.kz/ru/> (In Russian).

ANALYSIS OF METHODS FOR ASSESSING THE TAX POTENTIAL OF A REGION (USING THE EXAMPLE OF THE EAST KAZAKHSTAN REGION)

D. K. Baigazinova^{1*}, L. A. Omarbakiev¹, E. M. Turispayev²

¹Turan University, Almaty, Kazakhstan

²KazNU named after al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research. The aim of the research is to identify the primary methodologies for comprehensively assessing the tax potential of a region, using the East Kazakhstan region as an example. This will enable a thorough analysis of the factors influencing the formation of the local budget's revenue component, thereby supporting the sustainable development of the region.

Methodology. A variety of methods were employed during the research: statistical analysis for processing data characterizing the region's tax base and tax revenue dynamics, econometric modeling for forecasting tax potential, and comparative analysis for evaluating different methodologies for assessing tax potential in the region. A literature review of scientific works on the topic was conducted, which allowed for an examination of tax potential assessment issues in various regions of Kazakhstan and abroad, and highlighted the main methodologies used for a comprehensive assessment of the factors influencing the formation of the East Kazakhstan region's budget revenue.

Originality / value. The originality of the research lies in the development and application of an integrated approach to assessing the region's tax potential, which is particularly important for optimizing the tax policy of East Kazakhstan. The study takes into account not only the regional economic characteristics but also the adaptability of advanced tax potential methodologies to East Kazakhstan, which could serve as a foundation for effective management of tax resources within the region.

Findings. The main factors influencing the formation of East Kazakhstan's tax potential were identified, including economic activity, sectoral structure, and demographic indicators. It was established that applying a comprehensive approach to assessing tax potential allows for more accurate revenue forecasting and optimization of the region's tax policy. Practical recommendations were provided for improving the efficiency of utilizing East Kazakhstan's tax potential. The necessity of adapting the most effective tax potential assessment methodologies for forecasting tax revenues and developing tax policies that contribute to the sustainable development of East Kazakhstan was substantiated.

Keywords: tax potential, region, budget, methodology, optimization, tax policy.

**ӨНІРДІҢ САЛЫҚ ӘЛЕУЕТІН БАҒАЛАУ ӘДІСТЕМЕЛЕРІН ТАЛДАУ
(ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫНЫҢ МЫСАЛЫНДА)**

Д. К. Байгазина^{1*}, Л. А. Омарбакиев¹, Е. М. Туриспаев²

¹Туран Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. Шығыс Қазақстан облысының мысалында өңірдің салық әлеуетін жан-жақты бағалауға мүмкіндік беретін негізгі әдістемелерді бөліп көрсету, бұл өңірдің орнықты дамуы үшін жергілікті бюджеттің кіріс бөлігін қалыптастыруға әсер ететін факторларды кешенді талдауды қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

Әдіснамасы. Зерттеу барысында әр түрлі әдістер қолданылды: аймақтың салық базасын және салық түсімдерінің динамикасын сипаттайтын деректерді өңдеу үшін статистикалық талдау, Салық әлеуетін болжау үшін экономикалық-математикалық модельдеу және аймақтағы салық әлеуетін бағалау әдістерін салыстыру үшін салыстырмалы талдау. Зерттеу тақырыбы бойынша ғылыми еңбектерге әдеби шолу жүргізілді, ол Қазақстанның әртүрлі өңірлерінде және шетелдерде салық әлеуетін бағалау мәселелерін зерделеуге, сондай-ақ Шығыс Қазақстан облысы бюджетінің кіріс бөлігін қалыптастыруға әсер ететін факторларды кешенді бағалау үшін пайдаланылатын негізгі әдістемелерді бөліп көрсетуге мүмкіндік берді.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы өңірдің салық әлеуетін бағалауға интеграцияланған тәсілді әзірлеу және қолдану болып табылады, бұл әсіресе Шығыс Қазақстан облысының салық саясатын оңтайландыру үшін маңызды. Зерттеу экономиканың өңірлік ерекшеліктерін ғана емес, сонымен қатар өңір ауқымында салық ресурстарын тиімді басқару үшін негіз бола алатын Шығыс Қазақстан облысына қатысты салықтық әлеуеттің озық әдістемелерін бейімдеу мүмкіндігін де ескереді.

Зерттеу нәтижелері. Экономикалық белсенділікті, салалық құрылымды және демографиялық көрсеткіштерді қоса алғанда, Шығыс Қазақстан облысының салықтық әлеуетін қалыптастыруға әсер ететін негізгі факторлар айқындалды. Салық әлеуетін бағалауға кешенді тәсілді қолдану кірістерді дәлірек болжауға және аймақтың салық саясатын оңтайландыруға мүмкіндік беретіні анықталды. Шығыс Қазақстан облысының салық әлеуетін пайдалану тиімділігін арттыру бойынша практикалық ұсынымдар берілді. Шығыс Қазақстан облысының тұрақты дамуына ықпал ететін салықтық түсімдерді болжау және өңірде салық саясатын әзірлеу үшін салықтық әлеуетті бағалаудың неғұрлым тиімді әдістемелерін бейімдеу қажеттілігі негізделген.

Түйін сөздер: салық әлеуеті, аймақ, бюджет, әдістеме, оңтайландыру, салық саясаты.

ОБ АВТОРАХ

Байгазина Дана Кыдырбековна – PhD докторант, Университет Туран, Алматы, Казахстан, email: 23240934@turana.edu.kz. ORCID ID: 0009-0000-5598- 8640*

Омарбакиев Лутпулла Амурулламович – д.э.н. профессор. Университет Туран, Алматы, Казахстан, e-mail; L.omarbakiyev@turana.edu.kz. ORCID ID: 0000-0002-3474-6244

Туриспаев Ержан Молдагалиевич – DBA докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: eturispayev@mail.ru. ORCID ID: 0009-0005-7175-6766

Central Asian Economic Review №6 (159) 2024

Жазылатын индекс / – 74002

Редакторлары / Редакторы – **А.Ж. Сарсембаева**
Компьютерде беттеген / Компьютерная верстка – **А.Т. Акылова**

Басуға / Подписано к печати 25.12.2024

Пішімі / Формат 70×100¹/₈.

Көлемі б.т./ Объем 33,8 п.л. / Есептік б.т. / Уч-изд. 30,1 п.л. / Шартты б.т./ Усл. 27,2 п.л.

Таралымы / Тираж 300 дана /экз.

«Фортуна полиграф» баспасы» ЖШС / ТОО «Издательство «Фортуна полиграф»
050063, Алматы қаласы, 1-ықшам ауданы, 81-үй / 050063, г. Алматы, 1-микрорайон, д. 81.
akikat_@mail.ru

Тел: + 7 707 463 13 22, +7 701 787 32 92,
+7 771 574 57 05

